Я Сукачевой
17
М-15

ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

П. В. МОКІЕВСКАГО

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА „РУССКОЕ БОГАТСТВО“

1804

Цѣна 1 руб. 50 коп.

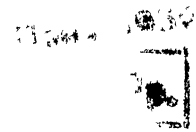
1 50

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
С.-Петербургъ, книжный магазинъ „Новаго Времени“, Невскій, 38

СКЛАДЪ ВЪ КІЕВѢ:
Крещатикъ, магазинъ И. А. Розова.

1В

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1884



БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

1140
31

ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

П. В. МОЌІЕВСКАГО.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ:

К. БИРНБАУМЪ. (Профессоръ химіи въ Карлсруэ). Простѣйшіе методы для распознаванія поддѣлки важнѣйшихъ съѣстныхъ припасовъ.

Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія, врача **П. В. Мокіевскаго.** Цѣна 20 коп.

Е. КАРО. Пессимизмъ въ XIX вѣкѣ (Леопарди.—Шопенгауэръ.—Гартманъ).

Переводъ съ французскаго **П. В. Мокіевскаго.**

Съ приложеніемъ «Бесѣды о пессимизмѣ» въ берлинскомъ философскомъ обществѣ. Переводъ съ нѣмецкаго **Никандра Молчановскаго.** Цѣна 1 руб.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Гл. I. Предварительныя замѣчанія и постановка вопроса . . 1

Гл. II. Современныя ученія о цѣнности жизни 17

Содержаніе гл. II: § 1. Два слова о XVIII вѣкѣ.—§ 2. Леопарди.—§ 3. Шопенгауэръ.—§ 4. Фрауенштедтъ.—§ 5. Юліусъ Банзенъ.—§ 6. Эдуардъ Гартманъ. — § 7. Таубертъ. — § 8. Дюрингъ.—§ 9. Селли.

Гл. III. Балансъ жизни 145

Содержаніе гл. III: § 1. Психологія чувствованій. — § 2. Критика шопенгауэровскаго ученія о цѣнности жизни.—§ 3. Критика гартмановскаго ученія о цѣности жизни.—§ 4. Критика ученія Селли о постоянныхъ источникахъ удовольствія. — § 5. Рациональная схема жизни. — § 6. Цѣнность жизни на современной стадіи человѣческаго развитія.

Гл. IV. Заключеніе 252

Просятъ читателя предварительно исправить слѣдующія важныя опечатки:

Страницы.	*Строки.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
4	11 снизу	Другая причина страха смерти и страданія:	Другая причина страха смерти есть ассоціація смерти и страданія:
9	8 »	отграниченіе	ограниченіе
9	8 »	изслѣдованія отъ изслѣдованій	изслѣдованія сравнительно съ областью изслѣдованія
18	3 »	выродилось	выраждается
52	16 сверху	положенію	изложенію
64	1 снизу	страха,	страха
79	4 сверху	1856	1865
83	1 »	неравномѣрную	не равномѣрную
89	9 снизу	разрѣшаетъ	разрушаетъ
92	2 »	постепеннаго	внезапнаго
95	10 сверху	даже	далеко
101	15 »	многочисленнымъ	многочленнымъ

NB. Во всѣхъ цитатахъ съ нѣмецкаго, гдѣ стоитъ знакъ §, слѣдуетъ читать S.

ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ.

ГЛАВА I.

Предварительныя замѣчанія и постановка вопроса.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что для большинства людей самый вопросъ о цѣнности жизни кажется чѣмъ-то праздным и не нужнымъ. Что жизнь есть благо, что существованіе есть источникъ наслажденія, — это безмолвно признается почти всѣми; повидимому, весь вопросъ заключается только въ томъ, какъ наилучше воспользоваться благомъ жизни, какъ наилучше ее устроить. Можно сказать, что въ большинствѣ случаевъ люди такъ порабощены самымъ фактомъ существованія, что и не пытаются его обсуждать; ихъ умы такъ наполнены стремленіемъ сдѣлать всю жизнь возможно лучшею, что имъ никогда даже не приходитъ въ голову вопросъ: да возможно ли, наконецъ, сдѣлать эту жизнь хорошею? Правда, нерѣдко случается, что человѣкъ, испытавшій великое несчастіе, удрученный горемъ и бѣдствіемъ, такъ сказать, обобщаетъ свое страданіе, утверждая, что міръ худъ,—что здѣсь, на землѣ, счастіе невозможно, и что смерть есть единственное утѣшеніе; но такому случайному, чисто личному пессимизму нельзя придавать особеннаго значенія: быть можетъ, завтра же фортуна улыбнется этому quasi — пессимисту, и онъ со страстнымъ увлеченіемъ кинется въ водоворотъ жизни. Если принять во вниманіе преобладаніе среди людей оптимистическаго

настроенія,—то въ его сознательной формѣ, то въ безсознательной,—подъ вліяніемъ факта существованія, то будетъ понятно, почему на основаніи подобныхъ, чисто патологическихъ случаевъ составилось убѣжденіе, что недовольство жизнію вообще является только какъ результатъ личныхъ неудачъ и болѣзненнаго состоянія духа. Несправедливость подобнаго заключенія очевидна. Правда, вопросъ о цѣнности жизни до такой степени затрогиваетъ всѣ наши существеннѣйшіе интересы; взаимодѣйствіе между нашимъ взглядомъ на жизнь, съ одной стороны, и нашей тѣлесной организаціей и внѣшними обстоятельствами, съ другой,—такъ велико, что всегда слѣдуетъ опасаться, какъ бы въ наше, повидимому, чисто объективное сужденіе о цѣнности жизни не проскользнулъ чисто субъективный элементъ; быть можетъ даже, подобное вполнѣ объективное отношеніе къ предмету невозможно, но и тогда нужно помнить, что личный элементъ входитъ въ оптимистическое міровоззрѣніе отнюдь не менѣе, чѣмъ и въ пессимистическое. Справедливо то, что люди, испытавшіе различныя бѣдствія, перенесшіе много несчастій, пріобрѣтаютъ, въ большинствѣ случаевъ, болѣе или менѣе мрачный взглядъ; это конечно, доказываетъ только то, что ихъ жизнь была несчастна, но не можетъ служить основаніемъ для построенія научнаго пессимистическаго міросозерцанія, но, съ другой стороны, нужно принять во вниманіе и то, что оптимизмъ въ большинствѣ случаевъ присущъ людямъ, болѣе или менѣе лишеннымъ альтруистическихъ чувствъ, людямъ, возводящимъ свое сытое довольство чуть не въ міровой законъ. Какъ извѣстно, всѣ Колупаевы и Разуваевы — оптимисты. Поэтому, при научномъ изслѣдованіи цѣнности жизни необходимо игнорировать этотъ личный элементъ, этотъ пессимизмъ и оптимизмъ настроенія; тогда тотъ безспорный фактъ, что въ сужденіе каждаго человѣка о цѣнности жизни привходитъ элементъ личный, случайный, не будетъ служить доводомъ противъ возможности научнаго изслѣдованія вопроса о цѣнности жизни.

Другой доводъ, который можно выставить противъ полезности изслѣдованія вопроса о цѣнности жизни, это—всеобщая любовь людей къ жизни. Къ чему, можно спросить, заниматься изслѣдованіемъ вопроса, давнымъ давно рѣшеннаго единодушнымъ заяв-

леніемъ всего человѣчества? Къ чему спрашивать, хороша ли жизнь, когда ея сохраненіе есть искреннѣйшее желаніе всякаго человѣка, когда величайшее несчастіе, какое только существуетъ по мнѣнію человѣчества—есть смерть. Нѣтъ такого бѣдствія, такого несчастія, котораго человѣкъ не согласился бы перенести ради спасенія жизни. Самый несчастный человѣкъ любитъ жизнь. Каторжникъ, на вѣки прикованный цѣпью къ стѣнѣ своего подземелья, и тотъ сохраняетъ еще столько любви къ жизни, что не рѣшается добровольно прекратить ее. Для спасенія своей жизни человѣкъ готовъ отдать все: и честь, и свободу, и родныхъ, и друзей!

Съ перваго взгляда такое возраженіе имѣетъ громадную силу. Даже люди, которые не признаютъ такъ называемаго здраваго смысла компетентнымъ въ рѣшеніи научныхъ вопросовъ, даже и они могутъ быть убѣждены подобнымъ доводомъ, исходя изъ такого положенія: чувствованія удовольствія и страданія суть вполнѣ субъективныя явленія; если человѣкъ счастливъ, то было бы безсмысленно доказывать, что онъ долженъ быть несчастнымъ, поэтому, единодушное признаніе всего человѣчества, что смерть есть несчастіе, не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, а потому и самый вопросъ о цѣнности жизни—излишенъ.

Однако, при болѣе глубокомъ изслѣдованіи, мы можемъ замѣтить факты, подкапывающіе мнѣніе о безапелляціонности рѣшенія вопроса о цѣнности жизни непосредственнымъ сознаніемъ человѣчества. Чтобы отвѣтить на вопросъ, могутъ ли общеизвѣстные факты любви къ жизни и страха смерти имѣть рѣшающее значеніе въ вопросѣ о цѣнности жизни, мы должны ознакомиться съ условіями происхожденій этихъ чувствъ, съ ихъ генезисомъ. Очевидно, что вся сила указанія на страхъ смерти, какъ на доводъ въ пользу того, что жизнь хороша, лежитъ въ предположеніи, что человѣкъ сознательно желаетъ жить, ради тѣхъ удовольствій, которыя ему доставляетъ жизнь; другими словами, такое указаніе будетъ имѣть неопровержимую силу только тогда, когда будетъ доказано, что человѣкъ потому боится смерти, что онъ сознательно взвѣсилъ всѣ удовольствія и всѣ страданія, которыя ему доставляетъ жизнь, и послѣ такого взвѣшиванія нашелъ, что

бытіе предпочтительнѣе небытія. Однако, если мы обратимся къ изученію генезиса чувства самосохраненія, то скоро увидимъ, что о такой сознательной оцѣнкѣ не можетъ быть и рѣчи. Мы увидимъ, что самосохраненіе присуще всему живущему. Начиная съ простѣйшихъ одноклѣточныхъ животныхъ и восходя до человѣка включительно, самосохраненіе есть самый могущественный импульсъ къ дѣятельности; но можно ли съ какою либо вѣроятностью предположить, что онъ сознателенъ гдѣ-либо, кромѣ человѣка? Нѣтъ нужды перечислять многочистенные факты, иллюстрирующіе этотъ законъ самосохраненія,—они извѣстны всякому. Взглянемъ, напримѣръ, на паука или мышь, спасающихъ свою жизнь; неужели есть какая-нибудь вѣроятность предположить, что эти существа спасаютъ свою жизнь потому, что она имъ мила, потому что они, послѣ сознательной оцѣнки всѣхъ ея бѣдствій и наслажденій, пришли къ выводу, что бытіе предпочтительнѣе небытія. Нелѣпость такого предположенія очевидна. Въ чемъ же послѣ этого лежитъ причина всеобщаго инстинкта самосохраненія? Великій законъ «естественнаго подбора», открытый Дарвиномъ, даетъ на это вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ. Вполнѣ понятно, что въ той борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ, которая царствуетъ въ нашемъ мірѣ, инстинктъ самосохраненія есть самое необходимое условіе для выживанія; вполнѣ понятно, что существа, не одаренныя этимъ инстинктомъ, были бы немедленно истреблены, и что, cœteris paribus, шансовъ на выживаніе тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе развитъ этотъ инстинктъ. Вотъ причина его всеобщей распространенности. Другая причина страха смерти и страданія: почти всегда смерти предшествуетъ страданіе; если же мы вспомнимъ, что большинство животныхъ погибало и погибаетъ насильственною смертью, т. е., смертью въ большинствѣ случаевъ самою мучительною, то мы поймемъ, какое ужасное чувство должно возбуждаться въ виду опасности смерти. Животное, спасшееся отъ смерти, вырвавшееся изъ когтей и зубовъ врага, можетъ имѣть вполнѣ ясное представленіе о томъ, каково приближеніе смерти. И человѣку, особенно на первой стадіи развитія, приходилось нерѣдко испытывать подобныя же ощущенія; сверхъ того, повтореніе этого опыта онъ ежедневно видѣлъ на

примѣрѣ другихъ людей и животныхъ, такъ что въ прочности подобной ассоціаціи нельзя сомнѣваться. Итакъ, изъ разсмотрѣнія генезиса страха смерти мы видимъ, что тутъ не можетъ быть и рѣчи о сознательномъ взвѣшиваніи относительнаго достоинства бытія и небытія, что онъ не имѣетъ никакой связи съ наслажденіями жизни. Этими соображеніями вполнѣ уничтожается значеніе указанія на всеобщую любовь къ жизни, какъ на неопровержимый доводъ въ пользу ея желательности.

Такимъ образомъ, необходимость научнаго рѣшенія вопроса о цѣнности жизни очевидна. Такъ называемый здравый смыслъ оказался здѣсь столь же ненадежнымъ и безспльнымъ, какъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ, выходящихъ изъ узкой колеи будничныхъ интересовъ.

Но противъ этого вопроса существуютъ предразсудки другаго рода. Извѣстно, что самыя знаменитыя рѣшенія этого вопроса, какъ, напримѣръ, рѣшенія Будды, Шопенгауэра и Лейбница, сдѣланы были на основаніи апріорныхъ теологическихъ и метафизическихъ концепцій міра; поэтому въ сознаніи большинства образованныхъ людей этотъ вопросъ является чѣмъ-то, по самому существу своему, неподлежащимъ научному анализу, чѣмъ-то вполнѣ метафизическимъ. Ничто не можетъ быть ошибочнѣе подобнаго мнѣнія. Уже въ лицѣ Гартмана мы видимъ попытку обосновать ученіе о цѣнности жизни на чисто эмпирическихъ основаніяхъ, какова бы ни была научная цѣнность его ученія о трехъ стадіяхъ иллюзіи, или его анализа этихъ иллюзій и попытки вывести балансъ жизни, всетаки нельзя не признать, что этой частью своего ученія онъ первый сдѣлалъ попытку обосновать пессимизмъ научно. Въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи: «Zur Geschichte und Begründung des Pessimismus» онъ посвящаетъ цѣлую главу вопросу: ist der Pessimismus wissenschaftlich zu begründen? Здѣсь онъ вполнѣ справедливо утверждаетъ, что «пессимизмъ—не метафическая, но чисто психологическая проблема» [1]). Но можно пойти дальше, можно утверждать, что именно современный научный прогрессъ и раз-

[1]) Zur Gesch. und Begrund. d. Pess. von E. v. Hartmann, s. 67.

витіе новаго міровоззрѣнія обусловливаютъ необходимость строгаго и серьезнаго анализа вопроса о цѣнности жизни. Пока господствовало то наивное убѣжденіе, что человѣкъ есть центръ всего міра, что животныя, растенія, однимъ словомъ, все создано для пользы и удобства человѣка, пока господствовало убѣжденіе, что жизнь и благополучіе человѣка обезпечены приблизительно такъ, какъ обезпеченъ ребенокъ на лонѣ матери, до тѣхъ поръ, собственно говоря, вопросъ о цѣнности жизни не могъ быть серьезно обсуждаемъ; до тѣхъ поръ могли подыматься только вопросы, въ родѣ такихъ: какъ устроить жизнь, чтобы она была счастливою? какой способъ разумнѣйшаго пользованія дарами природы? что нужно дѣлать и чего не дѣлать, чтобы не потерять ея милостей? и т. п. Но самый вопросъ о томъ, возможно ли для человѣка счастіе, являлся нелѣпымъ. Гораздо благосклоннѣе къ этому вопросу должны были относиться метафизики, но и здѣсь, по самому существу дѣла, нельзя было ожидать особенно благопріятныхъ условій для его рѣшенія. Такое или иное его рѣшеніе было только простымъ постулатомъ апріорно-построенной системы. Лейбницу, напр., не было надобности спеціально изслѣдовать вопросъ о цѣнности жизни: его рѣшеніе логически вытекало изъ основной его концепціи міра. Куно Фишеръ [1]) слѣдующимъ образомъ излагаетъ это ученіе Лейбница: «Міръ содержитъ причину своего существованія не въ себѣ самомъ: поэтому его существованіе случайно, слѣдовательно, возможны и другіе міры; слѣдовательно, дѣйствительный міръ создан**ъ** вслѣдствіе выбора. Этотъ выборъ, это созданіе міра должно имѣть достаточное основаніе: поэтому дѣйствительный міръ есть наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ». Конечно, можно вполнѣ справедливо возразить, что рѣшеніе вопроса о цѣнности жизни необходимо должно основываться на общихъ философскихъ воззрѣніяхъ. И было бы крайне странно требовать, чтобы оно предпринималось независимо отъ общей философской концепціи міра. Но мы и не думаемъ предъявлять подобныхъ неразумныхъ требованій, а только указываемъ на тотъ фактъ, что въ метафизическихъ системахъ рѣ-

[1]) Куно Фишеръ. Исторія новой философіи, т. II, стр. 406, рус. пер.

шеніе вопроса о цѣнности жизни не было и не могло быть слѣдствіемъ анализа дѣйствительныхъ условій жизни, а было только простымъ постулятомъ основнаго метафизическаго положенія. Выше мы видѣли, какимъ образомъ Лейбницъ пришелъ къ выводу, что нашъ міръ есть лучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ; теперь для большаго доказательства справедливости нашего утвержденія, покажемъ, какимъ образомъ рѣшилъ вопросъ о цѣнности жизни Шопенгауэръ, пришедшій, какъ извѣстно, къ совершенно противуположному выводу, а именно къ тому, что нашъ міръ—худшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Міръ, по ученію Шопенгауэра, есть воля; воля есть страданіе; изъ этого необходимъ выводъ, что міръ есть страданіе. Такимъ образомъ, мы видимъ, что метафизическія системы болѣе или менѣе непосредственно рѣшали вопросъ о цѣнности жизни, и въ большинствѣ системъ колебанія въ этомъ вопросѣ едва ли возможны.

Не такъ просты условія для научнаго рѣшенія нашего вопроса. Разъ доказано, что человѣкъ не есть центръ міра, что природѣ нѣтъ никакого дѣла до нашего счастія и несчастія, что мы подчинены тѣмъ же самымъ законамъ, какъ и остальной міръ, то вопросъ о цѣнности жизни возникаетъ самъ собою; но его рѣшеніе въ наше время гораздо труднѣе, чѣмъ это было прежде, ибо, не говоря уже о наивныхъ антропоцентрическихъ воззрѣніяхъ, даже метафизики имѣли дѣло съ сравнительно гораздо болѣе простою задачею: въ ихъ системахъ человѣкъ занималъ не то мѣсто, которое отведено ему современной наукой. Въ настоящее время науки, имѣющія своимъ объектомъ человѣка, разсматриваются какъ самыя сложныя, какъ такія, которыя должны быть основаны на выводахъ, полученныхъ чрезъ изученіе остальнаго міра. Какимъ же образомъ долженъ быть поставленъ вопросъ о цѣнности жизни?

Представимъ себѣ человѣка, какъ субъекта между объектами, кинутаго въ міръ съ его безконечно-разнообразными явленіями, которыя всѣ прямо или косвенно вліяютъ на его судьбу. Сейчасъ же рождается вопросъ: какъ вліяютъ на человѣка всѣ эти явленія, каковы будутъ ихъ отношенія къ человѣку, если выразить эти отношенія въ терминахъ чувствованій?

Но жизнь нельзя разсматривать какъ нѣчто неподвижное, всегда самому себѣ равное; жизнь течетъ, человѣкъ, пока живетъ, измѣняется, мало того, если принять во вниманіе жизнь не единичнаго человѣка, а жизнь людей вообще, жизнь всего человѣчества, то мы увидимъ, что измѣненія, претерпѣваемыя человѣчествомъ, безконечно разнообразнѣе измѣненій, претерпѣваемыхъ индивидомъ; несходство между отдѣльными поколѣніями безъ всякаго сравненія превосходитъ то несходство, которое представляетъ индивидъ въ различные періоды своей жизни. И такъ, пока человѣкъ живетъ, пока родъ человѣческій существуетъ—они измѣняются, а если такъ, то, слѣдовательно, и отношеніе ихъ къ внѣшнему м!ру не можетъ оставаться то же самое; слѣдовательно, мы имѣемъ измѣненія двоякаго рода: во первыхъ, измѣненія внутреннія, измѣненія самаго человѣка, во вторыхъ, измѣненія внѣшнія, измѣненія отношеній человѣка къ внѣшнему міру. Слѣдовательно, постановка вопроса въ той формѣ, въ которой мы сдѣлали выше, не можетъ быть удержана; нашу формулу нужно преобразить такимъ образомъ, чтобы она могла вмѣстить въ себѣ понятія объ измѣненіи человѣка и его отношеній къ міру. Поэтому мы поставимъ нашъ вопросъ въ слѣдующей формѣ: какъ выразится въ терминахъ чувствованій отношеніе человѣка къ міру и какъ измѣняется это отношеніе? Такимъ образомъ, вопросъ о цѣнности жизни имѣетъ два отдѣла: статическій и динамическій; мы можемъ изслѣдовать или вопросъ о томъ, какова цѣнность жизни въ данный моментъ; есть ли въ данный моментъ жизнь благо или зло; или же мы можемъ заняться вопросомъ о томъ, увеличивается или уменьшается цѣнность жизни съ ходомъ исторіи? Очевидно, что если бы мы пришли къ выводу, что жизнь въ данный моментъ есть зло, но что ея цѣнность постепенно повышается, то родился бы вопросъ, можетъ ли это повышеніе цѣнности дойти когда либо до такихъ размѣровъ, что жизнь изъ зла сдѣлается благомъ?

Читатель видитъ, что мы ставимъ только такой вопросъ: даетъ ли человѣческая жизнь излишекъ страданія или наслажденія, и можетъ ли излишекъ наслажденія быть намъ гарантированъ, по крайней мѣрѣ, хоть въ будущемъ человѣчества? Обык-

новенно людей, видящихъ въ жизни перевѣсъ страданія надъ наслажденіемъ, называютъ пессимистами, а тѣхъ, которые полагаютъ, что жизнь доставляетъ намъ большую сумму наслажденій, чѣмъ страданій, зовутъ оптимистами. Въ виду общераспространенности этихъ выраженій, мы будемъ ими пользоваться, хотя непригодность ихъ признается теперь почти всѣми. Мы видѣли, что Лейбницъ считалъ нашъ міръ лучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, а Шопенгауэръ—худшимъ изъ всѣхъ возможныхъ; для такихъ ученій слова «оптимизмъ» и «пессимизмъ» были вполнѣ пригодны, но теперь эти выраженія утратили смыслъ; теперь, въ большинствѣ случаевъ, стараются только рѣшить вопросъ, хорошъ или дуренъ нашъ міръ, а не то, есть ли онъ лучшій или худшій изъ всѣхъ возможныхъ. Одинъ изъ современныхъ пессимистовъ Таубертъ [1]) слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ задачу пессимизма: «слѣдуетъ ли бытіе міра предпочесть его небытію, или, наоборотъ, небытіе—бытію». Было предложено замѣнить выраженія «пессимизмъ» и «оптимизмъ» другими: Таубертъ признаетъ [2]), что слово «пессимизмъ» удобнѣе было бы замѣнить словами: «мализмъ», какъ предлагаетъ Кнауеръ, или «мизерабилизмъ», какъ предлагаетъ Гаймъ; что касается слова «оптимизмъ», то вмѣсто него предложено извѣстною писательницею Джорджемъ Эліотомъ, а вслѣдъ за нею и Сёлли [3]), слово «меліоризмъ». Впрочемъ, какъ Таубертъ, такъ и Сёлли не отказываются отъ употребленія словъ «пессимизмъ» и «оптимизмъ» въ виду тѣхъ же соображеній, которыми и мы руководились. Итакъ, первое ограниченіе области нашего изслѣдованія отъ изслѣдованій нѣкоторыхъ другихъ писателей будетъ то, что мы не станемъ задаваться вопросомъ, возможны ли міры лучшіе и худшіе нашего, ибо мы не знаемъ условій, подъ которыми возможны эти иные міры; да, кромѣ того, находимъ подобное изслѣдованіе вполнѣ безполезнымъ. Другимъ ограниченіемъ будетъ то, что мы займемся только человѣческою жизнію; обыкновенно писатели разсуждаютъ о цѣнности міра, а не о цѣнности жизни, хотя, конечно, главнымъ образомъ

[1]) A. Taubert, Der Pessimismus und seine Gegner. S. 23.
[2]) l. c. S. 10.
[3]) J. Sully. Pessimism a history and a criticism, p. 399.

всегда имѣется въ виду жизнь, и именно человѣческая жизнь; мы видѣли, напр., что Тауберъ ставитъ вопросъ о предпочтительности бытія или небытія міра, но во всемъ своемъ сочиненіи онъ главнымъ образомъ трактуетъ о человѣческой жизни.

Теперь обратимся къ вопросу, на основаніи какихъ данныхъ мы будемъ рѣшать нашу проблему; помощью какихъ наукъ мы будемъ пользоваться. Отвѣтъ очевиденъ. Мы будемъ имѣть дѣло съ чувствованіями, будемъ разсматривать ихъ съ качественной и количественной стороны, слѣдовательно, психологія будетъ первою наукою, истинами которой мы будемъ пользоваться.

Но одной психологіи недостаточно: второю вспомогательною наукою должна быть соціологія; необходимость ея помощи становится очевидною не только вслѣдствіе того, что мы будемъ разсматривать не отдѣльнаго только индивида, а все человѣчество, но и вслѣдствіе того глубокаго и мощнаго вліянія, которое оказываютъ соціальныя явленія на психическую жизнь отдѣльнаго человѣка. При рѣшеніи нашего вопроса, психологія и соціологія займутъ приблизительно то мѣсто, которое въ политической экономіи занимаютъ ученія о производствѣ и распредѣленіи; какъ тамъ, такъ и здѣсь оба фактора находятся въ самой тѣсной зависимости другъ отъ друга. Старая классическая школа экономистовъ, какъ извѣстно, не понимала этого взаимодѣйствія, еще Милль утверждалъ [1]), что «законы и условія производства» не зависятъ отъ нашей воли, а «принципы распредѣленія» могутъ быть измѣнены по произволу. Современные экономисты считаютъ подобное мнѣніе ошибочнымъ; теперь доказаны та тѣсная связь, то глубокое вліяніе, которыя оказываютъ другъ на друга способы производства и распредѣленія цѣнностей; теперь доказано, что извѣстному способу распредѣленія соотвѣтствуетъ извѣстный способъ производства, и что измѣненіе одного обусловливаетъ измѣненіе другаго. Подобное же явленіе замѣтимъ и въ нашемъ случаѣ; данная форма соціальныхъ отношеній не только опредѣляетъ способъ распредѣленія жизненныхъ благъ, но и обусловливаетъ возможность ихъ появленія и степень ихъ развитія. Возьмемъ примѣръ:

---

[1]) Д. С. Милль. Основанія политической экономіи, рус. пер. т. I, стр. 245—6

если мы захотимъ, положимъ, опредѣлить значеніе эстетическихъ наслажденій въ жизни человѣка, то недостаточно будетъ рѣшить вопросъ объ ихъ значеніи для отдѣльнаго человѣка, или даже для всего общества, взятаго въ данный моментъ, но нужно еще рѣшить, какую роль будутъ они играть въ будущемъ, увеличиваются или уменьшаются съ процессомъ исторіи эстетическое развитіе человѣка и возможность удовлетворенія эстетическаго чувства. Рѣшеніе этого послѣдняго вопроса, вопроса о будущности эстетическаго наслажденія, значительно важнѣе рѣшенія вопроса о его настоящемъ значеніи. Развѣ не является дѣломъ первой важности опредѣлить, должны ли мы думать, что «для будущаго человѣчества въ его зрѣломъ возрастѣ искусство будетъ играть роль водевиля, который слушаетъ въ вечернемъ спектаклѣ берлинскій биржевикъ» [1]); или же, «мы вправѣ предположить, что нашимъ отдаленнымъ потомкамъ откроются такія новыя и богатыя области эстетическаго наслажденія, о которыхъ теперь мы столь же мало можемъ составить себѣ хотя бы только приблизительное понятіе, какъ мало въ состояніи, напримѣръ, обезьяна понять возвышенное чувство, волнующее человѣка предъ великимъ созданіемъ художника» [2]). Между тѣмъ, всѣмъ извѣстно, какое вліяніе имѣютъ различныя явленія соціальной жизни на развитіе и процвѣтаніе искусства; извѣстно, что бываютъ моменты въ жизни обществъ, когда созданіе великихъ произведеній искусства почти невозможно, когда искусство мельчаетъ и глохнетъ; другіе періоды, напротивъ, характеризуются самымъ пышнымъ развитіемъ искусства: какъ изъ земли выростаютъ творцы одинъ другаго выше, произведенія одно совершеннѣе другаго. Съ другой стороны, соціальными условіями опредѣляется самый кругъ почитателей искусства; онъ бываетъ то шире, то уже; доступность художественныхъ произведеній для массы бываетъ то больше, то меньше; сравните, напримѣръ, доступность искусства для древняго грека и для современнаго европейца, особенно если этотъ послѣдній не живетъ въ большомъ городѣ, имѣющемъ музеи и т. п. Отъ подоб-

---

[1]) Э. Гартманъ. Философія Безсознательнаго, т 2, стр. 352 рус. пер

[2]) Вл. Вельмовичъ. Психо-физіологическія основанія эстетики, стр. 64.

ныхъ условій зависитъ весь вопросъ о большемъ или меньшемъ эстетическомъ развитіи общества, а, слѣдовательно, о большей или меньшей массѣ эстетическаго наслажденія, имѣющейся въ данный моментъ въ данномъ обществѣ. «Вліяніе искусства на народъ, говоритъ Льюисъ [1]), сказывается въ томъ поразительномъ фактѣ, что Греція и Римъ всегда умѣли безошибочно цѣнить истинно великихъ художниковъ,—тамъ посредственность умѣющая поддѣлаться подъ вкусъ немногихъ или подъ минутный, переходящій вкусъ толпы, не становилась поперегъ дороги истинно великимъ дарованіямъ. Никому иному, а юному Фидію поручили аѳиняне создать Парѳенонъ и аѳинскую Палладу. Если бы Фидій былъ англичанинъ, поручило ли бы ему англійское правительство Веллингтонову статую или парламентское зданіе? Великіе художники Греціи и Италіи, наиболѣе чтимые своими современниками, остались самыми великими въ глазахъ потомства. Безошибоченъ приговоръ публики, когда эта публика есть интеллигенція цѣлаго народа».

Третьею вспомогательною наукою будетъ намъ служить наука о нравственности—этика, наука, столь тѣсно связанная съ двумя предъидущими и съ вопросомъ о счастіи, что о необходимости ея помощи мы не будемъ и распространяться.

Итакъ, для рѣшенія нашего вопроса мы будемъ пользоваться главнымъ образомъ истинами, выработанными психологіей, соціологіей и этикой. Но здѣсь передъ нами является затрудненіе особаго рода: психологія, соціологія и этика принадлежатъ къ самымъ отсталымъ наукамъ; о самыхъ основныхъ вопросахъ въ ихъ области еще идетъ споръ; существуетъ много теорій, рѣшающихъ каждая по своему эти вопросы. Очевидно, что отъ принятія нами такой или иной теоріи будетъ зависить такое или иное рѣшеніе вопроса о цѣнности жизни. Что же намъ нужно сдѣлать, чтобы наши выводы имѣли твердыя основанія, чтобы они были убѣдительны въ глазахъ читателя? Съ перваго взгляда покажется, что для этого необходимо доказать истинность нашей точки зрѣнія; доказать, что ученія, которыя мы кладемъ въ основу рѣшенія на-

[1]) Льюисъ. Жизнь Гете, пер. Невѣдомскаго, т. I, стр 275.

шего вопроса—истинны, а остальныя ложны. Такъ, говоримъ мы, покажется съ перваго взгляда; но при ближайшемъ разсмотрѣніи непрактичность подобнаго требованія сдѣлается очевидною. Ученіе о цѣнности жизни можетъ быть основано только на рѣшеніи огромнаго числа теоретическихъ вопросовъ; почти нѣтъ ни одного отдѣла въ обширныхъ областяхъ психологіи, соціологіи и этики, который могъ бы быть оставленъ безъ вниманія при рѣшеніи нашей задачи.

Укажемъ, напримѣръ, на три вопроса, рѣшеніе которыхъ должно быть положено въ основаніе ученія о цѣнности жизни, и важность которыхъ такъ велика, что разногласіе въ ихъ рѣшеніи должно привести къ совершенно различнымъ взглядамъ на цѣнность жизни. Это—слѣдующіе вопросы: 1) Происхожденіе чувствованій. Есть ли удовольствіе и страданіе только удовлетворенная и неудовлетворенная воля, какъ это, напр., утверждаетъ Шопенгауэръ, или же чувствованія занимаютъ вполнѣ независимое отъ воли положеніе? 2) Взглядъ на прогрессъ. Какова формула прогресса? Каково отношеніе прогресса къ счастію и несчастію людей? и т. п. 3) Имѣемъ ли мы право судить о цѣнности жизни съ утилитарной точки зрѣнія, или же мы должны принять другой критерій?

Разсмотримъ для примѣра послѣдній вопросъ. Многіе критики упрекали Гартмана за то, что онъ судитъ о цѣнности жизни исключительно съ утилитарной точки зрѣнія; такъ, напр., профессоръ Каро говоритъ [1]): «Черезъ весь анализъ Гартмана проходитъ основная ошибка въ пониманіи значенія и смысла жизни. Если цѣль существованія—полученіе наибольшей суммы наслажденія, то возможно, и даже вѣроятно, что существованіе есть несчастіе. Но если правъ Кантъ, утверждая, что весь міръ имѣетъ одно только объясненіе, одну цѣль—совершеніе нравственнаго... тогда точка зрѣнія вполнѣ измѣняется, ибо тогда самое страданіе есть только средство, имѣющее свою полезность». Такимъ образомъ мы видимъ, что, съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ Каро, самое изслѣдованіе о томъ, существуетъ ли избытокъ счастія или

[1]) Е. Каро. Пессимизмъ въ XIX вѣкѣ, рус. пер. стр. 169—70.

несчастія въ жизни человѣка, не можетъ имѣть значенія. Такихъ разнорѣчивыхъ мнѣній бездна, не только по тѣмъ тремъ вопросамъ, которые мы привели выше, но и по другимъ, имѣющимъ огромное значеніе для ученія о цѣнности жизни. Въ большинствѣ случаевъ частныя противорѣчія коренятся въ болѣе общихъ разногласіяхъ.

Что же должны были бы сдѣлать мы, если бы захотѣли доказать, что всѣ ученія, которыя мы кладемъ въ основу нашего сужденія о цѣнности жизни,—справедливы? Очевидно, мы должны бы были самымъ серьезнымъ образомъ разсмотрѣть всѣ вопросы этики, соціологіи и психологіи; вступить въ безконечную полемику съ людьми, держащимися противоположныхъ взглядовъ, идти въ нашихъ изслѣдованіяхъ все дальше и дальше и разсмотрѣть безсчетное число разнообразнѣйшихъ вопросовъ. Однимъ словомъ, намъ пришлось бы превратить наше изслѣдованіе о цѣнности жизни въ цѣлую энциклопедію, въ которой нашъ основной вопросъ потонулъ бы, какъ капля въ морѣ. Но есть еще другой способъ выйти изъ затрудненія, способъ, которымъ, къ сожалѣнію, вообще пользуются писатели, занимающіеся изслѣдованіемъ о цѣнности жизни. Этотъ способъ заключается въ приведеніи давно извѣстныхъ доказательствъ, въ испещреніи страницъ старыми аргументами. Объяснимъ свою мысль.

Положимъ, мы приступаемъ къ рѣшенію вопроса объ истинности или ложности утилитарной этики. Этотъ вопросъ поднятъ давнымъ давно, множество сочиненій высказалось за и противъ, аргументы защитниковъ и противниковъ во многихъ случаяхъ просто истаскались. Теперь намъ ничего не стоитъ, пользуясь двумя, тремя лучшими сочиненіями, съ величайшею важностью и съ видомъ необыкновеннаго научнаго глубокомыслія громить старыя возраженія своихъ противниковъ не менѣе старыми доводами; читатель неопытный, незнакомый съ литературой вопроса, быть можетъ, останется очень доволенъ; быть можетъ, онъ подумаетъ, что мы совершенно уничтожили противниковъ, что мы вполнѣ рѣшили вопросъ; но читателю болѣе свѣдущему сдѣлается невыносимо скучно. Къ чему, скажетъ онъ, приводить тѣ аргументы, которые давно уже извѣстны, на которые ваши противники въ свое

время дали возраженія; если эти доводы, разъ приведенные, не убѣдили противную сторону, то какую пользу можетъ принести ихъ повтореніе, и повтореніе, конечно, въ болѣе слабомъ видѣ, ибо первоначально они были приведены въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ; развѣ вы не понимаете, что корень разногласія лежитъ гдѣ нибудь глубже, что взгляды вашихъ противниковъ такъ же строго гармонируютъ съ общимъ ихъ міросозерцаніемъ, какъ ваши съ вашимъ. Многое еще другое можетъ возразить этотъ болѣе свѣдущій читатель. И онъ будетъ вполнѣ правъ. Возьмите, напр., сочиненіе защитника пессимизма Тауберта: «Der pessimismus und seine Gegner», возьмите сочиненіе противника пессимизма, Селли: «Pessimism a history and a criticism», и вы найдете въ нихъ цѣлую бездну совершенно ненужныхъ мѣстъ, уничтоженіе которыхъ сократило бы обѣ книги почти на половину, къ величайшему благополучію читателей.

Мы отказываемся отъ обоихъ способовъ доказательства справедливости тѣхъ психологическихъ, этическихъ и т. п. ученій, которыя мы положимъ въ основаніе нашего изслѣдованія; мы поступаемъ такъ потому, что находимъ одинъ способъ совершенно невозможнымъ, другой же—безполезнымъ. Но, все таки, возразитъ читатель, не захотите же вы разыгрывать роль пиѳіи и изрекать непонятныя, бездоказательныя истины? Конечно, нѣтъ; но мы употребимъ слѣдующій простой способъ: укажемъ прямо на тѣ ученія, на основаніи которыхъ мы будемъ разсматривать нашу проблему, а за доказательствами справедливости этихъ ученій отошлемъ къ лучшимъ сочиненіямъ по этому вопросу, будучи вполнѣ увѣрены, что тамъ читатель найдетъ болѣе полныя и болѣе основательныя доказательства, чѣмъ тѣ, которыя мы могли бы здѣсь представить. Такъ, мы будемъ розсматривать вопросъ о цѣнности жизни съ утилитарной точки зрѣнія,но отнюдь не станемъ полемизировать съ противниками утилитаризма, а прямо укажемъ читателю, что на русскій языкъ переведены такія вещи, какъ: Сочиненія Бентама, «Утилитаріанизмъ» Милля и «Основанія науки о нравственности» Спенсера. Въ психологическихъ вопросахъ мы примкнемъ къ англійской школѣ, и укажемъ на то, что на русскомъ языкѣ существуютъ переводы «Психологіи» Бэна и «Осно-

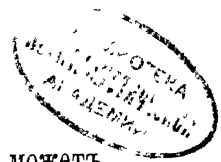
ваній психологіи» Г. Спенсера. Обстоятельный историческій обзоръ ученій о чувствованіяхъ, читатель можетъ найти въ обширной монографіи русскаго ученаго Н. Я. Грота «Психологія чувствованій».

Понятно, что подобное заявленіе отнюдь не равнозначно отказу отъ всякихъ критическихъ замѣчаній; напротивъ, мы будемъ дѣлать возраженія, но только тогда, когда намъ представится случай основательно разобрать какой нибудь частный вопросъ, или же когда своими возраженіями противнику мы будемъ имѣть возможность яснѣе оттѣнить какую нибудь собственную мысль.

Что же теперь скажемъ мы о соціологіи? Въ психологіи и этикѣ мы могли указать на сочиненія, выводы которыхъ принимаемъ, но можемъ ли мы тоже самое сдѣлать и въ соціологіи? Нѣтъ. Хотя психологія еще весьма не установившаяся наука, но она, все таки, значительно обогнала соціологію, которая, собственно говоря, еще—наука будущаго.

Но мы можемъ указать на одно явленіе, которое признается значительнымъ числомъ ученыхъ и которое имѣетъ для нашего вопроса первенствующее значеніе. Мы говоримъ о повышеніи уровня умственнаго развитія.

Всѣ выдающіеся соціологи нашего времени признаютъ это явленіе; мало того, нѣкоторые почти отожествляютъ его съ прогрессомъ. Собственно говоря, серьезныхъ разногласій по этому вопросу нѣтъ, а не рѣшенъ только другой вопросъ: на чью долю выпадаетъ умственное развитіе? Кто будетъ носителемъ этого высшаго интеллекта? Будетъ ли это какое нибудь одно существо, какъ это думаетъ Ренанъ; будетъ ли это извѣстный классъ, немногіе, какъ утверждаетъ Дрэперъ; или, наконецъ, это будетъ все человѣчество—всѣ. Мы примемъ это послѣднее предположеніе, ибо оно одно только оправдывается, по нашему мнѣнію, ходомъ исторіи, оно одно не носитъ въ себѣ самомъ противорѣчія. Пусть не смущается, однако, читатель этою слабою стороною нашего изслѣдованія: недостаточною доказанностью нашихъ соціальныхъ воззрѣній. Какъ въ математикѣ, выведши какую нибудь общую формулу, мы можемъ придавать затѣмъ x различныя частныя значенія (не исключая и случая $x=o$), такъ и здѣсь читатель,



который не согласенъ съ нашимъ взглядомъ на прогрессъ, можетъ, тѣмъ не менѣе, принять наше рѣшеніе вопроса, только подставивъ вмѣсто принимаемой нами величины развитія интеллекта—свою величину.

Мы вполнѣ представляемъ себѣ то неудовольствіе, которое готовъ высказать, быть можетъ, читатель. Зачѣмъ, скажетъ онъ, предпринимать рѣшеніе вопроса, когда напередъ извѣстно, что его нельзя вполнѣ рѣшить, когда для этого недостаетъ многихъ данныхъ? Мы согласны, что при современномъ состояніи наукъ невозможно рѣшить въ окончательной формѣ нашъ вопросъ; но много ли есть теперь вопросовъ, которые рѣшены окончательно? Вопросъ о цѣнности жизни слишкомъ близокъ людямъ, это одинъ изъ тѣхъ «проклятыхъ вопросовъ», которыхъ нельзя заставить замолчать, которые всякій мыслящій человѣкъ такъ или иначе рѣшаетъ.

Такое или иное воззрѣніе на достоинство жизни вообще и отдѣльныхъ ея элементовъ въ частности не только приноситъ внутреннее удовлетвореніе, отвѣчая на важнѣйшій изъ всѣхъ вопросовъ, но и служитъ основою для всей нашей дѣятельности, опредѣляетъ наши желанія, стремленія, надежды. Оно можетъ и должно служить послѣднимъ оправданіемъ не только нашихъ личныхъ стремленій, но и нашихъ политическихъ и соціальныхъ убѣжденій.

ГЛАВА II.

Современныя ученія о цѣнности жизни.

Содержаніе главы второй. § 1—Два слова о XVIII вѣкѣ. § 2—Леопарди. § 3.—Шопенгауэръ. § 4—Фрауенштедтъ § 5—Юліусъ Банзенъ. § 6 — Эдуардъ Гартманъ. § 7—Тауберть. § 8—Дюрингъ. § 9—Селли.

§ 1. «Пессимистическія и оптимистическія настроенія и воззрѣнія то отдѣльныхъ лицъ, то цѣлыхъ классовъ и народовъ также древни, какъ и мыслящее человѣчество, какъ и культурное развитіе», справедливо говоритъ д-ръ Фредерихсъ [1]). Было бы въ вы-

[1]) Eine Discussion uber den Pessimismus, § 43, въ Verhandlungen der philosophischen Geseelschaft su Berlin, 15 Heft.

сокой степени интересно сдѣлать подробный историческій обзоръ различныхъ рѣшеній нашего вопроса, прослѣдить то взаимодѣйствіе, которое существуетъ между различными формами общественнаго устройства и взглядами на цѣнность жизни; но цѣль этого изслѣдованія не историческая, поэтому мы пройдемъ молчаніемъ различные взгляды на цѣнность жизни, господствовавшіе на Востокѣ и въ Европѣ до XVIII в.; скажемъ только нѣсколько словъ о XVIII в., а затѣмъ приступимъ къ болѣе подробному изложенію современныхъ ученій. Полнаго и систематическаго изложенія исторіи различныхъ ученій о цѣнности жизни нѣтъ, но, если бы читатель захотѣлъ насколько возможно ознакомиться съ исторіей нашего вопроса, то ему можно было бы рекомендовать довольно основательное изслѣдованіе Селли, о которомъ мы уже не разъ упоминали; читателю, незнакомому съ иностранными языками, можно указать на недавно переведенное на русскій языкъ сочиненіе Каро «Пессимизмъ въ XIX вѣкѣ». При сравненіи литературы прошлаго столѣтія съ современною, едва ли не самымъ рѣзкимъ различіемъ является то, которое мы замѣчаемъ между оптимистическимъ настроеніемъ XVIII вѣка и сравнительно гораздо болѣе мрачными ученіями XIX в. Не принимая даже въ разсчетъ крайняго оптимизма философіи Лейбница, философіи, господствовавшей въ Германіи вплоть до появленія Канта, мы можемъ указать на оптимизмъ важнѣйшихъ философскихъ и научныхъ теорій XVIII в. Въ этомъ вѣкѣ мы видимъ провозглашеніе «естественныхъ правъ» человѣка и признаніе естественнаго состоянія наилучшимъ. «Tout est bien, sortant des mains de l'Auteur des choses». (т. е. выходя изъ рукъ Творца, все хорошо). Такими словами начинаетъ Руссо своего Эмиля [1]). Какъ извѣстно, Руссо прославлялъ блаженство первобытнаго состоянія общества, а на вопросъ отчего же теперь худо, не задумываясь, отвѣчалъ: [2]) «tout dégénère entre les mains de l'homme». (т. е. «все выродилось въ рукахъ человѣка»). Поэтому рѣшеніе было просто: нужно разрушить всѣ тѣ искусственныя преграды къ счастію, которыя создалъ чело-

---

[1]) I. I. Rousseau. Emile ou de l'éducation. Paris. 1874. p. 5.
[2]) L. c. p. 5.

вѣкъ самъ себѣ, нужно соединиться съ природою. Въ природѣ нѣтъ никакого препятствія къ достиженію счастья, и если человѣкъ несчастливъ, то виноватъ онъ самъ тѣмъ, что удалился отъ природы. Такимъ же оптимизмомъ былъ зараженъ и другой великій писатель XVIII вѣка Адамъ Смитъ; въ основу всего своего экономическаго ученія Смитъ положилъ гипотезу о совпаденіи личныхъ интересовъ съ общественными. Для Смита борьба, конкурренція казалась не тѣмъ, чѣмъ она кажется намъ, не страшною борьбою за существованіе, въ которой каждый стремится утвердить свое собственное бытіе на счетъ счастья и жизни другихъ, нѣтъ, для Смита конкурренція казалась лучшимъ способомъ къ осуществленію счастія, лучшею экономическою политикой: въ безгранично свободной конкурренціи каждый, преслѣдуя свои собственныя цѣли, тѣмъ самымъ споспѣшествуетъ общему благу.

Можно было бы привести еще много примѣровъ между первостепенными и второстепенными мыслителями и тогда мы увидѣли бы насколько распространено было въ XVIII в. это оптимистическое міровоззрѣніе подъ различными его формами. Можно сказать, что всѣ ученія XVIII в. сливались въ общій оптимистическій концертъ, въ которомъ лишь изрѣдка слышался рѣзкій диссонансъ такихъ ученій, какъ ученіе Мандевилля [1]). Оптимистическія взгляды доходили иногда до смѣшнаго, иногда — были почти насмѣшкой надъ людьми. Приведемъ два примѣра взятыхъ у Селли. Гартли утверждалъ [2]), что всѣ индивидуумы «всегда безконечно счастливы»; такое предположеніе по справедливому замѣчанію Лесли Стефена, «sounds like optimism run mod», (т. е. производитъ впечатлѣнія оптимизма, дошедшаго до безумія) или же, прибавимъ отъ себя, походитъ на циническую насмѣшку надъ человѣческимъ страданіемъ. Другой болѣе курьезный примѣръ представляетъ нѣкій гамбургскій ратсгеръ Броксъ [3]), который въ девятитомномъ сочиненіи доказывалъ, что все на свѣтѣ предназначено исключительно для пользы и удовольствія чело-

---

[1]) См. напр., The fable of the bees etc. 1714 г., вышла первоначально въ 1706 г. подъ другимъ названіемъ.

[2]) Sully l. c. p. 58.

[3]) Sully l. c. p. 65.

вѣка. «Такъ что онъ восхваляетъ Божество, какъ вѣчно богатаго хозяина пира, за пріятный вкусъ разнообразныхъ родовъ плодовъ и съѣдобныхъ животныхъ; а гдѣ недостаетъ качества съѣдобности—какъ у лисицъ, волковъ, леопардовъ и др. — тамъ употребляется большой трудъ для отысканія другого элемента полезности». Прекрасенъ тотъ эпизодъ, когда онъ, говоря объ употребленіи различныхъ частей гуся, восклицаетъ: «Не блещетъ ли изъ этого животнаго любовь Творца, вмѣстѣ съ его мудростью и всемогуществомъ?».

Совершенно иное явленіе представляетъ намъ XIX в. Мы не будемъ здѣсь говорить о томъ, какъ и въ теоріи, и на практикѣ обнаружилась рѣшительная несостоятельность гипотезы Адама Смита о совпаденіи интересовъ,—какъ Дарвинъ показалъ, во что обходится міру его цѣлесообразность,—какъ новѣйшая наука разбила дѣтскія иллюзіи о блаженствѣ «естественнаго состоянія». Мы обратимся къ чисто философскимъ ученіямъ.

§ 2. Уже въ самомъ началѣ XIX в. мы видимъ двухъ такихъ мыслителей какъ Леопарди и Шопенгауэръ. Начнемъ съ перваго. Прежде всего нужно замѣтить, что его права, какъ философа, многими оспариваются, потому только, что Леопарди былъ поэтъ, что онъ не написалъ систематическаго философскаго трактата, его не хотятъ признавать философомъ. Но мы, съ своей стороны, не можемъ не согласиться со слѣдующими словами Каро: [1]) «Что за бѣда, что Леопарди не такъ догматиченъ, какъ немѣцкіе философы, что онъ не имѣетъ системы, и что его пессимизмъ выходитъ изъ всеобщаго отрицанія, вмѣсто того, чтобы быть метафизической дедукціей? Развѣ отсутствіе всякой системы не есть тоже система, которая даже сыграла извѣстную роль, какъ система скептиковъ? Намъ говорятъ, что Шопенгауэръ хотѣлъ основать и дѣйствительно основалъ школу, тогда какъ Леопарди, хотя и говорилъ много разъ о «своей философіи», не написалъ, однако, ничего для ея распространенія. Какъ такъ? Развѣ кто-либо, поэтъ или философъ, пишетъ съ другою цѣлью, какъ не для распро-

[1]) Каро l. c. стр. 27.

страненія своихъ идей, и развѣ излагать ихъ съ такимъ блескомъ и силой не значитъ пропогандировать ихъ?»

Отсутствіе систематическаго философскаго сочиненія Леопарди дѣлаетъ довольно затруднительнымъ изложеніе его воззрѣній вкратцѣ. Мы думаемъ, что это затрудненіе легче всего обойти слѣдующимъ образомъ: изложимъ, насколько возможно подробно, одно его замѣчательное и въ высшей степени характерное произведеніе, его «Исторію человѣческаго рода». Для изложенія будемъ пользоваться французскимъ переводомъ A. Dapples'a: Leopardi, Opuscules et pensées. Paris. 1880.

Въ началѣ, говоритъ Леопарди, земля была гораздо менѣе нынѣшняго и вся ровная; на небѣ не было звѣздъ; океановъ и морей не существовало; наконецъ, міръ еще не представлялъ разнообразныхъ величественныхъ явленій, которыя мы теперь видимъ.

Тѣмъ не менѣе, люди съ ненасытной жадностью разсматривали этотъ міръ. Они наивно ему удивлялись, считая небо и землю безконечными, какъ по величинѣ, такъ и по очаровательности и величію; они находили громадное наслажденіе во всякомъ ощущеніи своей зарождающейся жизни и были увѣрены въ своемъ почти полномъ счастьи. Ихъ дѣтство и первая юность протекли такимъ восхитительнымъ образомъ; но съ приближеніемъ зрѣлаго возраста произошли нѣкоторыя перемѣны. Съ одной стороны, они не видѣли осуществленія своихъ надеждъ, и поэтому стали считать свои ожиданія пустыми, съ другой стороны, имъ казалось невозможнымъ удовольствоваться ихъ нынѣшнимъ состояніемъ безъ надежды на будущій прогрессъ. Частью вслѣдствіе привычки, частью вслѣдствіе ослабленія первыхъ впечатлѣній, созерцаніе природы и обычный жизненный процессъ не доставляли имъ уже прежняго очарованія. Они стали путешествовать,—что было легко, ибо земля была обширною равниной, безъ морей и другихъ препятствій. Спустя нѣсколько лѣтъ большинство изъ нихъ узнало, что земля имѣетъ свои предѣлы и что всѣ страны и люди почти совершенно походятъ другъ на друга. Эти открытія до того усилили ихъ недовольство, что они едва вышедшіе изъ первой юности, уже тяготились существованіемъ. Съ годами пресыщен-

ность превратилась въ ненависть, такъ что нѣкоторые не могли долѣе переносить этой жизни и наложили на себя руки.

Богамъ крайне не понравилось то обстоятельство, что живыя созданія могли предпочитать смерть жизни, и что даже сама жизнь служила причиною самоубійства. Поэтому Юпитеръ рѣшилъ улучшить положеніе людей и дать имъ новые способы для достиженія счастія. Онъ слышалъ, что люди главнымъ образомъ жаловались, что не нашли всѣхъ вещей столь безконечно великими, прекрасными, совершенными и разнообразными, какъ это они воображали сначала, но что, напротивъ, все оказалось весьма ограниченнымъ, несовершеннымъ и монотоннымъ. Они сожалѣли о радостяхъ первыхъ годовъ и страстно желали возвратиться къ сладостному періоду дѣтства и остаться въ немъ въ продолженіе всей своей жизни. Но здѣсь самъ Юпитеръ не могъ ничего сдѣлать, ибо ихъ желанія противорѣчили міровымъ законамъ природы и миссіи, предназначенной ихъ роду рѣшеніемъ боговъ. Сверхъ того, онъ не могъ ни дать безсмертія смертнымъ созданіямъ, ни сдѣлать безконечными совершенство и счастіе людей. Тѣмъ не менѣе, онъ рѣшилъ увеличить предѣлы творенія, усовершенствовать и украсить его новыми прелестями. Для этого онъ расширилъ землю, затѣмъ излилъ на нее моря, для того, чтобы они, отдѣляя населенныя земли другъ отъ друга, способствовали разнообразію и препятствовали людямъ быстро ознакомляться съ границами міра; такимъ образомъ, глазамъ представлялось подобіе безконечности. Затѣмъ, владыка боговъ провелъ глубокія долины, воздвигъ горы и холмы, украсилъ ночное небо звѣздами, очистилъ воздухъ, придалъ свѣту болѣе ясности и силы, сдѣлалъ ярче и разнообразнѣе цвѣта неба и земли, наконецъ, смѣшалъ человѣческія поколѣнія, такъ что со старостью однихъ совпадали молодость и дѣтство другихъ. Онъ создалъ эхо и скрылъ его въ долинахъ и гротахъ, онъ придалъ лѣсамъ глухой шумъ, сопровождающій колебанія ихъ вершинъ. Онъ создалъ цѣлый міръ сновидѣній, которымъ приказалъ принимать самыя разнообразныя формы, чтобы люди вполнѣ извѣдали ту полноту блаженства, которой онъ не могъ дать имъ на яву. Такими путями Юпитеръ поднялъ и оживилъ человѣческія души и возвратилъ имъ любовь

къ жизни, одновременно, съ удивленіемъ безконечной красотѣ и величію природы. Этотъ счастливый періодъ былъ далеко продолжительнѣе перваго, главнымъ образомъ, благодаря разнообразію возрастовъ, которое помогало охладѣвшимъ душамъ укрѣпляться соприкосновеніемъ съ пылкою, полною надеждъ молодостью.

Однако спустя нѣкоторое время, когда прошло обаяніе новизны, люди стали презирать жизнь. Ихъ отвращеніе сдѣлалось такъ велико, что при рожденіи ребенка у нѣкоторыхъ народовъ собирались оплакивать судьбу новорожденнаго, смерть же праздновалась, какъ освобожденіе. Наконецъ, люди сдѣлались нечестивыми, ибо Юпитеръ казался имъ глухимъ къ мольбамъ, а бѣдствія извратили ихъ души. Чтобы покарать людей за ихъ богохульства, боги учинили девкаліоновъ потопъ. Девкаліонъ и Пирра, единственные люди, спасшіеся отъ гибели, понимая, что ничто не излѣчитъ несчастій человѣчества лучше полнаго уничтоженія, взывали къ смерти съ вершины своей скалы и, безъ всякаго сожалѣнія, требовали общей участи. Однако, Юпитеръ приказалъ имъ вновь населить землю. Такъ какъ они слишкомъ ненавидѣли жизнь, чтобы рождать самимъ, то они, по приказанію боговъ, отрывали камни отъ скалы и кидали ихъ черезъ плечо. Такимъ образомъ они возстановили человѣческій родъ. Но эти событія проствѣтили Юпитера насчетъ человѣческой природы и показали ему, что для счастія человѣку недостаточно быть, подобно животнымъ, только свободнымъ и благополучнымъ. Онъ узналъ, что при всѣхъ положеніяхъ люди требуютъ невозможнаго и что отсутствіе положительныхъ золъ отдаетъ ихъ во власть воображаемыхъ мученій. Тогда владыка боговъ рѣшилъ испытать новыя средства для спасенія этого несчастнаго рода. Онъ употребилъ два главныхъ способа. Одинъ заключался въ разсѣяніи между людьми дѣйствительныхъ бѣдствій; другой въ созданіи тысячи козней и занятій, чтобы отвлечь людей отъ размышленій о безконечномъ невѣдомомъ блаженствѣ. Такимъ образомъ, онъ наслалъ на человѣчество множество болѣзней и другихъ бѣдствій, желая разнообразіемъ условій жизни предотвратить пресыщенность и увеличить цѣнность блага черезъ контрастъ со зломъ. Онъ думалъ смирить человѣческую гордость, заставить людей повиноваться необходимости и

довольствоваться своею судьбою, уменьшивъ въ умахъ, ослабленныхъ душевными и тѣлесными мученіями, живость и упорство желанія. Кромѣ того, страданія должны были привязать человѣческую душу къ жизни, давая своимъ жертвамъ надежду на освобожденіе отъ бѣдствій настоящаго. Затѣмъ, Юпитеръ создалъ бури и грозы, вооружился громомъ и молніями; далъ Нептуну трезубецъ, пустилъ въ ходъ кометы и устроилъ затмѣнія. Этими способами онъ думалъ нагонять время отъ времени страхъ на смертныхъ, зная, что дѣйствительная опасность и временный страхъ примиряютъ съ жизнью даже тѣхъ, кто наиболѣе ее ненавидитъ. До сихъ поръ люди употребляли только воду, травы и плоды, теперь у нихъ явился вкусъ къ новымъ блюдамъ и напиткамъ, которые добывались съ тысячами затрудненій, что лишило ихъ прежней праздности. Затѣмъ, владыка боговъ назначилъ каждой части земли различный климатъ, раздѣлилъ времена года, такъ что людямъ пришлось много заботиться о защитѣ отъ непостоянства погоды, тогда какъ прежде они не нуждались въ одеждѣ.

Юпитеръ приказалъ Меркурію основать первые города, раздѣлить людей на различные расы, націи, языки, разъединить ихъ враждою и войною. Ему же онъ приказалъ научить людей музыкѣ и другимъ изящнымъ искусствамъ. Наконецъ, чтобы завершить свои благодѣянія, онъ послалъ людямъ возвышенныя, сверхчеловѣческія химеры, которымъ онъ далъ большую власть на землѣ. Эти призраки назывались Справедливостью, Добродѣтелью, Славою, Патріотизмомъ и т. п. Среди нихъ находилась также Любовь, которая тогда впервые появилась на землѣ, ибо до употребленія одеждъ люди имѣли только половые инстинкты, подобные инстинкту животныхъ.

Нельзя было достаточно надивиться успѣху этихъ мѣропріятій; новое положеніе человѣка, не смотря на всѣ прежде невѣдомыя страданія, далеко превосходило предшествовавшее состояніе по своему очарованію и удобству. Этотъ результатъ въ значительной степени былъ слѣдствіемъ тѣхъ чудныхъ химеръ, которыя человѣкъ страстно обожалъ въ теченіе долгаго періода. Поэты и артисты вторили общему энтузіазму и ради этихъ мнимыхъ бо-

жествъ множество людей жертвовало своею жизнью и кровью. Даже послѣ многихъ вѣковъ, когда уже ясно обнаружился упадокъ, они сохранили свою силу до очень близкаго намъ времени.

Причины и формы упадка нужно прежде всего искать въ тысячѣ средствъ, придуманныхъ людьми для легкаго и скораго удовлетворенія своихъ нуждъ, въ возрастающемъ неравенствѣ жизненныхъ условій, въ праздности и суетности, которыя явились слѣдствіемъ неравенства, въ привычкѣ, которая уничтожила прелесть разнообразія. Результатъ былъ тотъ, что люди получили отвращеніе отъ міра, и у нихъ возобновилось желаніе невѣдомаго блаженства.

Однако, полное разрушеніе ихъ счастія и гибель, такъ называемаго, древняго міра имѣли другую причину. Между фиктивными божествами, столь почитаемыми людьми, было одно называвшееся Мудростью. Обожаемое подобно другимъ и имѣвшее большое число вѣрныхъ, оно не мало способствовало блаженству минувшихъ вѣковъ. Много разъ оно обѣщало своимъ почитателямъ показать Истину, божество высшаго разряда, своего владыку, который никогда не сходилъ на землю, но пребывалъ среди боговъ. Оно намѣревалось свести его съ Олимпа, ввести въ среду людей, увѣряя, что его присутствіе и близость придастъ людямъ глубину разума, совершенство нравовъ и организацію, которая сдѣлаетъ ихъ почти равными богамъ. Но, понятно, призракъ не могъ сдержать подобнаго обѣщанія. Поэтому, послѣ долгаго довѣрія, люди познали пустоту его рѣчей.

Тогда, болѣе жадные, чѣмъ когда либо, къ новизнѣ, побуждаемые тщеславнымъ желаніемъ сравняться съ богами и стремленіемъ увидѣть Истину, обѣщанную имъ мудростью, люди обратились къ Юпитеру, прося прислать къ нимъ этого высшаго генія и упрекая его за завистливое лишеніе своихъ созданій тѣхъ безчисленныхъ выгодъ, которыя они могли бы извлечь изъ его присутствія. Люди утратили почтеніе къ своимъ прежнимъ божествамъ, говоря, что земля отдана низшимъ геніямъ и лишена высшихъ, передъ которыми они охотнѣе бы преклонились.

Многія обстоятельства, главнымъ образомъ преступненія, которыя оставляли далеко за собою испорченность допотопныхъ

временъ, уменьшили благосклонность Юпитера къ людямъ. Онъ понялъ, что ничто болѣе не гарантируетъ спокойствія и счастья этихъ странныхъ существъ и что всякія дальнѣйшія попытки были бы безполезны. Онъ рѣшилъ на вѣки наказать людей, осудивши ихъ на гораздо болѣе глубокое несчастіе. Съ этой цѣлью онъ рѣшилъ послать къ нимъ Истину и не для временнаго только пребыванія, а навсегда подчинить ихъ ея владычеству, лишивъ всѣхъ прежнихъ прекрасныхъ химеръ. Когда боги удивились такому рѣшенію, которое, повидимому, давало людямъ много преимуществъ и уменьшало вліяніе боговъ, то Юпитеръ отвѣчалъ, что дѣйствіе Истины не можетъ быть одинаково у людей и у боговъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ она показывала богамъ ихъ вѣчное блаженство, людямъ она только раскроетъ и напомнитъ ихъ естественное несчастіе. Она имъ покажетъ, что бѣдствія не есть только дѣло случая, но непреложный законъ. Тогда люди познаютъ ничтожество всѣхъ земныхъ благъ, призрачность на землѣ всего, кромѣ ихъ собственнаго страданія; черезъ это они потеряютъ надежду, а, слѣдовательно, и любовь къ труду, особенно къ труду духовному. Но эта лѣнь и отчаяніе не избавятъ ихъ отъ желанія невѣдомаго счастья, желанія, неразлучнаго съ ихъ природой. «И всѣ эти образы безконечнаго, прибавилъ Юпитеръ, которыя я далъ людямъ, исчезнутъ передъ Истиной, земля имъ покажется меньшею, такъ же какъ и вселенная, жизнь потеряетъ всякую цѣну и цѣль, человѣческій родъ соединится,—какъ они это скажутъ,—въ одинъ народъ, но въ сущности распадется на столько же народовъ, сколько будетъ индивидуумовъ. Не имѣя ни отечества, которое бы онъ любилъ, ни иноземцевъ, которыхъ бы онъ ненавидѣлъ, всякій человѣкъ будетъ любить только себя. Бѣдствія будутъ неисчислимы, и однако смертные не рѣшатся на самоубійство, ибо истина сдѣлаетъ ихъ настолько же презрѣнно-трусливыми, какъ и несчастными».

Эти объясненія тронули боговъ; они нашли наше наказаніе болѣе строгимъ, чѣмъ это подобаетъ милосердымъ богамъ. Тогда Юпитеръ рѣшилъ нѣсколько смягчить эту участь, оставивъ намъ одного добраго генія, именуемаго Любовью. «Одному ему, сказалъ Юпитеръ, я повелѣваю остаться среди людей. И Истина, не смотря

на свое всемогущество, не будетъ имѣть права ни поразить, ни изгнать его съ земли». Юпитеръ сдѣлалъ, какъ сказалъ. Лишивши человѣка всѣхъ его геніевъ-хранителей, кромѣ Любви, наименѣе благородной изъ всѣхъ, онъ послалъ на землю Истину и далъ ей вѣчное господство. Всѣ результаты, предвидѣнные владыкой боговъ, сбылись почти сейчасъ. Случилось странное обстоятельство. тогда какъ появленіе другихъ безсмертныхъ всегда удвоивало благочестіе людей, это божество, которое еще до своего появленія на землю, и не имѣя надъ нею никакой власти, уже имѣло многочисленныхъ поклонниковъ, теперь, появившись на землю, наполнило такимъ ужасомъ души смертныхъ, что они, повинуясь ему противъ воли, отказывали ему, однако, во всякомъ почитаніи. Тѣ, которые наиболѣе жаждали господства Истины, теперь злословили и ненавидѣли ее. И такъ какъ люди не могли не избѣгнуть, ни побороть ея тираніи, то они впали въ то невыразимое страданіе, въ которомъ пребываютъ и до сихъ поръ, и пребудутъ всегда.

Однако, такъ какъ состраданіе всегда присуще богамъ, то Юпитеръ сжалился при видѣ такого великаго бѣдствія. Особенно былъ онъ тронутъ зрѣлищемъ нѣкоторыхъ людей, выдававшихся проницательностью своихъ умовъ, чистотой нравовъ и благородствомъ жизни; онъ замѣтилъ, что ихъ то именно наиболѣе угнетаетъ тиранія Истины. Тогда онъ вспомнилъ, что въ былыя времена боги снисходили къ смертнымъ и проявляли себя дѣяніями, полезными всѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ. Но, съ тѣхъ поръ, какъ люди впали въ порокъ, боги гнушались имѣть сношенія съ нами. Тронутый нашимъ несчастьемъ, Юпитеръ спросилъ боговъ, не хочетъ ли кто либо изъ нихъ сойти на землю, чтобы хоть немного утѣшить несчастныхъ смертныхъ. Всѣ молчали, только Амуръ (Любовь) сынъ Венеры, носившій одно имя съ геніемъ, оставленнымъ на землѣ, но отличавшійся отъ него своею природой, самый сострадательный изо всѣхъ боговъ, согласился взять на себя миссію, предложенную Юпитеромъ, и снизойти на землю, покинувши боговъ, которые до сихъ поръ ни на минуту не отпускали его, до того онъ былъ дорогъ имъ.

Въ прежнія времена люди, введенные въ заблужденіе его омо-

нимомъ, думали, что имѣютъ неопровержимыя доказательства пребыванія его среди нихъ. Но въ дѣйствительности онъ явился только послѣ начала царства Истины. Даже и теперь онъ появляется на землю только очень рѣдко и не остается долго, вслѣдствіе негодности людей и вслѣдствіе того нетерпѣнія, съ какимъ боги ждутъ его возвращенія. Онъ избираетъ наиболѣе нѣжныя и достойныя любви сердца самыхъ великодушныхъ и прямыхъ людей, и на нѣсколько мгновеній проникаетъ въ эти избранныя сердца, наполняя ихъ такою чудною и восхитительною сладостью, внушая имъ такія возвышенныя чувства, такую добродѣтель и такую доблесть, что эти избранники на мгновеніе испытываютъ невѣдомую дотолѣ вещь — настоящее реальное счастье, а не одинъ лишь его призракъ. Рѣдко случается, чтобы онъ одновременно соединялъ два сердца однимъ и тѣмъ же желаніемъ, хотя объ этомъ его страстно умоляютъ избранники. Юпитеръ дозволилъ ему внимать этимъ мольбамъ только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, ибо подобное невообразимое блаженство очень близко подходитъ къ блаженству, предназначенному богамъ. Но уже простое присутствіе Амура приноситъ человѣку болѣе счастія, чѣмъ это испытывали самые счастливые въ другое время. Съ его появленіемъ возвращаются на землю невидимо для другихъ тѣ благородные призраки, которые были отняты у людей. Такъ какъ судьба дала ему вѣчную молодость, то онъ до нѣкоторой степени можетъ исполнить самое сильное желаніе людей: возвратить ихъ къ счастливому состоянію дѣтства. Въ тѣхъ душахъ, въ которыхъ онъ обитаетъ, онъ возрождаетъ прекрасныя и дорогія иллюзіи первыхъ годовъ. Многіе, недостойные его выбора, постоянно насмѣхаются надъ нимъ, не зная его. Но за ихъ несправедливость онъ не мститъ, ибо онъ сострадателенъ и великодушенъ.

Въ этомъ произведеніи, безнадежный пессимизмъ Леопарди высказался вполнѣ. Человѣку по самому устройству вселенной невозможно достичь счастія, онъ можетъ только временно забавляться нѣкоторыми блестящими иллюзіями, но подобное состояніе не можетъ долго продолжаться: рано или поздно онъ узнаетъ истину, а истина безнадежна. Тогда прости всѣ иллюзіи!

Перейдемъ теперь къ Шопенгауэру. Философія Шопенгауэра,

подобно почти всей нѣмецкой философіи XIX в., имѣетъ исходнымъ пунктомъ критицизмъ Канта. Самъ Шопенгауэръ въ предисловіи къ своему главному сочиненію [1]) требуетъ отъ читателя предварительнаго знакомства съ Кантомъ. Сравнивая дѣйствіе философіи Канта на умъ, со снятіемъ катаракты, онъ опредѣляетъ цѣль своего сочиненія такимъ образомъ, что онъ «тѣмъ, надъ которыми эта операція удалась, пожелалъ вручить предохранительныя очки» [2]). Шопенгауэръ начинаетъ свое сочиненіе Кантовскимъ положеніемъ «Міръ есть мое представленіе»; этому положенію онъ посвящаетъ первую книгу. Но далѣе Шопенгауэръ и Кантъ расходятся. Кантъ изъ вышеприведеннаго положенія выводитъ то заключеніе, что мы можемъ знать только міръ феноменальный, т. е. міръ явленій, что міръ вещей въ самихъ себѣ для насъ недоступенъ. Шопенгауэръ не соглашается съ этимъ утвержденіемъ, онъ говоритъ [3]): «искомое значеніе стоящаго передо мною, въ качествѣ моего представленія, міра или переходъ отъ него, какъ простаго представленія познающаго субъекта, къ тому, чѣмъ онъ можетъ быть кромѣ того, остались бы навсегда неотысканными, если бы изслѣдователь былъ самъ ничѣмъ другимъ, какъ чисто познающимъ субъектомъ (окрыленной головою ангела безъ тѣла). Но онъ самъ коренится въ этомъ мірѣ, именно чувствуетъ себя въ немъ индивидуумомъ, т. е. его познавательная способность, представляющая необходимаго носителя цѣлаго міра, какъ представленія, въ то же время необходимо посредствуется тѣломъ, коего аффекты..... служатъ для разсудка исходной точкой созерцанія онаго міра». И такъ, мы видимъ, что здѣсь Шопенгауэръ вполнѣ расходится съ Кантомъ, онъ соглашается съ нимъ, что міръ есть наше представленіе, онъ утверждаетъ даже, что наше собственное тѣло есть наше представленіе, но онъ считаетъ, что существуетъ, такъ сказать, брешь, черезъ которую мы можемъ проникнуть въ міръ вещей самихъ въ

---

[1]) Шопенгауэръ. Міръ, какъ воля и представленіе, пер. Фета стр. XIII—XIV.

[2]) Люди, надъ которыми была произведена операція снятія катаракты, обыкновенно носятъ двояко-выпуклыя стекла, для замѣны вынутаго хрусталика. П. М.

[3]) l. c. стр. 118.

себѣ. «Во всѣхъ вещахъ, говоритъ онъ [1]), за исключеніемъ собственнаго тѣла, знакома мнѣ только одна сторона, представленіе. Ихъ сущность для меня закрыта». Въ моемъ же собственномъ тѣлѣ знакома мнѣ и другая сторона. «Познающему [2]) субъекту, выступающему въ качествѣ индивидуума, посредствомъ своего тожества съ тѣломъ, это тѣло дано двумя вполнѣ различными способами: во-первыхъ, какъ представленіе въ созерцаніи, какъ объектъ между объектами, подвластный законамъ послѣднихъ, но, затѣмъ, въ то же время и совершенно инымъ способомъ, именно, какъ нѣчто, каждому непосредственно знакомое, которое обозначается словомъ воля». Слѣдовательно, въ нашемъ тѣлѣ намъ извѣстна и другая сторона, и она есть воля. «Дѣйствіе [3]) тѣла ни что иное, какъ объективированный, т. е. выступившій въ созерцаніе, актъ воли». «Воля [4]) есть познаніе тѣла a priori; а тѣло—познаніе воли a posteriori». Рѣшивши такимъ образомъ вопросъ о сущности собственнаго тѣла, Шопенгауэръ переходитъ ко внѣшнему міру. Здѣсь онъ прежде всего останавливается на вопросѣ о его реальности. Имѣетъ ли внѣшній міръ существованіе внѣ познающаго субъекта, или же онъ только представленіе этого познающаго субъекта, и, слѣдовательно, реальнаго существованія не имѣетъ. Отрицаніе реальности внѣшняго міра «составляетъ [5]) смыслъ теоретическаго эгоизма, считающаго согласно съ этимъ, всѣ явленія, за исключеніемъ собственнаго индивидуума, за фантомы, подобно тому, какъ тоже дѣлаетъ въ практическомъ отношеніи практическій эгоизмъ, считающій только собственное лицо за дѣйствительно такое, а всѣ остальныя лишь за фантомы, къ коимъ онъ согласно тому и относится». Рѣшить этотъ вопросъ прямо, по мнѣнію Шопенгауэра, невозможно. Онъ говоритъ [6]).

«Правда, теористическій эгоизмъ не можетъ быть опровергнутъ никакими доказательствами; тѣмъ не менѣе, онъ никогда не былъ употребляемъ въ философіи иначе, какъ въ видѣ скептическаго софизма, т. е. для виду. Какъ серьезное убѣжденіе,

---

[1]) l. c. стр. 149. [2]) l. c. стр. 119. [3]) l. c. стр. 119. [4]) l. c. стр. 119. [5]) l. c. стр. 124. [6]) l. c. стр. 124.

можно встрѣтить его развѣ въ сумасшедшемъ домѣ: какъ такое, оно нуждалось бы скорѣе въ леченіи, чѣмъ въ доказательствахъ». Поэтому, по его мнѣнію, къ доводамъ теоретическаго эгоизма нужно относиться такъ [1]): «станемъ смотрѣть на... скептическій аргументъ теоретическаго эгоизма, какъ на небольшую пограничную крѣпостцу, которая хотя и навсегда неприступна, но коей гарнизонъ зато никогда не можетъ сдѣлать вылазки и которую поэтому можно обойти и, безъ всякаго опасенія, оставить въ тылу». И такъ, Шопенгауэръ признаетъ реальность внѣшняго міра. Теперь возникаетъ вопросъ, что же такое этотъ міръ самъ въ себѣ. Шопенгауэръ утверждаетъ [2]), что тотъ, кто вполнѣ убѣдился предыдущими разсужденіями, кто ясно понялъ, что сущность его собственнаго явленія есть воля, тотъ «не въ однихъ только явленіяхъ, вполнѣ сходныхъ съ его собственными, т. е. не въ однихъ людяхъ и животныхъ, признаетъ... ту же самую воля за ихъ внутреннюю сущность; но, продолжая размышлять, придетъ къ тому, что признаетъ и силу, которая питаетъ и развиваетъ растенія, даже силу, которая образуетъ кристаллъ, которая обращаетъ магнитъ къ сѣверу, которая въ видѣ удара отвѣчаетъ ему на прикосновеніе къ разнороднымъ металламъ, которая въ сродствѣ матеріи проявляется притяженіемъ и отталкиваніемъ, раздѣленіемъ и соединеніемъ, даже самое тяготѣніе, столь мощно проявляющееся во всей матеріи и влекущее камень къ землѣ, а землю къ солнцу,— все это признаетъ онъ различнымъ лишь въ явленіи, а по сущности тожественнымъ съ тѣмъ самымъ, ему непосредственно столь интимно и лучше всего другаго извѣстнымъ, которое, въ очевиднѣйшемъ своемъ проявленіи, называется волею». Такимъ образомъ, Шопенгауэръ пришелъ къ выводу, что міръ есть воля. Однако, подобное положеніе можетъ сдѣлаться источникомъ недоразумѣній; самъ Шопенгауэръ предвидитъ возможность неправильнаго пониманія его словъ. Онъ говоритъ [3]): «если я скажу: сила, влекущая камень къ землѣ, по своей сущности, въ себѣ и помимо всякаго представленія—воля, то не слѣдуетъ этой рѣчи подкладывать сумасшедшаго мнѣнія, будто камень движется по созна-

---

[1]) L. c. стр. 125. [2]) L. c. стр. 130—131. [3]) L. c. стр. 126.

тельному мотиву, такъ какъ воля проявляется подобнымъ образомъ только въ человѣкѣ». Дѣйствительно, было бы большою несправедливостью къ Шопенгауэру утверждать, будто онъ думалъ, что воля, проявляющаяся въ космическихъ силахъ, дѣйствуетъ по сознательнымъ мотивамъ. Дѣло въ томъ, что мы можемъ непосредственно познать, что сущность міра есть воля только на самихъ себѣ, такъ что единственное проявленіе воли, которое мы непосредственно знаемъ, это—проявленіе человѣческой воли, но это есть только частный случай воли вообще, а извѣстно, что всякій частный случай сложнѣе общаго принципа, изъ котораго онъ происходитъ, и, если все, что мы можемъ сказать объ общемъ явленіи, мы можемъ сказать и о частномъ его случаѣ, то, зато, видоизмѣнить наоборотъ и утверждать объ общемъ все то, что мы знаемъ объ частномъ, было бы ошибочно; поэтому изъ того, что частный случай проявленія воли, воля человѣка, дѣйствуетъ по сознательнымъ мотивамъ, еще не слѣдуетъ, что и воля вообще дѣйствуетъ такъ же.

Здѣсь мы покончимъ съ метафизическою частью философіи Шопенгауэра; она изложена настолько, насколько это необходимо для пониманія ученія Шопенгауэра о цѣнности жизни. Слѣдуя тому правилу, о которомъ мы говорили въ первой главѣ, мы не станемъ здѣсь на нѣсколькихъ страницахъ разбирать вопроса такой великой важности, такой сложности, какъ вопросъ о сущности міра, вопросъ о томъ, правъ или не правъ Шопенгауэръ, утверждая, что міръ есть воля.

Перейдемъ теперь къ нашему основному вопросу, къ вопросу о цѣнности жизни. Мы видѣли выше, что Шопенгауэръ утверждалъ, что сущность всего міра, не исключая и человѣка, есть воля, всякая вещь, въ томъ числѣ и человѣкъ, есть насквозь воля, вся ихъ сущность не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ воли; какъ же отражается на людяхъ эта воля, т. е. желаніе? «Всякое желаніе, — говоритъ Шопенгауэръ [1]), — возникаетъ изъ нужды, слѣдовательно изъ недостатка, слѣдовательно изъ страданія. Послѣднему полагаетъ конецъ исполненіе; тѣмъ не менѣе, на одно

[1]) L. c., стр. 231.

исполненное желаніе остаются, по крайней мѣрѣ, десять тщетныхъ; далѣе, желаніе длится долго, требованія идутъ въ безконечность; исполненіе же кратковременно и скудно отмѣрено. Даже само окончательное удовлетвореніе — только кажущееся; исполненное желаніе тотчасъ уступаетъ мѣсто новому: первое — уже сознанное, второе—еще не сознанное заблужденіе. Продолжительнаго, уже безотлучнаго удовлетворенія не можетъ дать никакой объектъ желанія: онъ, напротивъ, вѣчно подобенъ только милостынѣ, бросаемой нищему, которая сегодня поддерживаетъ его жизнь, чтобы продлить ее до завтрашняго мученія. Поэтому, пока наше самосознаніе наполнено нашей волей, пока мы предаемся напору желаній, съ его вѣчной надеждой и страхомъ, пока мы — субъектъ хотѣнія, мы не обрѣтаемъ ни продолжительнаго счастія, ни покоя. Гоняемся ли мы или избѣгаемъ, страшимся ли бѣды или стремимся къ наслажденію, — въ сущности все равно: забота о постоянно-требующей волѣ, — все равно въ какомъ видѣ, — наполняетъ и постоянно волнуетъ наше сознаніе, а безъ спокойствія никакое истинное благополучіе невозможно. Такимъ образомъ, субъектъ хотѣнія постоянно прикованъ къ вертящемуся колесу Иксіона, постоянно черпаетъ рѣшетомъ Данаидъ, это—вѣчно томящійся Танталъ». Стремленіе есть сущность всего міра, но особенно сильно проявляется оно въ животномъ и человѣкѣ: «хотѣть [1]) и стремиться, — составляетъ все существо его, вполнѣ уподобляемое неутолимой жаждѣ. Основаніе же всякаго хотѣнія есть нужда, недостатокъ, слѣдовательно страданіе, коему онъ, слѣдовательно, подлежитъ уже первоначально и по существу своему. Если, напротивъ, у него нѣтъ объектовъ хотѣнія, такъ какъ легкость удовлетворенія тотчасъ же ихъ у него отнимаетъ, то имъ овладѣваетъ страшная пустота и скука, т. е. его существо и самое его бытіе становятся ему несноснымъ бременемъ. Его жизнь, слѣдовательно, качается, подобно маятнику, взадъ и впередъ, между страданіемъ и скукой, которыя оба дѣйствительно суть ея послѣднія составныя части. Это весьма странно высказалось невольно и тѣмъ, что послѣ того, какъ человѣкъ всѣ страданія и

[1]) l. č., стр. 369—370.

муки перенесъ въ адъ, для неба осталась одна скука». Мы чего нибудь хотимъ, пока этого не имѣемъ, но разъ мы достигли желаннаго, оно насъ болѣе не интересуетъ: оно намъ надоѣдаетъ; поэтому тамъ, гдѣ, какъ у богатыхъ, всѣ желанія быстро и легко удовлетворяются, тамъ царствуетъ скука. «Какъ нужда, — говоритъ Шопенгауэръ [1]), — представляетъ бичъ народа, такъ скука — бичъ знати». Результатъ всѣхъ этихъ явленій, какъ видите, весьма печаленъ. «Жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка [2]), если, оставя въ сторонѣ ея цѣлое и общее, выставить однѣ значительнѣйшія черты, — собственно всегда трагедія, но, разбирая въ частности, она имѣетъ имѣетъ характеръ комедіи. Ибо забота и муки дня, непрестанное поддразниваніе минуты, желаніе и опасеніе недѣли, ежечастныя неудачи, при помощи случайности, вѣчно готовой на продѣлки, — все это сцены комедіи. Но никогда неисполняемыя желанія, тщетное стремленіе,немилосердно растоптанныя судьбой надежды, неизрѣченныя заблужденія всей жизни, съ возростающими страданіями и смертью въ концѣ, даютъ всегда трагедію. Такимъ образомъ, словно судьба желала къ злополучію нашего бытія присовокупить еще насмѣшку: наша жизнь должна заключать въ себѣ все горе трагедіи, и при этомъ мы все таки не можемъ даже разсчитывать на достоинство трагическихъ лицъ, а должны быть, во всяческихъ потребностяхъ жизни, неизбѣжно пошлыми характерами комедіи». Въ другомъ мѣстѣ Шопенгауэръ говоритъ [3]): «Если провести упорнѣйшаго оптимиста по больницамъ, лазаретамъ и хирургическимъ камерамъ истязаній, по тюрьмамъ, комнатамъ пытокъ и невольничьимъ хлѣвамъ, черезъ поля сраженій и мѣста казней, затѣмъ раскрыть передъ нимъ всѣ мрачныя обители нищеты, куда она заползаетъ отъ взоровъ холоднаго любопытства, и подъ конецъ дать ему заглянуть въ башню голода Уголино, — то, навѣрное, онъ бы напослѣдокъ убѣдился, какого рода этотъ meilleur des mondes possibles (лучшій изъ возможныхъ міровъ). Откуда же иначе Данте взялъ матерьялъ для своего Ада, какъ не изъ нашего дѣйствительнаго міра? И тѣмъ не менѣе, вышелъ очень изрядный адъ. Напротивъ, когда онъ

---

[1]) L. c., стр. 372. [2]) L. c., стр. 382—3. [3]) L. c., стр. 386.

дошелъ до задачи изобразить небо и его блаженство, передъ нимъ оказалось непреоборимое затрудненіе, потому именно, что міръ нашъ не представляетъ матеріаловъ къ чему либо подобному».

Читатель уже знаетъ, что для Шопенгауэра воля, желаніе и страданіе суть одно и то же. Какъ же онъ понимаетъ наслажденіе? Наслажденіе имѣетъ у него чисто отрицательный характеръ (подобно тому, какъ у Лейбница такой характеръ имѣло страданіе); наслажденіе, по Шопенгауэру, есть только отсутствіе страданія, удовлетвореніе желанія. Онъ говоритъ [1]): «Непосредственно данъ намъ всегда только недостатокъ, т. е. страданіе. А удовлетвореніе и наслажденіе можемъ мы познавать только посредственно, черезъ воспоминаніе о предшествующемъ страданіи и лишеніи, которое исчезло съ его наступленіемъ». Въ дополненіе ко всей этой картинѣ нужно прибавить, что чѣмъ выше существо, тѣмъ оно болѣе страдаетъ. «Въ растеніи, — говоритъ Шопенгауэръ [2]), — еще нѣтъ чувствительности, слѣдовательно нѣтъ страданія»; но уже инфузоріи и лучистыя, вѣроятно, испытываютъ низкую степень страданія. Высочайшее страданіе, понятно, выпадаетъ на долю человѣка. «Мука [3]) въ человѣкѣ достигаетъ своей высшей степени, и тутъ опять тѣмъ болѣе, чѣмъ яснѣе сознателенъ, чѣмъ интеллигентнѣе человѣкъ: тотъ, въ комъ живетъ геній, страдаетъ болѣе всѣхъ».

Это точное отношеніе между степенью сознанія и степенью страданія особенно прекрасно выразилъ философскій живописецъ или живописецъ-философъ Тишбейнъ въ созерцательномъ и очевидномъ изображеніи. Верхняя половина его рисунка представляетъ женщинъ, у которыхъ уводятъ ихъ дѣтей и которыя въ различныхъ группахъ и позахъ разнообразно выражаютъ глубокую материнскую скорбь, боязнь, отчаяніе; нижняя половина листа показываетъ, въ совершенно томъ же распорядкѣ и группировкѣ, овецъ, у которыхъ отнимаютъ ягнятъ: такъ что каждой человѣческой головѣ, каждой человѣческой позѣ верхней половины листа, внизу соотвѣтствуетъ аналогія животныхъ, и становится яснымъ, какъ, возможное въ глухомъ животномъ сознаніи, стра-

[1]) L. c., стр. 379. [2]) L. c., стр. 367. [3]) L. c., стр. 368.

даніе относится къ могучему страданію, ставшему возможнымъ только посредствомъ ясности познанія, свѣтлости сознанія». Впрочемъ, въ этой безъисходно-мрачной пустынѣ есть свѣтлый оазисъ; если все страданіе происходитъ отъ желанія, тогда безвольное состояніе не имѣетъ страданія; такое состояніе бываетъ, «когда [1]) внѣшній поводъ или внутреннее настроеніе внезапно подымаетъ насъ изъ безконечнаго потока желанія, вырывая сознаніе изъ рабскаго служенія волѣ; когда вниманіе уже обращено не на мотивы желанія, а на воспріятіе вещей, свободное отъ ихъ отношеній къ волѣ, и, слѣдовательно, наблюдаетъ ихъ внѣ интересовъ, внѣ субъективности, чисто объективно, отдаваясь имъ всецѣло, поскольку онѣ чистыя представленія, а не поскольку онѣ мотивы (воли или желанія): тогда вѣчно искомое и вѣчно убѣгающее спокойствіе сразу наступаетъ само собою, и мы вполнѣ благополучны. Это есть то безболѣзненное состояніе, которое восхвалялъ Эпикуръ, какъ высшее благо и состояніе: ибо мы на это мгновеніе освобождены отъ назойливаго напора воли, мы празднуемъ субботу каторжной работы желанія, колесо Иксіона остановилось. Но такое состояніе и есть то... чистое созерцаніе, разрѣшеніе въ созерцаніи, теряніе въ объектѣ, забвеніе всякой индивидуальности, устраненіе рода познанія, слѣдующаго закону основанія и хватающаго одни отношенія, причемъ единовременно и нераздѣльно созерцаемая отдѣльная вещь возвышается до идеи своего рода, а познающій индивидуумъ до чистаго субъекта безвольнаго познанія, и оба, какъ таковые, уже не стоятъ въ потокѣ времени и всѣхъ другихъ отношеній. Тогда уже все равно, смотрѣть ли изъ темницы или изъ дворца на заходящее солнце». «Такое освобожденіе [2]) познанія точно также выноситъ насъ изъ всего, какъ сонъ и сновидѣніе; счастіе и несчастіе исчезаютъ: мы уже болѣе не индивидуумъ, — онъ забытъ, — а только чистый субъектъ познанія». Таковъ одинъ оазисъ въ безысходной Сахарѣ страданія: эстетическое созерцаніе лежитъ внѣ потока желаній, слѣдовательно, и внѣ страданія. Другой оазисъ представляетъ мышленіе. Человѣкъ [3]) рядомъ съ жизнью in concreto, (въ ея дѣйстви-

[1]) L. c., стр. 231—2. [2]) l. c. стр. 223. [3]) l. c. стр. 102.

тельныхъ подробностяхъ) постоянно переживаетъ еще другую in abstracto (въ отвлеченіи).Въ первой онъ игралище житейскихъ бурь, подъ вліяніемъ настоящаго; онъ долженъ стремиться страдать и умирать подобно животному. Но жизнь его in abstracto, какъ она стоитъ въ его разумномъ сознаніи, только тихое отраженіе первой и міра, въ которомъ онъ живетъ... Въ этомъ удаленіи въ рефлексію онъ подобенъ актеру, сыгравшему сцену и, до новаго выхода, садящемуся между зрителями, откуда онъ спокойно смотритъ на все, чтобы ни происходило, хотя бы на приготовленія къ его собственной смерти (въ пьесѣ), а затѣмъ снова идетъ дѣйствовать и страдать, какъ ему слѣдуетъ». Однако, подобное блаженное состояніе не можетъ продолжаться долго. Скоро окружающій міръ выведетъ насъ изъ этого состоянія и мы принуждены будемъ занять свое мѣсто въ кукольной комедіи жизни и почувствовать всѣ ея страданія, несчастія и бѣдствія.

Таково рѣшеніе вопроса о цѣнности жизни, предложенное Шопенгауеромъ. Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на средства, для освобожденія отъ муки бытія. Самоубійство не ведетъ никчему. Все страданіе есть слѣдствіе воли, слѣдовательно, единственнымъ средствомъ уйти отъ страданія было бы подавленіе воли, между тѣмъ, самоубійство «не будучи [1]) ни мало отрицаніемъ воли; есть напротивъ феноменъ сильнаго подтвержденія воли. Ибо существо отрицанія состоитъ въ томъ, что гнушаешься не страданій, а наслажденій жизни. Самоубійца желаетъ жизни и только недоволенъ условіями, при которыхъ она происходитъ». «Такъ—какъ [2]) волѣ къ жизни всегда обезпечена жизнь, а въ жизни существенно страданіе, то самоубійство, при которомъ вещь сама въ себѣ остается неприкосновенною, какъ неподвижна радуга, несмотря ни на какую быстроту смѣны капель, мгновенныхъ ея носителей,—есть совершенно напрасный и безумный поступокъ». Воля едина; индивидуумы—только кажущееся явленіе, они—слѣдствіе principii individuationis, покрывало Майи, какъ выражается Шопенгауэръ, пользуясь индійской мифологіей. Самоубійца этого не понимаетъ, онъ разрушаетъ отдѣльное проявленіе воли, призракъ,

[1]) l. c. стр. 475. [2]) l. c. стр. 475.

ни мало не касаясь ея сущности. Отъ обыкновеннаго способа самоубійства Шопенгауеръ отличаетъ медленное самоубійство, черезъ истощеніе, напр., голодомъ. «Кажется, говоритъ онъ [1]), что совершенное отрицаніе воли можетъ достигнуть степени, на которой даже воля, необходимая для поддержанія вегетаціи тѣла посредствомъ воспріятія пищи, исчезаетъ.» Такой родъ самоубійства Шопенгауэръ ставитъ высоко, ибо это—полное отрицаніе воли — жить. Конечно, немногіе способны на такой подвигъ, но вообще, изъ того положенія, что основа страданія есть воля, логически вытекаетъ и способъ освобожденія отъ страданія, это — подавленіе воли, аскетизмъ, «преднамѣренное [2]) сокрушеніе воли посредствомъ отказа отъ пріятнаго и изысканіемъ непріятнаго, самоизбранное житіе покаянія и самонаказанія, для непрестаннаго умерщвленія воли».

Вполнѣ понятно, что Шопенгауеръ, исходя изъ принциповъ своей философіи, высоко цѣнилъ безбрачіе. «Удовлетвореніе [3]) половаго влеченія заходитъ за границу подтвержденія собственнаго существованія, наполняющаго столь краткое время, подтверждаетъ жизнь за предѣлами смерти индивидуума, впредь на неопредѣленное время». Потому любовь есть великое преступленіе. «Посмотрите, говоритъ Шопенгауэръ [4]), на этихъ влюбленныхъ, которые такъ страстно ищутъ взаимныхъ взглядовъ. Почему они такъ таинственны, такъ боязливы, такъ походятъ на воровъ? Эти влюбленные — предатели: тамъ во мракѣ они составляютъ заговоръ повторить снова въ мірѣ страданіе. Безъ нихъ оно прекратилось бы, но они мѣшаютъ его прекращенію, подобно другимъ, подобно ихъ отцамъ, которые до нихъ продѣлывали тоже. Любовь есть великая грѣшница, ибо, передавая жизнь, она увѣковѣчиваетъ страданіе». Шопенгауэръ былъ заклятымъ врагомъ женщинъ. Ихъ вина въ томъ, что онѣ, отказавшись отъ любви, могли бы спасти міръ отъ страданія, но онѣ не хотятъ этого сдѣлать; онѣ соумышленницы вѣроломнаго генія рода, которому одному

---

[1]) l. c. стр. 478.
[2]) l. c. стр. 467.
[3]) l, c. стр. 388.
[4]) Взято у Каро. Пессимизмъ XIX в. стр. 134.

нужны новыя поколѣнія людей, для продленія жизни; для достиженія этой цѣли геній рода обманываетъ насъ, обольщая любовью, и въ этомъ пагубномъ обманѣ, женщины являются его орудіями, его соумышленницами. «Можно сказать, говоритъ Каро [1]), что происходитъ борьба не на жизнь, а на смерть между Шопенгауэромъ и женщинами, которыя служатъ посредницами въ этомъ блистательномъ обманѣ, игрушкою котораго является человѣкъ, которыя суть instrumenta regne aut doli въ рукахъ великаго обманщика».

Кинемъ теперь общій взглядъ на ученіе Шопенгауэра, опредѣлимъ его значеніе въ исторіи нашего вопроса. Мы видѣли, что въ общихъ философскихъ вспросахъ Шопенгауэръ, хотя и примыкаетъ къ Канту, но дѣлаетъ такія капитальныя нововведенія, что, по справедливости, онъ долженъ занимать самостоятельное мѣсто въ исторіи философіи. Важнѣйшее отличіе Шопенгауэра отъ Канта заключается въ томъ, что, хотя они оба признаютъ, что во внѣшнемъ мірѣ мы можемъ знать одни только явленія, а не сущности, но въ то время, какъ Кантъ утверждаетъ, что мы ничего больше и знать не можемъ, Шопенгауэръ, напротивъ, думаетъ, что мы можемъ познать сущность самихъ себя, а черезъ это и сущность міра. Эта сущность, какъ читателю уже извѣстно, есть воля. Тутъ начинается второе весьма важное различіе между Шопенгауэромъ и Кантомъ. Кантъ раздѣлилъ область психическихъ явленій на три совершенно различные класса: умъ, волю и чувство; Шопенгауэръ совершенно измѣнилъ это дѣленіе онъ придалъ волѣ главенствующее значеніе; затѣмъ, чувство удовольствія и страданія является у него тожественныхъ съ состояніемъ удовлетворенной и неудовлетворенной воли; познавательной способности онъ тоже отводитъ второстепенное мѣсто, признавая ее чѣмъ-то вторичнымъ, производнымъ. Здѣсь лежитъ, по нашему мнѣнію, одно изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ въ психологіи Шопенгауэра; ему никакъ не удается установить отношеніе воли къ уму, поэтому и его ученіе объ освобожденіи отъ желанія противорѣчитъ самому себѣ; въ самомъ дѣлѣ, если все есть воля,

[1]) Каро, l. c. стр. 128.

если каждый нашъ актъ есть ея проявленіе, то какимъ образомъ можетъ произойти безвольное состояніе какого-нибудь существа? Гдѣ та сила, которая могла бы обуздать волю? Ея у Шопенгауэра нѣтъ; мы впослѣдствіи увидимъ, что послѣдователь Шопенгауэра Гартманъ вышелъ довольно ловко изъ этого затрудненія, поставивъ Идею или умъ какъ второй аттрибутъ субстанціи — Безсознательнаго, аттрибутъ вполнѣ независимый отъ перваго аттрибута — Воли, но у Шопенгауэра познавательная способность не получила такой эмансипаціи, и поэтому актъ обузданія воли вполнѣ непонятенъ. Читатель видѣлъ, что ходъ умозаключеній приведшій Шопенгауэра къ пессимизму былъ таковъ: міръ есть воля; воля, пока она не удовлетворена, есть страданіе; прочное удовлетвореніе воли невозможно, мы осуждены вѣчно желать, вѣчно стремиться, а слѣдовательно, и вѣчно страдать. Какъ сказано выше, мы рѣшили не разбирать вопроса о сущности міра, что же касается вопроса о происхожденіи чувствованій удовольствія и страданія, то объ этомъ мы будемъ говорить въ третьей главѣ; поэтому здѣсь мы только разсмотримъ вопросъ о томъ, какое вліяніе оказалъ пессимизмъ Шопенгауэра на образованный міръ. Нельзя не согласиться съ Гартманомъ, когда онъ говоритъ [1]): «Если вообще во всей философіи Шопенгауэра чувство и фантазія... играли большую роль, чѣмъ у другихъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей, то въ пессимизмѣ... эта опасная пропорція достигаетъ своего высшаго пункта». Дѣйствительно, Шопенгауэръ нигдѣ не пытается анализировать дѣйствительныхъ условій жизни, нигдѣ не пытается точно прослѣдить страданія человѣческой жизни; онъ только живописуетъ намъ эти страданія, но не анализируетъ ихъ; онъ въ душѣ болѣе поэтъ и художникъ, чѣмъ философъ. Это отражается на всей его системѣ: искусству онъ посвящаетъ цѣлый отдѣлъ своей философіи, гдѣ онъ высказываетъ массу глубокихъ замѣчаній и вообще обнаруживаетъ въ себѣ тонкаго знатока. Онъ разсматриваетъ объэкты искусства (кромѣ музыки) какъ платоническія идеи, музыкѣ же онъ отводитъ особенное, въ высшей степени оригинальное мѣсто. Каково бы ни было значе-

[1]) E. v. Hartman. Zur Geschichte und. Begr. d. Pess. S. 69.

ніе этого отдѣла философіи Шопенгауэра, нельзя не признать, что онъ обнаружилъ здѣсь глубоко-художественную душу. Но не въ одномъ только отдѣлѣ, трактующемъ объ эстетикѣ, выказывается поэтическая жилка Шопенгауэра,—она видна всюду, вся его система, все его міровоззрѣніе высоко поэтичны; читая Шопенгауэра можно вообразить, что имѣешь дѣло съ чудесною философскою поэмой: о природѣ вещей. Такимъ образомъ первыми провозвѣстниками пессимизма были: философствующій поэтъ Леопарди и поэтизирующій философъ Шопенгауэръ,—пессемизмъ вначалѣ былъ болѣе чувствомъ, чѣмъ доктриною. Мы видѣли, какимъ крайнимъ оптимизмомъ былъ зараженъ XVIII вѣкъ. Значеніе Шопенгауэра заключается въ томъ, что онъ первый въ болѣе или менѣе строго философской формѣ энергически возсталъ противъ этого оптимизма, онъ первый сорвалъ маску съ фарисейскаго, буржуазнаго самодовольства. И какъ онъ это сдѣлалъ! Съ какимъ блескомъ и съ какою силою! [1]) Хотя мы и теперь еще слышимъ разглагольствованія насчетъ благодѣяній борьбы за существованіе, но въ ушахъ у каждаго изъ насъ звучатъ ужасныя слова Шопенгауэра [2]): «Кто захочетъ быстро провѣрить справедливость утвержденія, что въ мірѣ наслажденіе беретъ перевѣсъ надъ страданіемъ или что они, по крайней мѣрѣ, уравновѣшиваютъ другъ друга, пусть тотъ сравнитъ ощущенія животнаго, пожирающаго другое съ ощущеніями этого пожираемаго». Шопенгауэръ поставилъ вопросъ о цѣнности жизни такъ рѣшительно, что послѣ него не было уже никакой возможности отдѣлываться нѣсколькими фразами и восклицаніями насчетъ премудрости и благодѣтельности природы. Нужно еще замѣтить, что главное сочиненіе Шопенгауэра «Міръ какъ воля и представленіе» вышло въ 1818 г., т. е. за 41 годъ до того, какъ естествознаніе въ лицѣ Дарвина признало борьбу за существованіе міровымъ явленіемъ.

§ 4. Философія Шопенгауэра вначалѣ не имѣла успѣха. То былъ періодъ господства гегелевской системы, къ которой Шопен-

---

[1]) En passant. Русскій переводчикъ А. Фетъ своимъ до невозможности дубовымъ языкомъ съумѣлъ значительно посократить и блескъ, и силу.

[2]) Parerga, II, 313.

гауэръ относился со страшнымъ озлобленіемъ. Его книги не раскупались, и второе изданіе сочиненія «Міръ какъ воля и т. д.» едва могло появиться въ 1844 году; однако, такое пренебреженіе не могло продолжаться долго, и еще при его жизни (онъ умеръ въ 1860 г.) его философія начала пріобрѣтать извѣстность и послѣдователей. Въ настоящее время можно уже говорить о цѣлой школѣ Шопенгауэра. Собственно говоря, наиболѣе талантливые изъ шопенгауэріанцевъ далеко не отличаются ортодоксальностью. Едва ли не самымъ талантливымъ изъ ортодоксальныхъ шопенгауэріанцевъ является Фрауенштедтъ; онъ весьма много потрудился для распространенія идей Шопенгауэра; онъ первый его оцѣнилъ и сталъ энергически пропагандировать. Послѣ смерти своего учителя онъ издалъ его переписку; ему же принадлежитъ большой и кропотливый трудъ: «Schopenhauer—Lexicon». Фрауенштедтъ пытается нѣсколько смягчить шопенгауэровскій пессимизмъ, такъ что даже отрицаетъ пригодность этого термина для обозначенія шопенгауэровской философіи, ибо, по его мнѣнію, нельзя называть пессимистическою ту философію, которая допускаетъ возможность избѣгнуть страданія, черезъ разрушеніе воли.

Но если Фрауенштедтъ сдѣлалъ много для распространенія шопенгауэровской философіи, то за то онъ мало сдѣлалъ для ея дальнѣйшаго развитія. Эту роль взяли на себя два наиболѣе талантливыхъ шопенгауэріанца: Юлусъ Банзенъ и Эдуардъ Гартманъ. Впрочемъ, оба они далеко не ортодоксальны; оба дѣлаютъ весьма важныя измѣненія и дополненія, такъ что, напр., Гартманъ рѣшительно заявляетъ претензію на вполнѣ самостоятельное положеніе относительно Шопенгауэра.

Начнемъ съ Банзена. Главное его отличіе отъ Шопенгауэра заключается въ томъ, что онъ плюралистъ, т. е. для Шопенгауэра воля едина и нераздѣльна, индивидъ есть только призракъ, только частное проявленіе воли; кто вѣритъ, что онъ есть нѣчто отличное отъ остальнаго міра, тотъ не прозрѣлъ еще покрывала Майи, не понялъ principii individuationis, а для Банзена индивидуумъ есть субстанція, онъ есть вполнѣ самостоятальная и независимая воля, а не частное проявленіе единой воли. Поэтому, въ то время,

какъ для Шопенгауэра индивидуумъ есть мимолетный призракъ, для Банзена онъ—вѣченъ, независимъ и неуничтожаемъ. Вторая характерная особенность философіи Банзена, отличающая его, впрочемъ, гораздо болѣе отъ Гартмана, чѣмъ отъ Шопенгауэра, это — рѣшительное отрицаніе какой бы то ни было роли разума въ міровомъ порядкѣ. Для Банзена міровыя явленія не проявляютъ никакой логической связи, но представляютъ только «реально-діалектическій» процессъ. Таковы важнѣйшія положенія, высказанныя Банзеномъ въ его «Философіи исторіи» и въ сочиненіи, озаглавленномъ: «Трагическое, какъ міровой законъ». Исходя изъ этихъ гипотезъ, онъ обосновываетъ самый рѣшительный и отчаянный пессимизмъ, какой только представляетъ намъ современная философія. Для него нѣтъ никакихъ источниковъ наслажденія; даже тѣ радостные оазисы, которые намъ оставилъ Шопенгауэръ, онъ превращаетъ въ самую безотрадную пустыню, даже наслажденія научныя и эстетическія, противъ которыхъ самъ Шопенгауэръ не могъ ничего возразить, кромѣ развѣ того, что они, къ сожалѣнію, не могутъ быть продолжительными, даже эти послѣднія утѣшенія страждущаго человѣчества отнимаются у него Банзеномъ, ибо какія могутъ быть научныя и эстетическія наслажденія въ томъ мірѣ, гдѣ все неразумно и хаотично, гдѣ нѣтъ никакой логической связи между явленіями; созерцаніе такого міра не только не доставитъ никакого наслажденія, но, напротивъ, наполнитъ душу созерцателя ужасомъ и отвращеніемъ. Но это еще не все. Мы знаемъ, что индивидъ вѣченъ и неуничтожаемъ, слѣдовательно, ему нѣтъ никакой возможности уйдти отъ муки бытія, и всякая надежда на какое бы то ни было избавленіе есть чистая иллюзія.

Такимъ образомъ, мы видимъ въ лицѣ Банзена крайнее развитіе шопенгауэровскаго пессимизма; у Банзена нѣтъ уже ни одной свѣтлой точки на мрачномъ фонѣ жизни. «Банзенъ,—говоритъ Каро [1]), — съ гордостью можетъ сказать пессимизму: дальше ты не пойдешь». Философія Банзена не имѣетъ теперь большаго вліянія, по своей популярности она далеко уступаетъ своему кон-

[1]) Каро, L. c., стр. 83.

курренту—философіи Гартмана, да и едва ли когда нибудь Банзенъ пріобрѣтетъ вліяніе.

§ 6. Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ Гартманъ; его произведенія расходятся въ огромныхъ количествахъ изданій и извѣстны всему образованному міру.

Къ его сочиненію «Zur Geschichte u Begr. d. Pess.» приложены издателемъ отзывы о его философіи ученыхъ всѣхъ странъ. Тутъ, кромѣ нѣмцевъ, вы найдете и французовъ, и англичанъ, и американцевъ, и итальянцевъ; здѣсь вы встрѣтите такіе отзывы. какъ: «One of the greatest, deepest, original philosophers, if not the greatest of the present age is Ed. v. Hartmann» (Одинъизъ величайшихъ, глубочайшихъ, оригинальныхъ философовъ, если не величайшій въ настоящее время, есть Э. ф. Гартманъ). Это отзывъ изъ Чикаго. А вотъ отзывъ итальянца, проф. Scartazzini: «Il signor Hartmann é un profondo pensatore, un vero genio filosofico» (Г. Гартманъ—глубокій мыслитель, настоящій философскій геній).

Гартманъ, какъ мы уже говорили, занимаетъ относительно Шопенгауэра довольно самостоятельное положеніе. Онъ самъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ [1]) свое положеніе въ ряду другихъ философовъ: по его мнѣнію, ученіе Канта заключало въ себѣ зародыши двухъ направленій, которыя впослѣдствіи развились отдѣльно, а именно: Гегель, Фихте и Шеллингъ почерпнули свое оптимистическое ученіе о развитіи у Канта, но у Канта же почерпнулъ свое пессимистическое направленіе и Шопенгауэръ; оба направленія развили зародыши, находившіеся у Канта, но оба они ударились въ крайность, враждебно противустали другъ другу и не хотѣли признать того, что есть справедливаго у противника.

Но это противорѣчіе двухъ ученій есть только кажущееся, ихъ можно соединить въ гармоническое цѣлое, и кто это сдѣлаетъ, тотъ завершитъ дѣло Канта, тотъ соединитъ въ высшемъ синтезѣ развитыя ученія, зародыши которыхъ были соединены у Канта. Такую миссію, по мнѣнію Гартмана, выполнилъ онъ своею филосо-

---

[1]) Hartmann. G. u B d. Pess. S. IX—X.

фіей Безсознательнаго; на лонѣ своей философіи онъ соединилъ эволюціонный оптимизмъ Гегеля съ пессимизмомъ Шопенгауэра.

Посмотримъ же, въ чемъ заключается эта философія Безсознательнаго. Гартманъ начинаетъ свою систему разсмотрѣніемъ данныхъ, относящихся къ области біологіи; разсматривая отправленія спиннаго мозга и гангліозной системы, явленія рефлекса и автоматизма, онъ приходитъ къ заключенію, что существуетъ воля, отличающаяся отъ воли головнаго мозга своею безсознательностью. На ряду съ безсознательною волею, онъ открываетъ и безсознательное представленіе; по его мнѣнію, всѣ предлагавшіяся до него гипотезы для объясненія произвольныхъ мышечныхъ движеній не удовлетворительны *); эти движенія онъ объясняетъ безсознательнымъ представленіемъ. Построивши гипотезу о Безсознательномъ, онъ съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ разнообразныя явленія міра и, конечно, всюду находитъ свое Безсознательное. Онъ находитъ: «Безсознательное въ инстинктѣ и рефлективныхъ движеніяхъ», «Безсознательное въ цѣлительныхъ силахъ природы», «Безсознательное въ органическомъ образованіи», «Безсознательное», какъ «инстинктъ въ человѣческомъ духѣ», «Безсознательное въ половой любви», «Безсознательное въ чувствѣ, характерѣ и нравственности», «Безсознательное въ эстетическомъ сужденіи и въ художественномъ творчествѣ», «Безсознательное въ происхожденіи языка», «Безсознательное въ мышленіи», «Безсознательное въ происхожденіи чувственнаго воспріятія», «Безсознательное въ мистикѣ», «Безсознательное въ исторіи», «Безсознательное въ растительномъ царствѣ». Изслѣдовавши такимъ образомъ всевозможныя явленія, онъ приходитъ къ выводу, что сущность всего міра есть Безсознательное, обладающее двумя аттрибутами: Волею и Идеей, или Представленіемъ. Воля есть чистое хотѣніе, стремленіе, она слѣпа и безумна, Идея же безвольна и премудра. Міръ есть порожденіе безумной воли, которой хочется бытія и жизни. Слѣдовательно, міръ произошелъ помимо всякаго участія Идеи, когда же это событіе свершилось, когда Идея, такъ сказать, увидѣла, что Воля, въ своемъ безумномъ желаніи жизни, ввергла міръ въ пучину бѣдствій и страданій бытія, тогда было уже поздно: актъ созданія уже совер-

шился, и уничтожить его прямо выше силъ Идеи. Что же оставалось дѣлать? Но приведемъ слова самаго Гартмана [1]): «Воля, по своей сущности, прежде всего неразумна (безумна, алогична), а когда она дѣйствуетъ, то, по результатамъ своего воленія, она становится противоразумною (антилогичною), ибо она достигаетъ страданія, прямой противоположности своему воленію. Измѣнить это противоразумное воленіе, которому обязанъ міръ своимъ существованіемъ, въ неволеніе и привести къ безболѣзненности небытія—составляетъ задачу разума Безсознательнаго, задачу, которая должна быть рѣшена въ опредѣленіи содержанія міра. Не имѣя никакой власти надъ слѣпою волею, разумъ долженъ былъ употребить уловку для эксплоатаціи ея, именно, дать ей такое содержаніе, чтобы въ индивидуализаціи она обратилась противъ самой себя и вступила въ борьбу сама съ собою. Эта уловка и выразилась въ сознаніи, т. е., въ созданіи такой самостоятельной силы, которая могла бы вступить въ борьбу съ волею. Такимъ образомъ міровой процессъ является постоянною борьбою логическаго элемента съ антилогическимъ, борьбою, которая оканчивается полною побѣдой перваго надъ послѣднимъ».

Въ вышеприведенной выпискѣ мы видимъ образецъ того соединенія шопенгауэровскаго пессимизма съ гегеліанскимъ эволюціоннымъ оптимизмомъ, о которомъ говорилъ Гартманъ. Міръ есть порожденіе безумной воли—вотъ чистѣйшій шопенгауэріанизмъ, отсюда вытекаютъ всѣ страданія и бѣдствія міра, также какъ они вытекали и у Шопенгауэра, но, какъ читатель помнитъ, мы говорили выше, что у Гартмана есть та обуздывающая сила, которой нѣтъ у Шопенгауэра и которая можетъ спасти міръ отъ страданія, приведя его къ небытію. Эта сила есть Идея. Она просвѣтитъ волю и покажетъ ей все безуміе ея хотѣній; прямо она этого сдѣлать не можетъ, за то, она прибѣгаетъ къ хитрости: она создаетъ сознательный индивидуумъ; въ этомъ индивидуумѣ Воля и Идея, такъ сказать, соединяются; здѣсь Воля просвѣщается и приводится къ отрицанію своего собственнаго хотѣнія.

---

[1]) Гартманъ. Философія Безсозн. излож. А. Козлова, т. II, стр. 369.

Происходя отъ безумнаго порыва Воли, міръ, самимъ актомъ своего существованія, осужденъ на страданіе. Идея признала фактъ существованія міра какъ таковой, но рѣшила эксплуатировать его въ свою пользу, рѣшила устроить его по своему. Отсюда премудрое устройство міра. «Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, говоритъ Гартманъ [1]), какъ скоро они немного выходили изъ первобытной дикости, удивлялись премудрости творца, строителя и руководителя міра, и болѣе или менѣе восторженно восхваляли ее... Положенія: «природа ничего не дѣлаетъ даромъ; природа все дѣлаетъ къ лучшему, природа употребляетъ самыя простыя средства и пути для своихъ цѣлей,—суть выраженія этой общепризнанной премудрости природы... Безсознательное не ошибается, не колеблется и моментально мыслитъ цѣлую цѣпь положеній и умозаключеній, тогда какъ сознаніе совершаетъ тоже путемъ длиннаго процесса, и притомъ «Безсознательное» мыслитъ безошибочно: ибо его абсолютному ясновидѣнію всегда и мгновенно предлежатъ всѣ данныя для такого мышленія. Безсознательное моментально видитъ всѣ будущія цѣли, ближайшія и отдаленныя, а также всѣ пути и возможности для сообразнаго съ ними воздѣйствія въ мірѣ. Поэтому всякое вмѣшательство Безсознательнаго въ эту ткань цѣлей въ мірѣ совершается въ должный моментъ, а образъ и способъ этого вмѣшательства есть цѣлесообразнѣйшій изъ всѣхъ возможныхъ... И такъ, мы должны приписать Безсознательному: 1) абсолютное ясновидѣніе, 2) безошибочность въ логической комбинаціи всевозможныхъ данныхъ и возможно-цѣлесообразнѣйшую дѣятельность въ должный моментъ и 3) непрестанное вмѣшательство въ каждое время и на каждомъ мѣстѣ. Далѣе, мы должны допустить, что всевѣдущее Безсознательное при первой постановкѣ этого міра носило въ себѣ идеальное представленіе какъ его, такъ и всѣхъ возможныхъ міровъ, міровыхъ цѣлей и средствъ... Принимая все это во вниманіе, мы имѣемъ право вѣрить, что міръ устроенъ и управляемъ на столько хорошо и премудро, на сколько то возможно, и что, если бы у всевѣдущаго

[1]) l. c. т. II, стр. 240 и слѣд.

Безсознательнаго между всѣми возможными представленіями было бы представленіе о лучшемъ, чѣмъ теперь существующій міръ, то, конечно, и осуществлено было бы то лучшее... Такимъ образомъ, мы считаемъ справедливымъ положеніе Лейбница, что существующій міръ есть лучшій изъ всѣхъ возможныхъ».

Впрочемъ, это признаніе міра лучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ нужно понимать не такъ, какъ это дѣлали Лейбницъ и другіе. «Если «совершенный», говоритъ Гартманъ [1]), вообще имѣетъ какой нибудь смыслъ, то только въ значеніи: «возможно лучшій въ своемъ родѣ», ибо ничто не можетъ быть еще лучшимъ, чѣмъ то возможно, а только въ этомъ смыслѣ есть основаніе называть міръ совершеннымъ. Но незамѣтно подъ понятіе совершеннаго подсунули другое, именно, понятіе безупречнаго, или не имѣющаго недостатковъ, содержащаго въ себѣ абсолютную цѣнность. Но объ такомъ совершенствѣ міра, вѣроятно, никогда и не помышляли; оно есть результатъ подтасовки и смѣшенія понятій. Думали, что «возможно-лучшее» непремѣнно должно быть и хорошо, а между тѣмъ изъ того, что вещь возможно лучшая, нисколько не слѣдуетъ, что она и хороша. Она можетъ быть дурна, сколько ей угодно, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно лучшее и возможно худое прямо тожественны, именно тогда, когда только одинъ случай и возможенъ, или когда всѣ возможные случаи одинаковы по своей цѣнности. Слѣдовательно, возможно лучшій міръ можетъ быть очень дуренъ, и ничто не говоритъ за то, что онъ хорошъ, а потому самое сильное доказательство въ томъ, что онъ дуренъ, нисколько не можетъ служить возраженіемъ противъ того, что онъ возможно лучшій».

Исходя изъ своихъ гипотезъ, Гартманъ даетъ самый широкій просторъ телеологіи [*]); онъ постоянно говоритъ о «цѣляхъ Безсознательнаго», сообразно съ которыми устроенъ весь міръ. По мнѣнію Гартмана [1]), въ премудрости Безсознательнаго можно будетъ только тогда усумниться, «когда намъ докажутъ, что по-

---

[1]) l. c. стр. 245—6. [2]) l. c. стр. 246.

средствомъ даннаго устройства міра преслѣдуется нелѣпая конечная цѣль, или же,—что для дѣйствительно хорошей цѣли употребляются несообразныя средства».

Итакъ, мы знаемъ, что міръ есть лучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, но не знаемъ, хорошъ ли онъ или дуренъ. Разсмотримъ рѣшеніе этого вопроса, предлагаемое Гартманомъ. Задачу свою онъ опредѣляетъ вполнѣ точно: «изслѣдовать: [1]) бытіе или небытіе этого міра заслуживаетъ предпочтенія». Гартманъ говоритъ, что если обратиться къ личнымъ отзывамъ великихъ мыслителей, то окажется, что тѣ изъ нихъ, которые высказали свое мнѣніе, всѣ склоняются къ пессимизму. Для доказательства онъ приводитъ отзывы Платона, Канта, Фихте, Шеллинга и Шопенгауэра. Но, продолжаетъ Гартманъ, эти отзывы не рѣшаютъ вопроса, геніальные люди могутъ чувствовать въ нашемъ мірѣ тоску потому только, что они стоятъ выше него. Міръ долженъ быть судимъ своею мѣркою, а не мѣркою геніевъ. Онъ говоритъ: «Для постановки приблизительно вѣрнаго сужденія о мірѣ въ его цѣломъ, нужно сдѣлать оцѣнку каждой ступени проявленія Безсознательнаго по ея собственному масштабу, и потомъ изъ этихъ спеціальныхъ оцѣнокъ взять алгебраическую сумму».

По мнѣнію Гартмана, какъ все человѣчество, такъ и отдѣльные люди, въ своей погонѣ за счастіемъ проходятъ три стадіи иллюзіи. Въ первой стадіи они надѣются достигнуть счастія немедленно, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они живутъ; затѣмъ, отчаявшись достигнуть счастія въ этой земной жизни, они вступаютъ во вторую стадію иллюзіи, перенося свои надежды на трансцендентный (сверхчувственный, загробный) міръ и, наконецъ, когда и эта иллюзія разрушается, люди вступаютъ въ третью и послѣднюю стадію иллюзіи, а именно: они считаютъ счастіе достижимымъ въ будущемъ мироваго процесса.

Въ жизни человѣчества первую стадію представляетъ древній міръ; притомъ, тогда какъ Іудеи самымъ наивнымъ образомъ воображали достигнуть счастія въ непосредственномъ матеріальномъ благосостояніи, Греки, напротивъ, искали его въ научномъ и ху-

[1]) l. c. стр. 255.

дожественномъ наслажденіи, а Римляне присоединили къ этому еще стремленіе найти его въ блескѣ и могуществѣ отечества. Всѣ эти надежды въ концѣ концовъ потерпѣли фіаско, и разочарованное человѣчество вступило во вторую стадію, въ стадію христіанскаго, средневѣковаго міросозерцанія. Люди признали землю юдолью плача и скорби и возложили всѣ свои надежды на трансцендентный міръ. Послѣ того, какъ средневѣковое міросозерцаніе было расшатано, человѣчество вступило въ третью стадію иллюзіи, въ стадію современной вѣры въ прогрессъ, вѣры въ то счастіе, которое ожидаетъ человѣчество въ будущемъ его развитія на землѣ.

Гартманъ анализируетъ каждую стадію отдѣльно. Начнемъ съ первой.

Первая стадія иллюзіи.

Прежде всего Гартманъ протестуетъ противъ утвержденія Шопенгауэра, что всякое удовольствіе имѣетъ чисто отрицательное значеніе, т. е., обозначаетъ только прекращеніе страданія. Онъ говоритъ [1]): «Я нисколько не думаю оспаривать, что всякое устраненіе или уменьшеніе страданія есть наслажденіе; но не всякое наслажденіе есть устраненіе или уменьшеніе страданія, и притомъ наоборотъ вѣрно также и то, что всякое прекращеніе или уменьшеніе наслажденія есть страданіе». Въ примѣръ такихъ наслажденій, которымъ не предшествовало никакое страданіе, онъ приводитъ наслажденія гастрономическія или художественныя и научныя. Послѣднія, какъ читателю уже извѣстно, самъ Шопенгауэръ считаетъ безболѣзненными, и именно потому, что они были свободнымъ отъ воли актомъ; очевидно, что, давая такое объясненіе, Шопенгауэръ противорѣчитъ основному положенію своей философіи, и Гартманъ вполнѣ справедливо нападаетъ на него за это, говоря [2]): «какъ будто свободный отъ воли разумъ еще можетъ наслаждаться, или какъ будто можетъ быть ощущеніе наслажденія безъ воли, въ удовлетвореніи которой оно состоитъ». Выше мы говорили, что у Шопенгауэра крайне слабо и неопредѣленно разрѣшается вопросъ

[1]) l. c. стр. 266. [2]) l. c. стр. 268.

объ отношеніи познанія къ волѣ; въ только что указанномъ противорѣчіи въ ученіи Шопенгауэра мы находимъ новое подтвержденіе справедливости нашихъ словъ. Но какъ же самъ Гартманъ объясняетъ эти безболѣзненные акты наслажденія? Онъ рѣшаетъ вопросъ предположеніемъ, что въ этихъ случаяхъ «воля [1]) вызывается въ тотъ же самый моментъ, въ который и удовлетворяется, такъ что для ея неудовлетвореннаго пребыванія нѣтъ времени. Это объясняется тѣмъ, что одно и то же и возбуждаетъ (мотивируетъ) волю и удовлетворяетъ ее, въ чемъ тотчасъ же можно убѣдиться, если съѣсть невкусный кусокъ между вкусными, или выслушать среди музыкальной пьесы ошибочные диссонансы. Тогда воля будетъ возбуждена, но не удовлетворена, и тотчасъ же появится недовольство».

Слабость подобнаго объясненія очевидна. Разъ мы примемъ, что воля есть страданіе, а наслажденіе есть удовлетвореніе воли, то безусловно необходимое заключеніе то, что наслажденіе есть прекращеніе страданія. Объясненіе Гартмана, что воля въ одно и то же время и возбуждается, и удовлетворяется, крайне неудачно, оно грѣшитъ противъ основнаго закона мышленія—закона противорѣчія, который гласитъ, что вещь не можетъ въ одно и то же время и быть, и не быть.

Мы не безъ основанія остановились нѣсколько долго на этомъ пунктѣ, ибо это весьма важный случай. Его значеніе будетъ понятно, когда мы въ третьей главѣ будемъ разсматривать вопросъ о томъ, есть ли страданіе и наслажденіе дѣйствительно только удовлетворенная и неудовлетворенная воля, или же, напротивъ, они независимы отъ воли. Тогда читатель увидитъ, что данный случай есть настоящій exsperimentum crucis (рѣшающій опытъ) для нашего вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, факта существованія безболѣзненныхъ наслажденій отрицать невозможно; его признаютъ и Шопенгауэръ, и Гартманъ, и однако, въ то время какъ противная сторона весьма легко объясняетъ этотъ фактъ, теорія Шопенгауэра и Гартмана оказывается совершенно безсильною его объяснить. Далѣе, можно бы сказать, что шопенгауэръ-гартманов-

[1]) l. c. стр. 269.

ская теорія, быть можетъ, въ состояніи объяснить фактъ наслажденія, которому не предшествовало никакое страданіе, но что ни Шопенгауэръ, ни Гартманъ не съумѣли этого сдѣлать. Можно сказать, что, хотя воля и принимаетъ участіе въ этихъ наслажденіяхъ, но не такъ, какъ это думаетъ Гартманъ, т. е. воля вызывается не одновременно со своимъ уничтоженіемъ, но тогда, значитъ, она вызывается ранѣе своего удовлетворенія (еще одно возможное предположеніе, а именно, что она вызывается послѣ своего удовлетворенія, до того нелѣпо, что и опровергать его не стоитъ), а если это такъ, если она существовала хоть одно мгновеніе до своего уничтоженія, то, слѣдовательно, было предварительное страданіе, что противурѣчитъ исходному пункту разсужденій — утвержденію, что безболѣзненныя наслажденія существуютъ; слѣдовательно, такое предположеніе не объясняетъ, а отвергаетъ этотъ безспорный фактъ.

Но возвратимся къ положенію ученія Гартмана. Выше мы видѣли, что онъ признаетъ положительныя наслажденія; онъ утверждаетъ, что «наслажденіе и страданіе вообще различаются на подобіе положительной и отрицательной величинъ въ математикѣ, такъ что безразлично какой знакъ (+ или —) придать одному и какой другому» [1]). Но тутъ же спѣшитъ прибавить, что это разногласіе съ Шопенгауэромъ на практикѣ теряетъ всякое значеніе; это происходитъ вслѣдствіе слѣдующаго: 1) «Наслажденіе и страданіе затрогиваютъ нервную систему и производятъ родъ утомленія, который при высшихъ степеняхъ наслажденія можетъ дойти до смертельнаго изнеможенія» [2]); такъ что является потребность, «чтобы наступило прекращеніе или ослабленіе чувства. Эта потребность, корень которой въ нервномъ утомленіи, порождаетъ, въ случаѣ чувства страданія, прямое отвращеніе къ перенесенію страданія, напротивъ, въ случаѣ чувства наслажденія она дѣйствуетъ противоположно желанію продолжать или закрѣпить наслажденіе и всегда уменьшаетъ это послѣднее и даже, наконецъ, можетъ и совсѣмъ его перевѣсить (вспомнимъ изнеможеніе въ половомъ наслажденіи).

---

[1]) l. c. стр. 272. [2]) l. c. стр. 266—7.

Отсюда страданіе (за исключеніемъ полнаго притупленія нервовъ отъ очень большихъ страданій) бываетъ тѣмъ больнѣе, чѣмъ долѣе оно продолжается, а наслажденіе чѣмъ оно больше, тѣмъ сильнѣе вызываетъ равнодушіе и даже надоѣдаетъ». 2) Вслѣдствіе этого свойства нервной системы и абсолютнаго перевѣса массы страданій надъ наслажденіями является «необходимость видѣть во всякомъ наслажденіи непрямое наслажденіе, которое возникаетъ только вслѣдствіи прекращенія или ослабленія страданія, а не вслѣдствіе моментальнаго удовлетворенія воли въ моментъ возбужденія ея». 3) «Третьей причиной являются «затрудненія предстоящія для сознаваемости удовлетворенія воли, между тѣмъ какъ страданіе ео ipso порождаетъ сознаніе». Это происходитъ вслѣдствіе того, что «неудовлетвореніе воли, по самой его природѣ, всегда должно быть сознаваемо, удовлетвореніе же только тогда, когда сознательный разумъ, сравнивая его съ противоположными опытами, наноминаетъ себѣ, что удовлетвореніе зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и нисколько не есть непосредственное и необходимое послѣдствіе воли» *). 4) Послѣдней причиной является «непродолжительность удовлетворенія, которое проносится какъ мгновеніе, между тѣмъ какъ неудовлетвореніе длится столько же, сколько времени заявляетъ о себѣ воля; а такъ какъ нѣтъ ни единаго мгновенія, въ которое не существовало бы какой либо наличной воли, то неудовлетвореніе, такъ сказать, пребываетъ вѣчно» [1]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что, хотя положительныя наслажденія и возможны, но въ дѣйствительности ихъ почти никогда не бываетъ. Но намъ предстоитъ разсмотрѣть еще вопросъ, равноцѣнны ли страданіе и наслажденіе, или, говоря словами Гартмана [2]), «можетъ ли наслажденіе вообще уравновѣшивать страданіе и какой коэффиціентъ нужно придать какой либо степени наслажденія для того, чтобы оно уравновѣшивало для сознанія такую же степень страданія» [3]). Затѣмъ Гартманъ при-

---

[1]) l. c. стр. 270. [2]) l. c. стр. 272.

[3]) Какъ читатель, конечно, замѣтилъ, я всюду дѣлаю ссылки по русскому переводу—изложенію г. Козлова. Въ нѣмецкомъ подлинникѣ Гартманъ собственно говоритъ: „Welcher Coefficient oder Exponent zu einem Grade der

бавляетъ: «Шопенгауэръ, при ссылкѣ на стихъ Петрарки: «Mille piacer non vagliono un tormento (тысяча наслажденій не искупаютъ одной муки)» ставитъ эксцентрическое положеніе, что вообще никогда и никакая степень наслажденія не можетъ уравновѣсить страданіе».

Замѣтимъ отъ себя, что это «эксцентрическое положеніе» Шопенгауэра есть необходимый логическій выводъ изъ его положенія, что всякое наслажденіе есть только прекращеніе страданія. Гартманъ былъ менѣе логиченъ и послѣдователенъ, чѣмъ Шопенгауэръ, ибо и онъ обязательно долженъ былъ принять это «эксцентрическое положеніе» для всѣхъ случаевъ, кромѣ случаевъ положительнаго наслажденія, а такъ какъ онъ самъ утверждаетъ, что на практикѣ выходитъ почти то же, что утверждаетъ Шопенгауэръ, то ему, чтобы быть послѣдовательнымъ, необходимо было заявить, что на практикѣ дѣйствительно «никакая степень наслажденія не можетъ уравновѣсить страданіе». Однако, Гартманъ этого не дѣлаетъ, но пытается опредѣлить искомый коэффиціентъ. Онъ говоритъ [1]): «Если я могу выбирать или ничего не слушать, или же сперва въ теченіе пяти минутъ слушать дисгармоническіе звуки, и потомъ въ теченіе пяти минутъ хорошую музыку, если я могу выбирать или ничего не нюхать, или же сперва нюхать вонь, а потомъ благовоніе; если я могу выбирать или ничего не вкушать, или же сперва отвѣдать что либо не вкусное, а потомъ вкусное: то я во всѣхъ случаяхъ рѣшусь ничего не слышать, не нюхать, и не вкушать даже и тогда, когда мнѣ слѣдующія одни за другими ощущенія недовольства и удовольствія казались бы равными по степени, хотя, конечно, трудно было бы констатиро-

---

Lust gesetzt werden musse“ (Philos. d. Unbew. 4 Aufl. s. 646). Русскій переводчикъ выкинулъ слова: oder Exponent (или экспонентъ) и, конечно, прекрасно сдѣлалъ, ибо это выраженіе крайне неудачно, да и самъ Гартманъ далѣе говоритъ только о коэффиціэнтахъ. Здѣсь пользуюсь случаевъ, чтобы замѣтить слѣдующее: если русское изданіе Философіи Безсознательнаго и названо изложеніемъ, а не переводомъ, то это не мѣшаетъ ему быть почти полнымъ переводомъ, на что указываетъ и самъ переводчикъ въ своемъ предисловіи. Кромѣ того, въ болѣе важныхъ мѣстахъ я справляюсь съ подлинникомъ, такъ что читатель можетъ быть увѣренъ, что цитаты вѣрны. П. М.

[1]) l. c. стр. 275—6.

вать это равенство. Отсюда я заключаю, что удовольствіе по степени должно быть замѣтно бо̀льшимъ, сравнительно съ однороднымъ ему недовольствомъ, для того, чтобы на вѣсахъ сознанія соединеніе ихъ могло стать на ряду съ нулевою точкою ощущенія». Слѣдовательно, мы можемъ сказать съ увѣренностью, что наслажденіе и страданіе не равны другъ другу, что для того, чтобы ихъ уравновѣсить, нужно придать наслажденію коэффиціэнтъ, о которомъ мы знаемъ только то, что «средняя его величина должна быть болѣе 1» [1]).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, Гартманъ приступаетъ къ сведенію баланса жизни на первой стадіи иллюзіи. Будемъ слѣдовать шагъ за шагомъ за анализомъ Гартмана.

1) Здоровье, молодость, свобода и достаточность, какъ условія нулевой точки ощущенія, и довольства. Эти блага не безъ основанія считаются величайшими благами жизни, но они имѣютъ чисто отрицательный характеръ, «они [2]) суть: отсутствіе старости, болѣзни, рабства и нужды». Относительно здоровья это ясно; когда мы здоровы, мы не ощущаемъ наслажденія вслѣдствіе этого, мы радуемся здоровью только послѣ прекращенія болѣзни; только больной глазною болѣзнью чувствуетъ, что у него есть глаза. Тоже можно сказать и о свободѣ; мы только страдаемъ вслѣдствіе ея стѣсненія; но когда мы ею пользуемся, то находимъ это такимъ естественнымъ, что нисколько не радуемся. Молодость есть тотъ возрастъ, въ которомъ только и можно пользоваться полнымъ здоровьемъ. «Молодость обладаетъ полною способностью къ наслажденіямъ» [3]), но все таки это только способность или возможность наслажденія, а не самое наслажденіе. Матеріальная обезпеченность есть только отсутствіе голода, холода и т. п.; это опять таки только conditio sine qua non счастливой жизни. Еслибы обезпеченность была положительнымъ благомъ, то ее одной было бы достаточно для счастія. «Но на дѣлѣ совсѣмъ не такъ. обезпеченное состояніе есть мука, если оно не наполнено. Эта мука обнаруживается въ скукѣ». Отъ скуки люди обыкновенно спасаются трудомъ; но трудъ самъ по собѣ тягостенъ, и мы

---

[1]) l. c. стр. 276. [2]) l. c. стр. 277. [3]) l. c. стр. 378.

его принимаемъ (конечно, не считая того случая, когда намъ необходимо работать) только для избѣжанія скуки. Чтобы понять, какъ тягостенъ трудъ самъ по себѣ, нѣтъ надобности вспоминать о рабскомъ трудѣ, довольно вспомнить трудъ нашихъ рабочихъ! Кто обладаетъ этими четырьмя отрицательными благами, у того «есть внѣшнія условія къ довольству, а если же присоединяется къ тому необходимое внутреннее условіе, умѣренность, способность удовлетвориться необходимымъ», то ему довольство обезпечено до первой бѣды. Довольство не ищетъ положительнаго счастія, оно ему даже опасно, ибо съ нимъ соединена вѣроятность испытать несчастіе: довольство стремится только уйти отъ страданія, достигнуть безмятежности. «Если вообще разумно, какъ я и думаю, здоровье, молодость, свободу и беззаботное существованіе называть величайшими благами, а довольство величайшимъ счастіемъ: то изъ этого слѣдуетъ, что съ положительными благами и счастіемъ соединено столько горестныхъ обстоятельствъ, что этимъ благамъ и счастію основательно можно предпочесть привативныя блага и счастіе, т. е., состоящія въ одной свободѣ отъ страданій. Но что же такое свобода отъ страданій?—Небытіе и только!... Значитъ, паравнѣ съ небытіемъ стояла бы только абсолютно довольная жизнь, еслибы таковая была: но ея нѣтъ,.... слѣдовательно, всякая жизнь стоитъ ниже абсолютнаго довольства, т. е. небытія» [1]).

2) Голодъ и любовь. «Эти два влеченія, говоритъ Гартманъ [2]), почти исключительно обусловливаютъ какъ поступательное движеніе животнаго царства, такъ и начало развитія человѣчества. Поэтому, вопросъ о цѣнности этихъ двухъ факторовъ имѣетъ громадное значеніе. Начнемъ съ перваго. Голодъ мучителенъ, а его удовлетвореніе составляетъ только прекращеніе страданія; конечно, самый актъ пищеваренія можетъ дать нѣкоторое наслажденіе, но оно будетъ весьма мало. «Кто столь счастливъ, что можетъ тотчасъ удовлетворять голодъ, какъ скоро онъ обнаружится, и у кого не ослабѣваетъ отъ насыщенія головной мозгъ, у того, конечно, голодъ въ силу ощущенія пищеваренія можетъ

[1]) l. c. стр. 280—1. [2]) l. c. стр. 281.

произвести нѣкоторый излишекъ удовольствія; но сколь мало людей, которые находятся въ этомъ двоякомъ завидномъ положеніи. Большая часть 1,300 милліоновъ жителей земнаго шара имѣютъ... скудное, неудовлетворительное питаніе... Но какое сравненіе между тупымъ удовольствіемъ насыщенія и пищеваренія и столь яснымъ для сознанія головнаго мозга терзаніемъ голода или адской мукой жажды!» «Можетъ ли роскошь тысячи гастрономовъ перевѣсить муки голодной смерти одного человѣка?» Правда, теперь, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ, прямая голодная смерть сравнительно рѣдка, но, за то, подъ вліяніемъ голода происходитъ умственное и физическое измельчаніе расы. Затѣмъ Гартманъ чисто мальтузіанскими доводами доказываетъ, что человѣчество всегда будетъ находиться въ состояніи хроническаго голоданія, ибо увеличеніе народонаселенія сдерживается только невозможностью пропитанія. Эта невозможность «уже давно стала главною преградою для увеличенія народонаселенія и въ будущемъ станетъ ею исключительно» [1]).

Затѣмъ Гартманъ переходитъ къ анализу любви. Онъ указываетъ на чисто физическія страданія въ любви, какъ, напр., страданія женщинъ во время родовъ и послѣродоваго періода; но, прибавляетъ онъ, чисто физическая сторона имѣетъ второстепенное значеніе. «Посмотримъ, говоритъ онъ [2]), на послѣдствія любви вообще. Обыкновенно одна сторона любитъ сильнѣе, чѣмъ другая, такъ какъ эта послѣдняя обыкновенно охладѣваетъ прежде, то первая чувствуетъ себя вѣроломно оставленною и преданною... Наиболѣе жестоки страданія у женщины, которая во имя истинной, глубокой любви все принесла въ жертву возлюбленному... и когда брошена и оставлена такая женщина, то она, по истинѣ, представляетъ нѣчто безусловно безпомощное въ мірѣ». Къ этому нужно прибавить еще всѣ страданія неудовлетворенной любви; да, кромѣ того, и само наслажденіе бываетъ только пропорціонально предшествовавшимъ затрудненіямъ и препятствіямъ. «Калифъ, напр., который сознаетъ, что ему стоитъ только повелѣть, чтобы обладать любою подданною, которая ему нравится,

[1]) l. c. стр. 284. [2]) l. c. стр. 288.

почти не будетъ сознавать удовлетворенія своей воли, какъ бы сильна она ни была въ какомъ либо частномъ случаѣ. Отсюда слѣдуетъ, что наслажденіе удовлетворенія покупается только предъидущими страданіями отъ предполагаемой невозможности достигнуть обладанія: ибо затрудненія, преодолѣніе которыхъ предвидится какъ несомнѣнное, уже перестаютъ быть затрудненіями». Кромѣ того, сама любовь основана на иллюзіи. «Сознаніе... находитъ въ себѣ страстное желаніе обладать любимымъ предметомъ, силою и страстностью превосходящее всякое иное знакомое проявленіе воли. Но такъ какъ оно въ тоже время не подозрѣваетъ безсознательнаго мотива этой воли (будущаго новорожденнаго), то подставляетъ на мѣсто этого мотива надежду на невыразимое блаженство. Инстинктъ поддерживаетъ эту иллюзію, ибо, еслибы человѣкъ замѣтилъ, что его эгоизмъ соблазняется ради чуждыхъ ему цѣлей, то онъ тотчасъ же постарался бы подавить инстинктъ страстной любви. Такъ возникаетъ иллюзія, съ которой любящій стремится къ акту обладанія: а что она есть дѣйствительно иллюзія, въ томъ можно было бы убѣдиться опытомъ, еслибы удалось незамѣтно подсунуть любящему подложное лицо, къ обладанію которымъ его воля обнаруживала бы отвращеніе, тогда оказалось бы, что удовлетвореніе воли воспослѣдовало бы въ той же мѣрѣ, какъ и съ настоящимъ любимымъ существомъ» [1]). Но эта иллюзія любви не можетъ долго держаться. Какъ только обладанію ничто не угрожаетъ, сейчасъ же «воля обладать» становится скрытою, и поэтому ея удовлетвореніе все менѣе и менѣе чувствуется какъ наслажденіе. Тогда наступаетъ разочарованіе; человѣкъ думалъ найти вѣчное блаженство, войти въ новую эру жизни, а оказывается, что все осталось по старому; въ любимомъ существѣ, которое онъ прежде идеализировалъ, онъ находитъ обыкновеннаго человѣка, со всѣми человѣческими слабостями и недостатками. Тогда начинается недовольство и досада на самаго себя: ему стыдно своего былаго увлеченія.

Гартманъ слѣдующимъ образомъ подводитъ итогъ своему ана-

---

[1]) l. c. стр. 291—2.

лизу любви: «Вотъ общій результатъ, который мы нашли: это—наслажденіе, въ основѣ котораго лежитъ иллюзія, и все таки съ перевѣсомъ страданія въ самомъ счастливомъ случаѣ, а въ большинствѣ случаевъ — преграды для воли съ горемъ и отчаяніемъ, но безъ достиженія цѣли; разбитое будущее для многихъ женскихъ индивидуумовъ вслѣдствіе потери женской чести, составляющей для женщины единственную общественную точку опоры» [1]).

3) Состраданіе, дружба и семейное счастіе. Состраданіе есть смѣшанное чувство довольства и недовольства. Недовольство происходитъ вслѣдствіе нашего сочувственнаго страданія (со—страданія) при видѣ чужаго бѣдствія; иногда оно бываетъ такъ велико, что заглушаетъ всякое чувство довольства: вообразимъ, напримѣръ, поле битвы. Но какъ объяснить удовольствіе въ состраданіи? «Не встрѣчая нигдѣ, говоритъ Гартманъ, малѣйшей попытки какого либо другаго объясненія для удовольствія въ состраданіи, я вижу только одну возможность объяснить его тѣмъ, что контрастъ чужаго бѣдствія съ отсутствіемъ его у себя возбуждаетъ скрытое отвращеніе (т. е. отрицательную волю) къ перенесенію такого же бѣдствія; эта воля тутъ же удовлетворяется, и удовлетвореніе приходитъ къ сознанію. При такомъ объясненіи, удовольствіе въ состраданіи, конечно, оказывается чистымъ эгоизмомъ». Поэтому-то людямъ самоотверженнымъ и тонко развитымъ состраданіе причиняетъ сильную муку, которой они стараются избѣжать, тогда какъ люди грубые и жестокіе любятъ носиться съ своимъ состраданіемъ». «Итакъ, заключаетъ Гартманъ [2]), если мы взглянемъ на состраданіе, какъ на инстинктъ, имѣющій въ виду ограничить и исправить вредъ, исходящій отъ эгоизма и несправедливости, то нельзя не оправдать его, какъ меньшее изъ двухъ золъ; тѣмъ не менѣе, разсматриваемое само по себѣ, оно все таки есть зло, ибо приноситъ болѣе недовольства, чѣмъ удовольствія».

Человѣкъ есть общественное животное, онъ нуждается въ общеніи съ себѣ подобными. Удовлетвореніе этой потребности, подобно здоровью и свободѣ, только даетъ возможность достигнуть

---

[1]) l. c. стр. 298. [2]) l. c. стр. 299.

нѣкоторыхъ положительныхъ наслажденій. Только незначительная часть дружескихъ отношеній, именно истинная дружба, даетъ положительныя наслажденія. Общественная жизнь способствуетъ образованію и накопленію нѣкоторыхъ благъ (какъ, напр., знаній), но сама по себѣ не есть благо. Съ другой стороны, она безспорно приноситъ реальныя страданія, налагая на человѣка извѣстныя стѣсненія. Еслибы люди испытывали больше наслажденій, чѣмъ страданій, то общественная жизнь и дружба, повышая сочувствіе, доставляли бы массу положительныхъ наслажденій, но теперь, принимая во вниманіе перевѣсъ страданій надъ наслажденіями у отдѣльнаго человѣка, это повышенное сочувствіе служитъ только источникомъ страданій.

Счастіе дружбы основано главнымъ образомъ на совмѣстности интересовъ; но нигдѣ не бываетъ такой сильной общности интересовъ, какъ въ бракѣ. Тѣмъ не менѣе, большинство браковъ служатъ источникомъ страданій. «Это зависитъ, говоритъ Гартманъ [1]), отъ глупости людей, которые не умѣютъ въ мелочахъ поступиться своими взаимными слабостями; отъ случайности, которая сводитъ въ бракѣ разные характеры, отъ обоюднаго указанія на права тамъ, гдѣ нужно брать въ посредники только снисхожденіе и дружбу... отъ взаимной раздражительности и огорченій... отъ тяжкаго сознанія неразрывности брачныхъ цѣпей». Къ довершенію непріятности, разрывъ самаго несчастнаго брака причиняетъ массу страданій, вслѣдствіе привычки другъ къ другу. Только одинъ инстинктъ влечетъ человѣка къ браку, разумъ не могъ бы одобрить этого; инстинктомъ же объясняется и желаніе имѣть непремѣнно дѣтей. Здѣсь Гартманъ приводитъ слѣдующую цитату изъ Шопенгауэра (Parerga, II, § 321 — 322): «Представимъ себѣ только, что актъ рожденія не былъ бы потребностью и не сопровождался бы наслажденіемъ, а былъ бы дѣломъ чисто разумныхъ соображеній, и спросимъ себя: долго ли существовалъ бы тогда родъ человѣческій? Неужели тогда каждый не имѣлъ бы на столько состраданія къ будущему поколѣнію, чтобы избавить его отъ бремени бытія, или, по крайней мѣрѣ, рѣшился бы

[1]) l. c. стр. 302—3.

взять на себя отвѣтственность хладнокровно возложить на него это бремя?» Самимъ родителямъ дѣти никогда не приносятъ столько радостей, чтобы она перевысила всю заботу, досаду, огорченія и непріятности, которыя они причиняютъ. Сюда нужно еще прибавить вѣчныя опасенія за жизнь дѣтей и страданія отъ ихъ преждевременной смерти, и за все это родители не имѣютъ ничего, кромѣ надежды на будущее...

4) Тщеславіе, чувство собственнаго достоинства, честолюбіе, славолюбіе и властолюбіе. Честь Гартманъ раздѣляетъ на объективную и субъективную. Объективную честь составляетъ оцѣнка человѣка другими, по Гартману, ее удобно подраздѣлить на:

Положительную честь.
- A. Честь по оцѣнкѣ со внѣшней стороны:
  - a » » » по владѣнію.
  - b » » » » положенію.
  - c » » » » рангу.
  - d » » » » красотѣ.
- B. Честь по оцѣнкѣ со внутренней стороны:
  - a » » » по труду.
  - b » » » » уму или образованію.
  - c » » » » нравственности [1]).

Отрицательную честь.
- a » » » за любовь къ ближнему.
- b » » » » справедливость.
- c » » » » честь гражданскую.
- d » » » » » женскую (половую).

Отрицательною честью обладаетъ всякій, пока онъ ея не потерялъ, поэтому она означаетъ только нулевую точку достоинства; положительною честью обладаютъ только нѣкоторые, и поэтому она имѣетъ положительную величину.

---

[1]) Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что „честь по нравственности“ отнесена къ положительной чести, а ея подраздѣленія: „честь за любовь къ ближнему“ и „за справедливость“ къ отрицательной. Я отнюдь не думаю защищать этой не слишкомъ-то удачной классификаціи Гартмана, но все таки замѣчу, что въ подобномъ подраздѣленіи нѣтъ противорѣчія, ибо Гартманъ ниже объясняетъ, что „честь по нравственности положительна только при дѣятельной любви“. П. М.

Субъективная честь бываетъ: прямая, состоящая въ собственной оцѣнкѣ самого себя, и косвенная, являющаяся результатомъ оцѣнки другими. Первая называется гордостью, вторая—тщеславіемъ. Гордость, или высокая оцѣнка самаго себя,—завидное качество; но гордому человѣку приходится испытывать много огорченій, не говоря уже о постоянно возобновляющихся сомнѣніяхъ въ самомъ себѣ, ему еще приходится, для избѣжанія непріятностей, надѣвать лицемѣрную маску скромности. Тщеславіе и всѣ чувства (напр., честолюбіе), вытекающія изъ него, во первыхъ, основаны на иллюзіи, а во вторыхъ, причиняютъ гораздо больше страданій, чѣмъ наслажденій. Честолюбіе похоже «на соленую воду, которой чѣмъ больше пьешь, тѣмъ болѣе пить хочется». Отсюда — вѣчныя жалобы на неудовлетворенное честолюбіе. Сверхъ того, очевидно, что оно основано на иллюзіи, «ибо поприще моихъ страданій и радостей есть все таки моя голова, а не другихъ людей, а потому мнѣніе ихъ обо мнѣ ничего не можетъ ни прибавить, ни убавить въ моихъ радостяхъ и горѣ» [1]).

«Конечно, напр., Спинозѣ ничего отъ того не прибудетъ, что какой либо N. скажетъ: «это была умная голова», но что Спиноза былъ въ состояніи имѣть высказанныя имъ мысли—это могло быть для него источникомъ счастія». Тѣ же заключенія можно дать и относительно властолюбія. Кромѣ того, «привычная власть уже не даетъ наслажденій, но за то, всякое сопротивленіе противъ нея ощущается до послѣдней степени горько» [2]). Что касается чести «по владѣнію», «по положенію» и «по рангу», то они, такъ или иначе, сводятся на предыдущія; честь «по красотѣ» нужно искать не у насъ, а у тѣхъ народовъ, которые имѣютъ чувство красоты (древніе Греки)».

5) Мистическое настроеніе. Высокое воодушевленіе, связанное съ мистикой, конечно, можетъ дойти до того, что передъ нимъ исчезнутъ всѣ земныя бѣдствія. Но, во первыхъ, оно бываетъ рѣдко, ибо для этого нужно особенное дарованіе, во вторыхъ, съ нимъ соединены великія страданія. Для достиженія его нужно пройти продолжительный искусъ умерщвленія плоти,

[1]) l. c. стр. 275—6.
[2]) l. c. стр. 314.

борьбы съ вѣчно возобновляющимися соблазнами. Отреченіе отъ міра рѣдко является какъ слѣдствіе сознанія его бѣдственности; по большей части это—настоящая жертва, а потому всегда остается сожалѣніе о потерянномъ счастіи. Что касается нисшей степени мистическаго настроенія, когда оно соединено съ мірскою жизнью, то здѣсь—вѣчныя страданія отъ неполноты отреченія, отъ сознанія своего несовершенства. Къ этому нужно прибавить, что мистическое настроеніе мало распространено въ наше время, оно болѣе сродно средневѣковому состоянію общества.

6) Безнравственность. Основная форма безнравственности заключается въ томъ, что человѣкъ, для пріобрѣтенія наслажденія, заставляетъ страдать одного или нѣсколькихъ другихъ индивидуумовъ. Вполнѣ понятно, что наслажденіе, пріобрѣтаемое угнетателемъ, вслѣдствіе безнравственнаго дѣянія, меньше того страданія, какое испытываютъ угнетенные. Слѣдовательно, если бы въ нашемъ мірѣ отношеніе между страданіемъ и наслажденіемъ было бы равно единицѣ, то одно уже существованіе безнравственности дало бы перевѣсъ страданію. Въ нашемъ же несчастномъ мірѣ оно переполняетъ чашу бѣдствій, ибо ни одно страданіе не чувствуется такъ горько, какъ то, которое причиняютъ намъ ближніе. Справедливость не можетъ увеличить счастія, ибо это только возстановленіе нарушенныхъ правъ, уничтоженіе страданія. Правда, положительная благотворительность увеличиваетъ счастіе, но и тутъ нужно признать, что гораздо больше несчастія заключается въ томъ, что есть люди, которыхъ нужно благодѣтельствовать, чѣмъ счастія въ томъ, что находятся благодѣтели.

7) Научныя и художественныя наслажденія. Художественный и научный экстазъ, безспорно, должны быть причислены къ положительнымъ наслажденіямъ; но какъ рѣдко выпадаютъ такія минуты даже для избранныхъ натуръ! Кромѣ того, такіе люди болѣе впечатлительны ко всѣмъ бѣдствіямъ жизни. Люди тупые и мало впечатлительные, лишаясь этого рѣдкаго наслажденія, проигрываютъ мало, и, напротивъ, много выигрываютъ, благодаря своей меньшей чувствительности. «Если же, прибавляетъ Гартманъ [1]), изъ всѣхъ жителей земнаго шара найдется

[1]) l. c. стр. 320.

только весьма незначительный процентъ людей, способныхъ къ наслажденію отъ занятій наукою или искусствомъ вообще, а изъ нихъ еще незначительнѣйшій процентъ способныхъ создавать себѣ еще высшее наслажденіе собственнымъ творчествомъ въ этихъ областяхъ, то значеніе науки и искусства для счастія міра вообще не можетъ быть оцѣнено очень высоко». При сужденіи о числѣ лицъ, получающихъ наслажденіе отъ науки и искусства, нужно быть весьма осторожнымъ; нужно выключить толпу тѣхъ, которые привлечены къ наукѣ и искусству посторонними соображеніями: модою, надеждою на легкій заработокъ, честолюбіемъ, тщеславіемъ и т. п. Затѣмъ, «что сказать о толпѣ диллетантовъ?» Любви къ дѣлу у нихъ нѣтъ, пониманія—не больше. Они рядятся только въ мишурные костюмы ученыхъ и артистовъ. Все современное воспитаніе основано на этомъ, особенно для дѣвушекъ: «пара салонныхъ пьесъ для фортепьяно, нѣсколько романсовъ, умѣнье нарисовать деревцо и цвѣточекъ, болтовня на нѣкоторыхъ изъ новыхъ языковъ и чтеніе моднаго литературнаго пачканья; и воспитаніе вполнѣ закончено!» [1]). Даже среди настоящихъ ученыхъ и художниковъ постороннія соображенія играютъ весьма важную роль. «Если бы было средство дѣйствительно лишить одновременно всѣхъ художниковъ и ученыхъ всяческаго честолюбія и тщеславія, то, навѣрное, творчество значительно остановилось бы или пошло дальше только механически, ради хлѣба насущнаго» [2]). Творчество, хотя безспорно служитъ источникомъ наслажденій, дается, однако, не легко. Мастера не падаютъ съ неба: необходима длинная и тяжкая подготовка. Во всякомъ искусствѣ нужно преодолѣть технику, а въ наукѣ нужно усвоить уже добытые результаты. «Сколько скучныхъ книгъ нужно прочесть только для того, чтобы добросовѣстно убѣдиться, что въ нихъ нѣтъ ничего годнаго, и сколько нужно прочесть другихъ книгъ для того чтобы изъ кучи мусора выбрать крупинку золота?!» [3]). Затѣмъ идутъ трудности механическо-технической обработки, которой необходимо подвергнуть свое твореніе. Если бы не было другихъ побуждающихъ мотивовъ, какъ, напр., честолюбія, страха, скуки и

---

[1])) l. c. стр. 321—2. [2]) l. c. стр. 321. [3]) l. c. стр. 323.

т. п., то большинство отказалось бы отъ наслажденія творчествомъ и предпочло бы ему комфортъ бездѣлія. «Наконецъ, этотъ родъ наслажденія болѣе, чѣмъ какой другой родъ духовнаго наслажденія ограничивается настоящимъ временемъ, тогда какъ другія предвкушаются въ надеждѣ. Въ этомъ наслажденіи и встрѣчается вышеупомянутая особенность, что одно и то же чувственное воспріятіе и служитъ удовлетвореніемъ воли, и вызываетъ эту волю» [1]).

8) Сонъ и сновидѣніе. Сонъ безъ сновидѣній есть относительно счастливѣйшее состояніе, ибо это единственный случай полнаго отсутствія страданія. Засыпаніе, если можно скоро заснуть,—пріятно, но это только потому, что оно избавляетъ насъ отъ тягостнаго сознанія усталости. Въ сновидѣніяхъ намъ являются всѣ дрязги нашей жизни, причемъ наслажденіе ощущается неопредѣленно, какъ какое-то радостное настроеніе, а страданіе является въ весьма реальныхъ формахъ: какъ ссора, огорченія и т. п. Кромѣ того, въ сновидѣніяхъ не бываетъ научныхъ и художественныхъ наслажденій. Отсюда средняя цѣнность сна со сновидѣніями не выше, а пожалуй значительно ниже дѣйствительной жизни.

9) Влеченіе къ наживѣ и комфортъ. Если опредѣлить стремленіе къ наживѣ, какъ желаніе пріобрѣсти болѣе того, что необходимо для огражденія себя и своей семьи отъ нужды и лишенія, то сразу сдѣлается очевиднымъ, что только весьма немногіе могутъ удовлетворить этому стремленію. Кромѣ того, богатство только даетъ возможность получить всевозможныя наслажденія, а мы уже знаемъ, какая цѣна всѣмъ этимъ наслажденіямъ; комфортъ, которымъ могутъ окружать себя богатые люди, тоже не есть положительное благо, а только устраненіе страданія (какъ, напр., пользованіе экипажемъ избавляетъ насъ отъ трудности ходьбы). Бываютъ случаи, когда богатство становится цѣлью, а не средствомъ; это у скупыхъ, но тутъ не можетъ быть и рѣчи о наслажденіи, напротивъ, ненасытныя стремленія скупаго приносятъ ему много горя.

---

[1]) l. c стр. 524—5.

10) Зависть, недоброжелательство, досада, сожалѣніе о прошедшемъ, раскаяніе, ненависть, месть, гнѣвъ, чувствительность (раздражительность) и прочія подобныя свойства и аффекты мы разбирать не станемъ, говоритъ Гартманъ, ибо и для самаго обыкновеннаго ума ясно, что они даютъ больше страданій, чѣмъ наслажденій.

11) Надежда. Надежда есть черта характера, есть люди, вѣчно баюкающіе себя надеждою, другіе, напротивъ, все видятъ въ черномъ цвѣтѣ. Надежда, конечно, есть вполнѣ реальное наслажденіе, но она есть чистѣйшая иллюзія, вовлекающая насъ въ бѣдствія, кто понялъ ея обманчивость, тотъ уже не надѣется получить наслажденіе, а только — избѣжать страданія. Съ этого момента она теряетъ положительный характеръ.

Мы окончили анализъ первой стадіи иллюзіи. Выводъ изъ него слѣдующій. «въ настоящее время страданіе имѣетъ большой перевѣсъ не только въ мірѣ вообще, но и въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ, хотя бы онъ стоялъ въ самыхъ благопріятныхъ, насколько то мыслимо, условіяхъ» [1]). Чѣмъ впечатлительнѣе существо, тѣмъ оно нѣсчастнѣе. Поэтому умные люди несчастнѣе глупыхъ; человѣкъ несчастнѣе лошади, лошадь — рыбы, рыба — устрицы, устрица — растенія и т. д.

Вторая стадія иллюзіи.

Въ этомъ отдѣлѣ Гартманъ разсматриваетъ развитіе и упадокъ иллюзіи, переносящій надежду на счастіе въ трансцендентный (загробный) міръ. Переводчикъ Гартмана отказался изложить этотъ отдѣлъ философіи Безсознательнаго, мотивируя свой отказъ цензурными условіями. Такъ какъ эти условія до сихъ поръ еще продолжаютъ тяготѣть надъ русскою печатью, то и намъ невозможно изложить хоть въ немного связной формѣ этотъ отдѣлъ ученія Гартмана. А въ такомъ случаѣ, конечно, лучше совсѣмъ его не излагать. Укажемъ только на то, что здѣсь, между про-

[1]) l. c. стр. 334.

чимъ, Гартманъ показываетъ, какъ земная жизнь, потерявшая было въ началѣ второй стадіи иллюзіи всякую цѣнность, подъ конецъ ея вновь пріобрѣтаетъ заманчивость, и мы видимъ «возрожденіе древняго искусства и древней науки, развитіе городскаго богатства и торговли и прогрессъ техники, всестороннее расширеніе духовнаго горизонта, однимъ словомъ, вновь пробудившуюся любовь къ міру» [1]). Все это очевидные признаки окончанія второй стадіи иллюзіи.

Третья стадія иллюзіи.

Какъ мы только что видѣли, начало третьей стадіи иллюзіи характеризуется, по Гартману, возрожденіемъ любви къ жизни, но теперь индивидуумъ не ставитъ свой эгоизмъ, какъ нѣчто верховное и абсолютное, но какъ подчиненное цѣлямъ цѣлаго. Кромѣ того, индивидуальный эгоизмъ ограниченъ уваженіемъ къ правамъ другихъ. Вмѣстѣ съ эгоизмомъ возстановляются и такія чувства, какъ состраданіе, чувство справедливости, которыя цѣнны для цѣлаго, но «теперь эти инстинкты, съ сознаніемъ индивидуальной жертвы, добровольно выполняются ради цѣлаго и ради процесса. Эта индивидуальная жертва находитъ теперь свою награду въ надеждѣ на будущее процесса, на становящіяся, по мѣрѣ его дальнѣйшаго теченія, благопріятнѣйшими формы жизненныхъ отношеній, которыя манятъ счастіемъ міровую сущность, живущую и въ индивидуумѣ» [2]). Эта-то надежда на будущее счастіе человѣчества и составляетъ самую суть третьей стадіи иллюзіи. Гартманъ предвидитъ, что многіе изъ тѣхъ, которые до сихъ поръ сочувственно относились къ его анализу иллюзій, теперь разойдутся съ нимъ; это его нимало не удивляетъ: ибо мы теперь живемъ во время господства этой стадіи иллюзіи; мало того, онъ видитъ въ этомъ цѣль безсознательнаго, которое заботится, чтобы предвидѣніе мирнаго мыслителя не затруднило теченія исто-

---

[1]) Phil. d. unbew. 4 Aufl. S. 713.

[2]) Философія Безсознательнаго, русс. пер., т. II, стр. 346.

ріи тѣмъ, что онъ преждевременно пріобрѣтетъ слишкомъ много приверженцевъ. Обратимся къ самому анализу иллюзіи.

Уже изъ анализа первой стадіи было видно, что страданіе неудовлетворенія ощущается всегда и вполнѣ, а наслажденіе удовлетворенія—только отчасти. Это обстоятельство будетъ имѣть значеніе, конечно, во всѣ времена. Затѣмъ «сколько бы ни прогрессировало человѣчество, оно никогда не освободится отъ самыхъ величайшихъ изъ бѣдствій и даже не уменьшитъ ихъ. Эти бѣдствія суть: болѣзнь, старость, зависимость отъ воли и власти другихъ, нужда и недовольсто своимъ положеніемъ» [1]). Какъ бы ни совершенствовалась медицина, а, всетаки, болѣзни, особенно хроническія, растутъ быстрѣе, чѣмъ медицинское искусство. Угрюмая старость также не можетъ быть устранена прогрессомъ. Всегда только голодъ будетъ сдерживать увеличенія народонаселенія, а поэтому всегда многіе будутъ погибать въ тяжкой борьбѣ съ нуждой. Между тѣмъ, нужда съ увеличеніемъ развитія будетъ чувствоваться все больнѣе и больнѣе. Безнравственность также ни мало не уменьшается съ процессомъ исторіи: если кто укажетъ на жестокость и грубость прежнихъ временъ, то пусть онъ вспомнитъ прямодушіе, честность, чувство справедливости и почтеніе передъ освященными временемъ нравами, свойственныя древнимъ, и современную ложь, обманъ, лесть, мошенничество, неуваженіе къ собственности и т. п. «Степень безнравственныхъ стремленій осталась та же, только они сняли лохмотья и ходятъ во фракѣ... ...Уже наступаетъ время, когда ловкій воръ, предоставляетъ глупому и пошлому простонародью кражу и противозаконное мошенничество, а самъ умѣетъ овладѣвать чужою собственностью, нисколько не нарушая буквы закона» [2]).

Положеніе науки и искусства въ будущемъ весьма измѣнится. Въ прежнія времена наука разрабатывалась отдѣльными геніальными личностями, теперь она двигается усиліями многочисленныхъ ординарныхъ личностей. Прежніе ученые походили на волшебниковъ, воздвигавшихъ мановеніемъ жезла великолѣпные дворцы; современные ученые уподобляются плотничьей артели, гдѣ каждый,

---

[1]) l. c. стр. 347. [2]) l. c. стр 349.

по мѣрѣ силъ своихъ, споспѣшествуетъ постройкѣ большаго зданія; индукція будетъ дѣлаться все болѣе и болѣе господствующимъ методомъ; потребность въ геніяхъ уменьшится, а поэтому «безсознательное» будетъ создавать ихъ все рѣже и рѣже. Однимъ словомъ, мы приближаемся къ сплошной посредственности. Поэтому наслажденіе творчествомъ все болѣе будетъ замѣняться пассивнымъ научнымъ наслажденіемъ.

Тоже случится и съ искусствомъ. «По мѣрѣ того, какъ человѣчество оставляетъ за собою трансцендентные идеалы своей мечтательной юности, по мѣрѣ того, какъ въ зрѣломъ его возрастѣ начинаютъ преобладать практическіе соціальные и научные интересы, все рѣже и рѣже появляются творческіе-геніи. Искусство уже перестаетъ быть священною вдохновляющею богиней, какъ было прежде: оно становится развлеченіемъ отъ серьезныхъ дневныхъ трудовъ, или отъ скуки». Мы уже видѣли выше (см. глава I), что, по мнѣнію Гартмана, искусство для будущаго человѣчества будетъ имѣть такое-же значеніе, какъ водевиль—для современнаго биржевика.

Что касается инстинктовъ, которые, подобно лыбви и честолюбію, основаны на иллюзіи, то здѣсь возможны три случая: или человѣчество вовсе не откажется отъ нихъ, тогда останется свойственное имъ страданіе; или оно отрѣшится отъ нихъ вполнѣ, что сдѣлаетъ его жизнь счастливѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣднѣе, такъ что появится сознаніе безцвѣтности жизни; или, наконецъ, человѣчество отрѣшится отъ нихъ отчасти (что всего вѣроятнѣе); этотъ случай соединяетъ страданія обоихъ предшествовавшихъ, ибо, съ одной стороны, будетъ излишекъ страданія, съ другой—сознаніе обѣдненія жизни. Здѣсь исхода нѣтъ. «Индивидуумъ [1]) справедливо видитъ для себя примиреніе этого раздвоенія въ полномъ отказѣ отъ эгоизма и въ самоотверженной мысли, что инстинкты любви и домохозяйства работаютъ для будущаго, ибо они создаютъ новыя поколѣнія на службу цѣлямъ прогресса. Но это былобы явнымъ противорѣчіемъ, чтобы каждое поколѣніе, бѣдствуя для себя, существовало въ мірѣ только для слѣдующаго». Да

[1]) 1 c. стр. 353.

и въ чемъ же заключается этотъ хваленый прогрессъ? Гдѣ его блага? Успѣхи въ искусствѣ сводятся на превосходство содержанія, зато форма сильно страдаетъ. Успѣхи въ наукахъ или, какъ теоретическіе, ничего не прибавляютъ къ счастію, или, какъ практическіе, устраняютъ только бывшія неудобства, какъ напр., это дѣлаетъ техника своими телеграфами, желѣзными дорогами и т. п. не сдѣлавъ ровно ничего для положительнаго счастья человѣчества. Мечты о золотомъ вѣкѣ въ будущемъ ещенелѣпѣе, чемъ мечты о прошломъ золотомъ вѣкѣ. По мѣрѣ нашего развитія, ощущеніе страданія будетъ дѣлаться все болѣе и болѣе жгучимъ. Что же намъ дѣлать? Руссо думалъ возвратиться къ состоянію дикарей, но не лучше-ли пойти далѣе, возвратиться ко времени передъ сотвореніемъ міра? Но мы не имѣемъ выбора, мы должны идти впередъ. По мѣрѣ того, какъ прогрессъ будетъ устранять различныя, случайныя бѣдствія, мы все болѣе будемъ проникаться мыслію, что страданіе имманентно волѣ; что скорбь бытія лежитъ въ немъ самомъ. «Такимъ образомъ возможно-высшій міровой прогрессъ повлечетъ за собою пессимистическое сознаніе въ человѣчествѣ, въ чемъ и заключается телеологическое значеніе этого прогресса» [1]). «Какъ индивидуумъ сперва, въ дѣтствѣ, живетъ съ минуты на минуту, потомъ, въ юности бредитъ трансцендентными идеалами, потомъ, въ возрастѣ мужа, стремится къ славѣ и позднѣе къ богатству и практическому знанію, наконецъ, въ старости, познавши тщету всяческаго стремленія, склоняетъ на покой свою усталую, жаждующую отдыха голову: точно такъ и человѣчество.» [2]) Въ заключеніе Гартманъ эффектно рисуетъ психическое настроеніе будущаго человѣчества. Позволю себѣ привести это, нѣсколько длинное для цитаты, изложеніе цѣликомъ: «Между человѣчествомъ и индивидуумомъ есть только одно различіе: у престарѣлаго человѣчества не будетъ никакого наслѣдника, которому бы оно могло оставить свои накопленныя богатства, не будетъ ни дѣтей, ни внуковъ, любовь къ которымъ могла бы нарушить ясность его мышленія. Тогда оно проникнется той высокой меланхоліей, какая обыкновенно встрѣчается у ге-

[1]) l. c. стр. 359. [2]) l. c. стр. 360.

ніевъ и высоко развитыхъ духовно стариковъ, и подобно Эдипу въ Колонѣ, предвкушая безмятежность небытія, будетъ чувствовать скорби бытія, какъ нѣчто чуждое себѣ, такъ что для него перестанетъ существовать страданіе, но только останется состраданіе къ самому себѣ. Это походитъ на ту небесную ясность, то божественное спокойствіе, которое вѣетъ отъ этики Спинозы, гдѣ страсти поглощены бездною разума, ибо они ясно и понятно переведены въ идеи. Но если бы мы и предположили, что это состояніе чистаго безстрастія достижимо, и что страданіе преобразилось бы въ состраданіе къ самому себѣ, то всетаки такое состояніе было бы еще грустью, т. е. недовольствомъ. Иллюзіи исчезли; надежда догорѣла: уставшее до изнеможенія человѣчество вяло, со дня на день, влачило бы свое бренное земное тѣло. Безболѣзность стала бы высшимъ пунктомъ, до котораго нужно было бы достигнуть, ибо какого еще искать другаго положительнаго счастія? Не можетъ же оно состоять въ самодовольномъ познаніи, что все есть суета или что въ борьбѣ съ суетными влеченіями разумъ въ концѣ концовъ остается побѣдителемъ?! О нѣтъ, такое пустѣйшее изъ тщеславій, такое высокомѣріе ума въ то время уже давно будетъ преодолѣно! Но и безболѣзненности не достигнетъ старое человѣчество, ибо оно, вѣдь, не чистый духъ: оно слабо и бренно и, кромѣ того, должно работать, чтобы жить, хотя и не знаетъ къ чему ему жить. Подобно всякому престарѣлому и обладающему яснымъ сознаніемъ старцу, оно будетъ имѣть только одно желаніе: желаніе покоя, безмятежности, вѣчнаго сна безъ сновидѣній, въ которомъ оно могло бы утолить свою усталось. Послѣ трехъ стадій иллюзіи— надежды на положительное счастіе, человѣчество, наконецъ, увидало безуміе своихъ стремленій и, отказавшись отъ положительнаго счастія, порывается только къ абсолютной безболѣзненности, къ Нирванѣ, къ ничто. Таковъ долженъ быть единственный конецъ третьей и послѣдней стадіи иллюзіи».

Мы окончили изложеніе ученія Гартмана о цѣнности жизни. Собственно говоря, здѣсь мы могли бы совсѣмъ разстаться съ Гартманомъ, но будетъ въ высшей степени интересно и поучительно

взглянуть на способъ, предложенный Гартманомъ для освобожденія міра отъ страданія. Постараюсь изложить возможно кратко.

Мы видѣли, что Шопенгауэръ пытается уйти отъ страданія посредствомъ подавленія воли, посредствомъ аскетизма и квіэтизма. Гартманъ жестоко осуждаетъ подобное рѣшеніе. Онъ ставитъ квіэтизмъ и аскетизмъ, въ нравственномъ отношеніи, на ряду съ самоубійствомъ. Онъ говоритъ: «видѣть [1]) въ такомъ спасеніи любезнаго «я» изъ скорбей бытія что-либо иное, кромѣ самого грубаго самоутвержденія или черезчуръ утонченнаго эпикуреизма, есть верхъ самообольщенія; ибо здѣсь эпикуреизмъ только принимаетъ противуинстинктивное направленіе вслѣдствіе противуинстинктивнаго воззрѣнія на жизнь.» Поэтому квіэтизмъ есть собственно желаніе провести жизнь самымъ пріятнымъ образомъ, при минимумѣ страданія, это только благоразумно разсчитанный эгоизмъ, и онъ безнравственъ, если у человѣка есть хоть малая возможность выполнять свой долгъ относительно остальныхъ людей. Въ чемъ же заключается этотъ долгъ? Въ томъ, что человѣкъ обязанъ всѣми силами способствовать развитію цѣлаго; тогда жизнь не отбрасывается, какъ мука, но принимается, какъ истинная жертва; тогда индивидуумъ будетъ способствовать приведенію міроваго процесса къ его окончательной цѣли. Слѣдовательно, вопросъ заключается въ томъ, какова цѣль міроваго процесса.

Исходя изъ своихъ телеологическихъ воззрѣній, Гартманъ утверждаетъ, что должна быть послѣдняя цѣль міроваго процесса, для которой всѣ посредствующія цѣли служили только средствами. Эту цѣль необходимо искать въ томъ явленіи, которое съ теченіемъ исторіи получаетъ все большее значеніе. Такимъ является только развитіе сознанія; только здѣсь мы видимъ постоянный прогрессъ, начиная съ возникновенія первоначальной клѣточки до современнаго развитія человѣческаго ума. Итакъ, въ этомъ направленіи нужно искать конечной цѣли міроваго процесса. Прежде всего возникаетъ вопросъ: не есть ли само интеллектуальное развитіе конечная цѣль? Нѣтъ. «Сознаніе само

---

[1]) l. c. стр. 343.

для себя, конечно, не можетъ быть цѣлью [1]). Со страданіемъ оно произошло, со страданіемъ влачитъ свое существованіе, страданіями покупаетъ оно свое повышеніе, и что же за все это предлагаетъ оно въ вознагражденіе? Пустое самоотраженіе! (Selbstbespiegelung). Еслибы міръ былъ хорошъ и цѣненъ во всемъ остальномъ, то еще можно было бы считать за хорошее, что ему нравится смотрѣть на себя въ зеркало сознанія, хотя все-таки это было бы суетностью; но мыслимо ли, чтобы насквозь скорбный міръ, которому не только нечего радоваться на себя, но который долженъ засудить свое существованіе, какъ скоро онъ пойметъ себя, мыслимо ли, чтобы разумною конечною цѣлью такого міра могло быть идеально-призрачное самоповтореніе въ зеркалѣ сознанія? Неужели еще мало реальныхъ страданій, чтобы нужно было повторить ихъ еще разъ въ волшебномъ фонарѣ сознанія? Нѣтъ, невозможно, чтобы конечною цѣлью процесса, руководимаго премудрымъ безсознательнымъ, было сознаніе· это значило бы только удвоить муку, копаться въ собственныхъ своихъ внутренностяхъ».

Нравственность и справедливость также не могутъ быть конечными цѣлями, ибо они имѣютъ значеніе только для индивидуумовъ, въ ихъ взаимномъ отношеніи, но теряютъ всякій смыслъ по отношенію ко всеединому безсознательному. Поэтому намъ негдѣ искать конечной цѣли иначе, какъ въ счастіи, оно одно наиглубочайшимъ образомъ затрогиваетъ міровую сущность, слѣдовательно, ему одному можно придавать абсолютное значеніе. Къ счастію стремится все живущее, оно есть самая сущность ищущей удовлетворенія волп. Но мы видѣли, что именно въ этомъ стремленіи къ счастію и лежитъ источникъ несчастія, мы видѣли, что прогрессирующее сознаніе приходитъ къ отрицанію этого стремленія. Такимъ образомъ возникаетъ борьба между сознаніемъ и волею; но въ этомъ мы познаемъ премудрость безсознательнаго. Чтобы спасти безумную волю отъ бѣдствія хотѣнія, безсознательное создаетъ сознательный индивидъ, и конечная цѣль міроваго процесса заключается въ томъ, чтобы просвѣтить волю, заста-

[1]) L. c. стр. 365—6.

вить ее отказаться отъ своего хотѣнія и такимъ образомъ осуществить наивозможно большее достижимое счастіе—безмятежность небытія.

Достигнуть этого нельзя усиліями единичнаго человѣка: это должно быть дѣломъ всего человѣчества. Будетъ ли человѣчество способно на такой подвигъ, или для этого будетъ созданъ какой-нибудь высшій видъ, или, наконецъ, этотъ великій подвигъ будетъ совершенъ на другой какой-либо планетѣ—трудно сказать. Для того, чтобы эта миссія была выполнена человѣчествомъ, необходимы три условія. Первое, чтобы человѣчество сосредоточило въ себѣ значительно большую часть міровой воли, ибо только тогда его отрицаніе воли можетъ имѣть значеніе. Такая концентрація воли въ человѣчествѣ возможна, ибо на землѣ воля, сконцентрированная въ человѣкѣ, далеко перевѣшиваетъ остальную часть, а среди небесныхъ тѣлъ только немногія находятся въ томъ періодѣ, когда возможна органическая жизнь. Вторымъ условіемъ возможности этого космическаго самоубійства является необходимость, чтобы человѣчество вполнѣ проникнулось сознаніемъ безумія воли и желаніемъ покоя. Наконецъ, третье условіе то, чтобы все человѣчество могло принять общее одновременное рѣшеніе; для этого, понятно, необходимы прекрасныя средства сообщенія. Что касается способовъ выполненія этого міроваго самоубійства, то Гартманъ благоразумно предоставляетъ рѣшеніе этого вопроса воображенію читателя.

Наконецъ, Гартманъ рѣшается вычислить, какова вѣроятность того, что воля послѣ окончанія міроваго процесса, вновь захочетъ выйти изъ потенціальнаго состоянія и создать міръ. Воля, какъ потенція, абсолютно свободна, слѣдовательно, вѣроятности того, что она вновь захочетъ или не захочетъ міра, равны между собою, или каждая $= 1/2$. Еслибы потенція подлежала условію времени, то, принимая во вниманіе безконечность этого времени, вѣроятность, что она когда-нибудь рѣшится на новую дѣятельность, была бы $= 1$, т. е. была бы полная достовѣрность. Но потенція лежитъ внѣ времени, поэтому возможность ея перехода къ дѣятельности нужно себѣ представлять иначе; а именно: «такъ какъ съ концемъ міроваго процесса прекращается и время, то, до

начала слѣдующаго, не должно проходить никакого промежутка времени: дѣло нужно представить себѣ такъ, что потенція въ моментъ уничтоженія своего предыдущаго акта какъ бы рѣшается снова на актъ. Ясно, что вѣроятность... становится столь малою, что практически достаточна для успокоенія» [1]).

Послѣдняя цитата важна не только потому, что приводитъ весьма интересное воззрѣніе Гартмана, но и по нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ. Изъ нея очевидно, какіе пріемы бываютъ у Гартмана, при рѣшеніи столь важныхъ вопросовъ. Очевидно, Гартманъ рѣшилъ вопросъ только на словахъ, онъ, по своему обычаю, сдѣлалъ видъ, будто рѣшаетъ дѣло строго научнымъ способомъ; для него понадобилась теорія вѣроятностей (я привелъ только часть его математическихъ вычисленій, у него они значительно обширнѣе), якобы строгіе математическіе пріемы, — и въ концѣ концовъ приводится одно только словесное рѣшеніе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ прикажете понимать утвержденіе Гартмана, что между концомъ мироваго процесса и началомъ слѣдующаго не должно проходить никакого промежутка времени», что «потенція въ моментъ уничтоженія своего предыдущаго акта» должна вновь рѣшиться на бытіе? Значитъ ли это, что воля одновременно будетъ и хотѣть и не хотѣть бытія? Едва ли такую нелѣпость можно серьезно утверждать. Но пусть будетъ такъ, пусть Все-Единое Безсознательное не подчинено закону противорѣчія, но тогда становится непонятнымъ, какимъ образомъ Гартманъ, который, конечно, долженъ мыслить на основаніи закона противорѣчія [2]), какимъ образомъ онъ можетъ разсуждать о явленіи, которое не подчинено этому закону. Наконецъ, не смѣшно ли прибѣгать въ этомъ случаѣ къ помощи теоріи вѣроятностей: если Безсознательное можетъ хотѣть и не хотѣть въ одно и то же время, то развѣ не можетъ оно перепутать всѣ законы вѣроятностей?! Если же мы предположимъ, что воля можетъ захотѣть новаго бытія непосредственно вслѣдъ за уни-

---

[1]) L. с. стр. 399. Вслѣдствіе важности этой цитаты, я свѣрилъ ее съ подлинникомъ, причемъ нашелъ, что она—буквальный переводъ.

[2]) Нужно еще прибавить, что Гартманъ не слѣдуетъ за Гегелемъ въ отрицаніи закона противорѣчія.

чтоженіемъ стараго (предположеніе, что она захочетъ ранѣе уничтоженія стараго бытія, до того нелѣпо, что и разбирать его не стоитъ), то, слѣдовательно, послѣ окончанія міроваго процесса будетъ существовать время; ибо, если за окончаніемъ міроваго процесса будетъ какое-нибудь «послѣ», то, слѣдовательно, будетъ и время. Въ такомъ случаѣ, вся ученая аргументація Гартмана падаетъ, ибо онъ всю ее строитъ на отрицаніи существованія времени по окончаніи міроваго процесса. Да и самое ученіе Гартмана о томъ, что время началось, и что оно кончится, самое это ученіе въ высокой степени нелѣпо. Гартманъ не можетъ въ этомъ случаѣ даже опереться на авторитетъ Канта, ибо кантовское ученіе совсѣмъ иное. По Канту, время есть форма созерцанія, слѣдовательно, объективно оно никогда не существуетъ.

Критику Гартмановскаго ученія о цѣнности жизни мы, для избѣжанія повтореній, отложимъ до третьей главы. Ограничимся здѣсь только общей характеристикой Гартмана.

Интереснѣе всего сравнить Гартмана съ Шопенгауэромъ. Мы уже видѣли, что Гартманъ упрекаетъ Шопенгауэра за то, что этотъ даетъ слишкомъ большой просторъ воображенію и чувству. Мы видѣли, какимъ образомъ этотъ безспорный недостатокъ Шопенгауэра выкупается поэзіей его системы, показывающей на каждомъ шагу глубоко-поэтическій, мощный умъ. Его попытка проникнуть въ сущность міра, посредствомъ признанія сущности «я» за волю, принадлежитъ къ числу глубокомысленнѣйшихъ попытокъ познать непознаваемое. Что же сдѣлалъ Гартманъ? Онъ высказалъ, безспорно, значительный талантъ, большое остроуміе въ придумываніи самыхъ невозможныхъ гипотезъ. И только. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ самый рискованный шагъ: какъ истый представитель второй половины XIX в. (онъ родился въ 1842 г.), онъ непремѣнно хотѣлъ основать свою философію на естествознаніи. На заглавномъ листѣ его «Философіи Безсознательнаго» мы читаемъ. Speculative Resultate nach inductiv—naturwissenschaftlicher Methode. Все его сочиненіе переполнено естественно-историческими доказательствами. На нихъ, какъ мы видѣли, онъ строитъ свои гипотезы «безсознательной воли» и «безсознатель-

наго представленія». Но какъ онъ все это дѣлаетъ! Если философъ пытается построить свою систему при помощи «индуктивнаго естественно-научнаго метода», то онъ прекрасно дѣлаетъ, но онъ долженъ дѣйствительно усвоить себѣ этотъ методъ во всей его строгости, онъ долженъ имъ пользоваться такъ, какъ пользуются дѣйствительные люди науки (конечно, это не отымаетъ у философа права улучшить методъ). Между тѣмъ, изъ разсмотрѣнія философіи Гартмана дѣлается очевиднымъ, что онъ или не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое настоящій «индуктивный естественно-научный методъ», или же его заявленіе, что онъ пользуется этимъ методомъ, есть чистая реклама. И онъ понесъ тяжкую кару за свое кокетничанье съ естествознаніемъ. Наука, въ лицѣ Оскара Шмидта [1]) безпощадно осудила его претензіи; естествознаніе съ презрѣніемъ отвергло лицемѣрнаго союзника. Еслибы какой-нибудь естествоиспытатель вздумалъ критиковать философію Шопенгауэра, то этотъ послѣдній могъ бы спокойно отвѣчать, что его истины суть высшаго порядка и не подлежатъ критикѣ натуралиста, но Гартманъ долженъ признать верховный судъ естествознанія и подчиниться ему.

§ 7. Скажемъ нѣсколько словъ о Таубертѣ. Собственно говоря, этотъ краснорѣчивый защитникъ Гартмана почти ничего новаго не внесъ въ изслѣдуемый нами вопросъ. Главная цѣль его сочиненія «Der pessim. und seine Gegner» чисто полемическая, что очевидно изъ самаго заглавія книги. Такъ какъ воззрѣнія, съ которыми борется Таубертъ, въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ ничего общаго съ нашими воззрѣніями (напр., Таубертъ пространно доказываетъ необходимость утилитарной точки зрѣнія, при рѣшеніи вопроса о цѣнности жизни), то мы пройдемъ молчаніемъ весь этотъ споръ. Таубертъ вноситъ нѣсколько мелкихъ поправокъ въ ученіе Гартмана, такъ, напр., онъ признаетъ, что Гартмана, повидимому, не безъ основанія упрекаютъ за то, что онъ проглядѣлъ радости, получаемыя отъ наслажденія природою, но, прибавляетъ онъ, Гартманъ проглядѣлъ также и мно-

---

[1]) См. Die naturwissenschaftlichen Grundlagen der Philosophie des Unbewusten.

жество соотвѣтствующихъ страданій, каковы, напр.: бѣдствія отъ неблагопріятной погоды, отъ землетрясеній, мятелей и наводненій, отъ ядовитыхъ растеній и хищныхъ животныхъ и т. п.

У Тауберта нѣсколько рѣзче, чѣмъ у Гартмана, проглядываетъ желаніе смягчить шопенгауэровскій пессимизмъ. Это замѣчается въ признаніяхъ, въ родѣ слѣдующаго: «Нужда [1]) и бѣдствіе будутъ вѣчно уменьшаться», и только сознаніе оставшагося страданія будетъ чтвствоваться больнѣе, но еще болѣе это стремленіе смягчить пессимизмъ Шопенгауэра видно изъ той любви, съ которою Таубертъ останавливается на благодѣяніяхъ пессимизма; прочитавши эти мѣста, можно подумать, что человѣкъ несчастливъ только до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлался пессимистомъ, но какъ только онъ увѣровалъ, что для него счастіе недостижимо, что небытіе предпочтительнѣе бытія, то съ этого именно момента для него и начинается счастливая жизнь. «Безутѣшность [2]) пессимизма, которую такъ ославили, при ближайшемъ разсмотрѣніи превращается въ одно изъ величайшихъ утѣшеній, какое только можетъ доставить себѣ человѣчество, ибо пессимизмъ не только подымаетъ отдѣльную личность выше всякаго предназначеннаго ему страданія, но и возвышаетъ получаемыя нами удовольствія и удваиваетъ наслажденія. Хотя онъ и показываетъ намъ иллюзорность каждой радости, однако, онъ не касается (не разрушаетъ) самого наслажденія, и только окружаетъ его черной рамой, которая дѣлаетъ картину болѣе эффектною». «Страданіе [3]) (у пессимиста) смягчается въ состраданіе, которому не свойственна болѣе никакая горечь, а убѣжденіе въ безплодности всякихъ стремленій къ земному счастію удерживаетъ пессимиста отъ безсмысленныхъ попытокъ и ничтожныхъ надеждъ, такъ что онъ избѣгаетъ всѣхъ тѣхъ разочарованій и страданій, которыя въ значительномъ количествѣ навлекаетъ на себя оптимистъ, благодаря своему тщетному стремленію къ благоденствію».

---

[1]) Taubert. D. Pess. u. s. Geg. S. 116.
[2]) l. c. S. 129—130.
[3]) l. c. S. 129.

§ 8. Мы окончили изложеніе ученій современныхъ пессимистовъ; перейдемъ теперь къ оптимистическимъ ученіямъ. Мы изложимъ двухъ современныхъ писателей: Дюринга и Селли. Дюрингъ издалъ въ 1875 г. [1]) объемистый трудъ подъ заглавіемъ: «Der Werth des Lebens» (Цѣнность жизни); затѣмъ, въ нѣкоторыхъ изъ послѣдующихъ сочиненій онъ касается этого вопроса. «Существованіе, говоритъ Дюрингъ [2]), получаетъ свою привлекательность и цѣнность чрезъ совокупность аффектовъ, въ которыхъ оно развивается. Вмѣстѣ съ сознательнымъ ощущеніемъ прекращается все, что вообще можетъ быть названо субъективнымъ бытіемъ». Объ оцѣнкѣ существованія, лишеннаго сознанія, не можетъ быть и рѣчи. Съ другой стороны, наши аффекты должны быть одинаково приняты во вниманіе, основаны ли они на истинѣ или на заблужденіи, волнуютъ ли они насъ на яву или во снѣ. Можно бы попытаться опредѣлить жизнь, какъ сумму возбужденій, входящихъ въ сознаніе; но такое простое суммированіе составныхъ элементовъ было бы ошибочно, ибо не всѣ они равны по качеству, и бываютъ мгновенія, которыя перевѣшиваютъ ощущенія всей жизни. Поэтому не легко оріентироваться въ этомъ хаосѣ и выбрать мѣрило для оцѣнки цѣлаго. Различныя системы виновны въ одностороннемъ пристрастіи къ тому или иному мѣрилу. Таковы, напримѣръ, системы Эпикурейцевъ и Стоиковъ. Такимъ образомъ получаются два крайнія, равно ошибочныя ученія, изъ которыхъ одно обращаетъ вниманіе исключительно на ощущенія, тогда какъ другое ставитъ во главу угла равновѣсіе духа.

Страсти вообще разсматриваются, какъ разрушители счастія; конечно, подобное мнѣніе справедливо, если имѣть въ виду необычайные порывы страстей; но въ своихъ болѣе мягкихъ формахъ онѣ необходимы для жизни, достойной этого названія. «Жизнь», которая протекла бы въ равномѣрной, безпрерывной безмятежности, едва-ли могла бы назваться жизнію; она граничила бы уже съ духовной смертію». [3]) Только сильные аффекты дозволяютъ намъ

---

[1]) Къ сожалѣнію, я принужденъ пользоваться первымъ изданіемъ.
[2]) Duhring. D. Werth d. Lebens, S. 13.
[3]) l. c. S. 16.

узнать все содержаніе повидимому столь бѣдной жизни. Жизнь была бы крайне бѣдна, если бы не существовало страстей; имъ она обязана тѣмъ, что подымается выше простаго прозябанія. Отказъ отъ страстей ведетъ или къ аскетизму, или къ пошлымъ чувственнымъ наслажденіямъ; въ обоихъ случаяхъ отъ жизни отымается все, что придаетъ ей цѣну; въ одномъ случаѣ человѣкъ падаетъ ниже животнаго, въ другомъ является какимъ то чудовищемъ, доходящимъ до отрицанія жизни. «Даже обыкновенное убійство, восклицаетъ Дюрингъ [1]), можетъ иногда являться меньшимъ преступленіемъ, чѣмъ мрачное дѣло тѣхъ ученій, которыя отравляютъ жизнь своими обвиненіями». Впрочемъ, подобныя самоубійственныя ученія слишкомъ нелѣпы, чтобы быть опасными: они могутъ пользоваться вліяніемъ только при исключительныхъ условіяхъ. Гораздо опаснѣе менѣе заносчивая мораль, требующая жертвъ во имя пустыхъ абстракцій; такого идола сдѣлали себѣ Стоики изъ идеи безмятежнаго состоянія духа, благодаря чему они лишили жизнь всего ея содержанія. «Наша мораль есть отчасти идолопоклонство, въ которомъ дѣйствительные мотивы къ дѣятельности приносятся въ жертву безжизненному формализму». Такъ случается иногда, когда восхваляютъ сознаніе выполненія долга; подобное восхваленіе было бы вполнѣ разумно, если бы при этомъ не обращали исключительнаго вниманія на внѣшнюю, формальную сторону дѣла, но обыкновенно забываютъ, что самое понятіе долга получаетъ значеніе только на почвѣ аффектовъ и стремленій. Такъ, напр. конечно, несправедливость есть величайшее зло, какое только знаетъ міръ, и воздержаніе отъ нея даетъ огромное удовлетвореніе, но она обладаетъ этими свойствами не потому, что отвергается съ точки зрѣнія абстрактныхъ правилъ, а потому, что причиняетъ смертельно болѣзненныя ощущенія. «Всеобщая идея о томъ, что обида не должна существовать, есть только слабый отголосокъ энергическаго чувства, сопровождающаго всякую обиду». [2]) Такимъ образомъ, все содержаніе жизни заключается въ ощущеніяхъ и душевныхъ движеніяхъ, и только ихъ однихъ нужно принимать во вниманіе при ея оцѣнкѣ.

---

[1]) l. c. S. 18. [2]) l. c. S. 20—1.

При оцѣнкѣ жизни съ точки зрѣнія ощущеній и душевныхъ движеній, было бы крайне ошибочно не замѣтить той огромной роли, которую играетъ перемѣна, какъ элементъ, вносящій разнообразіе въ сознаніе, и придающій жизни высшую энергію. Впрочемъ, нужно помнить, что внезапныя и сильныя перемены крайне болѣзненно отзываются на человѣческомъ организмѣ; онѣ могутъ даже причинить ему смерть. Даже тогда, когда какое-нибудь событіе наступаетъ не внезапно, а постепенно, причемъ, однако, эта постепенная смѣна ощущеній слишкомъ быстра, даже и въ этомъ случаѣ, мы чуствуемъ утомленіе, тогда какъ болѣе медленная смѣна ощущеній служитъ для насъ источникомъ радостей и способствуетъ повышенію жизненной энергіи. Такимъ образомъ, двѣ крайности: монотонное теченіе жизни и слишкомъ быстрая смѣна ощущеній одинаково непріятны. Хотя человѣкъ и не любитъ внезапныхъ перемѣнъ, однако, ничего онъ такъ не избѣгаетъ, какъ однообразія жизни; даже однообразныя смѣны ощущеній дѣйствуютъ болѣзненно и непріятно. Скука, являющаяся слѣдствіемъ однообразія или бездѣятельности, конечно, есть одно изъ большихъ бѣдствій человѣческой жизни. Такимъ образомъ, вся прелесть нашего существованія основана на постоянной смѣнѣ ощущеній.

Зная то важное значеніе, которое имѣетъ перемѣна для благосостоянія людей, естественно спросить, какъ часто она случается въ жизни, и, вообще, какова общая форма жизни чувствъ. Оказывается, что общеизвѣстная метафора, сравнивающая жизненныя явленія съ волнами, имѣетъ глубокій смыслъ. «Какъ клѣточка, говоритъ Дюрингъ [1]), есть простѣйшее образованіе въ живомъ организмѣ; такъ повышеніе и пониженіе есть простѣйшій типъ жизни чувствъ». Наша внутренняя жизнь представляетъ постоянную смѣну повышеній и пониженій энергіи; даже такое состояніе, которое, повидимому, кажется неизмѣннымъ и непрерывнымъ, въ сущности, слагается изъ равномѣрно повторяющихся ритмическихъ пульсацій, которыхъ мы только не замѣчаемъ. Напримѣръ, свѣтовыя и звуковыя ощущенія, происходящія отъ рит-

[1]) l. c. S 40.

мическихъ колебаній, тѣмъ не менѣе воспринимаются нами, какъ нѣчто непрерывное. Физическія проявленія жизни, насколько они доступны наблюденію, проявляютъ вездѣ ритмичность. Таково, напр., біеніе пульса, по которому дѣлаютъ заключенія о здоровомъ или болѣзненномъ состояніи всего организма; ту-же ритмичность представляетъ намъ и дыханіе. Нужно, однако, остерегаться слѣдующей ошибки: хотя во всякомъ ощущеніи мы находимъ перемѣну, а слѣдовательно, и движеніе, однако, не слѣдуетъ ощущеніе, какъ таковое, считать за движеніе, напротивъ, мы ощущаемъ возбуждающую силу только тогда и только настолько, когда и насколько она противодѣйствуетъ и уравновѣшиваетъ наши собственныя силы. «Безпрепятственное движеніе массы въ пустомъ пространствѣ не будетъ разсматриваться съ точки зрѣнія нашихъ ощущеній какъ сила, хотя физически оно представляетъ ту-же энергію, все равно, встрѣчаетъ ли оно противодѣйствующую силу, или нѣтъ». Такимъ образомъ мы ощущаемъ не собственно движеніе, но статическія причины этого движенія. Далѣе, мы можемъ утверждать, что движеніе должно сначала исчезнуть, т. е. принять статическую форму, прежде, чѣмъ оно поведетъ къ ощущенію, само движеніе указываетъ на нарушеніе статическаго равновѣсія, т. е., въ нашемъ случаѣ, на прекращеніе ощущенія.

Изъ того обстоятельства, что мы не ощущаемъ движенія, какъ такового, мы не имѣемъ, однако, права заключать, что перемѣна ощущеній не представляется какъ движеніе, напротивъ всѣ такія перемѣны представляются нами въ формѣ движеній. Возникновеніе какого-нибудь ощущенія указываетъ на прекращеніе движенія, а, съ другой стороны, прекращеніе ощущенія знаменуетъ возникновеніе движенія.

Установивши такимъ образомъ ритмичность каждаго единичнаго ощущенія, Дюрингъ переходитъ къ группамъ ощущеній. Онъ говоритъ, что здѣсь смѣна повышеній и пониженій очевидна. Для того, чтобы ее познать, не нужно даже прибѣгать къ умозаключеніямъ: нужно только умѣть ориентироваться. Но здѣсь встрѣчается особаго рода затрудненіе. «Мы [1]) рѣшительно находимъ

[1]) l. c. S. 43.

неравномѣрную періодическую смѣну, но, повидимому, полную неправильность восхожденія и нисхожденія, перемѣшанную во всевозможныхъ по роду, величинѣ и длительности комбинаціяхъ съ неизмѣннымъ состояніемъ, не прерываемымъ никакимъ отдѣльнымъ возвышеніемъ». Различныя душевныя состоянія слѣдуютъ другъ за другомъ неправильно и возможенъ даже такой случай, что человѣкъ въ теченіи всей жизни только разъ испытываетъ какой-нибудь родъ возбужденія, который затѣмъ исчезаетъ для него на вѣки; такъ что высшія точки жизни имѣютъ видъ разрозненныхъ вершинъ, и можно бы пытаться жизнь чувствъ представить скорѣе въ видѣ цѣпи горъ, чѣмъ въ видѣ системы волнъ. Не смотря на все это, говоритъ Дюрингъ, мы, все-таки, будемъ держаться мнѣнія, что простой типъ, подъ который подходитъ каждое единичное ощущеніе, повторяется и во всей жизни. Только основная форма подвержена здѣсь бо̀льшимъ измѣненіямъ. Въ справедливости подобнаго предположенія можно убѣдиться, если вспомнить все безконечное разнообразіе, которое представляютъ различные факторы жизни, все различіе ихъ, какъ по длительности, такъ и по качеству. Тогда и единичные факты, не повторяющіеся дважды въ жизни человѣка, обнаружатъ явственную ритмичность, только ихъ нужно разсматривать съ точки зрѣнія, обращающей вниманіе на всю жизнь въ совокупности, а не на отдѣльный сознательный индивидъ. Такимъ образомъ, видимая бо̀льшая безпорядочность явленій человѣческой жизни, сравнительно съ однообразною стройностью явленій низшаго порядка, указываетъ только на большее богатство и большее разнообразіе человѣческой жизни.

Указавши такимъ образомъ на ощущенія и душевныя движенія какъ на существенное содержаніе жизни, выяснивши важное значеніе перемѣны и принявши ритмъ за основную форму жизни, Дюрингъ, съ этихъ точекъ зрѣнія, разсматриваетъ обыкновенное теченіе человѣческой жизни.

Первые моменты нашей жизни намъ неизвѣстны; проходитъ не мало времени, прежде, чѣмъ мы начинаемъ сознавать и помнить себя. Ритмъ дѣтской жизни крайне быстръ: это безпрестанная смѣна ощущеній, причемъ для дитяти не существуетъ ни

прошедшаго ни будущаго: оно живетъ только настоящимъ. Его ощущенія разрознены и безсвязны. Взрослый человѣкъ не помнитъ первыхъ ощущеній своей жизни, и это великое счастіе, ибо жизнь ребенка наполнена множествомъ непріятныхъ ощущеній. Такое же благодѣтельное значеніе имѣетъ и то обстоятельство, что дѣти живутъ исключительно настоящимъ, что они не суммируютъ своихъ ощущеній; ибо получалось бы нѣчто ужасное, если бы всѣ ощущенія дѣтства входили въ сознаніе въ качествѣ связнаго цѣлаго. Вся жизнь ребенка, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ, состоитъ изъ нужды и недостатка. Важнѣйшую роль въ его жизни играетъ вопросъ о питаніи; жажда и голодъ чувствуются здѣсь особенно болѣзненно, время, протекающее между возникновеніемъ этихъ потребностей и ихъ удовлетвореніемъ, бываетъ довольно значительно; и о самомъ существованіи потребности мы можемъ судить только по внѣшнему выраженію страданія.

Первый періодъ дѣтства кончается тогда, когда въ сознаніи остается довольно долгое время воспоминаніе о минувшихъ событіяхъ, когда психическая жизнь является такимъ образомъ связною и цѣльною. Тогда образуются нѣкоторыя способности, а всякая способность непремѣнно требуетъ своего упражненія, въ противномъ случаѣ является непріятное ощущеніе. «Поэтому [1]) для организма трудъ есть законъ природы, онъ не только объективно необходимъ для добыванія средствъ къ удовлетворенію потребностей, но онъ также требуется субъективною жизнью, которая заботится о томъ, чтобы найти занятіе каждой способности». Можно назвать трудомъ всякую дѣятельность нашихъ органовъ чувствъ и нашихъ силъ, направленную на внѣшній міръ. Теперь возникаетъ весьма важный вопросъ о томъ, какимъ образомъ будетъ обезпечена нашимъ силамъ подходящая работа. Подобный вопросъ не имѣетъ значенія для болѣе позднихъ возрастовъ: тамъ человѣческимъ силамъ открывается широкая арена дѣятельности. Но въ дѣтствѣ о серьезныхъ занятіяхъ не можетъ быть и рѣчи; ихъ замѣняетъ игра, которая и есть единственное и вмѣстѣ съ тѣмъ важное, занятіе для ребенка.

---

[1]) l. c. S. 60.

Затѣмъ, Дюрингъ переходитъ къ третьему періоду жизни человѣка: къ періоду обученія. Онъ рѣшительно отвергаетъ мысль о возможности соединенія игры съ ученіемъ. Если какая нибудь игра чему нибудь научаетъ, или, если ученіе получаетъ когда нибудь прелесть игры, то это—чисто второстепенныя явленія, отнюдь не свойственныя основному занятію. Однако, было бы весьма ошибочно заключить отсюда, что ученіе не доставляетъ никакого удовлетворенія и не служитъ источникомъ радостей. «Побѣжденіе [1]) препятствій и ощущеніе возрастанія силы нашихъ способностей соединены, очевидно, съ радостнымъ ощущеніемъ, превосходящимъ и по качеству, и по интенсивности удовольствіе игры». Ученіе занимаетъ среднее положеніе между игрою и дѣйствительною жизнію; такое же мѣсто занимаютъ и тѣ радости, которыя переживаются учащимся. Наслажденіе вслѣдствіе удачи и страданіе вслѣдствіе неудачи, по своему роду и силѣ, соотвѣтствуютъ роду и силѣ встрѣчаемыхъ препятствій. Поэтому наслажденія и страданія, получаемыя въ игрѣ, менѣе прочныхъ, ибо здѣсь мы имѣемъ дѣло съ препятствіями, избранными нами самими произвольно. Гораздо значительнѣе являются наслажденія и страданія въ ученіи, хотя они не такъ велики, какъ въ дѣйствительной жизни. Это потому, что мы тутъ встрѣчаемся съ дѣйствительными трудностями, но трудности эти чисто субъективнаго свойства. Наконецъ, самые интенсивные случаи страданія и наслажденія встрѣчаются на аренѣ дѣйствительной жизни, ибо здѣсь намъ приходится бороться не только съ субъективными трудностями, но и съ объективными препятствіями.

Такъ развивается дѣтская жизнь среди удовольствія игры и впечатлѣній, доставляемыхъ семейною жизнью, она созрѣваетъ подъ вліяніемъ школы и обученія. Если мы захотимъ оцѣнить достоинство всего этого періода жизни, границы котораго можно опредѣлить съ одной стороны окончаніемъ перваго безпомощнаго дѣтскаго періода, а съ другой—началомъ полнаго расцвѣтанія жизни, то мы найдемъ, что онъ представляетъ положительную цѣнность. Дѣти ведутъ сравнительно спокойную и безмятежную

[1]) l. c. S. 64.

жизнь; конечно, и въ ихъ жизни есть волненія и страсти, но что значатъ эти страсти, сравнительно съ тѣми, которыя скоро наступятъ! Что значатъ семейныя привязанности сравнительно со жгучими половыми страстями? Что значатъ семейныя и школьныя невзгоды и несправедливости сравнительно съ огромными оскорбленіями и неправдами, которыя его ожидаютъ въ смѣлой борьбѣ за жизнь? Что значитъ борьба за школьныя отличія сравнительно съ состязаніемъ на великой аренѣ чести? До сихъ поръ все существованіе зависѣло отъ посторонней силы, теперь приходится опереться на собственную энергію.

«Уже [1]) одного этого обстоятельства было бы довольно, чтобы поднять въ этомъ поворотномъ пунктѣ жизненное чувство до высоты, до которой оно никогда прежде не достигало». Но здѣсь еще выступаютъ новыя силы. Какъ естественный индивидуумъ, человѣкъ подчиняется вліянію любви, какъ членъ общества стремленію къ чести, и вокругъ этихъ двухъ фокусовъ вращается все его дальнѣйшее существованіе. Слѣдствіемъ всего этого является бо̀льшая устойчивость жизни и общее ея повышеніе.

Разсмотримъ оба эти главнѣйшіе ингредіента человѣческой жизни. Начнемъ съ чести. Что такое честь? У большинства людей понятія о чести крайне спутанны и неопредѣленны. Стоитъ вспомнить только о томъ, какъ понимаютъ честь тѣ классы общества, среди которыхъ практикуется дуэль, стоитъ вспомнить о многоразличныхъ случаяхъ такъ называемаго оскорбленія чести.

Честь можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: съ одной стороны, она имѣетъ чисто отрицательное значеніе и обозначаетъ ничто иное какъ право, съ другой—она представляетъ положительное признаніе нашихъ заслугъ. Такимъ образомъ, оскорбленіе чести представляетъ собою простую несправедливость, простое нарушеніе нашего права.

Но главное значеніе чести для человѣческой жизни лежитъ не въ этой отрицательной формѣ, а въ положительной. Въ этой формѣ она полновластно господствуетъ надъ человѣческою жизнію, о ней заботятся всѣ, отъ школьника до сѣдаго старика. При-

---

[2]) l c. S. 76.

чина нашего стремленія къ чести лежитъ въ томъ значеніи, которое мы придаемъ мнѣнію другихъ о насъ. «Честь [1]) есть, въ самомъ дѣлѣ, ничто иное, какъ одобреніе, которое наше существованіе и поведеніе получаютъ отъ другихъ». Этого не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто мы не довѣряемъ нашему собственному сужденію о своихъ поступкахъ; но нашей собственной увѣренности недостаточно, намъ хочется одобренія другихъ, это— проявленіе нашей потребности въ симпатическихъ чувствахъ.

Итакъ, честь основана на чужомъ мнѣніи. Если бы это мнѣніе составлялось случайно и произвольно, то не было бы никакой связи между любовью къ чести и стремленіемъ къ хорошему. Но подобной произвольности не существуетъ. Конечно, въ единичныхъ случаяхъ возможны жестокія ошибки, но въ цѣломъ общее мнѣніе всегда бываетъ справедливо. Одобреніе и порицаніе—великія моральныя средства для регулированія нравственной области общественной жизни.

Противъ принципа чести можно, повидимому, сдѣлать только то возраженіе, что отличія одного достигаются только въ ущербъ другимъ, что погоня за честью ставитъ людей во враждебныя отношенія другъ къ другу. Прежде всего нужно замѣтить, что подобное возраженіе имѣетъ силу только для тѣхъ случаевъ чествованія, когда съ этимъ соединено лишеніе почести другихъ людей. Слѣдовательно, возраженіе это не приложимо ко всѣмъ тѣмъ случаямъ, когда мы просто признаемъ чье нибудь достоинство. «Но даже тогда [2]), когда чествованіе принимаетъ форму личнаго отличія, которое можетъ выпасть только на долю немногихъ, даже тогда только лживая софистика можетъ считать за несправедливость и притѣсненіе простое отсутствія чествованія для многихъ». Несправедливость, конечно, часто случается, но она не представляетъ необходимаго условія состязанія. Съ другой стороны, болѣзненное [3]) ощущеніе, приносимое неудачнымъ исканіемъ отличія, по своей природѣ не отличается ничѣмъ отъ чувства, сопровождающаго каждое обманутое ожиданіе».

Поэтому, борьба за отличіе не представляетъ никакого дру-

---

[1]) l. c. S. 81. [2]) l. c. S. 83 [3]) l. c. S 84.

гаго зла, кромѣ того, которое свойственно всякаго рода конкурренціи. Если же побѣжденный соперникъ чувствуетъ ненависть къ своему счастливому конкурренту, то причина этого лежитъ не въ принципѣ чести, а въ пошлой зависти. Могутъ еще возразить что недовольство, приносимое неудачнымъ домогательствомъ, бываетъ столь болѣзненно, что дѣлаетъ вообще крайне не желательнымъ существованіе самого состоянія. На это можно отвѣчать только указаніемъ на сущность этого недовольства.

«Если [1]) неудача въ исканіи была справедлива, т. е., была вполнѣ заслуженною, то естественно, получается въ результатѣ только сознаніе предшествовавшаго заблужденія и тщетной попытки». Конечно если была допущена несправедливость, то къ этому еще присоединяется сознаніе обиды; но нужно умѣть сносить всѣ подобныя невзгоды, иначе лучше удалиться отъ свѣта и жить отшельникомъ.

Такимъ образомъ, честь является неоспоримымъ источникомъ разнообразныхъ душевныхъ движеній, безъ которыхъ стремленіе къ полной жизни не могло бы получить удовлетворенія; она является одною изъ причинъ, придающихъ жизни положительную цѣнность.

Опредѣливши такимъ образомъ значеніе чести въ жизни человѣка, Дюрингъ переходитъ ко второму фактору—къ любви. Ей посвящаетъ онъ обширную главу. «Нѣтъ [2]) ни одного рода любви, который не имѣлъ бы чувственной основы». Любовь нельзя вызвать произвольно, по сему требованіе любить кого либо имѣетъ только смыслъ требованія вести себя относительно него такъ, какъ бы мы вели себя, если бы дѣйствительно его любили.

Переходя, затѣмъ, къ вопросу о чувственной и духовной сторонахъ половой любви, Дюрингъ оспариваетъ справедливость мнѣнія, будто здѣсь одна сторона всегда возвышается въ ущербъ другой, будто всѣ возвышенныя поэтическія творенія, воспѣвающія любовь, не существовали бы, если бы не было какого нибудь стѣсненія естественной потребности. Конечно, въ одинъ и тотъ же моментъ не могутъ существовать оба эти чувства, но клеве-

---

[1]) l. c § 84. [2]) l. c. § 87.

щутъ на природу, когда утверждаютъ, что въ цѣлой системѣ ея ритмовъ нѣтъ мѣста для идеальнаго возвышенія. Для подъема чувства нѣтъ надобности въ искусственныхъ стѣсненіяхъ. Хотя потребность и заключаетъ въ себѣ элементъ недостатка, побуждающій стремиться къ удовлетворенію, но это ощущеніе значительно измѣняется, лишь только введено искусственное стѣсненіе. Подъ вліяніемъ стѣсненія, чувство пріобрѣтаетъ тягостный характеръ, хотя, однако, это болѣзненное чувство есть только количественное увеличеніе первоначальнаго ощущенія, только развитіе того, что первоначально было въ формѣ зародыша. Чтобы вполнѣ понять то отношеніе, какое существуетъ въ данномъ случаѣ между страданіемъ и наслажденіемъ, нужно принять, что первоначальное слабое возбужденіе, лежащее въ основѣ развитія всякаго чувства и имѣющее видъ страданія, ощущается не какъ страданіе, но скорѣе какъ перцепція, стремящаяся къ своему собственному возвышенію. Это конечно весьма смѣлая гипотеза, говоритъ Дюрингъ, но она не лишена фактической поддержки. Объективное возбужденіе которое при извѣстной величинѣ ощущается какъ страданіе, становится пріятнымъ, лишь только его степень понижается. Именно то, что противодѣйствуетъ нашей природѣ, можетъ вызвать въ нашемъ чувствѣ пріятное воздѣйствіе.

Дюрингъ мимоходомъ разсматриваетъ шопенгауэровскую теорію отрицательности наслажденія. Прежде чѣмъ рѣшать вопросъ о томъ, что отрицательно и что положительно, нужно рѣшить, что нужно считать за индефферентное состояніе. Такимъ является конечно состояніе полнаго безразличія, отсутствія всякихъ ощущеній. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, страданіе является отрицательною разъединяющею силою, которая разрушаетъ первоначальное равновѣсіе, а наслажденіе, наоборотъ является силою положительною, возстанавливающею первоначальное равновѣсіе.

Послѣ вводнаго параграфа, разбирающаго шопенгауэровскую теорію наслажденія, Дюрингъ вновь обращается къ мнѣнію о взаимномъ антагонизмѣ чувственной и духовной сторонъ любви. Онъ вовсе не согласенъ считать высшимъ проявленіемъ любви ту ея форму, въ которую стѣсненія и препятствія внесли обширный

элементъ страданія. По этому возрѣнію чувственная и духовная стороны любви представляются какъ бы лежащими на чашкахъ вѣсовъ, такъ что одна сторона не можетъ подниматься иначе, какъ подъ условіемъ опусканія другой. Но существуетъ еще другое воззрѣніе на любовь, которое даже знать ничего не хочетъ объ общности или какомъ бы то нибыло отношеніи между этими двумя сторонами. Оно отрицаетъ чувственную сторону любви и не вѣритъ въ какую бы то ни было связь между способностью къ низшимъ наслажденіямъ и способностью къ возвышеннымъ страстямъ. Оно разсматриваетъ чувственную сторону, какъ необходимое зло, имѣющее свои чисто естественныя цѣли. Это—чисто духовное пониманіе любви. Подобное воззрѣніе обязано своимъ существованіемъ простому смѣшенію понятій. «Грубыя [1]) проявленія чувственной природы принимаютъ за полное выраженіе сущности чувственнаго. Забываютъ изслѣдовать, какъ глубоко коренятся чувственныя ощущенія въ высшихъ функціяхъ; не обращаютъ вниманія на то, что духъ по скольку онъ не есть чисто теоретическое мышленіе, вполнѣ обоснованъ на чувственномъ началѣ».

Такимъ образомъ, любовь вполнѣ основана на чувственномъ началѣ, разумъ придаетъ только большую стройность и закономѣрность нашимъ чувствамъ. «Это онъ на основѣ ощущеній строитъ понятіе красоты и вноситъ свѣтъ разумнаго сознанія въ инстинктивное сужденіе непосредственнаго смутнаго чувства» [1]). Если мы разсмотримъ въ подробномъ анализѣ сущность любви между двумя субъектами одного и того же пола,—и любви между родителями и дѣтьми, то найдемъ, что и здѣсь въ основѣ всего лежитъ чувственная сторона.

Такимъ образомъ мы видимъ, что всякая любовь, если только она не чистая метафора, имѣетъ чувственную природу. Указывая на это обстоятельство, могутъ представить много доводовъ противъ любви: напримѣръ, можно указать на непрочность и скоротечность ощущеній. Очевидно, что всѣ эти возраженія не могутъ имѣть особаго значенія въ томъ случаѣ, когда какое либо чувство

---

[1]) l. c. § 100

служило только такъ сказать, прелюдіей для отношеній, основанныхъ на другомъ мотивѣ; таковъ случай, когда любовь получаетъ въ бракѣ болѣе спокойную форму, причемъ возникаютъ новыя связи, основанныя на общности жизни. Поэтому, вся сила доводовъ, обращенныхъ противъ любви, концетрируется на страстной ея формѣ. Здѣсь скоротечность наиболѣе очевидна, здѣсь—резиденція иллюзій, здѣсь—лучшій образецъ лживости природы. Важнѣйшее обвиненіе, воздвигаемое противъ любви, это то, что она иллюзорна. Какъ слѣдуетъ понимать подобное обвиненіе? Въ чемъ заключается иллюзія? Гдѣ обманъ? Чтобы отвѣчать на эти вопросы, нужно вспомнить, что чувство, какъ таковое, не можетъ быть лживо. Чувства и ощущенія, поскольку они не утверждаютъ никакой объективной реальности, но остаются въ чисто субъективной сферѣ,—непогрѣшимы; тутъ не можетъ быть и рѣчи объ ошибкѣ, это самая реальная вещь, какую только можно себѣ представить. Что же нужно думать о томъ случаѣ, когда человѣкъ обвиняетъ свое чувство во лживости? Очевидно причина ошибки лежитъ въ идеѣ, которая соединилась съ этимъ чувствомъ. «Представленіе [1]) всегда склонно переступать границы настоящаго чувства, для того, чтобы, такъ сказать, предугадать будущія ощущенія. Здѣсь очевидно, ошибка бываетъ возможна,—даже почти можно утверждать, при извѣстныхъ обстоятельствахъ,—неизбѣжна. Откуда. въ самомъ дѣлѣ, должно антиципирующее (впередъ предъусматривающее) представленіе почерпнуть свои идеи, какъ не изъ своего прежняго опыта? Оно надѣется на неизмѣняемость того, что оказывалось для него прежде равномѣрнымъ и неизмѣннымъ». То, что до сихъ поръ увеличивалось, кажется ему способнымъ къ чуть небезконечному возрастанію. Все это происходитъ вслѣдствіе незнанія закона ритма чувствъ. Чтобы познать этотъ законъ, нуженъ личный опытъ, безъ этого мы необходимо бываемъ склонны вѣрить въ безконечную непрерывность и даже въ безконечное возрастаніе чувства. Такимъ образомъ понятно, почему при развитіи первой любви, антиципирующее представленіе, видя одно только постоянное возрастаніе чувства, необходимо приходитъ къ ложной вѣрѣ въ его

[1]) l. c S. 110.

безпредѣльность. И, такъ ошибка лежитъ не въ чувствѣ, но въ представленіи.

Бракъ является осуществленіемъ любви; здѣсь первоначальное чувство, хотя и не сохраняющее своей бурности, создаетъ прочныя отношенія. Чувство пріобрѣтаетъ здѣсь болѣе ровную и спокойную форму, но не исчезаетъ. «Часто [1]) только опасность потери или дѣйствительная потеря показываетъ людямъ, чѣмъ они обладали. Поэтому любовь супруговъ, по могуществу своего дѣйствія, вѣроятно, должна быть поставлена не ниже страстной любви. Только чувство здѣсь, такъ сказать, связано, но оно выступаетъ съ полною силой, какъ только случится встрѣтиться со враждебными обстоятельствами». Уменьшеніе страсти, свойственное браку, является крайне необходимымъ для жизни; ибо страсть захватываетъ всего человѣка и не оставляетъ мѣста для другихъ интересовъ; поэтому, если бы подобное состояніе могло продолжаться постоянно, то жизнь утратила бы свое разнообразіе и превратилась бы въ культъ одной единственной страсти. Такимъ образомъ, бракъ есть естественное выраженіе любви, и вслѣдствіе этого нельзя по справедливости говорить о лживости первоначальнаго чувства. кто держится противнаго мнѣнія, кто смотритъ на бракъ, какъ на могилу любви, тотъ извращаетъ природу. Поэтому, обманъ лежитъ «не въ природѣ вещей, но въ неестественности желанія» [2]). Разсмотрѣвши важнѣйшіе элементы человѣческой жизни: честь и любовь, Дюрингъ переходитъ къ естественному окончанію жизни—къ смерти. Онъ говоритъ, что если разсматривать смерть, какъ простое отсутствіе жизни, то она не можетъ сдѣлаться предметомъ боязни или надежды, на нее мы могли бы смотрѣть съ тѣмъ же спокойствіемъ съ какимъ смотримъ на наше небытіе передъ рожденіемъ.

Прежде всего нужно помнить, что вполнѣ естественная смерть, т. е, такая, которая является слѣдствіемъ постепеннаго упадка силъ, а не слѣдствіемъ какого либо внезапнаго ~~постепеннаго~~ разстройства жизненныхъ функцій, почти вполнѣ безболѣзненна. Конечно, та-

[1]) l. c. s. 113—114.
[2]) l. c. s. 121.

кая смерть рѣдкость: для этого нужно особенно благопріятныя условія, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія; въ большинствѣ же случаевъ жизнь, исполненная треволненій, заканчивается не такъ тихо и спокойно. «Однако,) мы думаемъ, что, если бы людямъ предстояло дѣлать выборъ между существованіемъ, лишеннымъ всякой отважной дѣятельности, но, за то, оканчивающимся спокойно и безболѣзненно, и бурною жизнью, наполненою различными сильными страстями, усѣянною опасностями и заканчивающеюся въ предсмертной борьбѣ, то они, безъ всякаго сомнѣнія, избрали бы этотъ второй образъ жизни». Если бы даже разумъ призналъ спокойную жизнь болѣе счастливою, то, все таки, инстинктъ рѣшилъ бы правильнѣе, потребовалъ бы прелести бурнаго существованія, не заботясь о послѣдней катастрофѣ. Страданія, испытываемыя нами при умираніи, конечно, ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыя мы испытывали втеченіи жизни, развѣ только прибавляется мучительное чувство безсилія; нельзя отрицать болѣзненности того невольнаго чувства страха, которое является иногда вслѣдствіе стѣсненія обыкновенныхъ функцій жизни, но, съ другой стороны, несправедливо было бы утверждать, что одна мысль о возможности подобнаго страданія уже отравляетъ жизнь. Боязнь смерти есть слѣдствіе нашихъ ошибочныхъ представленій, мы пугаемъ сами себя своими фантазіями. Если анализировать то сложное состояніе сознанія, которымъ сопровождается умираніе, и разложить его на составныя части, а именно: на чувства и ощущенія съ одной стороны и представленія съ другой, то мы найдемъ, что первая составная часть ничѣмъ не отличается отъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ страданій, которыя мы испытываемъ втеченіи жизни, тогда какъ вторая часть есть чистѣйшее заблужденіе и, къ счастію, такое, которое можетъ быть распознано при свѣтѣ здравой философіи. «Міръ [2]) богатъ примѣрами жизней, оканчивавшихся съ достоинствомъ, и слѣдуетъ ожидать, что даже толпа мало-по-малу научится умирать съ приличіемъ». Такимъ образомъ, анализируя страхъ смерти, мы при-

---

[1]) l. c. s. 132.
[2]) l. c. s. 133.

ходимъ къ выводамъ, аналогичнымъ тѣмъ, къ какимъ мы пришли вслѣдствіе анализа любви. Мы находимъ, что чувства, лежащія въ основѣ этого страха, конечно, реальны и непогрѣшимы, но что всѣ ужасныя преувеличенія, на которыя способенъ этотъ страхъ, есть дѣло ошибочныхъ представленій.

«Смерти [1]) нужно придавать значеніе, соотвѣтственное тому, что она уничтожаетъ, естественныя ощущенія всегда будутъ въ согласіи съ подобнымъ сужденіемъ». Когда умираетъ юноша, то разрушается вся прелесть едва только начавшейся жизни, вполнѣ взрослаго человѣка смерть отрываетъ отъ его дѣла, отъ его полуоконченныхъ предпріятій, и это насильственное разъединеніе человѣка съ его занятіями бываетъ еще болѣзненнѣе, чѣмъ у юноши при потерѣ заманчивой жизни. Привязанность къ жизни въ среднихъ лѣтахъ бываетъ наибольшая, и если судить о смерти по тѣмъ страданіямъ, которыя она намъ причиняетъ то было бы предпочтительнѣе умереть скорѣе въ юности, чѣмъ при полномъ развитіи силъ. Вся горечь разставанія съ жизнію въ этихъ случаяхъ зависитъ собственно не отъ смерти, но отъ ея несвоевременности. Съ необходимостью умереть, сойти со сцены легко примириться, если есть сознаніе, что наша роль вполнѣ сыграна. Слѣдовательно, не представленіе о смерти, но сознаніе неоконченной жизни наполняетъ нашу душу мучительнымъ чувствомъ. Такимъ образомъ, умираніе есть одинъ изъ актовъ жизни, и свое значеніе оно можетъ получить только въ связи съ предшествовавшимъ существованіемъ; этотъ актъ можетъ быть естественнымъ исходомъ вполнѣ законосообразной цѣпи событій, когда природа сама уничтожаетъ существованіе, которое она намѣренно предназначила только для извѣстнаго періода. Если же смерть сама по себѣ не есть зло, а тяжела бываетъ только ея несвоевременность, то и всѣ обвиненія нужно обращать не противъ смерти, но противъ господства случайностей, которыя могутъ прервать жизнь. Теперь возникаетъ такой вопросъ: можетъ ли существованіе случайныхъ потрясеній уничтожить привлекательность жизни? Мы думаемъ, говоритъ Дюрингъ, наоборотъ, что «жизнь [2]) не была бы жизнью,

[1]) l. c. s. 135.
[2]) l. c. s. 137.

если бы она не заключала въ себѣ никакой неопредѣленности». Если бы не существовало ни свободы, ни случая, тогда людьми владѣли бы тупость и квіетизмъ, и послѣдовала бы духовная смерть, гораздо худшая, чѣмъ смерть, нынѣ существующая.

Необходимо еще разсмотрѣть то значеніе, которое имѣетъ смерть человѣка для близкихъ ему людей. Вообще говоря, можно утверждать, что смерть есть столь же важное событіе для оставшихся жить, какъ и для умершаго; если же принять во вниманіе сравнительную непродолжительность страданій умирающаго и даже большую продолжительность горя, испытываемаго живыми, то можно даже считать, что смерть есть большее зло для тѣхъ, кто остался жить, чѣмъ для того, кто умеръ. Въ данномъ случаѣ потеря бываетъ по истинѣ невознаградимою: прочная связь, установленная продолжительными личными отношеніями, внезапно разрывается, и на установленіе новыхъ подобныхъ отношеній, конечно, невозможно разсчитывать. Для смягченія подобнаго несчастія не остается другаго средства какъ только возвыситься надъ индивидуальнымъ существованіемъ; само чувство естественнымъ путемъ приводитъ къ подобному состоянію, оно подымаетъ людей выше разъединеннаго и единичнаго къ созерцанію общаго. «Отдѣльная [1]) судьба стремится погрузиться въ безконечность вещей и растворить свое горе въ великомъ цѣломъ міровыхъ судебъ».

Итакъ, подробный анализъ разсѣваетъ тѣ ужасы, съ которыми обыкновенно соединяется представленіе о смерти. Мы видимъ, что смерть есть элементъ, безъ котораго жизнь была бы безцвѣтною и скучною, ибо большая часть прелести жизни заключается въ смѣлыхъ и рискованныхъ предпріятіяхъ, въ возможности случая, въ побѣжденіи препятствій. Мы видѣли, какое значеніе имѣетъ законъ разницы для повышенія ощущеній; но развѣ можетъ быть большая противоположность, чѣмъ та, которая существуетъ между бытіемъ и небытіемъ? Только сравнивая высоту жизни съ бездною смерти, мы познаемъ все богатство содержанія нашего существованія.

---

[1]) l. c. S. 139.

Все теченіе индивидуальной жизни, начиная отъ рожденія и кончая могилой, было нами прослѣжено. Жизнь была разсмотрѣна въ ея различные періоды, въ ея главныхъ стремленіяхъ и занятіяхъ; подробный анализъ показалъ намъ, что условія счастливаго существованія для индивидуума вполнѣ выполнимы. Но возможно слѣдующаго рода возраженіе: можно утверждать, что, хотя счастіе индивидуума, взятаго отдѣльно, и возможно, но для группы индивидуумовъ, для общества—счастіе недостижимо. Дюрингъ утверждаетъ, что въ дѣйствительности дѣло происходитъ наоборотъ, что единичный человѣкъ есть нѣчто несовершенное, нуждающееся, для лучшаго достиженія благополучія, въ помощи общества. Однако, нельзя не согласиться, что постоянно встрѣчаются люди, сомнѣвающіеся въ этомъ, утверждающіе, что возрастаніе культуры только увеличиваетъ нужду и приноситъ новыя бѣдствія, что дальнѣйшее развитіе приводитъ къ перенаселенію (чрезмѣрному населенію) и къ сопряженнымъ съ этимъ бѣдствіямъ. Это послѣднее возраженіе, какъ читатель, конечно, помнитъ, приводилъ, между прочимъ, и Гартманъ, оно получило большую извѣстность послѣ провозглашенія Мальтусомъ такъ называемаго «закона населенія». Дюрингъ подробно разбираетъ это возраженіе. Онъ ставитъ вопросъ такимъ образомъ: дана субъективная возможность человѣчества размножаться; очевидно, что если она не встрѣтитъ никакого противодѣйствія, то число людей можетъ возрасти болѣе всякой данной величины. Такимъ образомъ мы имѣемъ три возможности. Или населеніе будетъ всегда возрастать, тогда потребуется увеличить поверхность земнаго шара, не только для того, чтобы люди могли существовать, но даже просто для того, чтобы они могли помѣститься. Или субъективной силѣ размноженія будетъ противодѣйствовать объективная уничтожающая сила, такъ что количество населенія всегда будетъ колебаться между извѣстными предѣлами. Или же, наконецъ, сила размноженія будетъ постоянно уменьшаться, пока не наступитъ такое время, что возрастаніе населенія прекратится, а будетъ только простая замѣна старыхъ членовъ новыми.

Возможность увеличенія земной поверхности мало вѣроятна; въ будущемъ земля даже сдѣлается нѣсколько меньшею вслѣд-

ствіе потери теплоты. Третье предположеніе имѣетъ за себя нѣкоторыя аналогіи, но въ концѣ концовъ оказывается несостоятельнымъ. Вся наша предшествовавшая исторія не показываетъ случаевъ уменьшенія или увеличенія воспроизводительной силы; напротивъ, эта сила всегда была равномѣрна. Законъ эмпирическаго мышленія заставляетъ насъ считать неизмѣннымъ все то, что до сихъ поръ было постояннымъ. Такимъ образомъ остается только второе предположеніе: мы должны признать, что субъективно-безпредѣльному стремленію будутъ положены объективныя преграды.

Этотъ выводъ приводитъ насъ къ разсмотрѣнію ученія Мальтуса, къ опредѣленію того, что въ немъ вѣрно и что ошибочно. «Чтобы[1]) вполнѣ оріентироваться въ мальтузіанскихъ воззрѣніяхъ, чтобы не быть несправедливымъ къ теоретическимъ положеніямъ британскаго мыслителя, мы установимъ три точки зрѣнія, разсмотримъ: законъ Мальтуса, настроеніе Мальтуса и пугало Мальтуса».

Законъ Мальтуса заключается въ утвержденіи, что количество народонаселенія возрастаетъ быстрѣе средствъ къ жизни; не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія тому, что Мальтусъ утверждалъ, будто населеніе возрастаетъ въ геометрической прогрессіи, а средства къ жизни — въ ариѳметической. Конечно, возрастаніе населенія, если разсматривать его абстрактно, имѣетъ тенденцію слѣдовать геометрической прогрессіи; что же касается возрастанія средствъ къ жизни, то — если не обращать вниманія на то, что еще есть невоздѣланная почва и что могутъ быть техническія улучшенія,—можно, пожалуй, утверждать, что Мальтусъ даже былъ слишкомъ щедръ, ибо онъ представляетъ дѣло такъ, какъ будто средства къ жизни могутъ возрастать, хотя и въ ариѳметической прогрессіи, но, всетаки, безпредѣльно, тогда какъ легко представить себѣ такое состояніе земли, при которомъ дальнѣйшее возрастаніе продуктовъ будетъ немыслимо. Но все это болѣе или менѣе гадательно; слѣдуетъ принять только простое утверж-

---

[1]) l. c. S. 154.

деніе, что количество населенія возрастаетъ съ большею быстротой, чѣмъ средства къ жизни.

Въ то время, какъ теоретическія положенія Мальтуса достойны полнаго вниманія, его настроеніе представляетъ образецъ ошибочности; его желаніе обречь большинство людей на одинокую жизнь, его проповѣдь моральнаго воздержанія прежде всего грѣшатъ тѣмъ, что предполагаютъ возможность измѣненія кореннаго явленія природы посредствомъ простой рефлексіи. Впрочемъ, политики мальтузіанцы всегда склонны прибѣгать къ законодательному вмѣшательству. Зло, которое произошло бы въ такомъ случаѣ, превосходитъ то зло, которое они думаютъ устранить, это было бы крайнее стѣсненіе человѣческой личности и высшая несправедливость.

Но какія же средства должны быть употребляемы противъ перенаселенія? Какъ увеличить продуктивность человѣческаго труда? Двумя путями. Или при посредствѣ соціальной реформы уменьшить стѣсненіе развитія общественныхъ силъ, или открыть этимъ силамъ новое поле плодотворной дѣятельности. Конечно, такія измѣненія часто принимаютъ острую форму,—наступаетъ кризисъ, но подобныхъ явленій нечего особенно опасаться.

Возможно еще подобнаго рода возраженіе: можно представить себѣ землю населенною такъ густо, что и внутренняя реформа будетъ безплодна, и направленіе силъ наружу будетъ невозможно. Но подобное состояніе можетъ существовать только въ воображеніи; кромѣ того, даже въ этомъ крайнемъ случаѣ, въ осуществимость котораго мы имѣемъ право не вѣрить, даже и тутъ скорѣе можно согласиться на уничтоженіе части уже развитой жизни, чѣмъ на подавленіе жизненной энергіи. Сверхъ того, послѣдствія чрезмѣрной густоты населенія вовсе не такъ ужасны: придется только бороться съ большими препятствіями, что имѣетъ свои выгоды, ибо сравнительно большая трудность поддерживать свое существованіе сдѣлаетъ жизненный процессъ содержательнѣе.

Мальтусовское пугало вовсе не страшно, именно потому, что оно не больше какъ пугало. Наше воображеніе, конечно, можетъ, не впадая въ противорѣчіе, нарисовать себѣ картину перенаселенія въ будущемъ, но нашъ умъ не имѣетъ никакого основанія

принимать эту чисто отрицательную возможность за дѣйствительность, осуществимую въ будущемъ. Законъ Мальтуса, какъ онъ тамъ ни справедливъ, имѣетъ значеніе только для опредѣленнаго состоянія и является вполнѣ произвольнымъ, лишь только его прилагаютъ вообще къ будущности человѣчества. «Гдѣ [1]) существуетъ теперь перенаселеніе, тамъ оно искусственно произведено или искусственно поддерживается». Простой подъемъ народныхъ силъ можетъ устранить несоотвѣтствіе между потребностью и удовлетвореніемъ, стоитъ только вмѣсто современныхъ крайностей роскоши и нужды, установить болѣе здоровыя отношенія.

Если же мы не будемъ обращать вниманія на возможность перенаселенія, которое встрѣчается только какъ временное исключеніе, и если мы займемся только нормальнымъ ходомъ вещей, при которомъ приростъ населенія является выигрышемъ для культуры и цивилизаціи, то мы должны будемъ смотрѣть на общественную жизнь, какъ на завершеніе индивидуальнаго существованія, какъ на средство для повышенія цѣнности жизни. Въ соціальной жизни развиваются лучшія стороны человѣческаго существованія и значительно облегчается доступъ ко многимъ наслажденіямъ.

Остается еще изслѣдовать вопросъ, какое значеніе въ жизни человѣка имѣетъ познаніе, насколько зависятъ отъ него страданія и наслажденія? Прежде всего можно задать себѣ вопросъ: нужно ли считать ошибку за зло, или же зломъ слѣдуетъ считать практическія послѣдствія ошибочнаго представленія, а не самое это представленіе? Если мы станемъ судить наши ошибочныя представленія и предразсудки только по тому дѣйствію которое они производятъ на нашъ духъ, то мы должны будемъ сознаться, что они весьма часто оказываютъ на насъ самое благодѣтельное вліяніе. Легко указать такіе предразсудки, которые служили поддержкою и укрѣпленіемъ для людей.

Но, съ другой стороны, нужно помнить, что только истина можетъ привести къ согласію, что заблужденіе всегда, въ концѣ

[1]) l. c. S. 161.

концовъ, приводитъ къ разногласію и спору. Мы не любимъ дисгармоніи между предметомъ и нашимъ представленіемъ о немъ. Если бы заблужденіе не было зломъ, то теоретическія заблужденія не вызывали бы нашего неудовольствія. Но заблужденіе есть зло, помимо всякихъ практическихъ послѣдствій; мы смотрѣли бы на него равнодушно только въ томъ случаѣ, если бы были лишены всякаго стремленія къ истинѣ; впрочемъ, нужно прибавить, что, такъ какъ неудовольствіе вслѣдствіе ошибки можетъ появиться только тогда, когда эта ошибка распознана, то къ чувству недовольства всегда примѣшивается чувство довольства, такъ что иногда даже это послѣднее чувство побѣждаетъ первое. Во всякомъ случаѣ, неудовольствіе, вслѣдствіе сознанія чисто теоретическаго заблужденія, не можетъ быть особенно значительнымъ. Напротивъ того, практическія послѣдствія ошибки могутъ быть весьма велики. Самой высокой степени страданія достигаютъ въ томъ случаѣ, когда ошибка относится къ моральной области. Но именно въ данномъ случаѣ мы можемъ избѣгнуть ошибокъ тѣмъ, что при свѣтѣ познанія составимъ себѣ болѣе правильное понятіе о человѣческихъ отношеніяхъ. Кто входитъ въ жизнь со школьною, педантическою моралью, тотъ постоянно рискуетъ, что дѣйствительность окажется не такою, какою онъ ее себѣ представляетъ,—того ожидаютъ сильныя страданія и серьезныя заблужденія. Отъ всего этого человѣка избавляютъ болѣе правильныя понятія въ нравственной сферѣ.

Наши непосредственныя сужденія о цѣнности вещей необходимо принимаютъ форму чувства, посему знаніе, что жизнь имѣетъ положительную цѣнность, превращается въ вѣру въ цѣнность жизни. Мы не можемъ обозрѣть всей совокупности вещей, но должны довольствоваться, такъ сказать, маленькою частичкою великой міровой ткани, доступною нашему изслѣдованію. «Но когда, [1]) говоритъ Дюрингъ, ограниченное обозрѣніе, на которое мы бываемъ способны въ извѣстное время и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, укрѣпляетъ нашу увѣренность въ томъ, что мы и при дальнѣйшемъ изслѣдованіи найдемъ вещи соотвѣтствую-

[1]) l c. s. 182.

щими требованіямъ нашей природы, тогда въ насъ возникаетъ то, что я называю вѣрою въ цѣнность существованія». Очевидно, что подобная вѣра можетъ быть подвергнута сильнымъ испытаніямъ. Отдѣльное лице можетъ испытать такія ужасныя бѣдствія, что вся жизнь его будетъ разбита на вѣки, въ подобныхъ случаяхъ нельзя требовать отъ отдѣльной личности сверхчеловѣческихъ усилій, нельзя надѣяться, чтобы она вновь начала жизненную борьбу со свѣжими силами и съ твердою надеждою: отказъ отъ жизненной дѣятельности, уединеніе, въ данномъ случаѣ, вполнѣ естественное явленіе. Но подобное отношеніе къ жизни, вполнѣ законное въ исключительныхъ случаяхъ, было бы безсмыслицей въ общемъ. Нельзя требовать, чтобы все человѣчество осудило жизнь только потому, что отдѣльнымъ личностямъ пришлось увидѣть ужасный образъ Горгоны, оледѣнившій кровь въ ихъ жилахъ. Если бы человѣчество было единымъ многочисленнымъ существомъ, тогда условія его существованія не особенно возвышались бы надъ условіями существованія отдѣльныхъ его членовъ. Но, вѣдь, не существуетъ такого общаго сознанія, которое вмѣщало бы въ себѣ всѣ единичныя сознанія. Однако, по сколько мы можемъ принимать безкорыстное участіе въ другихъ, постолько же индивидуальное ощущеніе можетъ быть расширено въ общее сочувствіе, и можетъ образоваться связь, которая спасаетъ насъ отъ отчужденности; эта связь помогаетъ намъ мириться съ нашею личною судьбою. Конечно, можно возразить, что индивидуумъ есть носитель вполнѣ обособленнаго сознанія, которому нѣтъ никакого дѣла до судебъ остальнаго міра. Но подобное возраженіе имѣло бы значеніе только тогда, когда бы мы были вполнѣ лишены симпатическихъ чувствъ; въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго, въ дѣйствительности центръ тяжести существеннѣйшей части нашихъ душевныхъ движеній лежитъ внѣ насъ. Такъ что, хотя не существуетъ никакого другаго сознанія кромѣ индивидуальнаго, но именно индивидуальное представленіе составляетъ великую духовную связь, соединяющую людей и внушающую имъ сознаніе принадлежности къ человѣчеству. Гдѣ прочно устанавливается подобная связь, тамъ у личнаго страданія притупляется жало, тамъ легко сносятся бѣдствія жизни. На-

оборотъ, гдѣ господствуетъ разъединеніе и эгоизмъ, тамъ человѣкъ вырождается, тамъ тщетно будетъ онъ стремиться къ удовлетворенію. Но подобное состояніе вражды и раздора можетъ быть только временнымъ.

Такимъ образомъ, послѣ того, какъ разсмотрѣніе условій существованія какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего общества обнаружило многочисленные источники наслажденія, у насъ возникаетъ вполнѣ законная вѣра въ цѣнность жизни; безспорное зло, встрѣчающееся въ дѣйствительной жизни, не можетъ служить противорѣчіемъ этой вѣрѣ: въ общемъ оно значительно перевѣшивается наслажденіемъ. Что наша вѣра не окажется ошибочною въ будущемъ, въ этомъ Дюрингъ увѣренъ, между прочимъ, потому, что: «повышеніе [1]) цѣнности жизни, осуществляющееся путемъ свободной выработки благороднѣйшихъ особенностей человѣческой природы, есть основная функція и основной законъ исторіи».

Таково ученіе Дюринга о цѣнности жизни. Обращаясь къ критическому обозрѣнію этого ученія, мы должны прежде всего отмѣтить то свѣтлое, жизненное настроеніе, которымъ оно проникнуто отъ начала до конца. Здѣсь обнаруживается полнѣйшая противоположность между Шопенгауэромъ и Дюрингомъ. Тогда какъ Шопенгауэръ болѣзненно уклоняется отъ всякихъ ощущеній, тогда какъ онъ считаетъ безвольное состояніе, неподвижный квіэтизмъ за высшее благо,—Дюрингъ [2]), напротивъ, жадными устами пьетъ ощущенія изъ чаши бытія: ощущенія и душевныя движенія,—вотъ его источники счастія; пламенная страсть,—вотъ самое блаженное состояніе. Настроеніе Шопенгауэра напоминаетъ человѣка больнаго глазами: онъ тщательно избѣгаетъ свѣтовыхъ ощущеній; тихое, покойное пребываніе въ какомъ нибудь темномъ уголку,—вотъ самое желанное для него состояніе; настроеніе Дюринга, напротивъ, напоминаетъ человѣка со здоровыми, сильными глазами: онъ радостно любуется безконечно разнообраз-

---

[1]) Взято у А. Козлова: Философія дѣйствительности. Изложеніе философской системы Дюринга. Стр. 75.

[2]) Понятно, что я здѣсь говорю о Шопенгауэрѣ и о Дюрингѣ, какъ о писателяхъ, не касаясь ихъ, какъ людей.

нымъ разстилающимся у его ногъ ландшафтомъ, озареннымъ яркими солнечными лучами.

При оцѣнкѣ философскихъ системъ Дюрингъ придаетъ особенное значеніе настроенію философа; онъ цѣнитъ мыслителя не только по истинамъ, заключающимся въ его системѣ, но также и по его настроенію, по общему складу его мыслей, чувствъ и стремленій. Еслибы мы вздумали приложить это мѣрило къ самому Дюрингу, еслибы мы придали настроенію такое же важное значеніе, какое придаетъ ему Дюрингъ, то мы должны бы были высоко поставить это радостное, свѣтлое, энергическое ученіе Дюринга. Здѣсь видѣнъ человѣкъ, который хочетъ жить и который умѣетъ наслаждаться жизнію, видѣнъ смѣлый энергическій борецъ, не страшащійся опасности и даже гибели, вполнѣ достойный побѣды и счастія.

Но, къ сожалѣнію, при безпристрастномъ анализѣ оказывается, что только въ этомъ радостномъ настроеніи и заключается главное достоинство ученій Дюринга о цѣнности жизни. Мы не можемъ не согласиться, въ значительной степени, со словами нашего русскаго пессимиста, г. Козлова, который утверждаетъ, что Дюрингъ не опровергъ пессимизма. «Вѣдь, нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, говоритъ г. Козловъ [1]), ignoratio elenchi считать за опроверженіе. Дюрингъ дѣлаетъ именно эту логическую ошибку, когда опровергаетъ пессимизмъ указаніемъ, что страданіе и недовольство есть, по природѣ, необходимое предварительное условіе всякаго наслажденія. Но, вѣдь, это-то обстоятельство и служитъ для пессимиста основаніемъ предпочтенія небытія міра его бытію. Нѣтъ той радости, нѣтъ наслажденія, которое не покупалось бы предварительнымъ или послѣдующимъ страданіемъ и недовольствомъ своимъ или чужимъ,—въ этомъ и состоитъ основное положеніе пессимизма, который и самъ отлично знаетъ, что это необходимо по законамъ природы. Но необходимость еще не дѣлаетъ изъ дурнаго хорошее».

Постараемся подтвердить наше мнѣніе примѣрами. Мы не будемъ останавливаться на ученіи Дюринга о значеніи ритма въ

---

[1]) А. Козловъ l. c. стр. 139.

жизни человѣка и на другихъ подобныхъ вещахъ, которыя, какъ бы они тамъ ни были справедливы, имѣютъ только вспомогательное значеніе для анализа факторовъ человѣческой жизни; затѣмъ, мы пропустимъ анализъ условій существованія въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ, ибо, очевидно, эти періоды, для рѣшенія вопроса о цѣнности жизни, имѣютъ второстепенное значеніе сравнательно со зрѣлымъ возрастомъ. Поэтому, обратимся только къ вопросу о томъ, какъ оцѣниваетъ Дюрингъ существованіе въ зрѣломъ возрастѣ. Читатель, конечно, помнитъ, что Дюрингъ считаетъ любовь и честь двумя главнѣйшими, почти единственными ингредіентами человѣческой жизни въ зрѣломъ возрастѣ. Въ нихъ, слѣдовательно, лежитъ источникъ всего счастія и несчастія для взрослаго человѣка, ими рѣшается вопросъ о цѣнности жизни. Какъ же Дюрингъ опредѣляетъ ихъ значеніе для жизни человѣка? Разсмотримъ сначала честь. Прежде всего возникаетъ, конечно, вопросъ: какъ велико число людей, могущихъ обладать этимъ важнымъ элементомъ счастія, и каково положеніе тѣхъ, которые лишены его? Дюрингъ, какъ мы видѣли, полагаетъ что «только лживая софистика можетъ считать за несправедливость и притѣсненіе простое отсутствіе чествованія для многихъ». Прежде всего замѣтимъ, что не одна только «лживая софистика» можетъ дѣлать подобное утвержденіе, но, что его можетъ подсказать и гуманное тонко-развитое чувство. Можно съ достаточнымъ основаніемъ объявить жестокостью лишеніе большинства людей такого необходимаго элемента счастія, какимъ является, по мнѣнію Дюринга, честь, хотя бы это лишеніе было вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ ничтожества этого большинства; можно объявить несправедливымъ давать постоянно чувствовать этому бѣдному, слабому большинству его ничтожество. Но пусть будетъ такъ, пусть только «лживая софистика» дерзаетъ дѣлать подобныя заявленія; все-таки, Дюрингъ не много отъ этого выиграетъ, ибо, даже сдѣлавши подобную уступку, можно вполнѣ резонно замѣтить, что только лживая софистика рѣшится утверждать, что подобное лишеніе не будетъ тягостно. А, вѣдь, это для насъ самое важное. Справедливо или несправедливо произошло страданіе, все таки, оно страданіе.

Дюрингъ, повидимому, думаетъ иначе: онъ утверждаетъ, что «если неудача въ исканіи была справедлива, т. е. была вполнѣ заслуженною, то, естественно, получается въ результатѣ только сознаніе предшествовавшаго заблужденія и тщетной попытки». Точно будто подобное сознаніе легко! Смѣемъ думать, что скорѣе дѣло будетъ наоборотъ: легче снести несправедливое лишеніе чести, чѣмъ справедливое. О, въ тысячу разъ легче! Тогда въ нашемъ распоряженіи много источниковъ удовлетворенія: мы можемъ испытывать сладость мученичества, гордое сознаніе собственнаго величія, увѣренность, что одна только зависть къ нашимъ силамъ побудила людей на несправедливость, наконецъ, жажду мести—той мести, которая, по мнѣнію многихъ, «слаще чѣмъ медъ». Какой обильный источникъ гордыхъ, радостныхъ эмоцій, могущихъ заглушить горечь несправедливости! Но какъ ужасно положеніе того, кто ясно сознаетъ, что онъ дѣйствительно вполнѣ справедливо лишенъ чествованія, что онъ ничтоженъ и безсиленъ! Какъ велико бываетъ страданіе въ подобныхъ случаяхъ, видно уже изъ того, что человѣкъ почти никогда не признаетъ себя побѣжденнымъ, почти всегда онъ скорѣе приметъ самыя невѣроятныя объясненія, чѣмъ сознается въ своемъ ничтожествѣ. И такъ, можно считать вполнѣ доказаннымъ, что, если чествованіе дѣйствительно играетъ такую видную роль въ жизни человѣка, то лишеніе его должно чувствоваться до послѣдней степени горько, и тѣмъ горче, чѣмъ оно справедливѣе. Теперь же спросимъ себя, много ли людей могутъ наслаждаться чествованіемъ. Очевидно, немного. Честь, по самому существу своему, есть нѣчто исключительное, чествованіе есть отличіе, и это отличіе тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ меньше людей его удостоиваются. Предположеніе, что всѣ или, по крайней мѣрѣ, многіе будутъ чествуемы и будутъ получать отъ этого болѣе или менѣе значительное удовольствіе,—такое предположеніе крайне невѣроятно. Извѣстно, напр., какое обаяніе производятъ громкіе титулы на людей, стоящихъ на извѣстной ступени развитія; вполнѣ понятно, что человѣкъ можетъ поставить цѣлью своей жизни добиться княжеской или герцогской короны, что подобная честь принесетъ огромное наслажденіе; но едва-ли все это возможно въ Мекленбургѣ, гдѣ половина жителей

титулованныя особы, гдѣ «въ одномъ трактирѣ хозяинъ былъ господинъ графъ, хозяйка—госпожа графиня, конюхъ, дворникъ и чистильщикъ сапогъ—графы, а кухарка и горничная—графини» [1]). Конечно, можно возразить, что всѣ, или почти всѣ люди имѣютъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ имѣть какое либо отличительное качество, могущее быть причиною чествованія, можно утверждать, что почти всякій человѣкъ найдетъ сферу дѣятельности, въ которой онъ будетъ одинъ изъ лучшихъ и, слѣдовательно, будетъ чествуемъ. Но противъ этого можно сказать слѣдующее: для того, чтобы чествованіе играло такую выдающую роль въ жизни человѣка, какую приписываетъ ему Дюрингъ, необходимы важныя отличія, широкая арена борьбы и огромный кругъ почитателей, такого чествованія могутъ достигнуть только весьма немногіе. Что касается толпы, то она, конечно, можетъ при извѣстныхъ условіяхъ наслаждаться чествованіемъ, но, такъ какъ причины чествованія будутъ въ этомъ случаѣ мелки (ибо крупныхъ немного), и кругъ почитателей ничтоженъ, то и наслажденіе будетъ весьма слабо; сверхъ того, изъ него будетъ дѣлаться вычетъ такого рода: чествованіе A можетъ произойти только тогда, если онъ въ какомъ либо случаѣ лучше B. C. D. и т. п., эти B. C. D. въ свою очередь, могутъ быть чествуемы за то, что они лучше другихъ въ своей спеціальности. Но теперь B. C. D. или вступятъ въ конкуренцію съ A на томъ поприщѣ, гдѣ A ихъ превосходитъ, или они не вступятъ въ эту конкуренцію. Въ послѣднемъ случаѣ A не можетъ обнаружить своего превосходства, слѣдовательно, не можетъ быть и чествуемъ, а въ первомъ случаѣ B. C. и D. будутъ страдать вслѣдствіе пораженія; конечно, эти B. C. и D. будутъ имѣть то утѣшеніе, что они на иномъ поприщѣ превосходятъ другихъ (въ томъ числѣ, быть можетъ, и самого A), но, очевидно, что реализація этого ихъ превосходства опять таки возможна только вслѣдствіе пораженія, а слѣдовательно и страданія этихъ другихъ, и т. д. Такимъ образомъ очевидно, что тамъ, гдѣ всѣ за что либо чевствуются, всѣ также въ чемъ либо испытываютъ лишеніе чести. Послѣ всего сказаннаго нельзя признать, чтобы Дюрингъ по-

[1]) Г. Спенсеръ, Начала Соціологіи, пер. подъ ред. И. В. Лучицкаго стр. 269

ступилъ удачно, придавши чести такое грамадное значеніе въ жизни человѣка, нельзя также сказать, чтобы онъ искустно доказалъ, что честь, въ конечномъ счетѣ, приноситъ больше наслажденія, чѣмъ страданія.

Обратимся теперь ко второму ингредіенту—къ любви. Дюрингъ не думаетъ отрицать иллюзорный характеръ страстной любви; онъ даже утверждаетъ, что ошибки почти неизбѣжны; влюбленные неизбѣжно думаютъ, что ихъ страсть будетъ продолжаться вѣчно, что на самомъ дѣлѣ невозможно. Со всѣмъ этимъ Дюрингъ соглашается, но только утверждаетъ, что ошибка лежитъ не въ чувствѣ, а въ представленіи. Но мы думаемъ, что, гдѣ бы ни лежала ошибка, но, если она неизбѣжна и ея обнаруженіе тягостно, то дѣло обстоитъ не особенно благополучно. Впрочемъ у Дюринга есть еще и другой выходъ. Онъ утверждаетъ, что бракъ есть естественное послѣдствіе любви; такимъ образомъ, хотя жгучая страсть и улетучивается, но на мѣсто ея завязываются другія отношенія, столь же сладкія, но болѣе прочныя. Онъ утверждаетъ, что тотъ, кто смотритъ на бракъ, какъ на могилу любви, извращаетъ природу, и поэтому обманъ здѣсь лежитъ «не въ природѣ вещей, но въ неестественности желанія». Можно сильно оспаривать удачность выраженія: «неестественность желанія», можно преспокойно доказывать, что всякое желаніе вполнѣ естественно, но мы не хотимъ спорить изъ-за словъ, а зададимъ только такой вопросъ: А что прикажете подѣлать, если большинство людей такъ «неестественно» устроены, что имѣютъ подобныя «неестественныя желанія»? Страданіе опять таки будетъ; а это намъ только и требуется доказать. Но перейдемъ теперь къ браку, этому естественному и счастливому окончанію любви. Тутъ мы къ удивленію нашему узнаемъ, что хотя супружеская любовь и существуетъ, но скорѣе въ потенціальной формѣ. «Часто только опасность потери или дѣйствительная потеря показываетъ людямъ, чѣмъ они обладали. Поэтому, любовь супруговъ, по могуществу своего дѣйствія, вѣроятно, должна быть поставлена не ниже страстной любви. Только чувство здѣсь, такъ сказать, связано, но оно выступаетъ съ полною сплой, какъ только случится

встрѣтиться со враждебными обстоятельствами». Едва ли подобная защита можетъ быть названа особенно искусною. Оказывается, что пока дѣла идутъ благополучно, то любовь находится въ связанномъ состояніи (т. е., значитъ, не чувствуется), такъ что люди даже и не подозрѣваютъ, чѣмъ они владѣютъ; но стоитъ настать горю, несчастію, тогда возникаетъ громадное страданіе, которое только и «показываетъ людямъ, чѣмъ они обладали». Итакъ, только страданіе, причиненное потерею любимаго существа, открываетъ человѣку, что это существо было ему дорого. Такъ печаленъ счастливѣйшій и естественнѣйшій исходъ страстной любви!

Мы разсмотрѣли оба ингредіента, наполняющіе, по мнѣнію Дюринга, всю жизнь взрослаго человѣка, мы видѣли, что въ обоихъ случаяхъ Дюрингъ не нанесъ особеннаго вреда пессимизму не станемъ разбирать его ученія подробнѣе. Скажемъ только нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ изслѣдованія Дюринга. Если я въ первой главѣ упрекалъ Тауберта и Селли за то, что они входятъ въ совершенно безполезные споры, то, по справедливости, долженъ сдѣлать здѣсь еще большій упрекъ за это Дюрингу. Онъ почему-то считаетъ нужнымъ распространяться на нѣсколькихъ страницахъ о шопенгауэровской теоріи музыки, о пользѣ игръ для дѣтей, входить въ препирательства съ идеалистами и т. п. Въ большинствѣ случаевъ все это я прошелъ молчаніемъ, но не могъ поступать такъ всегда, вслѣдствіе связи этихъ излишнихъ разсужденій съ другими болѣе важными.

Въ слѣдующей главѣ мы укажемъ, почему Дюрингъ сдѣлалъ ошибку, придавши любви и чести такое выдающееся положеніе въ жизни человѣка, и какимъ образомъ эти факторы могутъ занять подобающее мѣсто въ раціональной схемѣ жизни. Теперь же мы укажемъ на тѣ стороны ученія Дюринга, которыя придаютъ его изслѣдованію безспорное значеніе. Вполнѣ вѣрна основная мысль Дюринга, что въ душевныхъ движеніяхъ и въ страстяхъ лежитъ источникъ счастія, что рискъ и опасность только увеличиваютъ радостное чувство, что борьба и возможность гибели имѣютъ свою прелесть. Прекрасно анализировалъ это Бенъ въ IX главѣ третьей книги своей «Психологіи», въ главѣ, озаглавлен-

ной: «эмоція дѣятельности — преслѣдованіе». Онъ, между прочимъ, говоритъ [1]): «случай или неизвѣстность, до нѣкоторой степени, содѣйствуютъ усиленію исканія. Совершенная извѣстность достиженія, будучи столь же вѣрною, какъ самое обладаніе, не составляетъ побужденія къ преднамѣренному исканію, если въ будущемъ существуетъ полная увѣренность въ полученіи — возбужденія не происходитъ. Но извѣстная степень сомнѣнія съ возможностью потери, пронзводитъ сколько состояніе опасенія, столько же и побуждаетъ органы воспріятія смотрѣть впередъ; въ каковомъ положеніи надежное приближеніе рѣшительнаго исхода или ласкаетъ насъ, удаляя страхъ, или увеличиваетъ силу вниманія, погружая насъ въ сомнѣніе... Самыя опасныя охоты, какъ, напр., на тигра, слона, кабана. приводятъ въ восторгъ настоящихъ охотниковъ... Боецъ въ равномъ или почти равномъ состязаніи испытываетъ рискъ и неизвѣстность, что воодушевляетъ его силы и напрягаетъ его вниманіе до послѣдней степени». Дюрингу только слѣдовало бы доказать, что эта борьба, это исканіе, этотъ рискъ въ большинствѣ случаевъ кончится счастливо, или, по крайней мѣрѣ, что наслажденіе борьбы такъ велико и продолжительно, что страданіе несчастнаго исхода не могутъ его пересилить. Этого Дюрингъ не сдѣлалъ или сдѣлалъ крайне неудачно, какъ мы видѣли на примѣрахъ любви и чести. Въ одномъ только случаѣ, въ прекрасной главѣ, трактующей о смерти, Дюрингъ вышелъ вполнѣ побѣдителемъ. Въ числѣ другихъ достоинствъ его ученія нужно еще упомянуть его указаніе на соціальную сторону вопроса и особенно его гипотезу о повышеніи цѣнности жизни.

§ 9. Хотя главная цѣль сочиненія Сѐлли «Pessimism a history anda criticism» (1877) заключается, какъ это видно изъ самаго заглавія, въ исторіи и критикѣ пессимистическихъ ученій, но это далеко не единственная его цѣль; напротивъ, покончивши въ первыхъ десяти главахъ съ исторіей и критикой пессимистическихъ (а отчасти, особенно въ историческомъ отдѣлѣ, и оптимистическихъ) ученій о цѣнности жизни, Сѐлли въ нѣсколькихъ обшир-

[1]) Бэнъ, „Психологія“, пер. съ англійскаго, стр. 262—4.

ныхъ главахъ пытается положить основаніе научному оптимизму. По его мнѣнію, еще не существуетъ систематической попытки утвердить оптимизмъ на твердыхъ научныхъ основаніяхъ.

Прежде всего Сёлли занимается вопросомъ о томъ, является ли страданіе необходимымъ условіемъ для существованія наслажденія. Онъ рѣшительно отвергаетъ эту мысль и указываетъ на случаи, когда продолжительный рядъ наслажденій не прерывается никакимъ страданіемъ,—таковы, напр., по его мнѣнію, дни проведенные съ друзьями въ какомъ нибудь очаровательномъ уединенномъ уголкѣ, среди сочувственнаго обмѣна мыслей. Было ли счастіе этихъ дней менѣе реально потому только, что ему не было противопоставлено страданіе для контраста? Конечно нѣтъ. Законъ относительности чувствованій требуетъ только постоянной смѣны въ состояніи сознанія, но нѣтъ никакой надобности переходить непремѣнно отъ наслажденія къ страданію. «Хорошо устроенные переходы отъ одного рода чувствованій къ другому, какъ отъ активной дѣятельности къ покою и отъ общественныхъ сношеній къ уединенію, способны поддерживать постоянный приливъ наслажденія» [1]). Можно еще сказать, что, не зная страданія, мы не будемъ въ состояніи цѣнить наслажденія; но для того чтобы судить о силѣ наслажденія, нѣтъ надобности непремѣнно сравнивать его со страданіемъ,—для этого достаточно того факта, что различные роды наслажденія не равны другъ другу по интенсивности. Кромѣ того нужно помнить, что, помимо страданія, существуетъ еще другое эмоціональное состояніе, противоположное наслажденію, это—состояніе безразличія.

Теперь перейдемъ къ вопросу о томъ, какъ нужно измѣрять общую сумму страданій и наслажденій, какой методъ необходимъ для рѣшенія вопроса о цѣнности жизни. Можно бы подумать, что для этого лучше всего перечислить всѣ важнѣйшіе источники страданія и наслажденія въ средней человѣческой жизни. Но подобный методъ рѣшительно негоденъ. Оцѣнка каждаго даннаго случая подвержена сильнымъ индивидуальнымъ колебаніямъ, чувствительность къ какому либо случаю у различныхъ людей

[1]) Sully, Pessimism etc. p. 261.

весьма различна; но это еще не все: еслибы даже мы могли опредѣлить точную величину отдѣльнаго единичнаго источника наслажденія, то и тогда мы, всетаки, не могли бы съ достаточною точностью вычислить общую сумму чувствованій, такое исчисленіе, сдѣланное только для чувствованій одного человѣка втеченіи одного дня, было бы крайне грубымъ и несовершеннымъ; во сколько же увеличилась бы ошибка при составленіи вывода для всей жизни средняго человѣка!

Если этотъ апріорный способъ опредѣленія цѣнности жизни чрезъ исчисленіе главнѣйшихъ источниковъ страданія и наслажденія оказывается негоднымъ, то нельзя ли воспользоваться апостеріорнымъ способомъ, именно, нельзя ли рѣшить вопросъ, наблюдая дѣйствительные случаи страданія и наслажденія встрѣчающіеся какъ въ нашей жизни, такъ и въ жизни окружающихъ насъ? Разсмотримъ этотъ способъ поближе. Начнемъ съ оцѣнки собственной жизни. Здѣсь, вопервыхъ, нашъ духъ не можетъ удержать адекватнаго представленія непрерывнаго ряда единичныхъ чувствованій; вовторыхъ, мы лишены возможности сдѣлать точную сравнительную оцѣнку даже тѣхъ фактовъ, которые мы помнимъ. Третье препятствіе заключается въ томъ, что мы никогда не имѣемъ дѣла съ отдѣльными чувствованіями, но всегда съ крайне сложными эмоціями, въ составъ которыхъ входятъ и пріятные и непріятные ингредіенты; во многихъ случаяхъ запутанность бываетъ столь велика, что мы не можемъ судить о конечной цѣнности всей массы. Къ этому надобно еще прибавить то, что мы, смотря по расположенію духа, придаемъ особенное значеніе то свѣтлымъ, то мрачнымъ сторонамъ жизненнаго опыта. Наконецъ, существуетъ еще одно затрудненіе: чтобы судить о величинѣ даннаго наслажденія или страданія, мы должны имѣть какое либо мѣрило, какую либо исходную точку; такой исходный пунктъ обыкновенно предполагаютъ найти въ состояніи полнаго безразличія, въ нулевой точкѣ чувствованій; на самомъ же дѣлѣ мы обыкновенно судимъ о пріятныхъ и непріятныхъ эмоціяхъ не по ихъ отношенію къ нулевой точкѣ, но беремъ за мѣрило наше привычное эмоціональное состояніе. Кто привыкъ къ извѣстному пріятному настроенію духа, тотъ не придаетъ значенія случаю, который

далъ ему возможность испытать именно только это настроеніе; тоже будетъ и съ человѣкомъ, привыкшимъ къ состоянію ниже нулеваго. Такимъ образомъ мы склонны ошибаться при оцѣнкѣ элементовъ цѣнности жизни, и наша ошибка принимаетъ направленіе, обратное нашему обыденному состоянію.

Такимъ образомъ, при сужденіи о цѣнности жизни посредствомъ собственной индивидуальной оцѣнки нашихъ страданій и наслажденій, мы встрѣчаемся со множествомъ серьезныхъ затрудненій. Хотя, накопляя значительное количество показаній, мы могли бы избѣгнуть нѣкоторыхъ ошибокъ, но всегда останутся другія неточности, которыя сдѣлаютъ этотъ способъ исчисленія крайне грубымъ, если не вполнѣ негоднымъ.

Послѣ того какъ методъ субъективнаго наблюденія оказался, такимъ образомъ, непригоднымъ, намъ остается еще обратиться къ объективному методу, къ наблюденію надъ чувствами другихъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи, и этотъ методъ окажется рѣшительно недостаточнымъ. Мы можемъ судить о чувствахъ другихъ тремя способами: чрезъ вліяніе ихъ на дѣятельность, чрезъ непроизвольныя выраженія и, наконецъ, чрезъ добровольное сообщеніе. Что касается послѣдняго способа, то очевидно, что даже въ томъ случаѣ, когда намъ говорятъ правду, мы всетаки не можемъ считать этотъ источникъ особенно цѣннымъ, въ виду тѣхъ неточностей, которымъ, какъ мы видѣли выше, подвержена субъективная оцѣнка чувствованій. Судить о чувствахъ человѣка по его дѣятельности можно только приблизительно вѣрно, въ большинствѣ же случаевъ мы не можемъ судить о томъ, руководится ли человѣкъ въ своей дѣятельности надеждою на полученіе наслажденія, или желаніемъ избѣгнуть страданія. Наконецъ, непроизвольныя выраженія могутъ обнаружить чувство только въ самыхъ грубыхъ и общихъ чертахъ, а иногда по нимъ совсѣмъ ничего нельзя узнать.

Такимъ образомъ очевидно, что при современномъ состояніи знаній нельзя рѣшить вопроса о цѣнности жизни въ терминахъ страданій и наслажденій. Но если подобное рѣшеніе вопроса невозможно, то попытаемся придать нашей проблемѣ нѣсколько

другой видъ, превративши [1]) вопросъ, «существуетъ ли перевѣсъ наслажденія надъ страданіемъ?» въ другой вопросъ, «достижимо ли счастіе?» Противъ подобной перемѣны вопроса, говоритъ Селли, можно сдѣлать два возраженія: вопервыхъ, что этимъ мы покидаемъ точку зрѣнія гедонизма, съ которой мы рѣшили разсматривать вопросъ о цѣнности жизни; вовторыхъ, что если счастіе есть одинъ изъ видовъ наслажденія, и если мы не можемъ рѣшить вопроса о перевѣсѣ наслажденія надъ страданіемъ, то à fortiori мы не съумѣемъ рѣшить вопроса о возможности счастія. Первое возраженіе вполнѣ устраняется указаніемъ на то, что «счастіе можетъ быть рационально представлено какъ особая сложная форма наслажденія» [2]). Въ отвѣтъ на второе возраженіе можно замѣтить, что хотя мы и не въ состояніи вывести точной суммы единичныхъ чувствованій, но мы можемъ достигнуть приблизительнаго знанія, а когда мы имѣемъ дѣло съ такимъ громаднымъ аггрегатомъ чувствъ, какой представляетъ идея счастія, то для насъ такого приблизительнаго знанія вполнѣ достаточно. Для лучшей иллюстраціи этой мысли можно привести такой примѣръ: человѣкъ, который отлично понимаетъ затруднительность исчисленія страданій и наслажденій, можетъ, однако, утверждать, что, вообще говоря, обычай говорить правду значительно уменьшаетъ сумму страданій и увеличиваетъ сумму наслажденій.

Обращаясь къ анализу идеи счастія, мы находимъ, что подъ именемъ счастія обыкновенно понимаютъ какой либо постоянный источникъ наслажденія, какъ-то любимое занятіе, извѣстный образъ жизни и т. п. Такое замѣщеніе единичнаго, скоро исчезающаго чувства постояннымъ источникомъ наслажденій вполнѣ понятно. «Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что, предполагая наслажденіе желательнымъ, люди съ развитіемъ интеллекта должны придти къ замѣщенію идеи изолированнаго наслажденія идеей счастія... Лишь только разумъ открываетъ, что существуютъ опредѣленные объекты, постоянные источники наслажденія... раціональная воля, предпочитая большее меньшему, непремѣнно обратитъ свою энергію на ихъ преслѣдованіе» [3]).

[1]) l. c. p. 279.
[2]) l. c. p. 279. [3]) l. c. p. 282.

Въ чемъ же заключаются элементы счастія? Начнемъ со внѣшнихъ факторовъ (external factors of happiness). Люди скоро замѣчаютъ, что извѣстные объекты и извѣстныя отношенія, будучи источникомъ наслажденія или защитою отъ страданія, имѣютъ большую цѣнность, чѣмъ преходящія чувства. Такъ, напримѣръ, матеріальное обезпеченіе избавляетъ насъ отъ многихъ бѣдствій и доставляетъ разнообразныя наслажденія не одинъ и не два дня, но втеченіе мѣсяцевъ и годовъ. Поэтому богатство есть гораздо болѣе важная цѣль для преслѣдованія, чѣмъ какое либо единичное, скоропреходящее наслажденіе. Тоже самое можно сказать и о семейныхъ отношеніяхъ, о дружбѣ, объ искусствѣ, частной и общественной службѣ и т. п. Послѣ того какъ въ нашемъ умѣ твердо установилась ассоціація, напр., между идеей богатства и идеей наслажденія, которое оно доставляетъ, мы мало по малу начинаемъ принимать средство за цѣль, мы стремимся уже не къ наслажденію, но къ пріятной вещи; такимъ образомъ происходитъ еще большее разъединеніе между преходящимъ наслажденіемъ и постоянною цѣлью, ибо, преслѣдуя эту цѣль, мы часто даже не сознаемъ, что имѣемъ въ виду наслажденіе.

Другой источникъ счастія заключается въ удовольствіи дѣятельности. Всякая дѣятельность въ извѣстныхъ предѣлахъ пріятна, является ли она въ формѣ мускульныхъ упражненій или, еще болѣе, въ формѣ приложенія духовныхъ силъ, сюда же можно причислить наслажденія, получаемыя при нашей дѣятельности вслѣдствіе антиципаціи осуществленія какого либо блага, реализаціи какого либо внѣшняго источника счастія. Все это вмѣстѣ взятое составляетъ довольно значительную сумму наслажденій, получаемыхъ при произвольной дѣятельности.

Таковы источники счастія, коренящіеся во внѣшнихъ условіяхъ и въ активной дѣятельности. Но счастіе ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть ограничено только этими внѣшними факторами; оно заключается въ насъ самихъ, лежитъ во внутреннихъ условіяхъ нашей духовной жизни, въ нашихъ чувствахъ, вѣрованіяхъ, мысляхъ и т. п. Разсмотримъ же эти внутренніе факторы счастія (internal factors of happiness). Кромѣ впечатлѣній, получаемыхъ отъ внѣшняго міра, наша духовная жизнь за-

ключаетъ еще въ себѣ внутренніе ингредіенты, какъ-то воспоминаніе, антиципацію, воображеніе и т. п. Всѣ эти ингредіенты могутъ быть радостны, печальны или нейтральны, эта нестройная масса необдѣланнаго матеріала должна быть переработана, прежде чѣмъ сдѣлаться составною частію идеи счастія. Какъ же происходитъ эта переработка? Прежде всего нужно замѣтить, что внутренніе элементы въ значительной степени управляются и регулируются внѣшними цѣлями, на которыя направлена наша энергія; мы не только невольно думаемъ о предметахъ нашей дѣятельности, но и всякій успѣхъ, всякое новое пріобрѣтеніе, сдѣланное здѣсь, является новымъ постояннымъ источникомъ радостнаго сознанія. Еще большее значеніе имѣетъ упражненіе произвольной дѣятельности, направленное непосредственно на достиженіе какого либо внутренняго, постояннаго источника счастія. Саморазвитіе представляетъ важный элементъ счастія, удовлетвореніе, получаемое нами отъ сознанія нашего умственнаго или нравственнаго усовершенствованія, не является только въ формѣ воспоминанія о прежде совершившемся фактѣ, но имѣетъ силу непосредственнаго сознанія настоящей реальности. Такимъ образомъ, ставя саморазвитіе главною цѣлью для постояннаго направленія нашей произвольной дѣятельности, мы гарантируемъ себѣ значительное количество наслажденій. Такое направленіе волн измѣняетъ вѣроятность наслажденій, предлагаемыхъ намъ жизнію, оно дозволяетъ намъ выбирать и преобразовывать элементы, на которыхъ мы должны строить все наше удовлетвореніе жизнію.

Болѣе совершенная идея счастія реализуется посредствомъ координаціи нѣсколькихъ разнообразныхъ цѣлей въ общій планъ жизни. Высшее развитіе разума приводитъ не только къ замѣщенію временныхъ цѣлей постоянными, но и къ принятію разнообразныхъ цѣлей. къ соподчиненію ихъ, судя по ихъ значенію какъ источниковъ счастія и защиты противъ страданія. Разсудительный человѣкъ не станетъ доводить свое преслѣдованіе какой либо цѣли до явнаго ущерба другой важной цѣли, такъ, онъ не станетъ заниматься искусствомъ въ ущербъ здоровью, ни стремиться къ богатству въ ущербъ саморазвитію. «Когда эта организація различныхъ цѣлей жизни закончена, человѣкъ не смо-

тритъ болѣе на счастіе, какъ на скопленіе безсвязныхъ интересовъ, но какъ на схему или іерархію интересовъ, въ которой каждый членъ занимаетъ мѣсто, соотвѣтствующее его относительному значенію въ общей суммѣ источниковъ наслажденія» [1]).

До сихъ поръ мы разсматривали счастіе, какъ зависящее отъ обширныхъ постоянныхъ цѣлей, внутреннихъ и внѣшнихъ. Теперь перейдемъ къ еще болѣе совершенной идеѣ счастія, къ высшему проявленію воли, къ процессу произвольнаго направленія вниманія, чрезъ что мы въ извѣстныхъ предѣлахъ регулируемъ наши мысли, чувства и желанія.

Роль воли при регулированіи нашихъ внѣшнихъ впечатлѣній и внутреннихъ чувствъ двоякая: положительная и отрицательная. Она можетъ стремиться или удержать, укрѣпить и такимъ образомъ повысить цѣнность пріятной перцепціи или мысли, или же, наоборотъ, можетъ поставить себѣ задачею удалить тягостный ингредіентъ. Разсмотримъ сначала отрицательную сторону контроля внѣшнихъ впечатлѣній. Мы всѣ бываемъ подвергнуты непріятнымъ вліяніямъ извнѣ, окружающая насъ среда, соціальная или естественная, представляетъ много непріятныхъ сторонъ, даже въ томъ случаѣ, когда внѣшнія обстоятельства устроены соотвѣтственно нашему плану и намѣренію, даже и тогда въ нихъ встрѣчаются недостатки и пороки. Благоразумный человѣкъ не согласится быть рабомъ этихъ случайныхъ обстоятельствъ, онъ постарается отдѣлаться отъ непріятныхъ предметовъ или, по крайней мѣрѣ, лишить ихъ тягостнаго ихъ вліянія. Это достигается двумя способами. Если можно, онъ постарается выйти изъ сферы ихъ вліянія, будетъ, такъ сказать, избѣгать встрѣчи съ ними. Если же это окажется невозможнымъ, тогда придется прибѣгнуть къ еще высшему проявленію воли, мы можемъ отвлечь свое вниманіе отъ предмета, котораго мы не въ состояніи удалить. Конечно, могутъ быть причины, нравственныя или какія либо другія, которыя заставятъ насъ недѣлать этого, но гдѣ нѣтъ никакой надобности въ такомъ перенесеніи страданія, тамъ благоразуміе требуетъ избѣгать его. Пусть, напр., источникомъ страда-

[1]) l. c. p. 290.

нія будетъ наше какое нибудь тѣлесное безобразіе; очевидно, что уничтожить его мы не въ сплахъ, но мы можемъ, отвращая отъ него вниманіе, лишить его, такъ сказать, субъективной реальности, по крайней мѣрѣ для насъ самихъ.

Мы не будемъ распространяться о положительной функціи высшаго волевого контроля, ибо очевидно, что отрицательная функція есть только другая сторона положительной. Въ сущности обѣ онѣ входятъ въ одинъ и тотъ же умственный процессъ, мы отгоняемъ отъ себя представленіе какого либо непріятнаго предмета, сосредоточивая свое вниманіе на другомъ болѣе пріятномъ. Такимъ образомъ, отбрасывая все, что для насъ непріятно и тягостно, и удерживая пріятное, мы преобразуемъ окружающія насъ условія и создаемъ вокругъ насъ другой міръ не менѣе реальный, но болѣе цѣнный.

Обратимся теперь къ высшему волевому контролю нашей внутренней духовной жизни. Начнемъ опять съ отрицательной функціи. Благоразумный человѣкъ старается удалить изъ сознанія тягостныя размышленія, болѣзненныя эмоціи и мучительныя желанія, этого онъ достигаетъ просто посредствомъ отвращенія своего вниманія отъ непріятныхъ воспоминаній, антиципацій и представленій, справедливо также считается благоразумiемъ недумать о будущихъ бѣдствіяхъ. Конечно, необходимо представить себѣ ясно всѣ вѣроятныя и даже случайныя неудачи и бѣдствія, ожидающія насъ, но лишь настолько, насколько это необходимо для предотвращенія этихъ бѣдствій и неудачъ. Вполнѣ ясно, что благоразуміе требуетъ недумать о тѣхъ будущихъ событіяхъ, относительно которыхъ мы ничего не можемъ предпринять, такъ, напр., не слѣдуетъ думать о необходимости умереть.

Интересно разсмотрѣть, насколько этотъ отрицательный контроль способенъ избавить насъ отъ муки желанія, которое, по мнѣнію пессимистовъ, есть основная причина всѣхъ бѣдствій жизни. Желаніе, какъ тяжелое и непріятное состояніе духа, рождается только тогда, когда случается замедленіе въ выполненіи волп. Теперь, роль внутренняго волевого контроля будетъ заключаться въ томъ, чтобы отвратить вниманіе отъ желаемаго объекта, находящагося внѣ нашей власти, сконцентрировать вниманіе

на какомъ либо другомъ предметѣ, и чрезъ это избавить насъ отъ тяжести желанія. «Такимъ способомъ благоразумный человѣкъ старается удержать свои желанія въ предѣлахъ возможнаго» [1]); онъ научается отказываться отъ дикихъ, безразсудныхъ желаній и строитъ свои надежды на основаніи фактовъ.

Такова роль отрицательной функціи воли во внутренней экономіи духовной жизни. Обратимся теперь къ ея положительной функціи. Здѣсь, какъ и въ случаѣ внѣшняго контроля, отрицательныя и положительныя функціи обусловливаютъ другъ друга; отвратить вниманіе отъ тягостнаго предмета размышленія, значитъ сконцентрировать это вниманіе на какомъ либо не тягостномъ предметѣ. «Этотъ процессъ фиксированія мыслей на пріятныхъ предметахъ занимаетъ весьма высокое мѣсто въ идеѣ счастія, разсматриваемаго какъ нѣчто, образуемое индивидуумомъ для самого себя» [2]); при помощи его люди могутъ выбирать радостные, свѣтлые случаи своего прошлаго и вновь переживать ихъ въ своемъ воображеніи. Конечно, могутъ возразить, что такое воспоминаніе о прошломъ счастіи должно заключать въ себѣ элементъ горечи; но возможно, что этого и не будетъ; во всякомъ случаѣ общій тонъ чувства будетъ радостный. Сверхъ того, при совершенствѣ волевого контроля предполагается, что мы вполнѣ отдадимся живымъ воспоминаніямъ былаго наслажденія и, насколько это возможно, забудемъ тотъ фактъ, что это наслажденіе уже прошло.

Въ сферу дѣятельности волевого контроля входитъ не только область воспоминаній, но и область антиципацій. При спокойномъ обсужденіи будущаго мы имѣемъ полную возможность выбирать радостныя и пріятныя вѣроятности, не впадая въ безразсудную практическую неосмотрительность; послѣ того какъ всѣ необходимыя практическія предосторожности приняты, мы можемъ въ часы досуга наслаждаться предвидѣніемъ будущихъ благъ. Благоразумный человѣкъ особенно часто будетъ останавливаться на мысляхъ о тѣхъ будущихъ благахъ, которыя гарантированы ему

[1]) l. c. p. 295.
[2]) l. c. p. 295.

дѣятельностью его воли. Такимъ образомъ муки желанія, происходящія отъ недисциплинированныхъ порывовъ, замѣняются радостями антиципаціи.

Наконецъ, это регулированіе можетъ быть распространено и на воображеніе, на представленіе объектовъ, которые не относятся ни къ области прошлаго, ни къ области будущаго, но являются просто туманными и неопредѣленными возможностями. Посредствомъ воображенія мы можемъ соединять нашъ дѣйствительный міръ съ безпредѣльнымъ царствомъ идеальной красоты и радости. «А тамъ, гдѣ мы увѣрены, что все теперь и всегда останется неизвѣстнымъ, мы разумно можемъ стремиться наполнить пустое пространство прекрасными образами и счастливыми возможностями, зная что этимъ мы, по крайней мѣрѣ, достигнемъ наслажденія въ настоящемъ, чрезъ самый актъ воображенія» [1]).

Такимъ образомъ, этотъ внутренній контроль измѣняетъ условія внѣшней жизни, которыя всегда, даже контролируемыя нашею волею, представляютъ какъ хорошія, такъ и дурныя стороны. Соединеніе внутренняго контроля съ внѣшнимъ представляетъ высшій элементъ счастія; это—самопроизвольная реакція нашего духа, который не хочетъ довольствоваться пассивною ролью воспріятія извнѣ, но рѣшилъ опредѣлить самъ конечное значеніе жизненныхъ благъ. Это—«созданіе [2]) счастія самимъ индивидуумомъ».

Теперь намъ остается разсмотрѣть, до какой степени благоразумный человѣкъ можетъ включить благоденствіе другихъ въ число элементовъ своего хорошо обдуманнаго плана. Важность этого вопроса очевидна, ибо если идея личнаго счастія заключаетъ въ себѣ споспѣшествованіе интересамъ другихъ, то очевидно, преслѣдованіе этихъ интересовъ значительно облегчается. Со значительною увѣренностью можно утверждать, что нашъ благоразумный человѣкъ пожелаетъ жить въ цивилизованномъ обществѣ и, слѣдовательно, согласится подчиняться какъ положительному законодательству, такъ и нравственнымъ предписаніямъ

---

[1]) l. c. p. 297.
[2]) l. c. p. 298

этого общества. Мало этого: одаренный соціальною воспріимчивостью, входя въ товарищескія кооперацiи съ другими, онъ войдетъ съ нѣкоторыми изъ нихъ въ болѣе близкія отношенія и окружитъ себя сочувственнымъ, единомыслящимъ кружкомъ друзей. Но такія отношенія, очевидно, основаны на взаимныхъ услугахъ, и если прерывать преслѣдованіе своихъ цѣлей ради помощи другимъ нѣтъ никакой выгоды въ томъ случаѣ, когда этотъ актъ не будетъ имѣть для насъ никакихъ послѣдствій, то зато такая помощь вполнѣ выгодна, когда она является условіемъ обратной помощи и сохраненія пріятныхъ для насъ отношеній. Другой очевидный случай совпаденія интересовъ является тогда, когда человѣкъ избираетъ себѣ профессію (какъ напр., искусство, науки или медицинскую практику), въ которой простое преслѣдованіе своихъ цѣлей приноситъ пользу другимъ.

Взглянемъ далѣе, насколько благоразумный человѣкъ согласится пожертвовать своими цѣлями, для удовлетворенія своихъ альтруистическихъ импульсовъ. Это, конечно, зависитъ отъ его воспріимчивости къ радостямъ благожелательности, человѣкъ съ любящимъ и филантропическимъ характеромъ согласится перенести ради этого весьма значительныя лишенія. Внося новый элементъ наслажденія въ нашу жизнь—именно споспѣшествованіе цѣлямъ другихъ—мы тѣмъ самымъ значительно расширяемъ поле нашей дѣятельности и обогащаемъ свою жизнь. Однако, какимъ образомъ бываютъ возможны высшіе акты самоотверженія, при которыхъ о полномъ вознагражденіи не можетъ быть и рѣчи? Строя вышеприведенную схему счастія, мы разсматривали человѣка въ моральномъ отношеніи какъ tabula rasa, причемъ поступки его управлялись однимъ только стремленіемъ къ наибольшему наслажденію. Но въ дѣйствительности бываетъ не совсѣмъ такъ; въ дѣйствительности, значительно раньше чѣмъ человѣкъ составитъ себѣ схему счастія, различные факторы, какъ входящіе въ сферу его воли, такъ и лежащіе внѣ этой сферы, опредѣляютъ направленіе его дѣятельности въ ту или другую сторону, причемъ часто приходится сходить съ колеи наибольшаго личнаго счастія.

Противъ вышеприведенной схемы счастія можно возразить, что она заключаетъ въ себѣ элементъ усилія, борьбы, а слѣдова-

тельно и страданія, что выработка подобнаго полнаго управленія своею жизнію, подчиненіе всѣхъ частныхъ импульсовъ одному широко задуманному общему плану—все это предполагаетъ суровое самообузданіе и тяжелыя усилія. Этого, конечно, нельзя отрицать, говоритъ Сёлли, но наслажденіе, получаемое вслѣдствіе этихъ операцій, всегда перевѣситъ страданіе борьбы; кромѣ того, эта борьба, по самой своей природѣ, временна. чѣмъ высшаго самообладанія мы достигнемъ, тѣмъ легче намъ совершенствоваться на этомъ поприщѣ. Наконецъ, при здравомъ ходѣ развитія въ раннемъ возрастѣ, большинство этихъ трудностей исчезаетъ ранѣе, чѣмъ развивается способность къ полному счастію. Такимъ образомъ нельзя сомнѣваться, что временныя страданія первыхъ шаговъ самодисциплинированія впослѣдствіи съ избыткомъ вознаграждаются.

Каково отношеніе счастія къ довольству? «Счастіе, сказалъ Дж. Ст. Милль, не есть тоже, что довольство, лучше быть недовольнымъ человѣкомъ, чѣмъ довольной свиньей»; эти слова характерно обрисовываетъ разницу между счастіемъ и довольствомъ; человѣкъ, который увѣренъ, что онъ до нѣкоторой степени достигъ счастливаго состоянія, описаннаго выше въ общихъ чертахъ, будетъ одновременно удовлетвореннымъ и неудовлетвореннымъ, довольнымъ и недовольнымъ (will be at once satisfied and dissatisfied, contented and discontented). Обыкновенно слову «довольство» придаютъ чисто отрицательное значеніе; подъ нимъ понимаютъ отсутствіе желаній, бездѣятельность и покой. Это—пресловутое довольство устрицы. Но съ другой стороны, довольству можно придавать абсолютное значеніе, имъ можно обозначать состояніе полнаго удовлетворенія, абсолютнаго наслажденія, когда изглаживается всякое представленіе о какомъ бы то ни было неудовлетворенномъ желаніи.

Выше мы утверждали, что человѣкъ можетъ быть доволенъ и недоволенъ въ одно и тоже время; разсмотримъ, какъ это происходитъ. Онъ можетъ быть доволенъ настолько, насколько онъ увѣренъ, что достигаетъ извѣстной степени счастія; другими словами, онъ доволенъ жизнію, какъ положительною величиною, какъ имѣющею извѣстную цѣнность. Человѣкъ, который видитъ,

что онъ непрерывно преуспѣваетъ въ утвержденіи за собою постоянныхъ источниковъ счастія, получаетъ увѣренность въ обладаніи извѣстнымъ фондомъ жизненныхъ благъ; эта увѣренность составляетъ для него постоянный источникъ удовлетворенія, помогающій ему переносить тысячу мелкихъ бѣдствій жизни. Здѣсь отмѣтимъ невозможный, по мнѣнію пессимистовъ, случай удовлетвореннаго состоянія воли. Именно, мы можемъ сказать, что наша воля удовлетворена, когда мы сознаемъ, что наша дѣятельность ведетъ къ избытку радостныхъ чувствъ; это сознаніе составляетъ важный элементъ въ теоріи счастія. Другой случай удовлетворенія воли представляется намъ, когда раскрывается обширная перспектива пріятной произвольной дѣятельности: здѣсь воля, т. е., стремленіе къ дѣятельности получаетъ удовлетвореніе.

Итакъ, человѣкъ, достигшій извѣстной степени счастія и смотрящій на него какъ на абсолютную величину, обладаетъ извѣстной степенью довольства, но если онъ взглянетъ на это счастіе съ относительной точки зрѣнія, т. е., если онъ сравнитъ его со своимъ идеаломъ счастія, то въ немъ можетъ родиться извѣстное недовольство. Это состояніе неудовлетворенности является необходимымъ послѣдствіемъ построительной силы воображенія, которое создаетъ себѣ идеалъ, причемъ реальность, конечно, не можетъ ему вполнѣ соотвѣтствовать. Кромѣ того, умственный ростъ, увеличеніе знанія и опытности позволяютъ намъ постоянно открывать новыя возможности счастія; познавши новый источникъ счастія, мы или присоединяемъ его къ прежнимъ объектамъ преслѣдованія, или замѣщаемъ имъ, какъ болѣе цѣннымъ, какой либо предыдущій. Такимъ образомъ, съ умственнымъ развитіемъ, поле пріятной дѣятельности расширяется и прежняя концепція счастія измѣняется въ болѣе полную и болѣе богатую. Но этотъ процессъ расширенія поля зрѣнія вноситъ элементъ неудовлетворенности; даже тогда, когда мы вполнѣ достигаемъ нашихъ цѣлей, мы не бываемъ вполнѣ удовлетворены, ибо, пока мы ихъ достигнемъ, мы научимся желать болѣе полной и разнообразной дѣятельности. Это неудобство, повидимому, неустранимо для ограниченныхъ существъ, но благоразумный человѣкъ постарается свести его до minimum'а, обращая преимущественно вниманіе на

блага уже достигнутыя и смотря на недостигнутыя блага не какъ на потерю въ прошломъ, но какъ на цѣль для будущихъ стремленій. Далѣе, неполнота и неудовлетворенность нашей жизни теряютъ большую часть своего подавляющаго дѣйствія, если на нихъ взглянуть, какъ на самыя удобныя условія для пріятной активной дѣятельности. Недовольство настоящимъ есть, очевидно, самый лучшій мотивъ для повышенія и усиленія стремленія; постоянное расширеніе жизненнаго горизонта есть условіе вѣчно возобновляющейся дѣятельности. Для того, кто это признаетъ и кто знаетъ высокую цѣну энергической дѣятельности, — неудовлетворенность, о которой мы здѣсь говоримъ, перестаетъ быть тягостью, онъ смотритъ на все поле активной дѣятельности, включая и возбуждающій элементъ недовольства, какъ на высшее благо, превосходящее всякое количество чисто пассивныхъ наслажденій.

Намъ остается еще разсмотрѣть, какое вліяніе на счастіе человѣка имѣетъ сознаніе скоротечности жизни. Нельзя не признать, что необходимость уничтоженія является для насъ непріятною. Однако, несправедливо объявлять жизнь не имѣющею никакой цѣны изъ-за того только что она ограничена. Но этого мало, тогда какъ цѣнность существованія, разсматриваемаго какъ цѣлое, конечно, понижается вмѣстѣ съ уменьшеніемъ продолжительности этого существованія, цѣнность отдѣльныхъ его частей, наоборотъ, увеличивается: наслажденіе, доставляемое извѣстными источниками счастія, бываетъ болѣе полно и болѣе интенсивно при мысли о будущей ихъ потерѣ. Чѣмъ больше цѣлое, тѣмъ меньшими кажутся части; мысль о безконечныхъ будущихъ наслажденіяхъ дѣлаетъ насъ равнодушными къ нынѣшнимъ радостямъ. Кромѣ того, нужно прибавить, что сознаніе краткости жизни возбуждаетъ въ насъ извѣстное элегическое настроеніе духа, которое хотя и содержитъ въ себѣ элементъ грусти, но въ общемъ не непріятно. Мысль о скорой потерѣ жизненныхъ благъ окружаетъ эти блага, такъ сказать, темной рамкой, благодаря чему ихъ красота и достоинство выступаютъ рельефнѣе.

Наконецъ, мысль о скоротечности жизни можно еще больше лишить ея тягостности, отожествляя свои цѣли съ коллектив-

ными цѣлями всего человѣчества. Пріучить себя къ самымъ широкимъ антиципаціямъ человѣческаго благополучія, сдѣлать счастіе безчисленныхъ будущихъ поколѣній предметомъ своихъ надеждъ, и насколько возможно, то и предметомъ своихъ личныхъ усилій — вотъ лучшее средство уйти отъ унынія, въ которое повергаетъ насъ мысль объ окончаніи личнаго существованія.

Мы разсмотрѣли условія, подъ которыми возможно образованіе счастія. Теперь интересно узнать, насколько эти условія осуществимы въ дѣйствительности. Составляя схему счастія, мы предполагали, будто всѣ люди могутъ находить наслажденіе въ однихъ и тѣхъ же предметахъ и занятіяхъ. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ большое разнообразіе въ сужденіи людей о наслажденіи и счастіи; наши организаціи, наши врожденныя и пріобрѣтенныя наклонности не одинаковы. Но это разнообразіе человѣческихъ наклонностей не можетъ поколебать нашего утвержденія, что всякій благоразумный человѣкъ постарается найти свое счастіе въ постоянныхъ источникахъ наслажденія; оно указываетъ только на то, что нелѣпо было бы считать одну какую либо форму счастія приложимою ко всѣмъ людямъ. Это разнообразіе человѣческихъ наклонностей часто преувеличиваютъ, часто люди не находятъ въ чемъ либо удовольствія только потому, что ихъ воспріимчивость въ этомъ направленіи не развита; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что она и не можетъ быть развита, что ея нѣтъ въ скрытомъ состояніи.

Но можно замѣтить, что еслибы даже люди сходились въ понятіяхъ о счастіи, ихъ выборъ не всегда бываетъ свободенъ, ранѣе, чѣмъ человѣкъ выработаетъ себѣ систематическій взглядъ на счастіе, его жизненная карьера въ значительной степени бываетъ уже опредѣлена. Прежде всего нужно упомянуть о врожденныхъ наклонностяхъ, опредѣляющихъ не только нашу эмоціональную воспріимчивость, но и направленіе нашей активной дѣятельности. Вторымъ, еще болѣе важнымъ ограничивающимъ факторомъ являются привычки раннихъ лѣтъ: когда наша дѣятельность становится привычною въ извѣстномъ направленіи, то тѣмъ самымъ образуется новая сила, ограничивающая нашъ выборъ; этѣ привычки впослѣдствіи могутъ или совпадать съ нашими цѣ-

лями, или же противорѣчить имъ. Между другими ограниченіями, поставляемыми нашимъ стремленіямъ, нужно упомянуть еще нравственную дисциплину; наградами и наказаніями мы направляемъ дѣятельность дитяти по такому пути, котораго она иначе никогда не избрала бы; такимъ способомъ дитя не только научается ограничивать свои желанія въ виду законнаго требованія другихъ, но даже привыкаетъ преслѣдовать похвальныя цѣли. Слѣдствіемъ нравственной дисциплины, поскольку она предрасполагаетъ насъ къ самоотверженнымъ поступкамъ, можетъ оказаться уменьшеніе суммы счастія, ибо, хотя наши нравственные поступки во многихъ случаяхъ вознаграждаются съ избыткомъ, высшіе акты самоотверженія никогда не могутъ найти себѣ полной награды; зато, въ этомъ случаѣ счастіе другихъ значительно повышается, такъ что, хотя отдѣльный индивидуумъ остается въ убыткѣ, счастіе всего общества возрастаетъ.

Такимъ образомъ, ни врожденныя наклонности, ни пріобрѣтенныя привычки не могутъ служить серьезнымъ препятствіемъ къ достиженію счастія. Но не можетъ ли представить такого препятствія детерминаціонный характеръ воли; если она направляется извѣстными опредѣленными антецендентами, то слѣдовательно, счастіе можетъ быть осуществимо только тогда, когда существуютъ условія для возникновенія стремленія къ нему. Все это справедливо, но что же изъ этого слѣдуетъ? Только то, что человѣкъ не станетъ стремиться къ раціональной формѣ счастія, пока не будетъ въ состояніи представить ее себѣ и пока не почувствуетъ ея желательности. Еслибы не существовало никакого отношенія между мотивомъ и волею, то мы никогда не были бы увѣрены, что человѣкъ изберетъ разумное стремленіе къ счастію; но разъ такое отношеніе извѣстно, мы уже знаемъ, что̀ намъ слѣдуетъ дѣлать, чтобы возбудить чью либо волю въ извѣстномъ направленіи.

Наконецъ, обратимся къ вопросу, не ограничиваетъ ли что нибудь силы человѣческія настолько, что достиженіе счастія дѣлается сомнительнымъ? Это приводитъ насъ къ вопросу о томъ, до какой степени можемъ мы преобразовывать важнѣйшіе факторы жизни или, говоря иначе, «какіе предѣлы положены непз-

мѣннымъ устройствомъ міра активнымъ стремленіямъ человѣка къ высшему счастію» [1]). Относительно этихъ постоянныхъ и непзмѣнныхъ факторовъ мы должны разрѣшить два вопроса, касающіеся счастія, а именно: а) какъ они относятся къ возможности счастія; b) до какой степени зло, неразрывно съ нимп соединенное, разрушаетъ нашу схему счастія.

Было бы безрасудно надѣяться опредѣлить болѣе или менѣе точно отношеніе этихъ постоянныхъ элементовъ къ нашему счастію; мы знаемъ слишкомъ мало объ ихъ вліяніи на насъ. Такъ, напр., мы до сихъ поръ почти ничего не знаемъ объ отношеніи различныхъ метеорологическихъ явленій къ нервной дѣятельности. При этомъ нужно принять во вниманіе слѣдующее обстоятельство: если какой либо изъ этихъ непзмѣнныхъ факторовъ только возбуждаетъ нашу энергію къ сопротивленію, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы его значеніе было чисто отрицательно; ибо, если враждебная намъ сила не особенно велика, то возбужденіе нашей энергіи къ самозащитѣ приноситъ избытокъ наслажденія. Такимъ образомъ само существованіе зла, которое нужно отвратить, является исходнымъ пунктомъ наслажденія.

Для рѣшенія вопроса о томъ, насколько счастіе встрѣчается въ дѣйствительной жизни, полезно прибѣгнуть къ личному свидѣтельству людей. Пессимисты утверждаютъ, что всякій человѣкъ, взглянувши безпристрастно на свою прошлую жизнь, признаетъ ее пустою и лишенною всякой цѣнности; они энергически указываютъ на то обстоятельство, что никто не захотѣлъ бы пережить вновь туже самую жизнь. Противъ этого Сёлли, подобно Дюрингу, возражаетъ, что нежеланіе переживать вновь туже самую жизнь не есть доказательство ея негодности, ибо при мысли о повтореніи мы отымаемъ у жизни всю прелесть свѣжести и новизны, потому что представляемъ себя знающими напередъ всѣ событія жизни, чрезъ что теряется удовольствіе, придаваемое нашимъ усиліямъ неизвѣстностью. Наконецъ, рѣшительно несправедливо, будто человѣкъ всегда осуждаетъ свою жизнь передъ ея окончаніемъ. Сёлли думаетъ, что многіе люди, благоразумно

[1]) l. c. p. 338.

устроившіе свою жизнь, повторятъ фразу, вложенную Цицерономъ въ уста Катона: «Nec me vixisse poenitet, quoniam ita vixi, ut frustra me natum non existimem» (De Senectute). На это, пожалуй, можно возразить, что люди склонны высоко оцѣнивать жизнь, вслѣдствіе инстинктивной привязанности къ ней; но подобное возраженіе не имѣетъ основанія, ибо наша инстинктивная привязаность къ жизни заставляетъ насъ избѣгать опасностей, грозящихъ смертью, и часто спасаетъ людей отъ самоубійства, но— вполнѣ индифферентна при оцѣнкѣ жизненныхъ благъ; несчастный человѣкъ можетъ сознать вполнѣ, что его жизнь бѣдственна, и всетаки не рѣшится на самоубійство.

Такимъ образомъ, мы можемъ утверждать, что достиженіе счастія всегда возможно подъ тѣмъ условіемъ, чтобы были устранены всѣ худшія бѣдствія жизни, какъ, напр., болѣзнь, нужда и т. п., и чтобы существовала возможность обширной и пріятной дѣятельности.

До сихъ поръ мы не говорили ничего ни о возможной высотѣ счастія, ни о количествѣ людей, способныхъ его достигнуть. Я допускаю, говоритъ Селли, что счастіе большинства изъ тѣхъ, которые такъ или иначе могутъ быть названы счастливыми, нельзя назвать особенно высокимъ. Нужно также признать, что многіе люди ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть названы счастливыми. Это достаточно доказывается одними фактами самоубійства. «Кромѣ того, свидѣтельство тѣхъ, которыхъ мы знаемъ и которыхъ можемъ наблюдать, вполнѣ доказываетъ намъ, что несчастіе столь же реально, какъ и счастіе» [1]). Бѣдствія и страданія жизни слишкомъ извѣстны, чтобы нужно было ихъ иллюстрировать; не говоря уже о немущихъ, страданія которыхъ внѣ сомнѣнія, можно указать еще на людей съ хорошимъ внѣшнимъ положеніемъ, лишенныхъ однако какого-либо необходимаго элемента счастія. Таковы, напр., люди съ мрачнымъ темпераментомъ или, что еще чаще случается, люди со слабыми импульсами къ дѣятельности и со слабою волею; имъ недоступно то поле пріятной дѣятельности, которое одно гарантируетъ продолжительное счастіе.

---

[1]) l. c. p. 349.

Существуютъ извѣстныя условія, которыя должны быть выполнены, прежде чѣмъ можетъ зайти рѣчь о счастіи. Человѣкъ, прикованный къ одру болѣзни, снѣдаемый тяжкимъ страданіемъ, можетъ надѣяться только на часы временнаго облегченія и отдыха. Но опредѣлить пунктъ, съ котораго счастіе начинаетъ быть возможнымъ, весьма трудно. Кромѣ свободы отъ страданія, другія положительныя и отрицательныя условія преслѣдованія счастія часто отсутствуютъ. Важнѣйшія изъ нихъ суть слѣдующія: знаніе природы и неизмѣнныхъ источниковъ счастія, отсутствіе нужды и всепоглощающаго труда, необходимаго для отвращенія физическихъ бѣдствій. Эти условія должны быть до нѣкоторой степени удовлетворены, прежде чѣмъ счастіе дѣлается возможнымъ. Такъ, напр., очевидно, что у дѣтей бѣдныхъ родителей, едва способныхъ поддерживать семью, не можетъ быть и рѣчи о выборѣ пріятныхъ способовъ дѣятельности: они принуждены работать, несмотря на то, нравится ли имъ эта дѣятельность, или нѣтъ.

Однако, мы должны тщательно стараться не ставить этого, необходимаго для счастія, минимума слишкомъ высоко. Мы склонны приписывать людямъ низшей культуры наши чувства и вкусы, поэтому мы иногда считаемъ невыносимо монотоннымъ занятіе, которое вовсе не кажется таковымъ тѣмъ, которые его выполняютъ, хотя, съ другой стороны, мы бываемъ склонны и къ противоположнымъ ошибкамъ: мнѣніе, будто бѣдные въ значительной мѣрѣ лишены чувствительности, обнаруживаетъ вульгарный умъ.

Рядомъ съ вышеупомянутыми, необходимыми для счастія, условіями, нужно еще обратить вниманіе на случайныя явленія, которыя имѣютъ важное вліяніе на нашу судьбу, и которыхъ мы, однако, не можемъ предвидѣть. Таковы, напр., опасность потерять здоровье, какъ наше собственное, такъ и родныхъ или друзей; непредвидимыя перемѣны въ соціальной или индустріальной областяхъ, возможность измѣны друга и т. п. Но такіе случаи едвали могутъ значительно измѣнить нашу схему счастія; кромѣ того, люди, пораженные подобнымъ несчастіемъ на пути къ одной изъ своихъ жизненныхъ цѣлей, имѣютъ возможность наполнить

остальную жизнь другими цѣлями и другою пріятною дѣятельностью.

Наконецъ, есть еще одно препятствіе къ счастію: это—такъ называемый несчастный темпераментъ. Есть люди не въ мѣру чувствительные и раздражительные, чувствующіе страданіе гораздо реальнѣе, чѣмъ наслажденіе, мрачные и обращающіе преимущественное вниманіе на печальныя стороны жизни. При такомъ темпераментѣ даже въ благопріятныхъ обстоятельствахъ достиженіе счастія весьма затруднительно.

Теперь мы пришли къ новому отдѣлу нашего изслѣдованія. При обозрѣніи внѣ человѣческихъ агентовъ, могущихъ практически ограничить нашу схему счастія, мы нашли нѣкоторыя, повидимому, неподвижныя условія жизни. Таковы, напр., структура физическаго міра, законы человѣческой организаціи и т. п. Мы видѣли, что отношеніе ихъ къ нашимъ горестямъ и радостямъ нельзя опредѣлить точно, но что даже въ томъ случаѣ, когда они причиняютъ страданіе, оно болѣе чѣмъ уравновѣшивается наслажденіемъ активнаго преслѣдованія счастія. Затѣмъ мы разсмотрѣли измѣнчивыя причины, противодѣйствующія счастію. Сюда относятся прежде всего тѣ, которыя ограничиваютъ стремленіе къ счастію и дѣлаютъ его какъ бы роскошью привиллегированнаго меньшинства, таковы: невѣжество людей, отсутствіе умственной культуры, гнетъ матеріальной нужды и т. п. Сюда же относятся тѣ обстоятельства, которыя заставляютъ насъ тратить даромъ силы при достиженіи счастія; таковы, напр., непредвидимыя случайности и несчастный темпераментъ.

До сихъ поръ мы ничего не говорили о степени устойчивости этихъ измѣняющихся факторовъ: мы только отмѣтили фактъ ихъ существованія. Мы опредѣлили среднюю цѣнность человѣческой жизни въ настоящее время; теперь необходимо отвѣтить на вопросъ, какъ измѣняется эта цѣнность втеченіе вѣковъ. Для этого разсмотримъ всѣ помѣхи, встрѣчающіяся на пути къ осуществленію счастія, и рѣшимъ, не могутъ ли онѣ быть устранены коллективнымъ усиліемъ людей.

Такимъ образомъ, мы пришли къ вопросу о цѣнности прогресса; это—важнѣйшій пунктъ спора между пессимистами и

оптимистами; обѣ партіи чувствуютъ, что здѣсь лежитъ ключъ къ окончательному рѣшенію вопроса о цѣнности міра. Ибо, еслибы даже пессимисты и доказали, что въ настоящее время зло перевѣшиваетъ добро, то всетаки останется неизвѣстнымъ, будетъ ли всегда существовать этотъ перевѣсъ.

Разсмотримъ составныя части прогресса. Однимъ изъ самыхъ основныхъ элементовъ прогресса является накопленіе знанія. «Прямымъ послѣдствіемъ этого фактора является возрастаніе нашей власти надъ силами природы, какъ надъ тѣми, которыя угрожаютъ нашей безопасности и нашему комфорту, такъ и надъ тѣми, которыя споспѣшествуютъ нашему наслажденію» [1]).

«Вторымъ великимъ факторомъ человѣческаго прогресса являются эмоціональныя измѣненія. Господствующія чувства, излюбленныя формы воображенія, великіе возбуждающіе дѣятельность мотивы имѣютъ тенденцію измѣняться извѣстнымъ образомъ, и это измѣненіе составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ соціальнаго прогресса какъ цѣлаго» [2]). Мы замѣтимъ громадную разницу, если сравнимъ необузданныя фантазіи дикаря, его малочисленныя элементарныя страсти, его дѣтское удивленіе и жалкій страхъ, наконецъ, его ограниченные эгоистическіе импульсы съ полетомъ современнаго научнаго воображенія, съ эмоціями, возбуждаемыми новѣйшими концепціями міра, съ любовью къ прекрасному, присущею артистическимъ душамъ, наконецъ, съ нравственными чувствами симпатіи и благожелательности, взаимно связывающими современныхъ людей.

Затѣмъ, соціальная среда имѣетъ воспитательное значеніе для индивидуальной воли. Какъ члены общества, мы испытываемъ на себѣ различныя вліянія, то связанныя съ нашимъ воспитаніемъ, то исходящія изъ семьи, общественнаго мнѣнія, закона и т. п. Но эти контролирующія и направляющія вліянія во всякомъ прогрессивномъ обществѣ подвержены измѣненіямъ, которыя и составляютъ новый важный факторъ прогресса. Въ первобытномъ обществѣ ребенка научали только самымъ простымъ дѣйствіямъ; мотивы къ дѣятельности были малочисленны и низ-

[1]) l. c. p. 359. [2]) l. c. p. 360.

менны; требованія, предлагавшіяся обычаями, общественнымъ мнѣніемъ и закономъ, были крайне ограниченны: они заключались только въ томъ, чтобы человѣкъ не совершалъ нѣкоторыхъ худшихъ преступленій и обладалъ нѣкоторыми грубѣйшими добродѣтелями, какъ, напр., физической храбростью. Наоборотъ, въ высоко цивилизованномъ обществѣ вліяніе воспитанія, господствующихъ нравственныхъ понятій и закона выработываетъ въ индивидуальной волѣ самоконтроль, одновременно интенсивный и экстенсивный.

Такимъ образомъ, прогрессъ заключаетъ въ себѣ поступательное движеніе тѣхъ соціальныхъ факторовъ, которые развиваютъ индивидуальный умъ, чувство и волю. Этимъ онъ, очевидно, повышаетъ индивидуальную способность къ счастію. Обширное развитіе эмоціональной воспріимчивости, отличающее цивилизованнаго человѣка отъ дикаря, заключаетъ въ себѣ соотвѣтствующее возрастаніе матеріала, изъ котораго образуется счастіе. Пусть только читатель сравнитъ многочисленные тонкіе оттѣнки чувства, возбуждаемаго у цивилизованнаго человѣка видами природы, съ малочисленными грубыми эмоціями дикаря, и онъ будетъ въ состояніи оцѣнить это направленіе духовнаго развитія. Можно настаивать на томъ, что эта сторона прогресса имѣетъ свои невыгоды: можно сказать, что хотя эмоціональное развитіе и создаетъ новые способы наслажденія, но оно ослабляетъ чувство, такъ что малочисленныя наслажденія грубаго человѣка далеко превосходятъ по интенсивности наслажденія цивилизованнаго. Но вопервыхъ, это еще вопросъ, дѣйствительно ли грубыя наслажденія дикаря болѣе интенсивны, чѣмъ многія изъ наслажденій цивилизованнаго человѣка; вовторыхъ, жизнь, наполненная многими продолжительными, хотя и слабыми, наслажденіями, конечно, предпочтительнѣе жизни, въ которой немногія сильныя наслажденія раздѣлены между собою продолжительною эмоціональною безчувственностью. Однако, вполнѣ можно согласиться, что существуютъ извѣстныя эмоціональныя потери, сопутствующія всякому умственному развитію. Такъ, напримѣръ, видъ тѣлеснаго страданія не доставитъ развитому человѣку никакого удовольствія, тогда какъ въ первобытной жизни это былъ одинъ изъ важныхъ факторовъ наслаж-

енія. Цивилизованный человѣкъ также не знаетъ интенсивнаго удивленія и страха, испытываемаго дикаремъ въ виду невѣдомаго ему міра. Но развѣ стоитъ жалѣть о подобной потерѣ!? Даже въ чувствѣ удивленія некультурнаго человѣка мучительный элементъ, очевидно, преобладаетъ надъ радостнымъ; съ другой стороны, вѣчно расширяющееся поле явленій, открываемыхъ наукою повидимому, способно возбудить гораздо болѣе утонченныя и пріятныя эмоціи удивленія, еслибы даже онѣ и были менѣе интенсивны.

Однако, не на этѣ невыгоды главнымъ образомъ указываютъ тѣ, которые стараются унизить значеніе эмоціональнаго развитія. Они поставятъ на видъ, конечно, болѣе глубокіе источники зла. Прежде всего говорятъ, что «такъ какъ наша воспріимчивость къ страданію необходимо возрастаетъ вмѣстѣ съ нашею воспріимчивостью къ наслажденію, то общій результатъ эмоціональнаго процесса не можетъ въ концѣ концовъ представлять выигрыша» [1]); человѣкъ съ тонко развитою чувствительностью подверженъ тысячѣ страданій, отъ которыхъ избавленъ грубый дикарь. Затѣмъ, основательно можно указать на то, что «это возрастаніе способности къ наслажденію содѣйствуетъ увеличенію нужды и желанія, а такимъ образомъ—и страданія» [2]). Современному развитому человѣку нужно гораздо болѣе для его удовлетворенія, чѣмъ человѣку нетронутому, культурою.

На оба эти возраженія есть одинъ отвѣтъ, который пессимисты ловко обходятъ. «Еслибы эмоціональное развитіе было отдѣльнымъ процессомъ, законченнымъ въ себѣ самомъ, то можно бы было сомнѣваться въ его цѣнности и даже отрицать ее. Но человѣческій прогрессъ, какъ мы видѣли, заключаетъ болѣе, чѣмъ это. Развитіе новой эмоціональной способности, возбужденіе новой соотвѣтствующей чувствительности идутъ рука объ руку съ интеллектуальнымъ и волевымъ развитіемъ, отъ которыхъ они не могутъ быть отдѣлены. Цивилизованный человѣкъ безмѣрно превосходитъ своего невѣжественнаго предка въ знаніи источниковъ добра и зла. Мало того, онъ превосходитъ его въ самокон-

---

[1]) l. c. p. 364. [2]) l. c. p. 364.

тролированіи, въ умѣніи управлять мыслями, желаніями, такъ же какъ и дѣйствіями» [1]).

До сихъ поръ мы разсматривали прогрессъ только какъ факторъ, измѣняющій внутреннюю способность индивидуума къ счастію, теперь взглянемъ, какія измѣненія онъ производитъ во внѣшнихъ условіяхъ, которыя опредѣляютъ количество и качество страданій и наслажденій.

Эти измѣненія можно раздѣлить на матеріальныя и соціальныя. Въ первый отдѣлъ войдутъ всѣ измѣненія физической среды, включая сюда все, что коллективныя усилія человѣчества прибавляютъ къ своимъ владѣніямъ. Во второмъ отдѣлѣ мы сгруппируемъ всѣ измѣненія, происходящія въ обществѣ, въ характерахъ, идеяхъ и дѣятельности людей. При разсмотрѣніи измѣненій физической среды, мы пропустимъ все то, что лежитъ внѣ человѣческаго контроля, какъ, напр., измѣненія поверхности земли. «Ограничиваясь, такимъ образомъ, матеріальными процессами, зависящими отъ человѣческой дѣятельности, мы можемъ признать за безспорный фактъ, что движенія, соединенныя подъ общимъ именемъ цивилизаціи, заключаютъ въ себѣ значительную прибавку къ нашимъ средствамъ достиженія удовольствія и отвращенія страданія» [2]). «Въ эту возрастающую массу благъ нужно включить не только всѣ улучшенія естественыхъ агентовъ, не только всѣ матеріальные объекты, поскольку они раздѣлены, вновь скомбинированы и преобразованы искусствомъ рукъ, — но также и всѣ предметы, которымъ возрастающее знаніе придало цѣнность, какъ, напр., тѣ животные и растительные виды, которые найдены годными для помощи человѣку то своею мускульною силою, то какъ пищевыя вещества, то какъ лѣкарственные препараты. Сюда же необходимо присоединить не только полезные предметы, но и познанія и искусства нашихъ собратій, дающія имъ возможность совершать по произволу извѣстные полезные физическіе процессы. Такъ, напр., общимъ матеріальнымъ выигрышемъ цивилизаціи должно признать не только вновь открытыя металлическія богатства земной поверхности, но также и

---

[1]) l. c. p. 364—5. [2]) l. c. p. 366—7.

традиціонное искусство механиковъ или докторовъ, представляющее постоянную возможность извѣстнаго полезнаго физическаго результата» [1]).

Повидимому, нѣтъ надобности доказывать, что этѣ выгоды достигаютъ положительной величины. Онѣ не только уменьшаютъ страданія, но и споспѣшествуютъ многимъ наслажденіямъ; безъ этого увеличенія матеріальныхъ полезностей не были бы возможны многія изъ современныхъ удовольствій.

Обратимся теперь ко второму великому фактору прогресса, къ измѣненіямъ въ соціальной средѣ. Внѣшнія условія счастія безконечно измѣняются сообразно среднему нравственному характеру членовъ общества, соотвѣтственно его законамъ писаннымъ и неписаннымъ, массѣ знаній, безопасности, обезпечиваемой закономъ и общественнымъ мнѣніемъ, наконецъ, соотвѣтственно качеству политическихъ учрежденій и силѣ идей и чувствъ, соединяющихъ членовъ общества симпатіей и сотрудничествомъ. «Теперь можно смѣло утверждать, что то, что подразумѣвается подъ именемъ прогресса, соціальнаго развитія, представляетъ постоянное возрастаніе этихъ условій счастія. Всякое интеллектуальное или моральное улучшеніе общества, очевидно, удаляетъ многіе источники бѣдствія, многія препятствія къ счастію. Замѣна суевѣрной фантазіи научною концепціей природы, подавленіе всѣхъ антисоціальныхъ импульсовъ и возрастаніе силы мотивовъ справедливости и чести, очевидно, уничтожаютъ многія изъ самыхъ важныхъ препятствій къ достиженію индивидуальнаго счастія» [2]). Но прогрессъ не ограничивается этими чисто отрицательными благодѣяніями: онъ значительно увеличиваетъ положительные источники счастія. Такъ, напр., вслѣдствіе возрастанія соціальной безопасности люди становятся способными достигать такихъ обширныхъ и отдаленныхъ цѣлей, какъ богатство. Кромѣ того, прогрессъ постоянно открываетъ новыя, болѣе широкія арены пріятной индивидуальной дѣятельности. Не только развитіе наукъ и искусствъ увеличиваетъ количество интеллектуальныхъ и эстетическихъ интересовъ, но и прогрессъ политиче-

---

[1]) l. c. p. 367. [2]) l. c. p. 369.

скій, открывая все большему и большему числу гражданъ политическую арену, расширяетъ область пріятной и возвышающей дѣятельности. Сверхъ того, возрастаніе взаимнаго довѣрія и симпатіи увеличиваетъ количество и качество пріятной совмѣстной дѣятельности.

Но оставимъ перечисленіе благодѣяній прогресса. Что прогрессъ производитъ извѣстныя улучшенія, этого никто не отрицаетъ. Весь вопросъ заключается только въ томъ, какъ велики эти благодѣтельныя вліянія и какія невыгоды соединены съ ними.

«Невыгоды прогресса суть или временныя бѣдствія, или постоянныя потери» [1]). Такъ, напр.: измѣненія въ идеяхъ, въ политическихъ учрежденіяхъ и т. п. всегда приносятъ на нѣкоторое время для извѣстнаго числа людей непріятное ощущеніе нарушенія привычной обстановки, чувство неизвѣстности и неувѣренности. Но подобныя невыгоды, очевидно, не могутъ сдѣлать блага прогресса сомнительными. Вопервыхъ, эти неудобства испытываетъ меньшинство членовъ общества, вовторыхъ, ихъ можно значительно уменьшить: стоитъ только внѣдрить въ умы людей, при посредствѣ правильнаго, научнаго воспитанія, понятіе о неполной достовѣрности ихъ идей и вѣрованій и объ измѣнчивости явленій.

Гораздо болѣе важными являются постоянныя потери, соединенныя съ прогрессомъ. «Сюда нужно причислить какъ потерю первобытныхъ выгодъ, такъ и увеличеніе положительнаго зла» [2]). Въ примѣръ неудобствъ перваго рода можно привести современное разъединеніе человѣка и природы, которое не только причиняетъ такія неудобства, какъ, напр., отсутствіе чистаго воздуха, но вліяетъ и на духовное развитіе человѣка; такъ напр., жители большихъ городовъ лишены тѣхъ пріятныхъ, радостныхъ, обогащающихъ умъ видовъ природы, которыми наслаждаются жители деревень.

Въ примѣръ положительнаго зла, приносимаго цивилизаціей, можно привести тяжелый, монотонный трудъ, присущій развитой индустріи. Вспомнимъ, напр., о тысячахъ рудокоповъ, проводя-

[1]) l. c. p. 371.
[2]) l. c. p. 371.

щихъ большую часть своей жизни въ темныхъ, влажныхъ нѣдрахъ земли; затѣмъ припомнимъ истощающія вредныя занятія многихъ фабричныхъ рабочихъ. Не только въ промышленности, но и во всѣхъ родахъ дѣятельности, конкурренція принуждаетъ людей къ лихорадочному напряженію силъ, которое чувствуется иногда весьма тягостно.

Было бы безразсудно отрицать ужасъ и несчастіе подобнаго положенія вещей, но съ другой стороны, не слѣдуетъ допускать, чтобы видъ бѣдствія дѣлалъ насъ неспособными судить ясно и безпристрастно.

Начнемъ съ отрицательныхъ бѣдствій, съ потерь, приносимыхъ цивилизаціей. Здѣсь мы склонны ошибаться, приписывая первобытнымъ людямъ нашу воспріимчивость; когда, напр., писатель оплакиваетъ утраченную живописность прежней жизни, то онъ какъ бы предполагаетъ, что наши малоразвитые предки были такъ же воспріимчивы, какъ и мы, къ прелестямъ природы.

Обращаясь къ положительнымъ бѣдствіямъ прогресса, мы увидимъ факты, дозволяющіе намъ поумѣрить наше отчаяніе. Прежде всего нужно замѣтить, что многія бѣдствія, которыя считаются свойственными цивилизаціи, представляютъ только измѣненную форму стараго зла. Мы слишкомъ мало знаемъ объ общественныхъ условіяхъ прошлаго, чтобы судить, дѣйствительно ли данное зло ново. Затѣмъ, многія бѣдствія современной жизни нужно считать спутниками гораздо большихъ благодѣяній. Для примѣра можно указать на то, что тѣлесныя страданія чувствуются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣже они испытываются. Въ другихъ случаяхъ сопутствующія выгоды бываютъ менѣе очевидны, хотя не менѣе реальны. Такъ, напр., хотя тиранія большинства, существующая въ настоящее время у цивилизованныхъ націй, есть довольно тягостное явленіе, но очевидно, что это только слѣдствіе перенесенія политической и соціальной власти отъ горсти случайно возвысившихся людей къ большинству общества. И едвали можно сомнѣваться въ томъ, что перенесеніе власти отъ немногихъ ко многимъ и пріобрѣтеніе большинствомъ правильнаго представительства своихъ интересовъ и желаній, — что все это

есть благо большее, чѣмъ зло, происходящее отъ тиранiи большинства надъ меньшинствомъ.

Теперь весьма важно узнать, насколько бѣдствiя современной цивилизацiи неотдѣлимо связаны съ прогрессомъ. Рѣшеніе этого вопроса лучше всего способно освободить насъ отъ того подавляющаго чувства, которое испытываетъ всякій благожелательный человѣкъ, при видѣ современныхъ страданій. Разсмотримъ, напримѣръ, бѣдствія, приносимыя современною индустрiей. Насколько они устранимы? Еслибы индустрiальный импульсъ былъ единственною, все-регулирующею силою человѣческаго прогресса, тогда, быть можетъ, эти бѣдствія были бы неустранимы; но люди стремятся не къ одному только матерiальному благополучiю, не въ немъ лежитъ maximum счастія, и развивающійся разумъ все яснѣе показываетъ безразсудство стремленія только къ матерiальнымъ благамъ. Конечно, жизнь единичнаго человѣка опредѣляется не его волею: часто онъ безсиленъ перемѣнить образъ жизни. Но здѣсь на помощь къ нему является общество.

Неоспоримо, что прогрессъ приводитъ къ коллективному преслѣдованiю счастія. Если мы ограничимся даже однимъ политическимъ прогрессомъ, то всетаки это явленіе будетъ замѣтно: свободныя политическія учрежденія стремятся къ правильному представительству важнѣйшихъ интересовъ всѣхъ членовъ общества.

Контроль общества, очевидно, можетъ вліять на возрастаніе населенія, разъ будетъ глубоко сознана связь между излишнимъ возрастаніемъ народонаселенія и нашими экономическими бѣдами. Безъ сомнѣнія будетъ также положено препятствіе размноженію больныхъ и преступныхъ семействъ, разъ законъ наслѣдственности будетъ ясно понятъ.

Такимъ образомъ, общество имѣетъ возможность измѣнять и улучшать судьбу индивида чрезъ совмѣстную дѣятельность, которая уже теперь существуетъ, а съ прогрессомъ будетъ все болѣе расширяться; поэтому мы имѣемъ полное право разсчитывать, что съ дальнѣйшимъ прогрессомъ многія повидимому постоянныя бѣдствія цивилизацiи будутъ уничтожены. Мало того, мы можемъ надѣяться даже, что будутъ устранены нѣкоторыя

препятствія къ счастію, повидимому вообще присущія человѣческой жизни. Важнѣйшимъ изъ такихъ препятствій является несчастный темпераментъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мрачный характеръ есть болѣзненное явленіе; теперь мы не знаемъ условій развитія подобнаго темперамента, но разъ прогрессъ физіологіи и медицины разъяснитъ намъ эти условія, то общество съумѣетъ, конечно, уничтожить возможность его появленія. Этимъ будетъ устранено одно изъ величайшихъ препятствій къ счастію, если не самое величайшее изъ нихъ.

До сихъ поръ мы разсматривали прогрессъ какъ чисто историческое обобщеніе, независимо отъ новѣйшей доктрины эволюціи. Взглянемъ теперь, насколько эта доктрина измѣняетъ найденное нами значеніе прогресса. Эволюціонная теорія утверждаетъ, что кромѣ накопленія знанія и т. п. факторовъ, споспѣшествующихъ прогрессу, есть еще иная болѣе могущественная сила, двигающая человѣчество впередъ, это—борьба за существованіе и естественный подборъ, какъ ея слѣдствіе. Поэтому весьма важно знать, какъ вліяетъ борьба за существованіе на цѣнность жизни. Никто не станетъ отрицать, что этотъ принципъ имѣетъ свою мрачную сторону. Ужасно то, что человѣческая жизнь является продуктомъ тяжелой борьбы, что всякое движеніе впередъ искупается страданіемъ и гибелью огромнаго большинства, причемъ благоденствіе меньшинства не есть вознагражденіе за какой либо личный свой подвигъ, но слѣдствіе случайной измѣнчивости природы. «Наконецъ, развѣ это не ужасный фактъ, что всякая жизнь, не исключая и удачной, должна развиваться въ борьбѣ, быть такъ сказать плодомъ почвы, постоянно смачиваемой кровію?» [1]) Можно бы, пожалуй, сказать, что эти бѣдствія приносятъ счастливый результатъ вслѣдствіе переживанія болѣе сильныхъ; но если борьба вѣчно повторяется для всякаго новаго поколѣнія, то слѣдовательно, и страданіе вѣчно. «Поэтому, говоритъ Селли, я согласенъ, что поскольку прогрессъ зависитъ отъ вполнѣ энергическаго проявленія борьбы за существованіе и естественнаго подбора, онъ скорѣе кажется ужаснымъ зломъ, чѣмъ бла-

[1]) l. c. p. 384.

гомъ. Навѣрно, было бы лучше обойтись совсѣмъ безъ развитія высшихъ формъ, еслибы это развитіе достигалось только цѣною такой суровой и жестокой борьбы»[1]).

Но спокойное разсмотрѣніе фактовъ приводитъ насъ къ заключенію, что хотя прогрессъ можетъ идти подобнымъ путемъ, однако, онъ часто совершается помимо всѣхъ этихъ страданій. Слабые безъ всякой борьбы умираютъ ранѣе сильныхъ и оставляютъ меньшее потомство, чѣмъ и обезпечивается прогрессъ. Сверхъ того, можно еще сомнѣваться, насколько естественный подборъ является активнымъ орудіемъ постепеннаго развитія животныхъ. Спенсеръ всегда придавалъ большое значеніе вліянію привычки и реакціи функціи на органъ, какъ великимъ кооперирующимъ причинамъ улучшенія видовъ. Самъ Дарвинъ въ послѣднихъ своихъ трудахъ соглашается признать важное значеніе этихъ агентовъ. Согласно этому ученію, виды могутъ постепенно улучшаться и развиваться безъ всякой борьбы. Мы не можемъ опредѣлить, какую роль играли эти мирные факторы въ прошломъ развитіи животной жизни; но для нашего изслѣдованія это и неважно. Необходимо только узнать, является ли борьба за существованіе всеобщимъ и неизбѣжнымъ условіемъ человѣческаго прогресса.

Взглянувъ на болѣе раннія ступени человѣческаго развитія, мы замѣтимъ, что борьба за существованіе играла здѣсь весьма видную роль; впрочемъ, нужно помнить, что даже здѣсь другія силы, какъ напр., привычка и половой подборъ, имѣли не малое значеніе. Если же мы обратимся къ болѣе позднимъ моментамъ прогресса, то найдемъ, что роль естественнаго подбора значительно ограничивается развитіемъ духовныхъ импульсовъ. «Такъ борьба между индивидами одного и того же общества ограничивается и устраняется развитіемъ благожелательности и симпатіи»[2]). Мало этого, можно надѣяться, что развитіе нравственныхъ чувствъ устранитъ борьбу за существованіе даже между отдѣльными націями.

Уже теперь люди достигли такой ступени развитія, что мо-

---

[1]) l. c. p. 384—5. [2]) L. c. p. 387.

гутъ предварять дѣйствіе естественнаго подбора и обезпечивать собственными силами дальнѣйшій прогрессъ. Мы можемъ надѣяться, что въ будущемъ, когда большинство достигнетъ значительнаго нравственнаго развитія, воплотитъ свои нравственныя понятія въ общественномъ мнѣніи и положительномъ законодательствѣ, причемъ умственное развитіе общества будетъ соотвѣтственно высоко,—что тогда выработается новая сила, способная обезпечить будущее развитіе общества, его благоденствіе и счастіе.

Этою свѣтлою надеждою мы закончимъ изложеніе ученія Сéлли о цѣнности жизни; вмѣстѣ съ этимъ окончимъ и вообще изложеніе современныхъ ученій о цѣнности жизни. Постараемся теперь опредѣлить значеніе Селли въ ряду прочихъ писателей и выяснить его заслуги въ изслѣдуемомъ нами вопросѣ.

Все ученіе Селли сводится къ двумъ основнымъ положеніямъ: вопервыхъ, онъ признаетъ невозможнымъ анализировать и взвѣшивать отдѣльныя чувствованія и эмоціи, а вмѣсто этого изслѣдуетъ вопросъ о томъ, достижимъ ли обширный аггрегатъ пріятныхъ чувствованій, называемый счастіемъ, иначе говоря, онъ на мѣсто единичныхъ скоропреходящихъ чувствованій ставитъ постоянный источникъ наслажденія, вовторыхъ, онъ доказываетъ, что условія счастія должны быть въ значительной степени выработаны самимъ человѣкомъ, что счастіе созидается сознательными усиліями индивидуума. Это второе положеніе дополняетъ первое и придаетъ ему характерную окраску, ибо только оно выясняетъ вполнѣ, что нужно понимать подъ именемъ постояннаго источника наслажденія и какъ можно его достигнуть. Такимъ образомъ критическое обозрѣніе ученія Селли можетъ быть разбито на двѣ части: вопервыхъ, вопросъ о томъ, правъ ли Селли, замѣняя анализъ отдѣльныхъ чувствованій и эмоцій изслѣдованіемъ о постоянныхъ источникахъ наслажденія, и какъ понимаетъ онъ эти постоянные источники; вовторыхъ, разборъ его ученія о созданіи счастія самимъ человѣкомъ. Вопзбѣжаніе повтореній, мы отложимъ отвѣтъ на первый вопросъ до третьей главы, а здѣсь займемся только вторымъ положеніемъ Селли.

Весьма многія явленія внѣшняго міра имѣютъ болѣе или ме-

нѣе близкое отношеніе къ нашему благоденствію; они то непосредственно вліяютъ на него, доставляя намъ пріятныя или непріятныя ощущенія, то порождаютъ въ насъ желанія, стремленія, потребности, которыя являются источниками нашихъ страданій и наслажденій. Представимъ же себѣ человѣка, каковъ онъ есть, съ его мыслями, чувствами, желаніями, и взглянемъ на его отношенія къ внѣшнему міру, къ окружающимъ средамъ: неорганической, органической и соціальной. Уже à priori, исходя изъ того положенія, что міръ не устроенъ спеціально для счастья и благоденствія человѣка, можно утверждать, что безконечно разнообразныя явленія внѣшняго міра будутъ крайне несходно влять на счастіе человѣка: одни будутъ споспѣшествовать его благополучію, доставлять ему пріятныя ощущенія, радостныя эмоціи; другія, напротивъ, будутъ представлять болѣе или менѣе важныя препятствія къ счастію, будутъ являться причинами бѣдствій и страданій. Можно идти дальше, можно утверждать à priori, что явленія, неблагопріятно вліяющія на наше благоденствіе, причиняющія намъ страданія, должны быть гораздо многочисленнѣе явленій, вліяющихъ на насъ благодѣтельно. Это происходитъ потому, что наслажденіе доставляется только извѣстными опредѣленными комбинаціями, которыя, въ виду огромнаго разнообразія міровыхъ явленій, должны [1]) составлять только незначительную часть всѣхъ комбинацій вообще. Если мы обратимся къ фактамъ, то найдемъ, что они вполнѣ подтверждаютъ наше предсказаніе: изъ всѣхъ явленій только незначительное число благопріятны намъ. Возьмемъ, напр., атмосферную температуру. Крайне узки предѣлы температуры, при которой человѣкъ (не защищающійся искусственно одеждою и т. п.) чувствуетъ себя вполнѣ хорошо; тогда какъ температура воздуха, даже въ самыхъ ровныхъ климатахъ, колеблется въ предѣлахъ нѣсколькихъ десятковъ градусовъ.

Какъ же долженъ поступать человѣкъ въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ? Онъ стремится уйти отъ страданія и продолжить

[1]) Конечно, здѣсь весь вопросъ въ степени эластичности человѣческой природы, но мы знаемъ, что эта эластичность ничтожна сравнительно съ разнообразіемъ міровыхъ явленій.

наслажденіе: таковъ законъ воли, но онъ не всегда знаетъ, гдѣ его ожидаетъ страданіе, а гдѣ—наслажденіе, далѣе, даже зная эти источники страданія и наслажденія, онъ можетъ не знать, какъ ихъ достигнуть. Слѣдовательно, важнѣйшимъ условіемъ достиженія счастья является умѣнье правильно оріентироваться среди безконечно-разнообразныхъ явленій внѣшняго міра, знаніе источниковъ счастія и способовъ ихъ достиженія.

Ребенокъ хватаетъ рукою раскаленное желѣзо; мучительная боль, которую онъ немедленно чувствуетъ, заставляетъ его быстро отдернуть руку [1]); такимъ способомъ онъ прекращаетъ страданіе, но онъ всетаки его испыталъ. Еслибы этотъ опытъ прошелъ для него совершенно безслѣдно, то онъ могъ бы черезъ минуту вновь причинить себѣ такую же боль, вновь испытать страданіе; подобнымъ же образомъ онъ велъ бы себя и въ другихъ случаяхъ, и хотя бы каждый разъ ему удавалось немедленно прекращать страданіе, всетаки онъ могъ бы вѣчно страдать, вѣчно, уйдя отъ одной бѣды, попадать въ другую, ибо огромное большинство явленій прямо или косвенно причиняютъ человѣку страданіе. Но этотъ опытъ не пропадетъ для него даромъ: онъ узнаетъ, что прикосновеніе къ раскаленному желѣзу крайне непріятно, и онъ будетъ это помнить. Это спасетъ его отъ будущихъ страданій подобнаго рода: онъ будетъ предугадывать послѣдствія своего поступка и не совершитъ его.

---

[1]) Я сказалъ, что ребенокъ быстро отдернетъ руку. Этого не слѣдуетъ понимать такъ, будто я утверждаю, что ребенокъ съ перваго же раза совершитъ вполнѣ цѣлесообразное дѣйствіе. Бэнъ говоритъ: „Сначала происходитъ совпаденіе чисто случайное между удовольствіемъ и движеніемъ самопроизвольнаго характера, которое поддерживаетъ и увеличиваетъ его; или между страданіемъ и движеніемъ, которое облегчаетъ или удаляетъ его“. (Психологія, стр. 325). Далѣе онъ говоритъ: „мы можемъ указать на поучительный случай болѣзненнаго прикосновенія къ горячему или острому инструменту. Исцѣляющее средство состоитъ въ отдергиваніи члена; и масса людей способна предполагать ошибочно, что мы дѣлаемъ это по инстинкту. То правда, что мучительный уколъ извѣстной части тѣла производитъ рефлекторно конвульсивное движеніе этой части... Но нисколько не достовѣрно, что рефлекторное движеніе будетъ исцѣляющимъ; можетъ быть совершенно наоборотъ. Предполагая членъ сокращеннымъ, рефлективный стимулъ заставилъ бы его вытянуться; но еслибы на пути лежало остріе, то произошло бы еще болѣе серьезное поврежденіе“ (стр. 326).

Что такъ очевидно въ этомъ простѣйшемъ примѣрѣ, то менѣе ясно, но не менѣе вѣрно и въ другихъ случаяхъ. Разростаясь въ пространствѣ, времени, сложности и опредѣленности, наше знаніе внѣшняго міра все болѣе и болѣе дозволяетъ намъ знать заранѣе послѣдствія нашихъ поступковъ, указываетъ намъ источники страданій и наслажденій и научаетъ искусству достигать и отстранять ихъ. Такимъ образомъ человѣкъ доходитъ до созданія строго выработаннаго идеала счастія: онъ намѣчаетъ себѣ извѣстные источники наслажденій и стремится къ ихъ достиженію; онъ знаетъ, какимъ образомъ можно обезпечить себѣ успѣхъ, знаетъ всѣ опасности и всѣ бѣдствія, грозящія ему на его пути, и знаетъ, какъ слѣдуетъ бороться съ этими опасностями. Человѣкъ, не выработавшій себѣ идеала счастія, не построившій плана жизни, походитъ на корабль безъ руля и компаса, не управляемый опытною рукою моряка. онъ носится, гонимый вѣтромъ и волнами, и какъ мало шансовъ, чтобы этотъ корабль достигъ желанной пристани! Тогда какъ человѣкъ со строго выработаннымъ идеаломъ счастія, это—корабль, снабженный рулемъ и компасомъ; его ведетъ опытная рука капитана, твердо знающаго морскую карту и умѣющаго бороться со всѣми невзгодами.

Гартманъ не обращаетъ никакого вниманія на это искусство человѣка бороться съ враждебными обстоятельствами, онъ просто только описываетъ всѣ бѣдствія и несчастія, существующія въ мірѣ; человѣкъ въ его анализѣ является всегда пассивнымъ и инертнымъ. Понятно, что такому существу можно приписать столько бѣдствій, сколько заблагоразсудится автору; но это будетъ не анализъ, а простое описаніе бѣдствій, могущихъ поразить человѣка.

Совсѣмъ иное мы встрѣчаемъ у Селли; у него считается основнымъ положеніемъ, что человѣкъ самъ долженъ создать себѣ счастіе. Онъ долженъ войти въ гармоническое соотношеніе со внѣшнимъ міромъ и притомъ не только такъ, что онъ приспособится ко внѣшнимъ обстоятельствамъ, но еще и такъ, что онъ самъ приспособитъ ихъ къ себѣ. Онъ узнаетъ источники страданія и наслажденія, онъ преобразуетъ внѣшнія и внутреннія условія своей жизни; а тамъ, гдѣ бѣдствія неотвратимы, онъ научается

ихъ сносить. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь бѣдствіе не есть что либо объективное, внѣ насъ существующее. если мы его не признаемъ— оно не существуетъ. Конечно, есть такія страданія, передъ которыми воля человѣка почти совсѣмъ безсильна, такъ человѣкъ не можетъ заставить себя не чувствовать боли отъ прикосновенія раскаленнаго желѣза,. но такія страданія сравнительно малочисленны и рѣдки. Впрочемъ, даже и здѣсь сильная воля можетъ сдѣлать весьма много; крайне сомнительно, чтобы она могла прямо уменьшить самое ощущеніе физической боли, но она вполнѣ властна подавить тотъ ужасъ и отчаяніе, которые обыкновенно овладѣваютъ при этомъ человѣкомъ; сверхъ того, на самое физическое ощущеніе она можетъ дѣйствовать косвенно, отвлекая вниманіе въ другую сторону. Что же касается бѣдствій нравственныхъ, которыя чаще всего встрѣчаются и, по общему признанію, суть самыя тяжелыя, то здѣсь воля человѣка весьма могущественна. Жизнь почти всѣхъ людей есть смѣсь страданій и наслажденій; ежедневно, ежечасно намъ приходится испытывать оба эти чувствованія; мало этого: почти всякое пріятное чувство не есть чистое наслажденіе, почти вездѣ заключается элементъ страданія, и, наоборотъ многія непріятныя вещи имѣютъ хорошія стороны. Тутъ вполнѣ зависитъ отъ воли человѣка, на что обратить вниманіе, на темныя или на свѣтлыя стороны, страдать или наслаждаться. Есть несчастные люди, которые всѣмъ недовольны, которые долго помнятъ пережитое страданіе и даже любятъ копаться въ немъ. Другіе легко со всѣмъ мирятся и легко забываютъ страданія.

Такимъ образомъ человѣкъ самъ создаетъ свое счастіе; онъ не только преобразуетъ внѣшнія условія своей жизни, но даже властенъ надъ своими мыслями и чувствами, онъ можетъ заставить себя чувствовать или не чувствовать извѣстныхъ страданій. Разумъ указываетъ намъ источники страданій и наслажденій, онъ показываетъ намъ, чего мы можемъ ожидать отъ каждаго нашего поступка, гдѣ, какъ и насколько можемъ мы достигнуть счастія, какія жертвы для этого мы должны принести и какія опасности намъ грозятъ, хорошо дисциплинированная воля дозволяетъ намъ

довести до минимума всѣ, такъ сказать, «издержки производства» нашего счастія и насладиться имъ въ наибольшей степени.

Остается только рѣшить, насколько легко человѣку дисциплинировать свою волю и до какой степени достигаетъ могущество воли. Селли не берется разрѣшить вполнѣ эти вопросы. Конечно, самообладаніе вырабатывается не легко: искусство быть счастливымъ есть самое трудное изъ всѣхъ искусствъ, и главнымъ образомъ потому, что здѣсь приходится бороться съ самимъ собою и, для того чтобы начать дисциплинировать свою волю, нужно, чтобы она уже была до нѣкоторой степени дисциплинирована. Но очевидно, что если возможно человѣческое счастіе, то оно можетъ быть достигнуто только подобнымъ способомъ.

ГЛАВА III.

Балансъ жизни.

Содержаніе главы третьей. § 1. Психологія чувствованій.—§ 2. Критика шопенгауэровскаго ученія о цѣнности жизни.—§ 3. Критика гартмановскаго ученія о цѣнности жизни.—§ 4. Критика ученія Селли о постоянныхъ источникахъ удовольствія.—§ 5. Рациональная схема жизни.—§ 6. Цѣнность жизни на современной стадіи человѣческаго развитія.

§ 1. Мы видѣли, какую важную роль вопросъ о происхожденіи чувствованій играетъ въ пессимистическихъ ученіяхъ. Всѣ они принадлежатъ, несмотря на значительное разногласіе между собою, къ одной и той же философской школѣ—философіи воли. По ученію этой школы, воля есть явленіе основное, первичное, а удовольствіе и страданіе—явленія вторичныя, это—удовлетворенная или неудовлетворенная воля.

Уже во второй главѣ мы при случаѣ высказывали несогласіе съ этимъ ученіемъ и указывали на невозможность для его сторонниковъ объяснить нѣкоторыя явленія. Теперь намъ необходимо изложить ученіе о чувствованіяхъ, господствующее въ той школѣ психологовъ, выводами которыхъ мы намѣрены пользоваться въ нашемъ изслѣдованіи.

«Удовольствія и страданія, говоритъ Гербертъ Спенсеръ, суть явленія, сопутствующія извѣстнымъ состояніямъ, мѣстнымъ

и общимъ..... весь вопросъ заключается теперь въ томъ: какія состоянія доставляютъ намъ страданія, и какія доставляютъ удовольствія? [1])» Обратимъ вниманіе прежде всего на состоянія бездѣятельности (или малой дѣятельности), которыя чувствуются, какъ страданія. Вѣроятно, всѣ наши органы могутъ доставлять подобнаго рода непріятныя ощущенія, и если въ дѣйствительности нѣкоторые изъ нихъ никогда не являются источниками такого рода страданій, то это только потому, что они всегда бываютъ достаточно дѣятельны. «Такъ какъ ощущенія осязанія имѣютъ мѣсто постоянно и непрерывно, то мы никогда не имѣемъ непріятнаго чувствованія ихъ отсутствія. Звуки обыкновенно слышатся повсюду въ такомъ изобиліи, что очень немногіе испытывали жажду звуковъ, слѣдующую за продолжительнымъ молчаніемъ. Только послѣ заключенія втеченіе цѣлыхъ дней въ темномъ мѣстѣ является положительная тоска по свѣту и цвѣтамъ [2])». Но зато, другіе органы доставляютъ намъ обильный примѣръ подобнаго рода алканія. «За бездѣятельностью пищевого канала очень скоро слѣдуетъ голодъ, и если такая бездѣятельность продолжается, то этотъ голодъ возвышается до чувства яснаго, непріятнаго безпокойства, а подъ конецъ переходитъ въ ощущеніе еще болѣе интенсивное. Тоже самое слѣдуетъ сказать и по отношенію къ той бездѣятельности сроднаго характера, которая зависитъ отъ недостатка влаги въ пищевыхъ путяхъ и которая приводитъ къ тому алканію, которое мы называемъ жаждою, и которая также можетъ доходить до очень высокой степени интенсивности [3])». Таково же происхожденіе нѣкоторыхъ страданій, относящихся къ совершенно другой сферѣ. Такъ, напр., тоска, рождаемая уединеніемъ, есть страданіе, происходящее отъ бездѣйствія тѣхъ способностей, которыя упражняются въ сношеніяхъ съ другими людьми.

Но есть еще причины совершенно противуположнаго рода, которыя также причиняютъ намъ страданія; это—чрезмѣрная дѣятельность какого-либо органа. Примѣры подобнаго рода страданій

---

[1]) Г. Спенсеръ. Основ. психол., рус. пер., т. I стр. 280.
[2]) I. с. стр. 281.
[3]) I. с. стр. 281.

безчисленны. Ощущеніе теплоты, которое при умѣренной интенсивности пріятно, при болѣе значительной интенсивности чувствуется, какъ ожогъ. Слуховыя и зрительныя ощущенія представляютъ вполнѣ аналогичный примѣръ. Можно еще указать большое количество подобныхъ явленій. Такъ, напр., всѣмъ извѣстно, какъ непріятно чувствуетъ себя человѣкъ, обременившій свой желудокъ чрезмѣрнымъ количествомъ пищи, т. е. задавшій ему чрезмѣрную работу.

«Такимъ образомъ, заключаетъ Спенсеръ, мы видимъ на одной оконечности отрицательныя страданія отъ бездѣятельности, которыя мы называли алканіемъ, а на другой оконечности положительныя страданія отъ чрезмѣрной дѣятельности; отсюда слѣдуетъ прямое заключеніе, что удовольствія сопровождаютъ дѣятельности, находящіяся между этими двумя крайностями [1])». Справедливость этого заключенія будетъ для всякаго тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ большее количество различнаго рода страданій и наслажденій онъ припомнитъ. Обратитъ-ли онъ вниманіе на умственную или на мускульную дѣятельность, на удовольствія ѣды или на наслажденіе музыкою, всюду онъ найдетъ, что продолжительное лишеніе какихъ либо привычныхъ ощущеній чувствуется непріятно, что умѣренное количество этихъ ощущеній пріятно, и что, наконецъ, чрезмѣрное ихъ количество опять непріятно; въ этомъ послѣднемъ случаѣ обыкновенно говорятъ, что человѣкъ усталъ, утомился, пресытился, что ему надоѣло, и т. п.

Болѣе точное рѣшеніе вопроса о происхожденіи чувствованій пока довольно затруднительно; по справедливому замѣчанію Спенсера, «феномены удовольствія и страданія представляютъ, можетъ быть, самые темные и запутанные изъ всѣхъ феноменовъ психологіи [2])». Спенсеръ самъ признаетъ, что «представленіе объ удовольствіи, какъ о спутникѣ дѣятельности, которая не слишкомъ мала и не слишкомъ велика», открыто для весьма сильныхъ возраженій [3]). Впрочемъ, это ученіе Спенсера далеко не стоитъ особнякомъ: и другіе психологи держатся сходнаго мнѣнія. Н.

[1]) l. c. стр. 284.
[2]) l. c. стр. 280.
[3]) l. c. стр. 285.

Гротъ въ своей «Психологіи чувствованій» послѣ подробнаго обзора различныхъ ученій приходитъ къ тому выводу, что почти всѣ психологи нашего времени «ставятъ удовольствіе и страданіе въ полную зависимость отъ оцѣнки интенсивности возбужденія нашихъ тканей, сравнительно съ измѣнчивою и весьма разнообразною, для каждаго лица и въ каждый моментъ, нормою ихъ возбудимости. Этотъ принципъ раздѣляютъ: и Бэнъ, и Спенсеръ, и Дюмонъ, и Вундтъ, и Горвицъ [4])». Самъ г. Гротъ является сторонникомъ этого ученія и дѣлаетъ къ нему нѣкоторыя добавленія, о которыхъ считаю не лишнимъ поговорить здѣсь. Мы видѣли, что Спенсеръ признаетъ два источника страданій: чрезмѣрную и недостаточную дѣятельность (или полную бездѣятельность). Удовольствіе у него имѣетъ одно происхожденіе — умѣренную дѣятельность. Г. Гротъ вполнѣ справедливо указываетъ на то, что и удовольствіе имѣетъ двоякое происхожденіе: умѣренную трату накопившихся веществъ и умѣренное накопленіе послѣ предшествовавшей траты, т. е., говоря короче, умѣренную работу и умѣренный отдыхъ. Такимъ образомъ, и удовольствіе, и страданіе бываютъ, по г. Гроту, двухъ родовъ:

«1) Положительное удовольствіе сопровождаетъ всякое соотвѣтствіе траты вещества предшествующему его накопленію.

2) Отрицательное удовольствіе сопровождаетъ всякое соотвѣтствіе накопленія вещества предшествовавшей его тратѣ.

3) Положительное страданіе сопровождаетъ всякій избытокъ траты вещества сравнительно съ его накопленіемъ.

4) Отрицательное страданіе сопровождаетъ всякій избытокъ накопленія вещества сравнительно съ его тратою [2])».

Далѣе г. Гротъ утверждаетъ, что эти чувствованія относятся другъ къ другу, «какъ моменты одного непрерывнаго психическаго процесса [3])». И что «смѣна моментовъ въ развитіи чувствованій, при нормальномъ ходѣ процесса, слѣдующая:

1) Отрицательное страданіе (потребность, лишеніе).

2) Положительное удовольствіе (наслажденіе, работа).

---

[4]) Николай Гротъ. Психологія чувствованій. Спб. 1880 г., стр. 383.
[2]) l. c. стр. 459 [3]) l. c. стр. 460.

3) Положительное страданіе (усталость, истощеніе).

4) Отрицательное удовольствіе (отдыхъ, возстановленіе [1]).

Хотя самъ г. Гротъ допускаетъ возможность «отклоненій отъ правильной послѣдовательности моментовъ», но онъ, всетаки, думаетъ, что эти отклоненія болѣе видимыя, чѣмъ дѣйствительныя, и что эта мнимая неправильность тотчасъ-же исчезнетъ, если принять во вниманіе прошедшія или будущія состоянія организмовъ.

Но мнѣ кажется, что г. Гротъ нѣсколько увлекся правильностью смѣны моментовъ; возможны такія отклоненія, которыя не исправляются ни прошедшими, ни будущими состояніями организма. Едва-ли можно сомнѣваться, что во время нашей дѣятельности бываютъ такіе моменты, когда и продолженіе дѣятельности, и перерывъ ея одинаково приносятъ удовольствіе. Человѣкъ достаточно поработалъ, но еще не чувствуетъ изнеможенія, онъ можетъ еще работать не безъ удовольствія; но если онъ прерветъ свою работу для отдыха, то не будетъ чувствовать «отрицательнаго страданія», напротивъ, онъ нѣкоторое время будетъ безспорно получать удовольствіе отъ отдыха. Если, затѣмъ, онъ не будетъ слишкомъ долго отдыхать и начнетъ работать ранѣе, чѣмъ бездѣйствіе сдѣлается ему тягостнымъ, то онъ вновь вступитъ на стезю полученія «положительнаго удовольствія» и, какъ мнѣ кажется, ни прошедшія, ни будущія состоянія организма не исправятъ этого «отклоненія отъ правильной послѣдовательности моментовъ». Эта непоправимость нѣкоторыхъ отклоненій еще очевиднѣе въ томъ случаѣ, когда человѣкъ переходитъ не отъ труда къ бездѣятельности, а отъ одного вида труда къ другому. Ученый, поработавшій нѣсколько часовъ въ своемъ кабинетѣ, можетъ прервать свои занятія ранѣе, чѣмъ они сдѣлаются ему непріятными, и предаться какой либо чисто механической работѣ; мозгъ его будетъ отдыхать, онъ будетъ испытывать «отрицательное удовольствіе», не испытавши предварительно «положительнаго страданія».

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшимъ выводамъ, намъ не-

---

[1]) l. c. стр. 461.

обходимо разсмотрѣть еще одинъ вопросъ, а именно: есть-ли «накопленіе веществъ» процессъ вполнѣ равный и только обратный процессу «траты веществъ», или-же эти процессы не равны между собою? Для этого обратимъ вниманіе на то, въ чемъ состоитъ эта «трата» и это «накопленіе» веществъ. Г. Гротъ пользуется этими словами только для краткости, вмѣсто выраженій «положительная молекулярная работа» и «отрицательная молекулярная работа», терминовъ, опредѣляемыхъ слѣдующимъ образомъ: «положительная работа состоитъ въ тратѣ вещества и въ переходѣ болѣе сложныхъ, но менѣе прочныхъ соединеній веществъ въ этихъ тканяхъ въ болѣе простыя, но твердыя; отрицательная, обратно,—въ накопленіи вещества и образованіи болѣе сложныхъ соединеній, служащихъ новымъ запасомъ рабочей силы въ органахъ» [1]).

Теперь мы значительно приблизились къ рѣшенію вышеприведеннаго вопроса, ибо все дѣло сведено на общензвѣстные химико-физіологическіе процессы. Мы узнали, что трата веществъ соотвѣтствуетъ ихъ разложенію, а накопленіе—ихъ синтезу; но мы знаемъ очень хорошо, что оба эти процесса далеко не равновелики въ нашемъ организмѣ. Въ то время, какъ разложенію подвергаются въ нашемъ организмѣ самыя сложныя вещества, и это разложеніе продолжается до полнаго окисленія, до образованія такихъ продуктовъ, какъ углекислота,—возстановляющій синтезъ не представляетъ намъ ничего подобнаго. Еслибы люди воспринимали такія крайне окисленныя вещества, какъ напримѣръ, ангидритъ угольной кислоты, и перерабатывали ихъ въ своемъ организмѣ до образованія такихъ веществъ, какъ напримѣръ, сахаръ или бѣлокъ, тогда мы имѣли-бы два совершенно равновеликіе процесса раскисленія и окисленія, траты и возстановленія, совершающіеся въ нашемъ организмѣ. Но ничего подобнаго не бываетъ. Извѣстно, что функцію раскисленія выполняютъ растенія; что вещества, которыми человѣкъ питается, весьма сложны, какъ напримѣръ, бѣлокъ. Такимъ образомъ мы постоянно получаемъ готовые запасы потенціальной энергіи, и наша

[1]) l. c. стр. 458.

роль заключается въ потребленіи этихъ запасовъ. Слѣдовательно, дѣятельность, трата суть основныя и первичныя явленія нашей жизни, а покой, возстановленіе—явленія второстепенныя, далеко уступающія первымъ и по интенсивности, и по экстенсивности.

Если же мы вспомнимъ еще, что человѣкъ, переходя отъ одной дѣятельности къ другой, можетъ давать отдыхъ одному органу въ то время, какъ другой работаетъ, и что важнѣйшій отдыхъ и возстановленіе нашихъ силъ происходитъ во время сна, т. е. не сопровождается чувствованіями (развѣ только самыми смутными и слабыми), то мы безъ труда согласимся, что при рѣшеніи вопроса о цѣнности жизни можно обращать мало вниманія на моментъ возстановленія, отдыха.

Какъ же резюмировать все вышесказанное? Очевидно, можно утверждать, что для всякой дѣятельности существуютъ предѣлы, внутри которыхъ она пріятна; но за этими предѣлами она приноситъ страданіе или какъ чрезмѣрная, или какъ недостаточная дѣятельность.

§ 2. Основываясь на добытыхъ здѣсь результатахъ, мы можемъ выполнить обѣщаніе, данное еще во второй главѣ, и приступить къ критикѣ пессимистическихъ ученій. Начнемъ, конечно, съ Шопенгауэра. Мы видѣли, въ чемъ состоятъ основныя положенія его ученія. Міръ есть воля; воля, пока она не удовлетворена, есть страданіе; но всякое удовлетвореніе воли скоротечно, воля всегда не удовлетворена, а слѣдовательно, всегда существуетъ страданіе. Какъ читатель, конечно, помнитъ, мы рѣшили обойти молчаніемъ вопросъ о сущности міра, о томъ, справедливо ли утвержденіе, что міръ есть воля. Для нашей цѣли достаточно изслѣдовать вопросъ объ отношеніи воли къ удовольствію и страданію. Мы видѣли, что то отношеніе чувства къ волѣ, которое было провозглашено Шопенгауэромъ, въ дѣйствительности не существуетъ: воля не предшествуетъ чувству, а слѣдуетъ за нимъ. Удовольствіе и страданіе возникаютъ помимо всякаго отношенія къ волѣ: они соотвѣтствуютъ умѣренной, чрезмѣрной или недостаточной дѣятельности; но разъ возникло пріятное или непріятное чувствованіе, то этимъ самымъ возбуждается наша воля, которая всегда стремится удалить страданіе и упрочить удоволь-

ствіе. У Шопенгауэра же эта послѣдовательность обратна: сначала возникаетъ воля, а затѣмъ уже вслѣдствіе ея удовлетворенія или неудовлетворенія мы наслаждаемся или страждемъ. Впрочемъ, это ученіе не ново: оно было провозглашено далеко ранѣе Шопенгауэра. Г. Гротъ говоритъ объ Эпикурѣ: «страданіе онъ прямо отождествляетъ со стремленіемъ, съ неудовлетворенною потребностью, удовольствіе есть только прекращеніе страданія, удовлетвореніе потребности: значеніе его отрицательное» [1]). Селли говоритъ, что это теорія «столь же древняя, какъ и сама философія», и указываетъ на Платона (къ которому Шопенгауэръ питалъ особенную симпатію) и на эпикурейцевъ, на многихъ французскихъ и нѣмецкихъ писателей, включая Лейбница и Монтеня, какъ на защитниковъ этой теоріи: «она была также общепринята между итальянскими философскими писателями восемнадцатаго вѣка» [2]). Шопенгауэръ придалъ ей только особенный блескъ, сдѣлавши изъ нея такіе рѣшительные выводы.

Еще во второй главѣ мы видѣли, какимъ образомъ, благодаря этой ошибочной теоріи происхожденія чувствованій, ни Шопенгауэръ, ни Гартманъ не въ состояніи объяснить причины существованія такихъ наслажденій, которымъ не предшествовало никакое страданіе. Оба они признаютъ фактъ существованія этихъ безболѣзненныхъ наслажденій, но оба тщетно пытаются его объяснить. Шопенгауэръ, какъ мы видѣли, впадаетъ при этомъ въ противорѣчіе со своимъ основнымъ философскимъ положеніемъ, а Гартманъ выпутывается изъ затрудненія, только поправши законъ противорѣчія, признавши, что волевой актъ можетъ существовать и не существовать въ одно и тоже время. Между тѣмъ, исходя изъ защищаемаго нами взгляда на происхожденіе чувствованій, объясненіе подобныхъ безболѣзненныхъ наслажденій не представляетъ никакихъ затрудненій. Если удовольствіе соотвѣтствуетъ дѣятельности, которая не слишкомъ велика и не слишкомъ мала, то очевидно, нѣтъ никакой необходимости, чтобы ему предшествовало страданіе; достаточно, чтобы мы имѣли извѣст-

---

[1]) l. c. стр. 165.
[2]) Sully l. c. p. 218.

ный запасъ энергіи, который мы могли бы раціонально потратить. Возьмемъ такой примѣръ. Человѣкъ идетъ по улицѣ; внезапно изъ раскрытаго окошка дома, мимо котораго онъ проходитъ, до него доносятся звуки любимой аріи; онъ останавливается на нѣсколько мгновеній и слушаетъ,—онъ, безспорно, наслаждается; но было ли это наслажденіе куплено предшествовавшимъ страданіемъ? Конечно, нѣтъ. Безъ сомнѣнія, возможно, что артистъ или простой любитель музыки, будучи долго лишенъ музыкальныхъ ощущеній, испытаетъ тоску по нимъ, будетъ страдать; тогда, пожалуй, можно было бы съ нѣкоторою вѣроятностью утверждать, что то удовольствіе, которое онъ ощутитъ, услышавши любимую арію, куплено имъ цѣною предшествовавшихъ страданій, но чтобы упростить вопросъ, мы предположимъ, что въ нашемъ случаѣ человѣкъ совершенно не ощущалъ потребности ни въ какихъ эстетическихъ наслажденіяхъ; однако, онъ, всетаки, получитъ удовольствіе. Отчего это? Оттого, что слушаніе аріи было умѣреннымъ упражненіемъ его музыкальныхъ способностей. Врожденная организація и упражненія прежнихъ дней обусловили ему возможность наслажденія. Потребность звуковъ его не мучила; это значитъ, что тѣ способности, которымъ слушаніе аріи доставило упражненіе, не находились въ той степени бездѣятельности, которая непріятна. Съ другой стороны, удовольствіе было, значитъ, эти способностй не были настолько утомлены предшествовавшею дѣятельностью, чтобы новое упражненіе было непріятно.

Но возможно подобнаго рода возраженіе: можно утверждать, что хотя въ вышеприведенномъ случаѣ удовольствіе, дѣйствительно, не было куплено цѣною непосредственно предшествовавшаго страданія, но что это искупительное страданіе имѣло мѣсто въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ. Можно спросить: что такое эта «врожденная организація» и эти «упражненія прежнихъ дней», которыя обусловили возможность наслажденія? Какъ выработалась эта организація? Какъ происходили эти упражненія? Не было ли тутъ длиннаго ряда страданій и отъ чрезмѣрнаго, насильственнаго упражненія, и отъ алканія поэтической души, которая тщетно пыталась насытиться звуками?

Чтобы отвѣтить на всѣ эти вопросы, разсмотримъ, какимъ

образомъ вырабатывается организація, обусловливающая возможность эстетическихъ наслажденій. Пусть не подумаетъ читатель, что мы намѣрены войти здѣсь въ подробный разборъ вопроса о происхожденіи эстетическаго чувства и т. п.,—нѣтъ, наше намѣреніе гораздо проще: исходя изъ того безспорнаго факта, что для развитія организаціи нуженъ длинный рядъ упражненій, что если-бы безконечный рядъ предковъ нашего гипотетическаго любителя музыки не развивалъ бы своего слуха и своихъ способностей упражненіемъ, то и онъ самъ былъ бы крайне невоспріимчивъ въ музыкальномъ отношеніи, — мы намѣрены разсмотрѣть вопросъ, были ли эти упражненія необходимо тягостны, или нѣтъ. Для достиженія правильнаго вывода нужно разсматривать не историческій, но гипотетическій ходъ развитія музыкальной организаціи. Съ перваго взгляда это можетъ показаться страннымъ, можно подумать, что этимъ мы обрекаемъ себя на блужданіе и фантазерство. Но ошибочность подобнаго заключенія, надѣюсь, доказать не трудно. Дѣло въ томъ, что въ историческомъ ходѣ развитія было сильное пертурбаціонное вліяніе постороннихъ факторовъ; развитіе и упражненія совершались не подъ однимъ только вліяніемъ потребности упражнявшагося субъекта въ музыкальныхъ ощущеніяхъ, но и подъ вліяніемъ совершенно посторонихъ факторовъ. Такъ, напр., извѣстно, что музыкальная профессія въ огромномъ большинствѣ случаевъ есть занятіе, обезпечивающее средства къ существованію; слѣдовательно, тутъ упражненія часто совершаются не вслѣдствіе того, что они пріятны, но потому, что они спасаютъ человѣка отъ нужды, лишеній и т. п. Затѣмъ, мы знаемъ, что часто богатые люди обучали насильно подвластныхъ имъ людей (какъ это было, напр., у насъ во времена крѣпостного права), не соображаясь съ тѣмъ, было ли имъ это обученіе пріятно, или нѣтъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ часто, конечно, имѣло мѣсто страданіе. Игра втеченіе цѣлыхъ ночей на пиру у богатыхъ людей, насильственное занятіе музыкой, къ которой, быть можетъ, человѣкъ не чувствовалъ никакого расположенія, все это— обильные источники страданія отъ чрезмѣрнаго насильственнаго упражненія. Были, конечно, и страданія другого рода: молодой артистъ напрасно стремился къ болѣе тонкимъ наслажденіямъ; бѣд-

ность или другія какія либо обстоятельства ставили ему непреодолимую преграду и заставляли заниматься вульгарною, но болѣе прибыльною музыкою. Итакъ, мы видимъ, что историческій ходъ развитія музыкальной организаціи дѣйствительно могъ быть переполненъ страданіями; но были ли эти страданія необходимы для развитія организаціи? Вотъ въ чемъ вопросъ. Тутъ мы найдемъ, что страданіе отнюдь не является необходимымъ спутникомъ развитія организаціи, что организація выработалась бы столь же хорошо (и даже еще лучше), еслибы упражненія всегда были умѣренны: еслибы человѣкъ и не томился бы никогда неудовлетворенною жаждою музыкальныхъ наслажденій, и не страдалъ бы отъ чрезмѣрныхъ упражненій. Это само собою очевидно. Сколько, напр., міръ потерялъ ученыхъ, художниковъ и поэтовъ только потому, что они были бѣдны, родились и выросли въ какой либо глуши, среди невѣжественныхъ людей и т. д. Очевидно, что то томленіе, которое они испытали, тѣ страданія, которыя они претерпѣли ради того, чтобы хоть немного удовлетворить своимъ потребностямъ, отнюдь не были необходимы для ихъ развитія; очевидно, что для ихъ потомства было бы выгоднѣе, чтобы они не страдали понапрасну, чтобы они были съ дѣтства поставлены въ условія, благопріятныя для развитія ихъ дарованій; тогда они развили бы лучше свои способности и передали бы лучшую организацію своимъ потомкамъ. Съ другой стороны, чрезмѣрная дѣятельность, бо̀льшая, чѣмъ это требуетъ организація и чѣмъ она можетъ вынести, разстраиваетъ, а не укрѣпляетъ работающій органъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что ни страданія чрезмѣрной работы; ни томленія недостаточной дѣятельности не нужны для развитія организаціи; мало того: развитіе совершилось, вопреки этимъ тягостнымъ вліяніямъ, и благодаря пріятной, умѣренной дѣятельности.

Чтобы покончить съ критикою Шопенгауэровскаго ученія о цѣнности жизни, мы должны обратить вниманіе еще на одинъ пунктъ. Мы уже показали, что взглядъ Шопенгауэра на удовольствіе и страданіе, какъ на удовлетворенную и на неудовлетворенную волю, ошибоченъ; теперь мы должны упомянуть о томъ, что Шопенгауэръ смѣшиваетъ волю съ желаніемъ. «Желаніе, говоритъ

Бэнъ есть состояніе души, гдѣ существуетъ мотивъ дѣйствовать.... безъ способности дѣйствовать». [1]) Далѣе онъ говоритъ слѣдующее: «Когда какое либо удовольствіе побуждаетъ насъ дѣйствовать ради его продленія или усиленія, и когда мы вдругъ слѣдуемъ побужденію, то здѣсь нѣтъ мѣста желанію. Также бываетъ и со страданіемъ. Выходя на открытый воздухъ, мы встрѣтимъ непріятный морозъ; мы возвращаемся назадъ и надѣваемъ лишнее платье; страданіе, при посредствѣ первичнаго стимула воли, руководимой нашими пріобрѣтенными склонностями, заставило прибѣгнуть къ противодѣйствующему средству. Во время нашей прогулки, на нѣкоторомъ разстояніи отъ дома, воздухъ вдругъ охладѣваетъ до точки озноба. Мы не имѣемъ при себѣ никакого противодѣйствующаго средства. Возникшее такимъ образомъ состояніе, — мотивъ безъ способности дѣйствовать, есть желаніе» [2]). Это важное различіе между желаніемъ и волею было упущено Шопенгауэромъ, когда онъ утверждалъ, что воля есть страданіе; но такое смѣшеніе понятій придало его теоріи бо̀льшую правдоподобность. Желаніе имѣетъ мѣсто тогда, когда наше стремленіе встрѣчаетъ препятствіе,—тутъ входитъ элементъ борьбы, который, безспорно, тягостенъ. Мы вспоминаемъ о какомъ либо удовольствіи, напр., о прогулкѣ въ лѣсу; это пріятное воспоминаніе возбуждаетъ нашу волю, которая, какъ мы уже говорили, всегда стремится упрочить удовольствіе и отстранить страданіе. Если для нашей дѣятельности не существуетъ никакихъ препятствій: если мы можемъ немедленно отправиться въ лѣсъ,—желаніе не возникнетъ. Зато, и страданія не будетъ; напротивъ, все время до нашего вступленія въ лѣсъ мы можемъ наслаждаться предвкушеніемъ тѣхъ удовольствій, которыя насъ тамъ ожидаютъ. Приготовленія къ путешествію, самое путешествіе и вообще всѣ относящіяся сюда дѣйствія не только не будутъ тяжелы, но даже послужатъ новыми источниками радости, ибо они будутъ намъ постоянно напоминать объ ожидающемъ насъ удовольствіи. Но если для нашей дѣятельно-

---

[1]) Бэнъ. Психологія, рус. пер. стр. 370.

[2]) l. c. стр. 370—1.

сти представятся какія либо болѣе или менѣе серьезныя затрудненія, тогда рождается желаніе, непріятное чувство борьбы и сознаніе недостижимости удовольствія, однимъ словомъ, то состояніе, которое Шопенгауэръ называлъ страданіемъ неудовлетворенной воли. Такимъ образомъ, благодаря смѣшенію воли съ желаніемъ, Шопенгауэръ не только не признавалъ радостей антиципаціи, но даже превращалъ ихъ въ муки желанія.

Разсмотримъ еще одинъ весьма остроумный и на первый взглядъ убѣдительный доводъ Шопенгауэра. Читатель, вѣроятно, помнитъ его замѣчаніе, что Данте съумѣлъ нарисовать «очень изрядный адъ. Напротивъ, когда онъ дошелъ до задачи изобразить небо и его блаженство, передъ нимъ оказалось непреоборимое затрудненіе». Въ другомъ, тоже уже цитированномъ нами мѣстѣ, онъ говоритъ: «послѣ того, какъ человѣкъ всѣ страданія и муки перенесъ въ адъ, для неба осталась одна скука». Эти явленія онъ объясняетъ съ своей точки зрѣнія весьма просто: только страданіе реально, удовольствіе есть нѣчто отрицательное, жизнь человѣческая колеблется между страданіемъ и скукой, поэтому мы и не можемъ нарисовать картины блаженства, ибо это значило бы изобразить ничто, тѣнь нуля, какъ сказалъ бы Гейне.

Съ перваго взгляда это остроумное замѣчаніе кажется весьма убѣдительнымъ. Дѣйствительно, если мы станемъ припоминать тѣ картины страданія и наслажденія, счастливой и несчастной жизни, которыя созданы поэтами; если мы затѣмъ попытаемся сами нарисовать въ своемъ воображеніи картины счастія и несчастія, то сейчасъ же замѣтимъ, что изображенія страданія удаются гораздо лучше, рельефнѣе, сильнѣе дѣйствуютъ на наши чувства, чѣмъ изображенія счастія, которыя всегда имѣютъ тенденцію впадать въ слащавый сантиментализмъ, въ маниловщину и весьма часто наводятъ на читателя скуку. Романисты, говоритъ Шопенгауэръ, изображая любовь, умѣютъ весьма живо и искусно передавать всѣ перипетіи борьбы и страданія, но чуть страданія кончились, чуть дѣло приведено къ благополучной развязкѣ, они спѣшатъ закончить романъ. Не изображать же имъ въ самомъ дѣлѣ, прибавляетъ онъ, какъ новобрачные пьютъ утромъ кофе.

Все это вполнѣ справедливо; мы не будемъ оспаривать достовѣрности фактовъ, отмѣченныхъ Шопенгауэромъ; но правильно-ли онъ ихъ объяснилъ? Дѣйствительно-ли это происходитъ оттого, что только страданіе реально. Вотъ въ чемъ вопросъ.

Попытаемся объяснить это явленіе съ нашей точки зрѣнія. Мы знаемъ, что удовольствіе сопутствуетъ соотвѣтствію между тратою и накопленіемъ, а страданіе—несоотвѣтствію между ними. Далѣе, легко видѣть, что интенсивность идеальнаго чувствованія, возбуждаемаго въ насъ изображеніемъ какого либо наслажденія, зависитъ отъ количества энергіи, заложенной въ соотвѣтствующемъ органѣ. Если мы отъ природы невоспріимчивы къ этому виду удовольствія, или если мы только что испытали его въ такой значительной степени, что вся энергія, заложенная въ соотвѣтствующемъ органѣ, истрачена, то мы будемъ весьма нечувствительны къ изображенію этого вида удовольствія, идеальныя чувствованія будутъ крайне слабы. Если же, напротивъ, мы отъ природы чувствительны къ этому наслажденію и если мы давно его не испытывали, то идеальныя чувствованія будутъ весьма интенсивны. Опишите удовольствія роскошнаго обѣда какому нибудь богатому, сытому человѣку. Конечно, онъ согласится съ вами, что роскошный обѣдъ весьма не дурная вещь; но такъ какъ онъ въ данный моментъ вполнѣ сытъ, и сытость есть его привычное состояніе, такъ какъ, поэтому, у него потребность въ этомъ удовольствіи въ данный моментъ равна нулю, то, если только онъ не обжора, самое яркое описаніе прелестей пира не заставитъ его восторгаться счастіемъ пирующихъ. Если вы повторите свое описаніе передъ человѣкомъ, страдающимъ въ данный моментъ отъ объяденія, то не вызовете въ немъ ничего, кромѣ отвращенія. Но если вмѣсто сытаго богача передъ вами будетъ стоять голодный бѣднякъ (особенно такой, который въ прежнія времена самъ пировалъ), то получится совсѣмъ другой эфектъ. Спросите его: счастливы-ли эти пирующіе? О, да, отвѣтитъ онъ, какъ они счастливы, какое блаженство имѣть возможность постоянно пировать.

Влюбленный будетъ весьма чувствителенъ къ поэтическому изображенію любви; если онъ прочтетъ описаніе счастливой любви, онъ вполнѣ будетъ сочувствовать героямъ и охотно согласится

съ тѣмъ, что они дѣйствительно счастливы; но пресыщенный ловелась презрительно заявитъ, что все это только пустая сантиментальность.

Теперь ясно какъ то, почему изображеніе счастія удается поэтамъ хуже, чѣмъ изображеніе несчастія, такъ и то, почему читатель не особенно чувствителенъ къ этимъ изображеніямъ. Чтобы какая нибудь картина счастія сильно подѣйствовала на человѣка, нужно чтобы онъ страстно стремился къ этому виду наслажденія, нужно чтобы соотвѣтствующій органъ достигъ значительной степени «предварительнаго накопленія» энергіи; тогда идеальное воспроизведеніе «траты» покажетъ ему, что дѣйствительная «трата» была бы сопряжена съ значительнымъ наслажденіемъ, тогда онъ легко согласится, что описываемый видъ счастія дѣйствительно достоинъ этого названія. Но вѣдь, человѣкъ рѣдко находится въ такомъ настроеніи; въ большинствѣ случаевъ желанія не бываютъ особенно сильны: по мѣрѣ «накопленія» энергіи она «тратится». Сами поэты, чтобы создать дѣйствительно яркіе и блестящіе образы, чтобы тонко проанализировать и художественно изобразить какой нибудь видъ наслажденія, должны страстно желать его и вѣрить, что оно способно наполнить душу человѣка невообразимымъ блаженствомъ. Но поэты, подобно всѣмъ людямъ, рѣдко находятся въ такомъ состояніи; сверхъ того, въ подобныхъ случаяхъ они обыкновенно впадаютъ въ лирику, т. е., не изображаютъ намъ людей наслаждающихся, но выражаютъ только страстное желаніе наслажденія.

Если мы сами пытаемся нарисовать для себя идеалъ счастливой жизни, то и здѣсь наталкиваемся на тожественныя препятствія; а именно: только въ томъ случаѣ, если мы одержимы сильною страстью, мы можемъ нарисовать себѣ счастіе яркими чертами и будемъ вѣрить, что жизнь, наполненная такими ощущеніями, полна блаженства. Но въ обыденномъ состояніи человѣкъ, вопервыхъ, не можетъ особенно плѣняться счастливыми картинами; вовторыхъ, и это самое важное, онъ инстинктивно чувствуетъ, что всякое наслажденіе не можетъ быть вѣчнымъ, а между тѣмъ онъ необходимо долженъ придать ему видъ вѣчности, ибо не знаетъ, какое новое чувство загорится въ немъ

послѣ того, какъ нынѣшнее его желаніе будетъ удовлетворено. Итакъ, передъ человѣкомъ возникаетъ весьма непріятная дилемма: если онъ, не будучи ослѣпленъ страстью, представитъ себѣ какое либо наслажденіе вѣчнымъ и неизмѣннымъ, то немедленно замѣтитъ, что оно вовсе не пригодно для такой роли, что оно ему скоро надоѣстъ, и въ немъ невольно родится чувство презрѣнія къ такому искусственному, пошлому сантиментальничанью. Такъ напримѣръ, для всякаго здороваго человѣка пріятна прогулка по очаровательной мѣстности, пріятна дружеская бесѣда и т. п.; но еслибы кто нибудь вздумалъ возвеличивать эти безспорно пріятныя чувствованія до того, что объявилъ-бы ихъ способными наполнить всю жизнь человѣка, то у насъ невольно родилось-бы презрѣніе къ такой теоріи счастія. Итакъ, только человѣкъ, ослѣпленный страстью, можетъ считать какое нибудь чувствованіе способнымъ наполнить всю его жизнь невообразимымъ блаженствомъ; въ обыденномъ состояніи человѣкъ не впадаетъ въ подобную ошибку. Но съ другой стороны, онъ не можетъ представить себѣ наслажденія и конечнымъ, не ощущая при этомъ непріятнаго сознанія пустоты, которая должна послѣдовать за прекращеніемъ наслажденія. Хотя, безспорно, у него и тогда будутъ какія нибудь желанія, удовлетвореніе которыхъ доставитъ ему удовольствіе, но онъ не можетъ знать, какія это будутъ желанія; еслибы даже онъ могъ отгадать это умомъ, то онъ, всетаки, не былъ бы въ состояніи воспроизвести ихъ чувствомъ и не ощутилъ-бы, слѣдовательно, всей прелести ихъ удовлетворенія.

Итакъ, мечтаетъ ли самъ человѣкъ о счастливой жизни, или онъ читаетъ поэтическое изображеніе счастія, онъ почти всегда долженъ представлять себѣ умѣренное наслажденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу страннаго противорѣчія, онъ долженъ представлять себѣ его почти что вѣчнымъ, т. е. такимъ, которое не можетъ быть въ его воображеніи замѣнено другимъ наслажденіемъ, ибо онъ не можетъ знать напередъ своихъ чувствъ.

Совсѣмъ другое видимъ мы при идеальномъ представленіи страданія. Страданіе, какъ извѣстно, сопутствуетъ «несоотвѣтствію» между тратою и накопленіемъ; а несоотвѣтствіе по самой

своей природѣ можетъ быть представлено вѣчнымъ; мало этого, чѣмъ длиннѣе мы его себѣ вообразимъ, тѣмъ ужаснѣе оно намъ покажется. Вообразите себя запертымъ на всю жизнь въ темное подземелье. Какая ужасная картина! Вся жажда свѣта, вся любовь къ жизни и къ дѣятельности, которая въ васъ заложена, протестуетъ противъ такого ужаснаго страданія. Вы моментально, инстинктивно представляете всю громадность несоотвѣтствія между вашими желаніями и вашею судьбою. Въ то время, какъ удовольствіе, вызываемое въ насъ картиною счастія, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что испытали бы мы сами, будучи на мѣстѣ изображаемыхъ людей, здѣсь, при представленіи несчастія, мы переоцѣниваемъ страданіе, ибо мы легко и удобно представляемъ себѣ его вѣчнымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ извѣстно, что человѣкъ способенъ до нѣкоторой степени приспособиться къ самымъ невыгоднымъ условіямъ: извѣстны, напримѣръ, случаи, гдѣ люди свыкались съ тюрьмою. Но этого мы обыкновенно не понимаемъ; мы оцѣниваемъ только настоящее наше чувство и по необходимости не можемъ представить себѣ нашихъ будущихъ чувствованій; мы видѣли, что это наше свойство уменьшаетъ заманчивость картинъ счастія; что-же касается изображеній страданія, то оно, очевидно, усиливаетъ ихъ ужасы. Нужно еще обратить вниманіе на слѣдующій замѣчательный контрастъ: сильнѣйшіе виды страданія заключаются въ нарушеніи какихъ нибудь основныхъ, распространенныхъ чувствованій, какъ, напримѣръ, потеря любимаго человѣка, лишеніе свободы, слѣпота, голодъ и т. п. Напротивъ, высшіе виды наслажденія подчинены крайне спеціальнымъ и сложнымъ условіямъ; тогда какъ виды страданія приблизительно одинаковы для всѣхъ людей, наслажденія людей крайне несходны. Кто, кромѣ настоящихъ ученыхъ, вполнѣ пойметъ волненіе, охватившее Ньютона при окончаніи его астрономическихъ вычисленій? Кто, кромѣ крайнихъ честолюбцевъ, представитъ себѣ радостное сознаніе Наполеона I, что онъ повелитель всей Европы? Поэтому, если поэтъ нарисуетъ картину блаженства, то ее пойметъ только тотъ, кто волнуется приблизительно такими же чувствами, тогда какъ картину страданія пойметъ всякій, ибо здѣсь не нужно спеціальнаго предрасполо-

женія: эффектъ получается въ силу того, что вашему даже слабому чувству противупоставляется громадная отрицательная величина, конечно, эффектъ будетъ сильнѣе, если при этомъ ваше положительное стремленіе сильнѣе. Наконецъ, припомнимъ еще и то, что изображеніе страданія, которое обыкновенно является какъ внѣшній, очевидный результатъ борьбы, дозволяетъ придать картинѣ болѣе движенія, дѣйствія, чѣмъ изображеніе наслажденія.

Въ заключеніе я долженъ сказать слѣдующее: быть можетъ, кто нибудь замѣтитъ мнѣ, что поэтическія изображенія наслажденія способны вызывать желанія, будить чувство, такъ что замѣчательныя произведенія могутъ возбудить такія чувства и желанія, которыя прежде бездѣйствовали, а тѣ, которыя существовали прежде, могутъ быть значительно усилены. Этого явленія я не отрицаю, но позволилъ себѣ его игнорировать, чтобы не запутывать безъ нужды вопроса, ибо оно, очевидно, способно измѣнить только количественно, но не качественно тѣ свойства изображеній страданія и наслажденія, о которыхъ я говорилъ.

Здѣсь умѣстно будетъ разсмотрѣть одинъ интересный вопросъ, имѣющій нѣкоторую связь съ предшествующимъ. Читатель, конечно, помнитъ, что Гартманъ въ числѣ доказательствъ ничтожества жизни приводитъ то обстоятельство, что, по его мнѣнію, всякій духовно-развитой старикъ послѣ ретроспективнаго обзора своей жизни прійдетъ къ заключенію, что цѣнность его существованія была ниже нуля. Сѣлли, какъ читателю извѣстно, держится противуположнаго мнѣнія.

Мы думаемъ, что подобная постановка вопроса вполнѣ ошибочна. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ руководятся люди, придающіе такое важное значеніе этому ретроспективному обозрѣнію? Намъ говорятъ, что старики могутъ безпристрастно оцѣнить событія своей жизни, что у нихъ улеглись увлеченія, мѣшавшія правильному пониманію жизни, что сужденіе ихъ спокойно и неподкупно. Но что значитъ «безпристрастная» и «правильная» оцѣнка чувства? Развѣ есть болѣе истинная оцѣнка чувства, чѣмъ самое это чувство? Каждое наше чувствованіе стоитъ ровно столько, во сколько мы его цѣнимъ. Такъ какъ чувство, какъ таковое, не утверждаетъ никакой объективной реальности, то оно непогрѣшимо.

Вполнѣ понятно, что какой нибудь политическій дѣятель, удалившись на склонѣ лѣтъ отъ дѣлъ, можетъ болѣе спокойно и безпристрастно обсуждать историческія событія, свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть. Его ненависть къ врагамъ притупилась, ходъ событій разъяснилъ нѣкоторые смутные и сложные вопросы, его собственныя ошибки сдѣлались ему понятнѣе, намѣренія его противниковъ—очевиднѣе. Все это можетъ просвѣтить его пониманіе минувшихъ событій и сдѣлать его сужденіе о нихъ правильнѣе.

Но ничего подобнаго не можетъ быть при сужденіи о нашихъ чувствованіяхъ былыхъ дней. Утративши желанія, мы потеряли и способность понимать сладость ихъ удовлетворенія; мы только пытаемся припомнить наши былыя чувства; но чѣмъ болѣе наше нынѣшнее состояніе отличается отъ того, которое мы стараемся понять, тѣмъ труднѣе дается намъ это пониманіе. Мы просто недоумѣваемъ, изъ-за чего тогда мы волновались, чего мы желали, чего страшились. Поэтому все это намъ кажется суетою, и эмоціональное содержаніе жизни ускользаетъ отъ нашего ретроспективнаго обозрѣнія. Мы склонны смотрѣть со снисходительною улыбкою на желанія и стремленія нашего дѣтства. Намъ кажется, что тѣ горести, которыя такъ печалили насъ тогда, тѣ радости, которыя такъ насъ веселили, не имѣютъ никакого внутренняго значенія, что все это было не болѣе какъ наши дѣтскія ошибки. Но незначительное размышленіе покажетъ всю ложность подобнаго сужденія. Истинно здѣсь только то, что теперь для насъ не было бы такъ радостно то событіе, которое доставило намъ столько счастія въ дѣтствѣ. Но развѣ это можетъ уменьшить реальность былаго наслажденія? То удовольствіе, которое мы испытали вслѣдствіе ѣды пять минутъ тому назадъ, когда были голодны, отнюдь не уменьшается отъ того, что теперь, когда мы сыты, ѣда не доставитъ намъ никакого удовольствія.

Цѣнить наши былыя чувствованія по тому значенію, которое мы придаемъ имъ теперь, столь же нераціонально, какъ и мѣрять наши нынѣшнія чувствованія не по нашимъ личнымъ ощущеніямъ, а по тому, какое значеніе имъ придаютъ другіе. Для чувства есть только настоящее: прошедшее и будущее имѣютъ зна-

ченіе лишь постольку, поскольку они измѣняютъ наши нынѣшнія чувствованія, т. е., только какъ радости и печали антиципаціи и воспоминанія.

Подведемъ же общій итогъ нашимъ замѣчаніямъ на ученіе Шопенгауэра о цѣнности жизни. Вопервыхъ, не удовольствіе и страданіе суть удовлетворенная и неудовлетворенная воля, а напротивъ, сама воля возбуждается удовольствіями и страданіями (идеальными или реальными). Вовторыхъ, желаніе, которое Шопенгауэръ смѣшиваетъ съ волею, имѣетъ мѣсто только тогда, когда «существуетъ мотивъ дѣйствовать безъ способности дѣйствовать».

Сторонникъ Шопенгауэра могъ бы сдѣлать слѣдующее возраженіе: пусть будетъ по вашему, пусть желаніе бываетъ только тогда, когда мы лишены способности дѣйствовать, но что, если нашъ міръ устроенъ такъ, что всюду наши стремленія встрѣчаютъ серьезныя препятствія? Слѣдовательно, всюду будетъ имѣть мѣсто желаніе и страданіе.

Чтобы отвѣтить на это возраженіе, нужно, конечно, разсмотрѣть подробно всѣ важнѣйшіе роды нашей дѣятельности, всѣ источники человѣческихъ удовольствій и страданій, нужно опредѣлить, какъ часто наши стремленія встрѣчаютъ препятствія и какъ велики страданія, отсюда происходящія. Только выполнивши все это, можно было бы опредѣлить общую сумму удовольствій и страданій, испытываемыхъ людьми, и свести балансъ жизни. Шопенгауэръ ничего подобнаго не сдѣлалъ, да ему въ этомъ и не было никакой надобности. его ученіе о томъ, что удовольствіе есть чисто отрицательное явленіе,—простое прекращеніе страданія, конечно, освобождало его отъ всякой обязанности сводить балансъ жизни.

§ 3. Но одинъ изъ ближайшихъ послѣдователей Шопенгауэра, Эдуардъ Гартманъ, какъ извѣстно, пополнилъ этотъ пробѣлъ. Онъ построилъ гипотезу о трехъ стадіяхъ иллюзіи, подробно разобралъ каждую стадію и, удачно или нѣтъ, это другой вопросъ, впервые свелъ балансъ жизни. Въ этомъ его немалая заслуга, какова бы ни была цѣнность добытыхъ имъ результатовъ. Мы дали во второй главѣ подробное изложеніе ученія Гартмана; здѣсь поста-

раемся сдѣлать критическую оцѣнку его. Мы видѣли, что, по мнѣнію Гартмана, какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и все человѣчество въ погонѣ за счастьемъ проходятъ три стадіи иллюзіи. Въ первой стадіи они надѣются быть счастливыми при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они живутъ, затѣмъ, отчаявшись достигнуть счастія въ этой жизни, они переносятъ свои надежды на трансцендентный міръ; наконецъ, въ третьей стадіи—мечтаютъ о возможности счастія въ будущемъ мірового процесса. Эту гипотезу Гартманъ кладетъ въ основу всего своего ученія о цѣнности жизни. Поэтому, намъ необходимо подвергнуть тщательной оцѣнкѣ ея научную цѣнность.

Прежде чѣмъ разсматривать, вѣрна ли эта схема какъ историческое обобщеніе, мы опредѣлимъ, какое значеніе можетъ она имѣть въ вопросѣ о цѣнности жизни. Здѣсь ея значеніе можетъ быть двояко: или можно разсматривать, какое вліяніе оказываютъ эти иллюзіи на счастіе человѣка, зараженнаго ими, или же—смотрѣть на эти три стадіи иллюзіи, какъ на три единственно возможныя концепціи счастія.

Разсмотримъ оба эти значенія. Человѣкъ зараженъ тою или иною иллюзіею, пусть, напр., онъ вѣритъ, что счастіе достижимо въ будущемъ мірового процесса. Эта вѣра, конечно, не остается безъ вліянія на его личную жизнь: его радости и печали измѣняются; онъ пріобрѣтаетъ новые источники удовольствій и страданій, отъ которыхъ гарантированъ человѣкъ, не находящійся на этой стадіи иллюзіи; затѣмъ, подъ вліяніемъ этой же вѣры въ прогрессъ, и остальныя удовольствія и страданія онъ будетъ чувствовать сильнѣе или слабѣе. Все это, безспорно, можетъ значительно повліять на его личное счастіе. Но отчего все это произошло? Только отъ того, что человѣкъ расширилъ поле своей дѣятельности, что, не довольствуясь даннымъ положеніемъ вещей, онъ создалъ себѣ идеалъ въ будущемъ, къ осуществленію котораго и стремится. Съ этой точки зрѣнія прежде всего нѣтъ никакого основнаго различія между второю и третьею стадіями. Обѣ онѣ—стремленіе къ извѣстному идеалу. Конечно, мнѣ могутъ возразить, что такъ какъ идеалы второй и третьей стадій весьма различны, то слѣдовательно, и страданія, и удовольствія, имъ со-

отвѣтствующія, крайне несходны. Но это возраженіе не только не защищаетъ гартмановскаго дѣленія, но напротивъ, обнаруживаетъ еще болѣе его несостоятельность: ибо всякій легко припомнитъ, что и идеалы людей, находящихся на одной и той же стадіи гартмановскихъ иллюзій, также весьма различны. Одинаковы ли, напр., взгляды на прогрессъ у современнаго буржуа и у пролетарія? Если буржуа и пролетарій будутъ стремиться къ осуществленію своего идеала, то ихъ радости и печали будутъ весьма несходны: событіе, которое буржуа сочтетъ грозящимъ всей цивилизаціи, быть можетъ, будетъ принято пролетаріемъ съ величайшимъ восторгомъ. И наоборотъ. Самая ихъ дѣятельность, ея трудности и опасности, ея успѣшность и т. п., однимъ словомъ, всѣ источники удовольствія и страданія будутъ весьма различны.

Итакъ мы пришли къ выводу, что различіе между отдѣльными элементами, соединенными Гартманомъ подъ именемъ третьей стадіи иллюзіи, ничуть не меньшее, чѣмъ различіе между его второю и третьею стадіями. Но этого мало; если мы взглянемъ поближе, то увидимъ, что и права первой стадіи на самостоятельность крайне сомнительны. Въ самомъ дѣлѣ, хотя Гартманъ и опредѣлилъ первую стадію какъ такую, въ которой человѣкъ вѣритъ въ возможность немедленнаго счастія, но уже одинъ тотъ фактъ, что онъ провозгласилъ, что весь, такъ называемый, древній міръ находился на этой стадіи иллюзіи, невольно возбуждаетъ нѣкоторыя возраженія. Мало того, самъ Гартманъ говоритъ, что Римляне искали счастія въ блескѣ и могуществѣ отечества. Это замѣчаніе вполнѣ уже обнаруживаетъ несостоятельность классификаціи Гартмана, если разсматривать ее съ той точки зрѣнія, на которой мы теперь стоимъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая разница между Римляниномъ, поставившимъ цѣлью своей жизни возвеличить славу отчизны, и современнымъ человѣкомъ, стремящимся споспѣшествовать прогрессу? Основного различія между ними нѣтъ. Конечно, ихъ дѣятельности и источники ихъ удовольствій и страданій весьма различны, но мы уже указали, что такое же различіе существуетъ и между двумя людьми, стремящимися споспѣшествовать прогрессу, но понимающими его различно. Затѣмъ мы знаемъ, что исторія Греціи и Рима полна политическими дви-

женіями, борьбою партій и т. п. Были-ли всѣ борющіеся заражены первою стадіею иллюзіи? Чѣмъ отличались Клисѳенъ и Гракхъ, Платонъ и Пиѳагоръ отъ современныхъ борцовъ за прогрессъ? Если они не знали о прогрессѣ въ современномъ его значеніи, то развѣ это важно? Развѣ Платонъ изображалъ идеальное государство такъ себѣ, для самоуслажденія, а не потому, что вѣрилъ и желалъ осуществленія своего идеала? Пиѳагоръ, какъ извѣстно, даже на практикѣ пытался осуществить свой идеалъ. Но все это, по мнѣнію Гартмана, были люди, стоявшіе на первой стадіи иллюзіи! Есть-ли послѣ этого возможность опредѣлить различіе между первою и третьею стадіями?

Такимъ образомъ, мы видимъ, что гартмановская классификація лишена прочнаго основанія. Единственное различіе, которое дѣйствительно можетъ быть констатировано, это различіе между людьми, довольными данными отношеніями, старающимися только извлечь изъ нихъ возможно большую сумму наслажденія, и тѣми, которые не удовлетворяются существующимъ положеніемъ вещей, стремятся ихъ преобразовать или, по крайней мѣрѣ, вносятъ какой либо идеальный моментъ удовлетворенія. Но для того, чтобы показать это различіе, нѣтъ никакой надобности строить гипотезу о трехъ стадіяхъ иллюзіи, а можно прямо, наряду съ анализомъ удовольствій и страданій, проистекающихъ, положимъ, изъ стремленія къ богатству, къ славѣ и т. п., разобрать также и удовольствія и страданія, вытекающія изъ стремленія къ улучшенію общественныхъ отношеній, къ прогрессу. Такимъ же образомъ можно разобрать удовольствія и страданія, доставляемыя человѣку его религіозными вѣрованіями.

Впрочемъ, всѣми этими разсужденіями гипотеза Гартмана еще не вполнѣ опровергнута. Мы разсмотрѣли только одну сторону вопроса, а именно: каково вліяніе иллюзіи на счастіе человѣка, зараженнаго ею; мы видимъ, что съ этой точки зрѣнія существеннаго различія между разными стадіями иллюзіи нѣтъ, а слѣдовательно, нѣтъ и основанія для гартмановской классификаціи. Она имѣла бы смыслъ только тогда, когда бы, съ одной стороны, у людей, находящихся на разныхъ стадіяхъ иллюзіи, всѣ условія жизни, всѣ источники удовольствія и страданія были до того

различны, что общее сужденіе о цѣнности ихъ жизни было бы невозможно, а съ другой стороны, условія жизни людей, находящихся на одной и той же стадіи иллюзіи, были бы сходны. Но хотя у Гартмана встрѣчаются указанія на то вліяніе, которое иллюзіи имѣютъ на счастіе своихъ адептовъ, однако, главное значеніе, придаваемое имъ своей классификаціи иллюзій, заключается въ томъ, что эти три стадіи суть три единственно возможныя концепціи счастія, такъ что человѣкъ, считающій счастіе достижимымъ, непремѣнно отуманенъ одною изъ нихъ; поэтому, Гартманъ для доказательства «безумія желаній и бѣдствій бытія» не находитъ ничего лучшаго, какъ разрушить ихъ одну за другою. Если мы попытаемся оцѣнить съ этой точки зрѣнія гипотезу трехъ стадій иллюзіи, то прежде всего замѣтимъ, что классификація Гартмана далеко не полна. Есть такіе взгляды на счастіе, которыхъ нѣтъ никакой возможности подвести подъ какую либо гартмановскую рубрику. Возьмемъ для примѣра ученіе Руссо: все дурно въ настоящее время, но все было хорошо, чуть только вышло изъ рукъ Творца, чтобы быть счастливымъ, нужно вернуться къ этому первобытному состоянію. Постараемся же опредѣлить, на какой стадіи иллюзіи былъ Руссо. Былъ-ли онъ на первой стадіи? Конечно, нѣтъ, ибо, по его мнѣнію, теперь все дурно; всему міру извѣстно, что онъ былъ страстнымъ противникомъ современныхъ ему порядковъ. Но не былъ-ли онъ на второй стадіи? Опять нѣтъ, ибо онъ утверждалъ, что счастіе возможно здѣсь, на землѣ. Въ такомъ случаѣ, не былъ-ли онъ на третьей стадіи? Всего менѣе, ибо онъ проповѣдывалъ, что всѣ бѣды проистекаютъ отъ того самого прогресса, вѣра въ который характеризуетъ эту третью стадію. Между тѣмъ, Руссо былъ далеко не единичнымъ явленіемъ, не говоря уже о томъ, что онъ имѣлъ многочисленныхъ, горячихъ поклонниковъ, достаточно только указать на полную аналогію между его ученіемъ и общераспространенною вѣрою въ золотой вѣкъ, чтобы всякій понялъ, какъ велико число этихъ людей, игнорируемыхъ гартмановскою классификаціей. Но можетъ быть, Гартманъ считаетъ ихъ взглядъ до того нелѣпымъ, такъ безвозвратно погибшимъ во мнѣніи всѣхъ образованныхъ людей, что и говорить о немъ не стоитъ? Вопервыхъ,

такой взглядъ Гартмана не оправдывалъ бы, всетаки, упущеній въ классификаціи; вовторыхъ, само ученіе Гартмана имѣетъ нѣкоторое сходство съ этимъ воззрѣніемъ; если какой «иллюзіи» Гартманъ больше всего долженъ симпатизировать, то именно этой, не признанной имъ. Человѣкъ, мечтающій о золотомъ вѣкѣ, могъ бы почерпнуть изъ книги Гартмана не малое число доводовъ въ защиту своего мнѣнія, не малое число хуленій на цивилизацію и прогрессъ. Гартманъ учитъ, что чѣмъ менѣе развитъ человѣкъ, тѣмъ онъ счастливѣе, что прогрессъ приноситъ одни бѣдствія, что нравственность людей нисколько не улучшается, а скорѣе ухудшается прогрессомъ и т. п.

Итакъ, мы нашли, что классифкація Гартмана не полна; не полно, слѣдовательно, и его доказательство «безумія желаній и бѣдствій бытія». Сверхъ того, мы можемъ задать еще вопросъ: насколько правъ былъ Гартманъ, доказывая «безуміе желаній» анализомъ иллюзій? Насколько правиленъ его методъ? Мы полагаемъ, что тотъ способъ доказательства, который избранъ Гартманомъ, недостоинъ философа. Вмѣсто того, чтобы бороться противъ иллюзій, онъ сдѣлалъ бы лучше, еслибы прямо попытался опредѣлить какъ цѣнность жизни въ настоящемъ, такъ и направленіе, въ которомъ эта цѣнность измѣняется съ историческимъ и вообще съ міровымъ процессомъ. Слѣдовало бы сказать: «вотъ таковы элементы, изъ которыхъ слагается эмоціональная сторона жизни человѣка, и вотъ такъ-то они измѣняются съ процессомъ исторіи». То обстоятельство, что люди въ то или другое время такъ или иначе смотрятъ на счастіе, не должно прямо вліять на анализъ. Конечно, было бы безразсудно обходить молчаніемъ эти вѣрованія и воззрѣнія, эти, говоря словами Гартмана, иллюзіи, но только потому, что эти иллюзіи вліяютъ на счастіе человѣка, зараженнаго ими, измѣняя самые источники удовольствій и страданій, а не потому, что для рѣшенія вопроса о цѣнности жизни ихъ нужно подробно опровергнуть. Собственно говоря, Гартманъ и прибѣгаетъ къ этому единственно возможному методу, только запутывая и затемняя его своею гипотезою иллюзій. Лучше всего это видно на анализѣ третьей стадіи иллюзіи. Очевидно, что даже еслибы никогда ни одинъ человѣкъ не на-

ходился на этой стадіи иллюзіи, то и тогда всетаки Гартманъ, который постоянно называетъ себя эволюціонистомъ, постоянно говоритъ объ историческомъ процессѣ, долженъ былъ бы показать, въ чемъ заключается этотъ процессъ. Утверждая, что міръ измѣняется, развивается, что идея стремится къ какой-то опредѣленной цѣли при помощи опредѣленныхъ средствъ, — онъ тѣмъ самымъ обязывается указать: какова эта цѣль, каковы средства и какъ вліяетъ весь этотъ процессъ на счастіе людей, это онъ и пытается сдѣлать въ одномъ изъ отдѣловъ своего сочиненія, при чемъ совершенно напрасно объявляетъ, будто все это имѣетъ спеціальною цѣлью разрушить третью стадію иллюзіи. Такой пріемъ вноситъ въ анализъ Гартмана элементъ полемическій, слѣдовательно, чисто отрицательный: даже человѣкъ, который убѣдился бы анализомъ Гартмана, который бы согласился, что всѣ три стадіи имъ разрушены, даже такой человѣкъ могъ бы всетаки, несогласиться съ его заключеніемъ, что небытіе предпочтительнѣе бытія, ибо онъ могъ бы сказать: Гартманъ разрушилъ три стадіи иллюзіи, но быть можетъ, возможны какія либо другія иллюзіи. И этотъ человѣкъ былъ бы правъ. Мы видѣли, что Гартманъ упустилъ изъ виду одну весьма распространенную форму иллюзіи, ту форму, представителемъ которой былъ Руссо; но можемъ ли мы быть увѣрены, что въ будущемъ не образуется какая нибудь новая иллюзія. Если Гартманъ отвѣтитъ, что онъ не можетъ себѣ представить никакой новой формы иллюзіи, ему можно возразить, что еслибы онъ жилъ въ средніе вѣка, онъ не могъ бы себѣ представить и третьей стадіи иллюзіи; однакожъ, она теперь существуетъ.

Разсмотримъ теперь, насколько вѣрна гипотеза Гартмана какъ историческое обобщеніе. Дѣйствительно ли человѣчество проходило тѣ три стадіи, которыя намъ изображены Гартманомъ? Само собою понятно, что здѣсь неудобно вдаваться въ подробное историческое изслѣдованіе вопроса, но къ счастію, этого и не нужно дѣлать по двумъ причинамъ: вопервыхъ, потому что сама гипотеза Гартмана не построена на прочныхъ историческихъ данныхъ, но является чисто апріорнымъ, бездоказательнымъ утвержденіемъ; вовторыхъ, потому что безъ всякаго подробнаго изслѣдованія

можно открыть въ ней массу ошибокъ, неточностей, противорѣчій и т. п. Мы уже видѣли, какъ несостоятельно утвержденіе Гартмана, что весь древній міръ находился на первой стадіи иллюзіи; мы видѣли, что такимъ образомъ первая стадія теряетъ опредѣленную физіономію, и всякое различіе между нею и третьею уничтожается. Затѣмъ мы видѣли, какъ Гартманъ упустилъ изъ виду безспорно существующую форму иллюзіи—мечту о золотомъ вѣкѣ. Уже этихъ двухъ фактовъ довольно для того, чтобы лишить гартмановскую гипотезу всякаго значенія, но для большей доказательности приведемъ еще одинъ-два примѣра. Куда, по Гартману, слѣдуетъ причислить людей великой французской революціи? Очевидно, онъ обязанъ объявить, что они находились на первой стадіи иллюзіи, ибо, вопервыхъ, они надѣялись на счастіе не въ будущемъ мірового процесса, а въ весьма недалекомъ будущемъ; вовторыхъ, чѣмъ же они отличались отъ Клисѳена, Гракха и т. п. дѣятелей, которымъ Гартманъ такъ безапелляціонно отвелъ мѣсто на первой стадіи? Если же дѣятели французской революціи были на первой стадіи, то слѣдовательно, историческая послѣдовательность была извращена, ибо они жили послѣ разрушенія второй стадіи. Лейбница, Адама Смита, Гартли и др. Гартманъ тоже обязанъ признать находившимся на первой стадіи,—чѣмъ опять извращается послѣдовательность. Не будемъ приводить болѣе примѣровъ; ибо увѣрены, что всякій человѣкъ, знакомый съ исторіей, укажетъ десятки случаевъ, когда гартмановская гипотеза оказывается несостоятельною.

Итакъ, къ какому-же результату мы пришли? Вопервыхъ, оказалось, что историческая послѣдовательность иллюзій не вѣрна и перечисленіе ихъ не полно; затѣмъ выяснилось, что рѣшать вопросъ о цѣнности жизни въ формѣ опроверженія иллюзій не удобно, что иллюзіямъ можно придавать значеніе лишь постольку, поскольку онѣ вліяютъ на счастіе человѣка, зараженнаго ими; но что въ такомъ случаѣ, вопервыхъ, онѣ должны утратить то первенствующее значеніе, которое придалъ имъ Гартманъ; вовторыхъ, классификація Гартмана окажется сбивчивою и противорѣчивою.

Намъ остается еще указать на тотъ странный и неуловимый смыслъ, который придаетъ Гартманъ слову «иллюзія». Онъ не

опредѣляетъ, что слѣдуетъ понимать подъ этимъ словомъ, но употребляетъ его всюду, гдѣ ему хочется дискредитировать какое либо удовольствіе; для этого онъ просто приклеиваетъ къ нему ярлыкъ «иллюзія» и въ такомъ видѣ представляетъ читателю; понятно, что послѣ этого всякій долженъ съ благоговѣйнымъ ужасомъ отвернуться отъ подобнаго удовольствія, ибо кому охота тѣшить себя глупыми иллюзіями. Что эти слова не клевета на Гартмана, можно доказать слѣдующимъ примѣромъ. Гартманъ утверждаетъ, что честолюбіе и славолюбіе основаны на иллюзіи, «ибо [1]), говоритъ онъ, поприще моихъ страданій есть, всетаки, моя голова, а не другихъ людей, а потому мнѣніе ихъ обо мнѣ ничего не можетъ ни прибавить, ни убавить въ моихъ радостяхъ и горѣ». Что это за возраженіе! Развѣ былъ когда либо столь безразсудный человѣкъ, который-бы сомнѣвался, гдѣ поприще его страданій и радости, въ его головѣ или въ чужой? Очевидно, что подобное возраженіе есть пустая игра словъ, обнаруживающая невниманіе къ элементарнымъ истинамъ психологіи. Поприще моихъ радостей безспорно въ моей головѣ; но отчего онѣ происходятъ? Отчего одинъ разъ моя голова является поприщемъ моихъ радостей, а другой разъ та-же самая моя голова является уже поприщемъ моихъ страданій? Въ этомъ-то и весь вопросъ. Еслибы люди, уважающіе и почитающіе меня, такъ искусно скрывали свои чувства по отношенію ко мнѣ, что я бы и не догадывался объ ихъ уваженіи и почтеніи, то конечно, я не получилъ-бы отъ этого никакого удовольствія; но разъ эти люди обнаруживаютъ свою любовь и уваженіе ко мнѣ, то этимъ самымъ возбуждаются въ моей головѣ пріятныя и радостныя эмоціи, укрѣпляется сознаніе собственной силы, собственнаго достоинства. Эти эмоціи отнюдь не иллюзіи, это — нѣчто до такой степени реальное, что даже «будущая слава, по мнѣнію Бэна [2]), не есть пустое слово; одобреніе, раздающееся послѣ смерти, звучитъ въ ушахъ живущихъ». Однимъ словомъ, человѣкъ устроенъ такъ, что похвала и одобреніе другихъ возбуждаютъ въ немъ пріятныя эмоціи. Что

---

[1]) Фил. Безс. т. 2, стр. 313 (было уже цитировано нами во второй главѣ).
[2]) Бэнъ. Психологія, стр. 246.

тутъ иллюзорнаго? Какая разница между этимъ удовольствіемъ и тѣмъ, которое мы получаемъ, положимъ, отъ сладкаго блюда? Еслибы Гартманъ отвѣтилъ, что стоитъ людямъ измѣнить свои отношенія къ намъ, стоитъ имъ не обнаруживать болѣе своей любви и уваженія къ намъ, и наше удовольствіе погибнетъ, то на это можно замѣтить, что стоитъ вкусному блюду прокиснуть и оно будетъ отвратительно. Но повидимому, клеймя славолюбіе названіемъ иллюзіи, Гартманъ имѣлъ въ виду другое; онъ хотѣлъ этимъ сказать, что мы сами создали себѣ кумира, что вольно-же человѣку обращать вниманіе на мнѣніе другихъ о немъ; стоитъ ему только никакого значенія этому мнѣнію не придавать, и всѣ радости и печали, связанныя съ нимъ, исчезнутъ, яко дымъ. Такое мнѣніе въ лучшемъ случаѣ есть простая тавтологія: стоитъ намъ не ѣсть сладкаго блюда, и мы не будемъ получать удовольствія отъ ѣды этого блюда. Вполнѣ справедливо. Это, я говорю, въ лучшемъ случаѣ можно придать такой невинный смыслъ доводу Гартмана; въ худшемъ-же обнаружатся весьма важные грѣхи противъ психологіи. Выходитъ, точно будто, по мнѣнію Гартмана, происхожденіе славолюбія таково: сидятъ себѣ два человѣка и скучаютъ; наконецъ, одинъ говоритъ другому: «послушай, братъ, поразвлечемся немного; я придумалъ вотъ какую штуку: ты начни меня хвалить, а я постараюсь отъ этого радоваться». Съ тѣхъ поръ и развелись на землѣ славолюбцы; они, видите-ли, выдумали славолюбіе также, какъ нѣмецъ выдумалъ обезьяну. Но вѣдь, мы знаемъ, что происхожденіе славолюбія не столь просто. Мы знаемъ, что почтеніе и одобреніе такъ-же неизбѣжно возбуждаютъ радостныя эмоціи у человѣка, какъ неизбѣжно пріятенъ намъ весенній лучъ солнца, какъ пріятно намъ вкусное блюдо. Человѣкъ, который-бы съумѣлъ заставить себя не чувствовать радости отъ выраженій любви, уваженія и почтенія, съумѣлъ-бы, навѣрно, заставить себя и не любоваться весною, и не ощущать удовольствія отъ вкусного блюда. На какомъ же основаніи Гартманъ вкусное блюдо признаетъ реальнымъ наслажденіемъ, а честолюбіе, славолюбіе и т. п.—иллюзіей?

Обратимся къ гартмановскому анализу отдѣльныхъ стадій иллюзіи. Доводы Гартмана можно раздѣлить на двѣ части: вопер-

выхъ, онъ разсматриваетъ общія явленія, такъ сказать, условія, которымъ подчинено всякое стремленіе къ удовольствію; вовторыхъ, онъ анализируетъ отдѣльные виды удовольствія.

Къ первому отдѣлу принадлежатъ: указанія на четыре причины, дающія отрицательнымъ удовольствіямъ рѣшительный перевѣсъ надъ положительными, и доказательство неравноцѣнности удовольствія и страданія. Эти причины вліяютъ на всякое удовольствіе, онѣ одинаково затрудняютъ достиженіе счастія во всѣхъ родахъ дѣятельности, опѣ предрѣшаютъ неудачу во всѣхъ нашихъ стремленіямъ, уменьшаютъ всякій нашъ выигрышъ и увеличиваютъ всякій проигрышъ. Разсмотримъ здѣсь двѣ изъ четырехъ указанныхъ Гартманомъ причинъ [1]).

Первая причина та, что «наслажденіе и страданіе затрогиваютъ нервную систему и производятъ родъ утомленія, которое при высшихъ степеняхъ наслажденія можетъ дойти до смертельнаго изнеможенія» [2]). Это утомленіе и вызываемое имъ желаніе прекратить чувствованіе въ случаѣ страданія совпадаетъ съ желаніемъ прекратить страданіе, а въ случаѣ удовольствія противодѣйствуетъ естественному желанію продлить удовольствіе; такимъ образомъ, длительность страданія можетъ быть какъ угодно велика, а удовольствіе не можетъ долго продолжаться. Фактъ утомленія вслѣдствіе продолжительнаго наслажденія вполнѣ справедливъ, и замѣчу, въ то время какъ Шопенгауэръ-Гартмановская теорія, отожествляющая удовольствіе и страданіе съ удовлетворенною и неудовлетворенною волею, рѣшительно не въ состояніи объяснить этого явленія, для противоположной теоріи здѣсь не представляется никакихъ затрудненій. Въ самомъ дѣлѣ, утомленіе, сопутствующее продолжительному удовольствію, есть ничто иное, какъ то страданіе вслѣдствіе чрезмѣрной дѣятель-

---

[1]) Остальныя двѣ причины (см. 2 гл.) не будутъ здѣсь разсмотрѣны, потому что одна изъ нихъ („необходимость видѣть во всякомъ наслажденіи непрямое наслажденіе“ и т. д.) есть простой выводъ изъ предъидущей, а другая („затрудненія, предстоящія для сознаваемости удовлетворенія воли“ и т. д.) можетъ быть признана только съ точки зрѣнія гартмановскаго ученія объ удовлетвореніи воли; а такъ какъ мы отвергли это ученіе, то о логическихъ выводахъ изъ него намъ говорить нечего, если не хотимъ повторять разъ уже сказаннаго.

[2]) Фил. Безс. т. II, стр. 266 (см. гл. 2).

ности, о которомъ мы уже говорили; удовольствіе возможно только до тѣхъ поръ, пока соблюдается соразмѣрность между предшествовавшимъ накопленіемъ и тратою; разъ что трата перешла за извѣстный предѣлъ, соотвѣтствіе нарушено, всякое удовольствіе исчезаетъ, начинается утомленіе, страданіе. Вотъ почему удовольствіе не можетъ быть безконечнымъ; вполнѣ понятно, что такъ какъ страданіе есть нарушеніе соотвѣтствія, то оно можетъ продолжаться сколько угодно. Взглянемъ-же, какъ вліяютъ эти неизбѣжныя явленія на счастіе человѣка. Очевидно, что мы достигли только такого вывода: страданіе можетъ продолжаться до безконечности, а наслажденіе не можетъ. Это обстоятельство можетъ быть весьма непріятнымъ для какого либо отчаяннаго оптимиста, кромѣ того, оно указываетъ на необходимость создать себѣ разумную схему счастія (волевой контроль), но еще не даетъ никакого права рѣшать, какъ бываетъ въ дѣйствительности, ибо мы знаемъ, что хотя страданіе и можетъ продолжаться до безконечности, но что человѣкъ умѣетъ его прекращать. Съ другой стороны мы знаемъ, что, комбинируя разные роды дѣятельности, затѣмъ дѣятельность и покой, можно создать непрерывную цѣпь удовольствій, гдѣ за окончаніемъ одного удовольствія начинается другое. Итакъ, мы пришли только къ тому выводу, что существуютъ двѣ противоположныя возможности; но осуществима-ли которая нибудь изъ нихъ, на это долженъ отвѣтить подробный анализъ.

Другимъ пагубнымъ для насъ обстоятельствомъ является, по мнѣнію Гартмана, «непродолжительность удовлетворенія, которое проносится какъ мгновеніе, между тѣмъ какъ неудовлетвореніе длится столько-же, сколько времени заявляетъ о себѣ воля» [1]). Собственно говоря, я могъ-бы пройти этотъ пунктъ молчаніемъ, ибо это простой выводъ изъ отвергнутой нами Шопенгауэръ-Гартмановской теоріи наслажденія. Но такъ какъ это мнѣніе весьма распространено даже среди тѣхъ, которые никогда и не слыхали имени Эдуарда Гартмана, такъ какъ мысль, что всякая вещь намъ пріятна только до тѣхъ поръ, пока мы стремимся ее

[1]) l. c. стр. 272 (см. гл. 2).

получить, и тотчасъ-же теряетъ всякую пріятность, лишь только мы достигнемъ своего, такъ какъ, повторяю, такія или подобныя мнѣнія весьма распространены, то я не счелъ возможнымъ пройти совершеннымъ молчаніемъ это мнѣніе Гартмана. Долго останавливаться на немъ не буду, ибо нѣсколько ниже придется довольно подробно говорить о томъ-же самомъ. Теперь довольно будетъ только аппелировать къ фактамъ, указать на существованіе весьма многихъ наслажденій, имѣющихъ значительную продолжительность. Мы можемъ наслаждаться чтеніемъ книги, музыкою, дружескою бесѣдою втеченіе нѣсколькихъ часовъ безъ перерыва, какая либо прогулка можетъ длиться цѣлый день и цѣлый день быть только источникомъ удовольствія. Такіе факты многочисленны, ихъ припомнитъ всякій.

Руководясь вышеизложенными соображеніями, Гартманъ приходитъ къ выводу, что хотя положительныя удовольствія теоретически возможны, однако, на практикѣ они почти не встрѣчаются: на практикѣ почти всѣ удовольствія отрицательны. Мы уже видѣли, въ какомъ безвыходномъ положеніи очутились и Шопенгауэръ, и Гартманъ, лишь только имъ пришлось объяснять причину существованія такихъ удовольствій, которыя не были куплены цѣною предшествовавшихъ страданій. Теперь интересно взглянуть, какъ они объясняютъ удовольствіе, испытываемое человѣкомъ вслѣдствіе прекращенія страданія, т. е., тѣ удовольствія, которыя они называютъ отрицательными. Шопенгауэръ выражается вполнѣ ясно; онъ говоритъ: «Мы чувствуемъ боль, но не безболѣзненность; мы чувствуемъ заботу, но не беззаботность; страхъ, но не безопасность. Мы чувствуемъ желаніе, подобно тому, какъ чувствуемъ голодъ и жажду; но лишь только оно исполнено, съ нимъ случается тоже, что съ пріятнымъ кусочкомъ, который перестаетъ существовать для нашего чувства въ тотъ самый моментъ, когда проглатывается. Прекращеніе нашихъ радостей и наслажденій тотчасъ-же мучительно нами ощущается, но отсутствіе страданій не замѣчается нами непосредственно даже и тогда, когда эти страданія прекращаются послѣ продолжительнаго существованія, и только въ крайнемъ случаѣ мы произвольно вызываемъ воспоминаніе о нихъ

посредствомъ рефлексіи. Ибо только страданіе и нужда ощущаются нами положительно, и такимъ образомъ даютъ о себѣ знать; благосостояніе, напротивъ, есть чисто отрицательное явленіе. Поэтому-то мы и не замѣчаемъ трехъ величайшихъ благъ жизни: здоровья, молодости и свободы, пока мы ими обладаемъ, но оцѣниваемъ ихъ лишь тогда, когда теряемъ ихъ: ибо и они отрицанія» [1]).

«Что дни нашей жизни были счастливы, мы замѣчаемъ только тогда, когда они смѣняются несчастными днями» [2]). Эти слова вполнѣ опредѣленны; это—прямое отрицаніе существованія удовольствія, ибо «только страданіе и нужда ощущаются нами положительно», «благосостояніе, напротивъ, есть чисто отрицательное явленіе». Такимъ образомъ, прилагая къ удовольствію эпитетъ «отрицательное», Шопенгауэръ придавалъ этому эпитету смыслъ: несуществующее. Поэтому онъ поступилъ вполнѣ послѣдовательно, когда вслѣдъ за Петрарки провозгласилъ: Mille piacer non vagliono un tormento, ибо, конечно, и тысяча нулей, всетаки, не болѣе, какъ нуль. Гартманъ не рѣшается идти такъ далеко, хотя у него по этому вопросу встрѣчаются какъ бы колебанія: то онъ, повидимому, приближается къ Шопенгауэру, то признаетъ и за удовольствіемъ, возникшимъ вслѣдствіе прекращенія страданія, извѣстную положительную цѣнность.

Попытаемся теперь опредѣлить съ нашей точки зрѣнія цѣнность удовольствій, возникающихъ вслѣдствіе прекращенія страданія. Шопенгауэръ смѣшиваетъ два совершенно различные процесса: прекращеніе страданія и возникновеніе удовольствія; то правда, что прекращеніе страданія намъ пріятно, но отсюда не слѣдуетъ, что удовольствіе, испытываемое нами при этомъ, обозначаетъ только прекращеніе страданія. Дѣло въ томъ, что условія возникновенія страданія и удовольствія діаметрально противоположны, такъ что только послѣ прекращенія состоянія, обусловливающаго страданіе, можетъ образоваться состояніе, необходимое

---

[1]) Это утвержденіе повторяется вновь Гартманомъ; читатель ниже найдетъ наше возраженіе на него.

[2]) Arthur Schopenhauer's Sammtliche Werke. Dritter Band. S. 659—660. Leipzig. 1873.

для возникновенія удовольствія. И удовольствіе это испытывается вовсе не потому, что мы сравниваемъ наше теперешнее состояніе съ недавно бывшимъ, какъ это думаетъ Гартманъ: подобное идеальное воспроизведеніе былого страданія можетъ только усилить наше удовольствіе, которое, однако, возникаетъ помимо нашей воли и представленія и имѣетъ чисто физическую основу. Мы работаемъ до изнеможенія· мы испытываемъ страданіе; прекращеніе работы будетъ пріятно, не потому только, что прекратилось страданіе, но еще болѣе потому, что возникло состояніе, обусловливающее удовольствіе. Чрезмѣрная трата—физическая основа страданія—замѣнилась теперь умѣреннымъ накопленіемъ,—физической основой удовольствія. Хотя эти состоянія противоположны другъ другу, но ни одно изъ нихъ не является простымъ отрицаніемъ другого. Относительно удовольствія это можно доказать тѣмъ, что если мы прекратимъ работу ранѣе, чѣмъ наступитъ утомленіе, то и тогда мы испытаемъ удовольствіе; хотя оно будетъ менѣе интенсивно, но это потому, что самый процессъ возстановленія будетъ меньшимъ.

Весьма важно опредѣлить, чѣмъ обусловливается величина удовольствія, возникающаго послѣ прекращенія страданія. Мы видѣли, что удовольствіе имѣетъ чисто физическую основу: умѣренное накопленіе послѣ предшествовавшей чрезмѣрной траты, или же умѣренную трату послѣ предшествовавшаго излишняго накопленія; изъ этого очевидно, что въ каждомъ данномъ случаѣ удовольствіе будетъ тѣмъ больше, чѣмъ долѣе трата (или накопленіе) можетъ продолжаться, не дѣлаясь чрезмѣрной тратой (или накопленіемъ). А это зависитъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, отъ того, какъ велико было предшествовавшее чрезмѣрное накопленіе (или трата); во-вторыхъ, отъ того, какъ широки предѣлы нормальной умѣренной траты (или накопленія) для даннаго органа. Если у даннаго индивида данный органъ въ данный періодъ его развитія долженъ совершить трату (или накопленіе), равную А, для того, чтобы перейти отъ одного предѣла умѣренной траты (или накопленія) къ другому предѣлу, и если онъ, не остановившись на этомъ крайнемъ предѣлѣ умѣренной траты (или накопленія), продолжитъ ее (его) еще на величину В, то очевидно,

что A+B будетъ величиною послѣдующаго пріятнаго накопленія (или траты). Одно изъ слагаемыхъ этой суммы (B), обозначающее теперь величину пріятнаго накопленія (или траты), въ предшествовавшій моментъ обозначало величину непріятной чрезмѣрной траты (или накопленія), такъ что, слѣдовательно, эта часть удовольствія пропорціональна предшествовавшему страданію. Зато, другое слагаемое (A) вполнѣ независимо отъ предшествовавшаго страданія, и даже можетъ существовать, хотя бы никакое страданіе ему не предшествовало.

Но въ удовольствія и страданія входитъ еще идеальный моментъ: идеальное переживаніе прошедшихъ и будущихъ удовольствій и страданій. Это положеніе можно иллюстрировать безчисленными примѣрами. Каждому извѣстно радостное чувство предвкушенія будущихъ удовольствій; оно можетъ совпасть или съ реальнымъ удовольствіемъ и, такимъ образомъ, усилить его, или же съ реальнымъ страданіемъ, которое оно болѣе или менѣе парализуетъ. Такъ, напр., радость свиданія послѣ долгой разлуки съ любимымъ человѣкомъ можетъ быть значительно усилена сознаніемъ, что отнынѣ этотъ человѣкъ навсегда останется близъ насъ, т. е., предвкушеніемъ будущихъ радостей; съ другой стороны, тоска по отсутствующемъ другѣ можетъ значительно умѣряться надеждою на скорое свиданіе, т. е. предвкушеніемъ радостей свиданія. «Интенсивныя формы печали и огорченія, говоритъ Спенсеръ, которыя причиняются разрывомъ... интимныхъ человѣческихъ отношеній, не должны быть включены въ число эмоціональныхъ алканій; онѣ происходятъ вслѣдствіе представленія себѣ будущаго, въ которомъ такія алканія никогда уже не будутъ удовлетворены» [1]).

Возвращаясь къ нашему вопросу, мы можемъ, слѣдовательно, сказать, что величина удовольствія, получаемаго вслѣдствіе прекращенія страданія, есть, говоря языкомъ математиковъ, функція отъ двухъ перемѣнныхъ; одно перемѣнное это—физическая основа нашихъ чисто реальныхъ удовольствій, другое—идеальный моментъ. Здѣсь лежитъ причина громадной разницы между блѣд-

[1]) Спенсеръ. Основ. психол., т. I, стр. 282.

нымъ, тупымъ и скоропреходящимъ удовольствіемъ, получаемымъ вслѣдствіе прекращенія чисто физическаго страданія, напр., зубной боли, и бурною, живою, продолжительною радостью послѣ избавленія отъ нравственныхъ страданій.

Перейдемъ теперь къ ученію Гартмана о коэффиціентахъ. Хотя Гартманъ, какъ мы знаемъ, отвергаетъ мнѣніе Шопенгауэра, что «никогда и никакая степень наслажденія не можетъ уравновѣсить страданіе» [1]), но онъ, всетаки, утверждаетъ, что страданіе и удовольствіе не равноцѣнны. Посмотримъ, какъ онъ доказываетъ свою мысль. Кто имѣетъ понятіе о строгихъ научныхъ доказательствахъ, тотъ, конечно, будетъ ожидать, что Гартманъ для рѣшенія такого важнаго вопроса сдѣлаетъ самое тщательное изслѣдованіе. Но онъ жестоко ошибется. Гартманъ говоритъ просто: «Если я могу выбирать или ничего не слушать, или же сперва втеченіе пяти минутъ слушать дисгармоническіе звуки, а потомъ втеченіе пяти минутъ хорошую музыку... то я рѣшусь ничего не слышать... даже и тогда, когда мнѣ слѣдующія одни за другими ощущенія недовольства и удовольствія казались бы равными по степени» [2]). Вотъ и все доказательство! Это—одинъ изъ лучшихъ примѣровъ того непростительнаго легкомыслія, съ которымъ Гартманъ обыкновенно трактуетъ о вещахъ первой важности. Просто является непонятнымъ, какъ въ Германіи, странѣ столь ученой, гдѣ множество ученыхъ, въ числѣ которыхъ есть такіе, какъ Веберъ, Фехнеръ, Вундтъ, изыскиваютъ самые точные психологическіе методы, спорятъ о самыхъ малѣйшихъ неточностяхъ этихъ методовъ; — какъ въ этой самой Германіи могъ получить широкую извѣстность и даже славу философъ, позволяющій себѣ столь легкомысленное отношеніе къ дѣлу. Прежде всего обратимъ вниманіе на слѣдующее: онъ говоритъ, что слушать сначала худую, а потомъ хорошую музыку не стоитъ, «даже и тогда, когда мнѣ слѣдующія одно за другимъ ощущенія неудовольства и удовольствія казались бы равными по степени». Повидимому, признавая «ощущенія недовольства и удовольствія» равными, Гартманъ

[1]) Филос. Безсоз. 2 т., стр. 275.

[2]) Полную выписку читатель найдетъ во 2-й главѣ, теперь-же для избѣжанія повторенія выпущены аналогичные примѣры о вкусѣ и обоняніи.

тѣмъ самымъ признаетъ, что они другъ друга вполнѣ уравновѣшиваютъ, но онъ далекъ отъ этого, и дѣлаетъ крайне странный выводъ: «отсюда я заключаю, что удовольствіе по степени должно быть замѣтно большимъ, сравнительно съ однороднымъ ему недовольствомъ, для того, чтобы на вѣсахъ сознанія соединеніе ихъ могло стать на ряду съ нулевою точкою ощущенія»[1]). Другими словами: удовольствіе должно быть замѣтно большимъ, чѣмъ недовольство для того, чтобы быть ему равнымъ! Ибо, какой же другой смыслъ можно придать выраженію: «данное удовольствіе равно данному недовольству», какъ не тотъ, что они другъ друга вполнѣ уравновѣшиваютъ. Если Гартманъ не придаетъ этому выраженію подобнаго смысла, то ему слѣдовало бы опредѣлить, что понимаетъ онъ подъ этими словами, на основаніи какого критерія онъ признаетъ данное удовольствіе равнымъ данному страданію. Онъ безъ всякой нужды раздвояетъ феноменъ чувствованія; такъ что у него страданіе и удовольствіе существуютъ сами по себѣ, а сознаніе ихъ само по себѣ; это сознаніе есть какъ бы чувство чувства. Такой взглядъ на сознаніе принадлежитъ не одному Гартману и, хотя мы его считаемъ ошибочнымъ, тѣмъ не менѣе мы не могли бы ставить его въ особенную вину Гартману, еслибы онъ показалъ какъ узналъ онъ, что страданіе и удовольствіе были равны, прежде чѣмъ вошли въ сознаніе. Въ чемъ же, однако, ошибка Гартмана? Весьма возможно, что если мы предложимъ кому либо испытать одно за другимъ совершенно равныя удовольствіе и страданіе, то онъ откажется отъ этого эксперимента; но отсюда отнюдь нельзя выводить удивительнаго заключенія, будто равныя величины не равны. Гартману слѣдовало бы заняться вопросомъ, почему человѣкъ не согласенъ на нулевую точку чувствованій. Тогда онъ, быть можетъ, увидѣлъ бы, что отказъ воспослѣдовалъ потому, что человѣкъ оцѣнивалъ желательность эксперимента не по его абсолютному достоинству, а по его отношенію къ привычному своему состоянію или къ той суммѣ удовольствія, которую онъ надѣялся получить помимо эксперимента; онъ отказался потому, что привыкъ къ положительной величинѣ удо-

[1]) Фил. Безс. стр. 275—6.

вольствія, и поэтому для него переходъ къ нулю не выгоденъ; онъ отказался потому, что надѣялся получить вмѣсто нуля положительную величину. Возьмемъ такой примѣръ: вы предлагаете человѣку какую либо коммерческую операцію; онъ отказывается, говоря, что у него есть на примѣтѣ болѣе выгодное предпріятіе. Значитъ ли, что операція, предложенная вами, сама по себѣ убыточна? Отнюдь нѣтъ; это обозначаетъ только то, что она менѣе выгодна, чѣмъ другая, и быть можетъ, другой человѣкъ съ величайшимъ удовольствіемъ согласится на ваше предложеніе.

Наконецъ, чѣмъ можетъ доказать Гартманъ, что недовольство, испытываемое при слушаніи дурной музыки втеченіе пяти минутъ, равно удовольствію, испытываемому при слушаніи хорошей музыки втеченіе слѣдующихъ пяти минутъ? Нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ мы могли бы рѣшить, равны ли эти чувствованія другъ другу или нѣтъ. Ибо здѣсь удовольствіе и недовольство зависятъ отъ великаго множества крайне сложныхъ и малоизвѣстныхъ причинъ. Начать съ того, что не всѣ хорошія музыкальныя композиціи другъ другу равны, такъ же какъ и не всякое дисгармоническое сочетаніе звуковъ одинаково непріятно; затѣмъ нужно принять во вниманіе безчисленныя индивидуальныя особенности слушающаго субъекта, настроеніе его духа въ данный моментъ, его большее или меньшее знакомство съ музыкою вообще и съ тѣмъ, что онъ слушаетъ въ частности и т. д. Между тѣмъ, Гартманъ совершенно бездоказательно признаетъ оба чувствованія равными, и на этомъ основаніи сейчасъ же строитъ свою гипотезу.

Перейдемъ теперь къ анализу первой стадіи иллюзіи. Взглянемъ какъ сводитъ Гартманъ балансъ жизни. Для этого онъ рѣшается разсмотрѣть «сумму [1]) страданій и наслажденій по каждому изъ главныхъ направленій жизни отдѣльно». Слѣдовательно, прежде всего интересно взглянуть, какъ онъ расклассифицируетъ эти «главныя направленія жизни». Всякаго безпристрастнаго человѣка съ перваго же взгляда должна поразить не-

[1]) l. c. стр. 276.

обыкновенная хаотичность классификаціи [1]) Гартманаяе пdин :-ципъ рѣшительно неуловимъ: здѣсь, наряду со «здоровьемъ и молодостью», фигурируетъ «любовь», затѣмъ мы встрѣчаемъ «безнравственность», потомъ — «зависть, недоброжелательство, досаду, сожалѣніе о прошедшемъ, раскаяніе, ненависть, месть, гнѣвъ, чувствительность (раздражительность); здѣсь есть «сонъ и сновидѣніе», и «надежда», и «влеченіе къ наживѣ», и т. д. Чѣмъ руководился Гартманъ, создавая эти рубрики? Если онъ хотѣлъ анализировать главнѣйшія направленія человѣческой дѣятельности, то зачѣмъ онъ ввелъ сюда «здоровье и молодость», «безнравственность» и др. Отсутствіе всякаго принципа въ классификаціи повело къ различнымъ упущеніямъ и повтореніямъ. Селли, напр., указываетъ (р. 241), что Гартманъ разсматриваетъ отношенія половъ дважды: разъ—въ «любви» и затѣмъ—въ «семейномъ счастіи». Можно еще указать на совершенное упущеніе удовольствій и страданій, вытекающихъ изъ общественной дѣятельности человѣка, хотя различныя общественныя отношенія многократно разсматриваются. Эта безпринципность отражается и на самомъ анализѣ и придаетъ ему какую-то неопредѣленность. Возьмемъ, напр., параграфъ о «безнравственности»; не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, выдѣлять особо безнравственность, какъ одно изъ «главныхъ направленій жизни», безнравственность не квалифицированную, такъ сказать, абстрактную. Что о ней можно сказать? Конечно, только то, что это есть нѣчто нехорошее, нѣчто, порождающее много скорби и страданія, но подвергнуть ее болѣе или менѣе точному анализу невозможно. Если мы имѣемъ какой либо квалифицированный видъ безнравственности, то можемъ попытаться опредѣлить вредныя его послѣдствія, указать на страданія, порождаемыя имъ, и на удовольствія, вытекающія изъ борьбы противъ него и побѣды надъ нимъ; но неквалифицированная безнравственность рѣшительно неуловима. Но это еще не все. Посвящая отдѣльный параграфъ неквалифицированной безнравственности, Гартманъ въ то же время не упу-

[1]) Тѣ рубрики, подъ которыми мы изложили во второй главѣ анализъ первой стадіи иллюзіи, принадлежатъ Гартману.

скаетъ случая указать на бѣдствія, вытекающія изъ разныхъ квалифицированныхъ видовъ безнравственности; такъ, напр , онъ указываетъ на случаи измѣны въ любви, на мелочныя дрязги между супругами, на «зависть, недоброжелательство» и т. п. Такимъ образомъ бѣдствія, вытекающія изъ безнравственности фигурируютъ дважды.

Разсмотримъ еще одинъ весьма характерный параграфъ гартмановскаго анализа. Я говорю о параграфѣ: «здоровье, молодость, свобода и достаточность, какъ условія нулевой точки ощущенія». Ходъ разсужденія Гартмана весьма простъ: здоровье, молодость etc. справедливо считаются величайшими благами, но они чисто отрицательны, слѣдовательно, величайшее блаженство не выше нуля. Прежде всего можно возразить, что здоровье отнюдь не есть только отрицательное благо; здоровье не обозначаетъ только отсутствія болѣз неннаго, неправильнаго отравленія нашего организма, но, сверхъ того, есть результатъ правильной функціи организма. Конечно, съ точки зрѣнія Гартмана подобное утвержденіе нелѣпо, но источникъ недоразумѣнія лежитъ именно въ этой точкѣ зрѣнія, во взглядѣ на удовольствіе какъ на удовлетворенную волю. Мы же знаемъ, что здоровое, умѣренное функціонированіе какого либо органа пріятно само по себѣ, а не потому, что оно обозначаетъ отсутствіе нездороваго, неправильнаго функціонированія. Пріятное состояніе здороваго человѣка есть, конечно, слѣдствіе правильности физико-химическихъ процессовъ, совершающихся въ нашемъ организмѣ. Слѣдовательно, здоровье есть положительное удовольствіе, связанное съ правильностью функцій нашего организма. Справедливость этихъ словъ можетъ провѣрить всякій, если не на себѣ, то на комъ либо другомъ; впрочемъ, самые характерные примѣры мы найдемъ у животныхъ; это потому, что весьма рѣдко можно найти человѣка, который бы былъ только молодъ и здоровъ, у котораго не было бы никакихъ цѣлей, стремленій или заботъ. Взгляните на молодое, здоровое животное; откуда эта безпричинная веселость и рѣзвость? Надѣюсь, это не есть слѣдствіе радостнаго сознанія отсутствія старости и болѣзни. Нѣтъ; это—выраженіе положительнаго удовольствія, испытываемаго животнымъ вслѣдствіе правильности его жизненныхъ про-

цессовъ. И человѣкъ испытываетъ то же; всякій, наслаждавшійся втеченіе своего дѣтства и молодости продолжительнымъ здоровьемъ, вспомнитъ, вѣроятно, минуты, когда ему безъ всякой видимой причины было весело и радостно. И такъ, не правъ Гартманъ, утверждая, что здоровье и молодость есть только отсутствіе страданій, связанныхъ со старостью и болѣзнію. Но пойдемъ дальше. Гартманъ весьма ловко играетъ выраженіемъ «величайшее благо»; собственно говоря, на двусмысленности этого выраженія построена вся его аргументація. Если всякій согласится признать вмѣстѣ съ Гартманомъ, что здоровье etc. есть величайшее благо въ томъ смыслѣ, что безъ него невозможно счастіе, то изъ этого еще не значитъ, что всѣ думаютъ, будто здоровье приноситъ величайшую сумму наслажденія. Если всѣ согласны, что грамотность есть первѣйшее условіе образованности и учености, то изъ этого не слѣдуетъ, будто всѣ считаютъ грамотность высшимъ проявленіемъ образованности и учености. Такимъ образомъ, если бы Гартману даже и удалось доказать, что здоровье не есть положительное благо, то и тогда онъ немного бы выигралъ, ибо изъ этого только слѣдовалъ бы тотъ выводъ, что обладаніе необходимыми условіями счастія еще само по себѣ не есть счастіе, но этимъ отнюдь не подрывалось бы достоинство другихъ элементовъ счастія.

Въ этомъ-же параграфѣ мы встрѣчаемся съ весьма характернымъ аргументомъ Гартмана. Доказывая, что матеріальная обезпеченность не есть положительное благо, онъ говоритъ, что если-бы эта обезпеченность была положительнымъ благомъ, тогда ея одной было-бы достаточно для нашего счастія; «но на дѣлѣ совсѣмъ не такъ: обезпеченное состояніе есть мука, если оно не наполнено. Эта мука обнаруживается въ скукѣ»[1]). Что скука дѣйствительно часто сопровождаетъ сытое бездѣйствіе, этого оспаривать я не стану; но весь вопросъ въ томъ, что порождаетъ эту скуку. Шопенгауэръ-Гартмановское объясненіе происхожденія скуки таково: пока существуетъ неудовлетворенная воля, мы страдаемъ, въ моментъ удовлетворенія воли мы наслаждаемся;

[1]) l. c. стр. 278—9.

затѣмъ или сейчасъ-же воля вновь возбуждается, а слѣдовательно, получается новое страданіе, или воля вновь не возбуждается—и мы скучаемъ. Скука, слѣдовательно, есть своего рода безвольное состояніе, и чѣмъ она отличается отъ того блаженнаго безвольнаго состоянія, которое проповѣдуется Шопенгауэромъ,—это мы предоставляемъ рѣшить сторонникамъ Шопенгауэра. Съ своей стороны, мы попытаемся объяснить явленіе скуки съ точки зрѣнія защищаемой нами теоріи. Прежде всего укажемъ на глубокую связь скуки и бездѣйствія. Эти два слова почти что синонимы; здѣсь связь до того ясна, что не можетъ быть и оспариваема; когда намъ говорятъ о комъ либо, что онъ рѣшительно ничего не дѣлаетъ, мы обыкновенно вполнѣ естественно замѣчаемъ: и какъ ему не скучно! Самъ Гартманъ признаетъ трудъ могущественнымъ лѣкарствомъ отъ скуки, а бездѣйствіе—условіемъ скуки, но онъ не дѣлаетъ дальнѣйшихъ выводовъ изъ этого положенія. А выводъ весьма простъ: мы имѣемъ полное право причислить скуку къ разряду страданій, происходящихъ отъ недостаточной дѣятельности или полнаго бездѣйствія. Слѣдовательно, весь вопросъ заключается только въ томъ, бездѣйствіе какого органа порождаетъ скуку? При внимательномъ разсмотрѣніи различныхъ проявленій скуки, нельзя не замѣтить, что расположеніе къ ней увеличивается вмѣстѣ съ развитіемъ интеллектуальности. Животныя почти что не подвержены скукѣ, хотя болѣе развитыя между ними, какъ, напримѣръ, собаки, иногда скучаютъ. Неразвитые люди гораздо труднѣе поддаются скукѣ, чѣмъ развитые. Затѣмъ, если мы обратимся къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ проявленій скуки, то всегда найдемъ, что скучающій субъектъ былъ лишенъ какой либо болѣе или менѣе привычной умственной дѣятельности. Пусть только читатель не думаетъ, что подъ умственной дѣятельностью слѣдуетъ непремѣнно понимать книжныя, научныя занятія; нѣтъ, не только дѣятельность адвоката, купца и т. п. требуетъ болѣе или менѣе значительной интеллектуальной работы, но даже простая свѣтская болтовня есть своего рода умственная дѣятельность. Человѣкъ, болѣе или менѣе привыкшій къ какой нибудь умственной дѣятельности, получаетъ удовольствіе отъ умѣренной работы въ этой сферѣ; про-

должительная бездѣятельность здѣсь для него непріятна — онъ скучаетъ. Передъ его воображеніемъ рисуются пріятныя картины излюбленной дѣятельности, но онъ не можетъ мечту превратить въ дѣйствительность.

Теперь мы видимъ, почему сытое довольство часто соединено со скукою; потому, что у человѣка существуетъ не одна только потребность быть сытымъ, потому, что человѣкъ еще не вполнѣ превратился въ скота. Ошибается Гартманъ, когда думаетъ, что существованіе скуки доказываетъ, что обезпеченное положеніе не есть положительное благо; нѣтъ, этимъ обнаруживается только существованіе еще другихъ потребностей, другихъ источниковъ удовольствія.

Не вдаваясь въ болѣе подробное разсмотрѣніе отдѣльныхъ частей гартмановскаго анализа первой стадіи иллюзіи, мы постараемся оцѣнить достоинство метода, положеннаго въ основу этого анализа. По нашему мнѣнію методъ Гартмана страдаетъ двумя важными недостатками. Первый недостатокъ заключается въ томъ, что Гартманъ не разсматриваетъ подробно чувствованія, сопутствующія извѣстной дѣятельности, а оцѣниваетъ только отдѣльные, произвольно выбранные моменты этой дѣятельности, онъ разсматриваетъ не самый жизненный процессъ, а тѣ внѣшнія условія, при которыхъ этотъ процессъ долженъ совершаться. Характерный примѣръ этого можно найти въ параграфѣ, озаглавленномъ: «влеченіе къ наживѣ и комфортъ». Здѣсь Гартманъ доказываетъ, что богатство само по себѣ не есть благо, что это только «волшебный жезлъ, открывающій доступъ къ всѣмъ наслажденіямъ»[1]); а такъ какъ онъ успѣлъ уже доказать, что всѣ эти наслажденія—иллюзія, то и богатство теряетъ свое значеніе. Простому матеріальному обезпеченію Гартманъ, какъ мы видѣли, придаетъ только отрицательное значеніе. Между тѣмъ, для рѣшенія вопроса о цѣнности жизни гораздо важнѣе не то, какъ велики удовольствія, доставляемыя богатствомъ или матеріальною обезпеченностью, а то, какъ велики удовольствія и страданія, вытекающія изъ стремленія человѣка къ богатству. Мы

[1]) l. c. стр. 327.

видимъ, что жизнь огромнѣйшаго большинства людей наполнена стремленіемъ обезпечить себѣ матеріальное благосостояніе; много человѣческихъ радостей и скорбей связано съ этимъ стремленіемъ. Благодаря иллюзіи или чему другому, это не важно, но огромнѣйшему большинству людей богатство кажется чѣмъ-то крайне заманчивымъ и желательнымъ; всякій шагъ впередъ на пути къ упроченію матеріальнаго благосостоянія возбуждаетъ пріятныя, радостныя эмоціи; всякая неудача на этомъ пути причиняетъ страданіе.

Взгляните на этого человѣка, онъ бѣденъ, но бодръ и энергиченъ, онъ видитъ на каждомъ шагу людей богатыхъ, живущихъ шумно и роскошно, окруженныхъ почтеніемъ и угодливостью; такая жизнь кажется ему крайне привлекательною, и онъ рѣшается, во что бы то ни стало, сдѣлаться богатымъ; положимъ, онъ пускается въ коммерческія предпріятія; благодаря его энергіи и ловкости, а также и счастливымъ случайностямъ, дѣла его пошли отлично, капиталъ его постоянно увеличивается и увеличивается. Не будетъ-ли для него пріятенъ самый этотъ процессъ возрастанія капитала, не будетъ-ли онъ сознавать, что приближается тотъ желанный часъ, когда и онъ сдѣлается богатымъ и вліятельнымъ лицемъ? Мы уже видѣли, что быть богатымъ и вліятельнымъ, по его мнѣнію, значитъ быть счастливымъ, но въ такомъ случаѣ и предвкушеніе этого счастія, и постоянное приближеніе къ нему пріятно. Замѣчу мимоходомъ, что коммерческая дѣятельность сама по себѣ, разъ она сдѣлалась привычнымъ занятіемъ, должна приносить ему удовольствіе; но мы оставимъ безъ вниманія это обстоятельство, а будемъ только настаивать на томъ фактѣ, что процессъ накопленія капитала, сознаніе постоянно увеличивающагося богатства доставляетъ значительное удовольствіе тому лицу, которое считаетъ богатство счастіемъ. Но пойдемъ далѣе; нашъ негоціантъ къ концу жизни скопилъ солидное состояніе и удалился отъ дѣлъ. Пусть теперь Гартманъ поучаетъ его, что богатство само по себѣ не есть благо; онъ можетъ раціонально отвѣтить, что стремленіе къ этому богатству наполнило всю его жизнь, обезпечило ему многіе моменты наслажденія.

Быть можетъ, кто либо возразитъ мнѣ, что, во-первыхъ, далеко не всѣ люди бываютъ такъ счастливы, что успѣваютъ сдѣлаться богатыми, а во-вторыхъ, что и въ жизни тѣхъ немногихъ счастливцевъ, которымъ это удается, есть много черныхъ страницъ, много печалей и горестей, такъ что еще вопросъ, перевѣшиваетъ ли у нихъ страданіе или удовольствіе. Подобное возраженіе, не смотря на всю его видимую силу, ничего не опровергаетъ, ибо оно есть результатъ недоразумѣнія. Для меня не важенъ вопросъ, доставляетъ-ли стремленіе къ богатству излишекъ страданія или удовольствія; нѣтъ, я только доказываю, что для составленія правильнаго сужденія о значеніи богатствъ въ жизни человѣка нужно обращать вниманіе главнымъ образомъ не на тѣ удовольствія и страданія, которыя вытекаютъ изъ обладанія богатствомъ, а на тѣ, которыя сопутствуютъ стремленію человѣка къ богатству. Пусть мнѣніе о счастіи богатыхъ нелѣпо, но если человѣку удалось достигнуть богатства, и если самый процессъ созиданія богатства въ общей сложности былъ пріятенъ, то, все-таки, жизнь этого человѣка была наполнена пріятною дѣятельностью, была, слѣдовательно, счастлива. Онъ увидитъ, что ошибся въ своемъ предположеніи, будто богатство приноситъ счастіе, и это повліяетъ на дальнѣйшій ходъ его жизни, но цѣнность всей прошлой жизни отъ этого ни мало не измѣнится. Впадетъ-ли человѣкъ въ апатію и объявитъ, что все на свѣтѣ суета суетъ, или, напротивъ, поставитъ себѣ какую-либо новую цѣль и будетъ къ ней стремиться, это зависитъ отъ многихъ постороннихъ обстоятельствъ: отъ интеллигентности даннаго субъекта, его лѣтъ, пластичности характера и т. д., но это уже совершенно посторонній вопросъ. Въ развитіи индивидуума мы видимъ массу аналогичныхъ примѣровъ. Дитя тѣшится какою нибудь мечтою; положимъ, оно надѣется, выросши, отправиться въ Африку и быть вторымъ Ливингстономъ. Для оцѣнки значенія этой мечты въ жизни ребенка, отнюдь не важно знать, пріятна или непріятна жизнь въ Африкѣ, а нужно только рѣшить, доставляетъ-ли эта мечта ребенку удовольствіе. Выросши, онъ прекрасно увидитъ, что жизнь Ливингстона не такова, какою онъ себѣ ее воображалъ, онъ броситъ несбыточную мечту и найдетъ другія цѣли въ жизни. И въ

юности человѣкъ часто ставитъ себѣ задачи, которыя потомъ отбрасываетъ, какъ нелѣпыя, но преслѣдованіе этихъ задачъ, все-таки, можетъ ему обезпечить счастіе втеченіе извѣстнаго періода жизни.

Наконецъ, нужно обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, которое рѣшительно говоритъ въ нашу пользу. Всѣмъ извѣстно, что только весьма незначительное количество людей могутъ быть названы не только богатыми, но даже просто обезпеченными. Гартманъ самъ указываетъ на это обстоятельство. Между тѣмъ нельзя оспаривать, что огромное большинство людей одною изъ главнѣйшихъ цѣлей своей жизни ставитъ именно достиженіе матеріальнаго благосостоянія. Слѣдовательно, въ то время, какъ вопросъ о томъ, доставляетъ ли обладаніе богатствомъ удовольствіе, важенъ для сужденія о цѣнности жизни только самой ничтожной горсти людей, другой вопросъ, а именно, вопросъ о томъ, доставляетъ ли стремленіе къ матеріальному благосостоянію страданіе или удовольствіе, важенъ для сужденія о цѣнности жизни почти всѣхъ людей. Мы видѣли, что удовольствія и страданія соотвѣтствуютъ извѣстнаго рода дѣятельности организма. Гартманъ не признаетъ этого положенія, и это—причина его заблужденія въ данномъ случаѣ. Обладаніе богатствомъ, какъ нѣчто неподвижное, неизмѣнное, не можетъ быть само по себѣ источникомъ удовольствія (исключеніе составляютъ скупцы, но тутъ вмѣшиваются постороннія обстоятельства). Богатство можетъ быть разсматриваемо только съ двухъ точекъ зрѣнія: или какъ процессъ накопленія богатства, или какъ утилизація накопленнаго. Такъ какъ утилизація накопленнаго богатства совпадаетъ уже съ другими дѣятельностями (ѣда, развлеченія и т. п.), то, слѣдовательно, при анализѣ богатства почти единственнымъ объектомъ долженъ служить процессъ накопленія богатства. А его-то именно Гартманъ и выпустилъ изъ виду!

Непониманіе значенія дѣятельности въ жизни человѣка и обращеніе исключительнаго вниманія на внѣшнія условія жизни дѣлаютъ весь Гартмановскій анализъ ошибочнымъ. Гартману кажется, что если онъ указалъ на существованіе какой либо враждебной человѣку силы, то этимъ самымъ онъ доказалъ существо-

ваніе извѣстнаго количества страданія. Между тѣмъ, весь вопросъ заключается не въ томъ, существуетъ ли на нашемъ пути извѣстное препятствіе, а въ томъ, какъ наша дѣятельность отнесется къ нему: быть можетъ, борьба противъ него сдѣлается только источникомъ удовольствія, вслѣдствіе пріятнаго упражненія нашихъ силъ и успѣшности окончанія. Въ данномъ случаѣ Гартманъ составляетъ полнѣйшую противоположность Дюрингу. Вспомнимъ тѣ замѣчательныя, блестящія страницы, гдѣ Дюрингъ указываетъ на борьбу, какъ на источникъ нашихъ радостей, гдѣ онъ говоритъ, что даже неизбѣжность гибели не можетъ отнять у бурной жизни ея прелести. У Дюринга мы видимъ живаго человѣка, который энергически борется и въ самой борьбѣ находитъ наслажденіе; у Гартмана человѣкъ, лишенный воли и предпріимчивости, обставленъ всѣми ужасами, которые онъ можетъ встрѣтить на пути, если захочетъ быть дѣятельнымъ.

До какой степени непонятны Гартману удовольствія, вытекающія изъ дѣятольности, можно прекрасно иллюстрировать его анализомъ научныхъ и эстетическихъ наслажденій. Здѣсь онъ придаетъ положительную цѣнность только состоянію экстаза, въ который изрѣдка впадаютъ артисты и ученые, но обыденную, повседневную дѣятельность, связанную съ этими профессіями, онъ считаетъ тягостью. «Извѣстно, что мастера не съ неба падаютъ» [1]), говоритъ онъ; нужна, слѣдовательно, продолжительная подготовка, а это, въ глазахъ Гартмана, уже великое зло. Конечно, нельзя утверждать, что усиленныя занятія ученыхъ являются сплошною, безъоблачною радостью; конечно, часто ихъ занятія бываютъ болѣе продолжительны, чѣмъ бы имъ хотѣлось, но, я думаю, невозможно оспаривать, что въ общемъ счетѣ эти занятія, это приготовленіе, чтобы сдѣлаться мастеромъ, дастъ значительный перевѣсъ удовольствія. Это подтверждаютъ факты.

Чѣмъ иначе объяснить, что люди безъ всякихъ постороннихъ причинъ страстно отдаются наукѣ или искусству. Быть можетъ, Гартманъ скажетъ, что они дѣлаютъ это для избѣжанія бездѣй-

---

[1]) l. c. стр. 323.

ствія и скуки, но отъ скуки можно гарантировать себя простымъ диллетантскимъ трудомъ.

Читатель, вѣроятно, помнитъ, что Гартманъ въ числѣ причинъ, дающихъ перевѣсъ отрицательнымъ удовольствіямъ надъ положительными, упоминаетъ о «непродолжительности удовлетворенія» воли, тогда какъ неудовлетворенное ея состояніе можетъ длиться сколько угодно. Выше мы только протестовали противъ этого утвержденія, но опроверженіе его отложили до другого мѣста. Теперь легко показать, почему «удовлетвореніе» кажется Гартману проходящимъ какъ мигъ, эта ошибка вполнѣ тожественна съ только что указанными: Гартманъ не признаетъ, что «удовлетвореніе» связано съ дѣятельностью, что оно есть процессъ, а считаетъ его за единичный актъ.

Вторымъ недостаткомъ анализа Гартмана является то обстоятельство, что онъ обращаетъ исключительное вниманіе на отдѣльныя чувствованія, безъ отношенія ихъ къ общему направленію жизни. Весьма важнымъ затрудненіемъ, возникающимъ при сужденіи о вліяніи какого либо событія на счастіе человѣка, является то обстоятельство, что различные люди не одинаково воспріимчивы къ тому или иному удовольствію или страданію. То, что приноситъ одному огромное наслажденіе, можетъ другому не доставить никакого удовольствія; страданія и удовольствія различныхъ людей весьма не сходны между собою какъ въ количественномъ отношеніи, такъ и по качеству. Здѣсь идетъ рѣчь не о различной воспріимчивости къ страданію и удовольствію вообще, т. е., не о томъ, что Селли называетъ счастливымъ и несчастнымъ темпераментомъ, а только о не одинаковой воспріимчивости различныхъ людей къ разнымъ спеціальнымъ видамъ удовольствія и страданія. Человѣкъ съ несчастнымъ темпераментомъ будетъ вообще чувствовать всякое страданіе сильнѣе, а всякое наслажденіе слабѣе, чѣмъ человѣкъ, одаренный счастливымъ темпераментомъ. Но объ этомъ различіи темпераментовъ будемъ говорить впослѣдствіи, а теперь мы только указываемъ на тотъ фактъ, что изъ двухъ людей одинъ можетъ находить большое наслажденіе въ томъ, въ чемъ другой не найдетъ никакого удовольствія, зато, въ другомъ случаѣ онъ можетъ остаться индифферентнымъ тамъ,

гдѣ другой будетъ наслаждаться. То же замѣчаемъ мы и по отношенію къ страданію: къ тому событію, вслѣдствіе котораго одинъ человѣкъ страдаетъ, другой отнесется вполнѣ равнодушно; и наоборотъ. Повидимому, эти явленія ставятъ неопреодолимое препятствіе составленію правильнаго сужденія о цѣнности жизни. Какъ свести общій балансъ жизни, когда его отдѣльные ингредіенты такъ неопредѣленны! Гартманъ не сдѣлалъ никакой попытки для устраненія этого затрудненія: его анализъ вполнѣ открытъ подобному возраженію. И это потому, что онъ всегда разсматриваетъ отдѣльныя чувствованія какъ нѣчто самостоятельное, вмѣсто того, чтобы разсматривать ихъ только въ связи съ ихъ постоянными источниками.

Если мы захотимъ разъяснить происхожденіе такой спеціальной чувствительности людей къ тому или иному роду чувствованій, то сейчасъ же замѣтимъ, что въ основѣ этого явленія лежатъ двѣ причины. Во-первыхъ, нельзя не признать, что унаслѣдованная нами организація дѣлаетъ насъ болѣе чувствительными и воспріимчивыми въ одномъ направленіи, чѣмъ въ другомъ; во-вторыхъ, такое же значеніе имѣютъ упражненія, большая или меньшая привычка къ извѣстнаго рода чувствованіямъ. Мы можемъ оставить безъ вниманія врожденное предрасположеніе, и вотъ на какихъ основаніяхъ: во-первыхъ, потому, что это весьма мало разработанный вопросъ; во-вторыхъ, потому, что если врожденное предрасположеніе приведетъ человѣка къ соотвѣтствующему образу жизни, то организація и привычка будутъ вліять въ одномъ и томъ же направленіи; если же человѣкъ подавитъ свои наклонности и изберетъ образъ жизни, при которомъ имъ не будетъ достаточнаго упражненія, то врожденная спеціальная чувствительность мало-по-малу притупится.

Каждый человѣкъ имѣетъ извѣстную опредѣленную сферу дѣятельности, въ которой главнымъ образомъ вращаются его мысли и чувства. Эту сферу мы будемъ называть цѣлью жизни. Подъ этимъ выраженіемъ никоимъ образомъ не слѣдуетъ непремѣнно понимать строго обдуманнаго и разсчитаннаго плана жизни; не слѣдуетъ даже полагать, будто эта цѣль жизни всегда сознается; нѣтъ, это просто главная сфера, въ которой сознательно или без-

сознательно, обдуманно или необдуманно вращаются наши мысли и чувства. У человѣка, испытывающаго нужду и лишенія, въ большинствѣ случаевъ, главною цѣлью, сознательно или безсознательно, является стремленіе освободиться отъ нужды; это значитъ, что въ этомъ направленіи главнымъ образомъ сосредоточены его мысли, здѣсь лежитъ главный источникъ его страданій и удовольствій; онъ, конечно, будетъ испытывать удовольствія и страданія, исходящія изъ иной сферы, но тамъ его чувствительность будетъ далеко слабѣе: къ страданіямъ онъ не будетъ особенно чувствителенъ, на удовольствія будетъ часто смотрѣть, какъ на забаву. Среди тѣхъ людей, у которыхъ забота о матеріальныхъ средствахъ не составляетъ главной цѣли, всегда также существуетъ извѣстная излюбленная сфера дѣятельности. Опредѣляется ли то врожденными способностями, или воспитаніемъ и соціальнымъ положеніемъ, но всегда мы замѣчаемъ, что человѣкъ обнаруживаетъ спеціальную чувствительностъ въ извѣстной сферѣ и сравнительную безчувствительность въ остальныхъ. Даже у такихъ людей, которые, повидимому, не имѣютъ никакой сферы дѣятельности, никакихъ занятій и стремленій, какъ, напр., это мы видимъ у свѣтскихъ барынь, даже здѣсь, очевидно, есть извѣстная спеціальная сфера чувствованій, которая развита особенно тонко.

Взгляните на крестьянина, купца, ученаго, государственнаго человѣка и свѣтскаго льва. Развѣ есть какая либо возможность свести общій балансъ жизни для всѣхъ этихъ разнородныхъ профессій? Если каждый изъ нихъ испытываетъ всѣ удовольствія и страданія, присущія человѣку (что, какъ извѣстно, далеко не всегда бываетъ), то, всетаки, величина этихъ чувствованій и отношеніе составныхъ ихъ частей будутъ безконечно разнообразны Никакое единичное ощущеніе не можетъ быть оцѣнено само по себѣ, безъ отношенія къ цѣлому ряду предшествовавшихъ и послѣдующихъ чувствованій; только въ связи съ ними оно получаетъ смыслъ и значеніе. Возьмемъ самый крайній примѣръ, въ которомъ отдѣльныя чувствованія, повидимому, пользуются наибольшею самостоятельностью. Разберемъ ощущеніе голода. Конечно, извѣстныя мѣстныя ощущенія одинаковы у всѣхъ голодающихъ людей; но развѣ, въ конечномъ

счетѣ, одинаковы ощущенія скупца, который живетъ впроголодь ради накопленія богатствъ, и бѣдняка, который голодаетъ, потому что ему нечего ѣсть? Непріятное ощущеніе голода у одного подавляется сознаніемъ, что это ведетъ къ обогащенію, къ достиженію излюбленной цѣли, тогда какъ у бѣдняка къ чувству голода присоединяется только сознаніе безпомощности, безъисходности положенія, сознаніе, что до конца жизни ему и его семьѣ прійдется голодать. А, вѣдь, для сужденія о цѣнности жизни намъ важны именно эти конечные результаты. Подавить свое страданіе или горе значитъ не ощущать его; если ощущенія голода у скупца и бѣдняка одни и тѣже, то, за то, ихъ страданія далеко не одинаковы. Во всѣхъ другихъ областяхъ чувствованій эта подчиненность единичныхъ чувствованій общему ряду чувствованій выступаетъ еще рельефнѣе. Въ примѣрѣ скупца мы видѣли, какъ непріятное ощущеніе подавляется сознаніемъ его полезности. Но есть другіе случаи гораздо болѣе важные для нашей цѣли, гдѣ два человѣка страдаютъ или наслаждаются неодинаково просто вслѣдствіе сравнительной невоспріимчивости одного изъ нихъ къ данному виду чувствованій. Каждой профессіи, каждому соціальному положенію соотвѣтствуетъ преимущественное развитіе той или иной сферы чувствованій; здѣсь чувство получаетъ необычайное развитіе, какъ по обширности, такъ и по глубинѣ и тонкости; спеціалисту доступны такіе необыкновенно тонкіе оттѣнки чувства, передъ которыми рѣшительно становится въ тупикъ профанъ; онъ крайне чувствителенъ и воспріимчивъ не только къ своимъ страданіямъ и удовольствіямъ, вытекающимъ изъ его спеціальной сферы, но и къ такимъ же чувствованіямъ другихъ людей, его сотоварищей по профессіи или соціальному положенію; тогда какъ къ страданіямъ и удовольствіямъ другихъ лицъ онъ будетъ сравнительно равнодушенъ. Возьмите ученаго и плантатора; положимъ, что ихъ обоихъ постигло бѣдствіе: у одного пропали его замѣтки, которыя онъ собиралъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, у другого выдохъ скотъ. Могутъ ли они вполнѣ понять и оцѣнить несчастія другъ друга? Конечно, нѣтъ. Если ученый сообщитъ о своемъ несчастіи товарищу по профессіи, тотъ до тонкости пойметъ душевное состояніе своего коллеги; тоже самое

случится, когда плантаторъ подѣлится своимъ горемъ съ другимъ плантаторомъ. Но ученый и плантаторъ могутъ понять другъ друга, только сойдя на какую нибудь общую почву; ученый пойметъ, что плантаторъ потерялъ извѣстную цѣнность, сдѣлался бѣднѣе, что извѣстное количество его труда погибло; плантаторъ тоже пойметъ только-то, что трудъ ученаго пропалъ даромъ. Слѣдовательно, только на общей почвѣ труда они могутъ понять нѣсколько другъ друга; но какъ слабо будетъ это пониманіе, сравнительно съ пониманіемъ того,кто знаетъ всѣ детали этого труда, всѣ треволненія, всѣ надежды и огорченія, связанныя съ нимъ. Понятно, что я не отвергаю возможности соединенія въ одномъ лицѣ стремленій къ двумъ или еще больше цѣлямъ, но, во-первыхъ, число этихъ жизненныхъ цѣлей никогда не можетъ быть значительнымъ, во-вторыхъ, насколько одно стремленіе овладѣваетъ человѣкомъ; настолько другое въ немъ ослабѣваетъ: человѣкъ, который стремился къ двумъ цѣлямъ и потерпѣлъ въ одной изъ нихъ неудачу, никогда не прійдетъ въ такое отчаяніе, въ какое пришелъ бы онъ, будь это его единственная цѣль жизни. Въ этомъ лежитъ причина, почему всѣ истинные философы и ученые легче другихъ переносятъ невзгоды жизни. Здѣсь происходитъ, слѣдовательно, борьба между двумя цѣлями жизни, и чѣмъ сильнѣе развивается воспріимчивость къ одному роду чувствованій, тѣмъ слабѣе становится другой родъ; слѣдовательно, здѣсь, собственно говоря, нѣтъ рѣзкаго перехода къ тому случаю, когда человѣкъ преданъ исключительно одной цѣли.

Вліяніе цѣлей жизни на счастье человѣка громадно; соотвѣтственно съ ними вырабатывается спеціальная воспріимчивость человѣка къ тому или другому роду чувствованій; ими въ значительной степени опредѣляется количество и качество удовольствій и страданій, выпадающихъ на долю человѣка. Ничѣмъ инымъ какъ различіемъ цѣлей жизни объясняются такія явленія, что одинъ человѣкъ упивается тѣми радостями, на которыя другой смотритъ съ двусмысленной улыбкой, что одинъ трепещетъ отъ ужаса передъ такимъ событіемъ, на которое другой едва обратитъ вниманіе. Между тѣмъ, Гартманъ въ своемъ анализѣ не обращаетъ никакого вниманія на это разнообразіе человѣческихъ на-

клонностей. Хотя онъ и ставитъ себѣ задачею разсмотрѣть «сумму страданій и наслажденій по каждому изъ главныхъ направленій жизни»[1]), но эти «направленія» не слѣдуетъ смѣшивать съ цѣлями жизни: это—произвольныя рубрики, на которыя Гартманъ дѣлитъ жизнь человѣка, при молчаливомъ предположеніи, что всякій человѣкъ одинаково воспріимчивъ ко всѣмъ родамъ чувствованій. Конечно, никто не рѣшится утверждать, что «молодость», «недоброжелательство», «сожалѣніе о прошедшемъ» и другія гартмановскія рубрики можно разсматривать какъ цѣли жизни.

Если мы теперь припомнимъ указанныя нами погрѣшности гартмановскаго анализа первой стадіи иллюзіи, то легко замѣтимъ, что въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ главнымъ образомъ одна ошибка — непризнаніе того факта, что чувствованія соединены съ извѣстнаго рода дѣятельностями, что жизнь чувствъ есть связный процессъ, въ которомъ каждый отдѣльный моментъ получаетъ смыслъ и объясненіе только въ связи съ остальными. Эта ошибка помѣшала ему установить мало мальски раціональную классификацію, споспѣшествовала тому, что онъ обратилъ главное вниманіе на чисто внѣшнія условія нашей дѣятельности, а не на наше отношеніе къ этимъ условіямъ; затѣмъ, она же была причиною того, что онъ разсматривалъ отдѣльныя чувствованія, а не связный рядъ ихъ.

Таковъ результатъ критическаго разбора гартмановскаго анализа первой стадіи иллюзіи. Если только всѣ вышеприведенныя соображенія не были ошибочны, то, конечно, гартмановскій анализъ нельзя признать удачнымъ. Но каковы бы ни были его недостатки, они, по истинѣ, ничтожны передъ недостатками анализа третьей стадіи иллюзіи. Если выше мы видѣли болѣе или менѣе тщательное стремленіе опереть свои мнѣнія на фактахъ, подкрѣпить ихъ логическими доказательствами, то здѣсь мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Здѣсь Гартманъ пророчествуетъ; имѣющіе уши слышать, да слышатъ, но доводовъ пусть никакихъ не требуютъ, мало того, пусть очевидныя противорѣчія признаютъ

[1]) l. c. стр. 276.

за истину. Вотъ, напр., образчикъ гартмановскихъ пророчествъ: «Сколько бы ни находили средствъ противъ болѣзней, а все таки болѣзни.... растутъ въ быстрѣйшей прогрессіи, чѣмъ медицинское искусство» [1]); и такъ, по его мнѣнію, останется до скончанія міра. Однимъ взмахомъ пера Гартманъ порѣшилъ всю исторію медицины; никакихъ доводовъ онъ не привелъ, да и привести не могъ. Напрасно бы вы указывали на статистику, которая говоритъ, что средняя продолжительность жизни у цивилизованныхъ націй повышается; напрасно бы вы возражали, что медицина только недавно стала разрабатываться на раціональныхъ основаніяхъ, и поэтому о ея будущемъ могуществѣ мы теперь не можемъ и судить; Гартманъ вамъ отвѣтитъ одно: всегда болѣзни будутъ расти быстрѣе медицины. Тутъ, конечно, невозможенъ и споръ.

«Всегда голодъ, говоритъ Гартманъ, будетъ полагать предѣлъ стремленію человѣческаго рода увеличиться до безконечности» [2]). Новое пророчество, столь же бездоказательное, какъ и первое! Гартманъ является болѣе мальтузіанцемъ, чѣмъ самъ Мальтусъ, ибо послѣдній надѣялся на «нравственное воздержаніе». Если же мы вспомнимъ, что законъ Мальтуса еще далеко не доказанъ, особенно въ приложеніи его къ неопредѣленному будущему, если мы вспомнимъ, что даже теперь приростъ населенія во Франціи такъ уменьшается, что внушаетъ нѣкоторымъ людямъ серьезныя опасенія, то мы будетъ въ состояніи по достоинству оцѣнить это пророчество Гартмана. И такое легкомысліе въ вопросѣ самой первой важности! Ибо, если бы дѣйствительно было доказано, что всегда только голодъ будетъ сдерживать размноженіе людей, то этимъ однимъ безапелляціонно рѣшился бы вопросъ о цѣнности жизни. Какъ же мы должны отнестись къ утвержденію Гартмана, что нравственность отнюдь не улучшается съ прогрессомъ? Спорить съ нимъ по этому вопросу мы не будемъ [3]); замѣтимъ только,

---

[1]) l. c. стр. 347.

[2]) l. c. стр. 347.

[3]) Ученіе о развитіи нравственности читатель найдетъ въ „Основаніяхъ науки о нравственности“ Спенсера.

что это утвержденіе у него не подкрѣплено никакими доказательствами.

Обратимъ вниманіе еще на одинъ пунктъ. Вспомнимъ, что говорилъ Гартманъ при анализѣ научныхъ и художественныхъ наслажденій въ первой стадіи иллюзіи. Онъ укззываетъ, между прочимъ, на незначительность числа людей, могущихъ испытывать эти наслажденія, на недоступность ихъ для массы. Но изъ одного мѣста мы узнаемъ, что «все человѣчество въ средней сложности со временемъ станетъ на ту точку разума и міросозерцанія, на которой стоятъ теперь немногіе развитые люди»[1]). Такимъ образомъ, мы вправѣ были бы ожидать, что Гартманъ при анализѣ третьей стадіи иллюзіи прійметь во вниманіе это громадное повышеніе человѣческой интеллектуальности и даже, пожалуй, вновь подвергнетъ разсмотрѣнію интеллектуальныя наслажденія. И что же мы вмѣсто этого находимъ? Оказывается, что «въ умственномъ отношеніи мы все приближаемся къ сплошной посредственности» [2]), что для будущаго человѣчества искусство будетъ значить то же, что теперь водевиль для биржевика [3]). Гартманъ дѣлаетъ даже по этому поводу нѣкоторую попытку подтвердить фактами свое мнѣніе. Онъ утверждаетъ, что чѣмъ далѣе мы смотримъ въ глубь исторіи, тѣмъ болѣе мы замѣчаемъ геніальныхъ личностей; чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ ихъ менѣе. Такое мнѣніе довольно распространено среди публики, и не только по отношенію науки, но и по отношенію другихъ отраслей человѣческой дѣятельности. Есть даже, какъ извѣстно, цѣлая школа эстетиковъ, которые полагаютъ, что выше Фидія, Рафаэля и нѣкоторыхъ другихъ старыхъ мастеровъ ничего быть не можетъ, и что самое лучшее, что можетъ сдѣлать молодой художникъ, это подражать своимъ великимъ предшественникамъ, конечно, безъ надежды когда либо съ ними сравняться. Такіе же недосягаемые образцы созданы и въ другихъ сферахъ. Подобный пріемъ, быть можетъ, весьма удобенъ для поэтической метафоры, когда, желая

---

[1]) l. c. стр. 262.
[2]) l. c. стр. 351.
[3]) См. цитату № 7, въ главѣ I.

прославить какую либо личность, однимъ сравненіемъ его съ Ахилломъ дають понять о неимовѣрной доблести воспѣвающаго героя. Но для философа, слѣдующаго «индуктивному естественно-научному методу», такой пріемъ рѣшительно недозволителенъ. Когда Александръ I стоялъ во главѣ европейской коалиціи, нѣкоторые піиты сравнивали его съ Агамемноном; для піитовъ такой пріемъ, быть можетъ, и хорошъ, но что сказали бы мы объ ученомъ, который на основаніи индуктивнаго естественно-научнаго метода», провозгласилъ бы, что Александръ I былъ такъ могущественъ, что сравнился даже съ Агамемноном, тѣмъ самымъ Агамемноном, который едва лишь черезъ десять лѣтъ, и то при помощи обмана, взялъ одинъ городъ; котораго въ собственномъ же станѣ такъ чествли, какъ Ахиллесъ; вспомнимъ его слова, обращенныя къ Агамемнону: «О винопійца со взорами пса, но съ душею еленя» и т. д.

Мы думаемъ, что, при внимательномъ и безпристрастномъ отношеніи къ дѣлу, нельзя ни подъ какимъ видомъ сказать, что количество геніальныхъ людей уменьшается, или что они ниже своихъ предшественниковъ. Если же принять во вниманіе ту страшную массу матеріала, съ которой теперь должны справляться люди науки, то едвали мы не прійдемъ къ обратному выводу. Конечно, многіе будутъ энергически протестовать, если я скажу, что считаю Конта и Спенсера отнюдь не ниже Аристотеля или Платона; но пусть они вспомнятъ, что сдѣлать переворотъ въ наукѣ въ наше время далеко труднѣе, чѣмъ создать ее во время Аристотеля.

Среди этихъ пророчествъ о будущемъ состояніи науки, говоря, что качество ученыхъ все понижается, Гартманъ, между прочими бѣдствіями, предсказываетъ слѣдующее: «Индукція будетъ все исключительнѣе дѣлаться научнымъ методомъ будущаго» [1]). Для насъ не важно, будетъ ли дѣйствительно такъ, или нѣтъ, а интересно только крайне странное пониманіе Гартманомъ индуктивнаго метода. Онъ весьма наивно полагаетъ, будто индукція есть нѣчто весьма легкое, и будущее господство индуктив-

[1]) l. c. p. стр. 351.

наго метода приводитъ въ доказательство сравнительнаго ничтожества будущихъ ученыхъ. И это говоритъ философъ, строющій свою систему на основаніи «индуктивнаго естественно-научнаго метода»!

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя Гартманъ считаетъ связанными съ интеллектуальнымъ развитіемъ. Гартманъ, подобно Шопенгауэру, утверждаетъ, что человѣкъ несчастнѣе животнаго, а среди людей, тѣ, которые отличаются высокимъ развитіемъ интеллектуальныхъ способностей, несчастнѣе своихъ менѣе развитыхъ собратій. Мы не будемъ здѣсь входить въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса: читатель, вѣроятно, помнитъ возраженія, представленныя по этому поводу Селли. Замѣтимъ только, что Гартманъ вовсе не доказалъ, что высоко развитые люди страдаютъ болѣе неразвитыхъ; онъ только указалъ на то, что способность ихъ къ страданію гораздо большая; въ этомъ нельзя сомнѣваться, но, зато, и способность къ наслажденію у нихъ далеко большая, не говоря уже объ искусствѣ создавать себѣ условія счастія.

§ 4. Читая наше утвержденіе, что единичныя чувствованія могутъ быть правильно оцѣнены только при разсмотрѣніи ихъ въ связи съ постояннымъ источникомъ чувствованій, съ цѣлью жизни, многіе, вѣроятно, вспомнили, что нѣчто подобное говорилъ и Селли, и что мы обѣщали подвергнуть критикѣ эту часть его ученія о цѣнности жизни. Постараемся же здѣсь вспомнить наше обѣщаніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, укажемъ на разницу между нашимъ взглядомъ на постоянные источники чувствованій и взглядомъ Селли.

Селли приходитъ къ разсмотрѣнію постоянныхъ источниковъ удовольствія потому, что оцѣнка единичныхъ чувствованій оказывается невозможною, затѣмъ, потому, что люди съ развитіемъ интеллектуальности предпочитаютъ стремленіе къ постоянному источнику единичнымъ чувствованіямъ; наконецъ, подобная схема даетъ возможность разсмотрѣть во всей полнотѣ развитіе и значеніе волеваго контроля. Собственно говоря, эти постоянные источники удовольствія составляютъ, такъ сказать, только сырой матеріалъ, надъ которымъ производитъ

свои операціи волевой контроль. Поставивши вопросъ: возможно-ли счастіе, Селли переходитъ къ опредѣленію понятія счастія и къ разсмотрѣнію вопроса, какъ можно его достигнуть. Онъ замѣчаетъ, что элементы счастія разнообразны, что тутъ мы найдемъ различные внѣшніе и внутренніе факторы; но эти факторы не представляютъ идеальнаго совершенства: съ ними связаны различныя бѣдствія и страданія, поэтому-то намъ и нуженъ волевой контроль, который отстранилъ-бы или, покрайней мѣрѣ, уменьшилъ-бы эти страданія, упрочилъ-бы удовольствія, сдѣлалъ-бы доступъ къ нимъ легче и вѣрнѣе. Во второй главѣ мы уже указали на выдающуюся роль волеваго контроля при созданіи счастія; поэтому теперь мы ограничимся исключительно вопросомъ о томъ, какое значеніе придаетъ Селли постояннымъ источникамъ удовольствія, цѣлямъ жизни.

Селли отнюдь не думаетъ подвергать тщательному анализу эти цѣли жизни, онъ не пытается показать, какое количество страданій и удовольствій выпадетъ на долю человѣка, поставившаго себѣ извѣстную цѣль жизни; нѣтъ, цѣли жизни подвергаются у него только чисто внѣшней обработкѣ: онъ знаетъ, что съ ними соединены какъ удовольствія, такъ и страданія, и поэтому указываетъ, какимъ способомъ можно довести эти страданія до minimum'а, а удовольствія до maximum'а, но мы, всетаки, остаемся въ неизвѣстности, не будетъ-ли этотъ maximum удовольствія менѣе minimum'а страданія. Отъ Селли мы узнаемъ, что волевой контроль можетъ значительно увеличить наши удовольствія и уменьшить наши страданія, но можетъ-ли онъ дать перевѣсъ удовольствіямъ надъ страданіями, этого онъ не говоритъ. Онъ утверждаетъ, что нѣтъ возможности разрѣшить вопросъ: имѣетъ-ли удовольствіе перевѣсъ надъ страданіемъ въ жизни человѣка, и посему ставитъ другой вопросъ: достижимо-ли счастіе? Такую перемѣну вопросовъ мы считаемъ неудачною, ибо счастіе, какъ и самъ Селли признаетъ, есть только сложный комплексъ удовольствій, реально существуютъ только единичныя удовольстія, счастіе есть только отвлеченный терминъ; поэтому при рѣшеніи вопроса, достижимо-ли счастіе, нѣтъ никакой возможности избѣжать разсмотрѣнія его элементарныхъ составныхъ частей — единич-

ныхъ чувствованій. Идея счастія весьма сложна; у Селли развитой и благоразумный человѣкъ составляетъ себѣ обширный планъ жизни, въ составъ котораго входятъ многіе постоянные источники удовольствій, и весь вопросъ, повидимому, заключается только въ томъ, какъ наилучше скомбинировать ихъ, чтобы каждый занималъ въ жизненномъ планѣ мѣсто, соотвѣтствующее его достоинству, чтобы одинъ не былъ чрезмѣрно развитъ въ ущербъ другому. Все это вполнѣ справедливо; въ хорошо обдуманномъ планѣ жизни различные источники удовольствія должны находиться въ строгой гармоніи между собою, но чтобы быть увѣреннымъ, что весь этотъ хорошо обдуманный планъ жизни дѣйствительно гарантируетъ намъ счастіе, необходимо прежде всего опредѣлить цѣнность его составныхъ частей, доказать, что онѣ дѣйствительно будутъ постоянными источниками удовольствія, а не постоянными источниками страданія. Такой оцѣнки составныхъ частей счастія Селли не сдѣлалъ; онъ обошелъ важнѣйшій и труднѣйшій вопросъ, признавши безъ всякихъ доказательствъ существованіе постоянныхъ источниковъ удовольствія, тогда какъ именно существованіе ихъ и нужно было-бы прежде всего доказать. Всѣ тѣ внѣшніе и внутренніе факты счастія, которые были указаны Селли, нельзя называть безъ предварительнаго анализа постоянными источниками удовольствія; ихъ можно признать только постоянными источниками чувствованій, но какихъ: удовольствій или страданій — это неизвѣстно. Позволимъ себѣ такое сравненіе: Селли походитъ на архитектора, который, взявшись построить зданіе, составилъ самый лучшій планъ, добросовѣстно вычислилъ, каково должно быть отношеніе между отдѣльными составными частями зданія, чтобы оно было вполнѣ прочно, какъ и гдѣ нужно устроить своды, гдѣ и сколько нужно класть деревянныхъ и желѣзныхъ матеріаловъ и т. д., и т. п. — одного только не сдѣлалъ нашъ искусный и добросовѣстный архитекторъ: не испыталъ прочности матеріала, изъ котораго будутъ строить зданіе. Точно онъ увѣренъ, что всякій матеріалъ годенъ, если имъ хорошо воспользоваться. Понятно, что въ такомъ случаѣ мы отнюдь не можемъ быть увѣрены, что зданіе не рухнетъ. Этотъ матеріалъ, эта элементарная составная часть зданія въ нашемъ случаѣ суть пос-

тоянные источники чувствованій; ихъ слѣдовало-бы подвергнуть тщательному испытанію, опредѣлить, какія чувствованія приходится испытывать человѣку вслѣдствіе стремленія къ той или иной цѣли жизни. Если-бы Селли это сдѣлалъ или еслибы онъ, по крайней мѣрѣ, ясно намѣтилъ этотъ путь, тогда, принимая во вниманіе другія его безспорныя заслуги, можно было-бы сказать, что онъ положилъ прочныя основанія научному разрѣшенію вопроса о цѣнности жизни. Но онъ этого не сдѣлалъ; мало того, онъ отрицаетъ даже возможность подобной разработки вопроса. Онъ говоритъ, что невозможно рѣшить вопросъ о цѣнности жизни чрезъ разсмотрѣніе важнѣйшихъ источниковъ удовольствій и страданій въ средней человѣческой жизни; это прежде всего потому, что невозможно оцѣнить значеніе какого либо событія жизни, ибо его вліяніе на каждаго человѣка будетъ совершенно различно; затѣмъ, мы не можемъ вычислить точно суммы всѣхъ нашихъ чувствованій. Эти доводы неотразимы, но Селли придалъ имъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ имѣютъ. Они весьма опасны для Гартмана, который, дѣйствительно, разсматриваетъ каждый родъ чувствованій такъ, какъ будто-бы всѣ люди одинаково воспріимчивы къ нему, но для того, что-бы придать имъ то широкое значеніе, которое придалъ Селли, нужно было-бы доказать, что нейтрализовать вліяніе этихъ индивидуальныхъ колебаній нѣтъ никакой возможности. А этого Селли не сдѣлалъ.

§ 5. Выше мы старались показать, какимъ образомъ эти неудобства, происходящія отъ индивидуальныхъ колебаній, исчезаютъ, если вмѣсто разсмотрѣнія отдѣльныхъ изолированныхъ чувствованій мы будемъ разсматривать каждое чувствованіе въ связи съ цѣлымъ рядомъ однородныхъ чувствованій; если анализъ средней человѣческой жизни, т. е. разсмотрѣніе того, какъ средній человѣкъ относится ко всѣмъ доступнымъ человѣческому существу родамъ чувствованій, — мы замѣнимъ спеціальнымъ анализомъ чувствованій, вытекающихъ изъ стремленія къ извѣстной цѣли жизни. Конечно, мы не утверждаемъ, что подобнымъ образомъ вполнѣ исключается всякое индивидуальное колебаніе, что величина всякаго чувствованія можетъ быть точно опредѣлена. Прежде всего нужно замѣтить, что, если у человѣка есть одна

главная цѣль жизни, то это еще не исключаетъ возможности существованія нѣсколькихъ второстепенныхъ цѣлей, которыя могутъ значительно измѣнить воспріимчивость человѣка къ тому или иному роду чувствованій. Ученый можетъ быть болѣе или менѣе чувствителенъ къ внѣшнимъ отличіямъ, государственный человѣкъ можетъ любить или не любить искусство; не всякій биржевой дѣлецъ одинаково относится къ гастрономическимъ удовольствіямъ. Но все это нисколько не должно смущать насъ: послѣ разсмотрѣнія того, какія удовольствія и страданія выпадаютъ на долю человѣка науки какъ такового, мы только должны обратить вниманіе на чувствованія, вытекающія изъ его стремленія ко внѣшнимъ отличіямъ или изъ его нелюбви къ нимъ. Также поступимъ мы и въ другихъ случаяхъ.

Рядомъ съ такими, хотя второстепенными, но всетаки легко уловимыми наклонностями, каждый человѣкъ имѣетъ безчисленное множество различныхъ индивидуальныхъ особенностей, вліяніе которыхъ въ общей суммѣ довольно значительно. Опредѣлить эти колебанія уже нѣтъ возможности, но здѣсь обнаруживается не безсиліе нашего метода, а недостаточность данныхъ, поэтому въ подобномъ затрудненіи окажется всякій, желающій опредѣлить цѣнность жизни вообще, а не цѣнность жизни того или другого человѣка въ частности. Мало того, мы имѣемъ полное право предположить, что эти неизвѣстныя, мелочныя вліянія до нѣкоторой степени нейтрализируютъ другъ друга, и во всякомъ случаѣ, очевидно, что не они опредѣляютъ цѣнность жизни, что сумма чувствованій, доставляемыхъ ими, ничтожна сравнительно съ чувствованіями, получаемыми изъ главныхъ источниковъ.

Впрочемъ, есть одна индивидуальная особенность, вліяніе которой на счастіе столь значительно, что оно можетъ совершенно измѣнить балансъ жизни. Мы говоримъ о счастливомъ и несчастномъ темпераментѣ; но мы уже упоминали выше и повторяемъ здѣсь, что вліяніе темперамента не можетъ сдѣлать нашъ методъ непригоднымъ, ибо оно однообразно и легко уловимо. Люди съ несчастнымъ темпераментомъ воспріимчивѣе ко всякаго рода страданіямъ и невоспріимчивѣе ко всякаго рода удовольствіямъ, чѣмъ люди со счастливымъ темпераментомъ; но темпераментъ не измѣ-

няетъ отношенія между ихъ воспріимчивостью къ разнымъ родамъ чувствованій. Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ тѣми многоразличными индивидуальными колебаніями, которыя мѣшаютъ составить правильное мнѣніе о значеніи какого либо явленія, а съ постояннымъ, вполнѣ извѣстнымъ коэффиціентомъ. Вопросъ о темпераментѣ есть крайне темная и мало разработанная область человѣческаго знанія, поэтому мы ограничимся здѣсь только нѣкоторыми общими соображеніями. Довольно обстоятельно этотъ вопросъ разсматривается Сёлли въ послѣдней (XIV) главѣ его сочиненія о пессимизмѣ, озаглавленной: the sources of pessimism.

Бываютъ моменты и обстоятельства, когда наша воспріимчивость къ страданію значительно повышается: то, что прежде было намъ пріятно, не доставляетъ намъ болѣе никакого удовольствія, а то, что было слегка непріятно, дѣлается весьма тягостнымъ. Подобное же измѣненіе можетъ произойдти и въ обратную сторону, когда наше настроеніе дѣлается свѣтлымъ, веселымъ. Такимъ образомъ человѣкъ въ различные моменты своей жизни обнаруживаетъ не одинаковую воспріимчивость къ удовольствіямъ и страданіямъ; но эти измѣненія не такъ важны, какъ то несходство въ воспріимчивости, которое существуетъ между различными людьми.

Прежде всего мы должны объяснить, какъ слѣдуетъ понимать выраженіе: человѣкъ съ несчастнымъ темпераментомъ воспріимчивѣе къ страданію, чѣмъ человѣкъ со счастливымъ темпераментомъ. Этими словами мы вовсе не хотимъ сказать, будто одно и тоже страданіе будетъ чувствоваться однимъ человѣкомъ сильнѣе, чѣмъ другимъ. Подобное утвержденіе было бы аналогично мнѣнію Гартмана, будто равныя количества удовольствія и страданія чувствуются людьми не одинаково.

Нѣтъ, мы хотимъ только сказать, что у людей съ разными темпераментами одна и таже причина, при прочихъ равныхъ условіяхъ, произведетъ не одинаковое дѣйствіе. Такъ, какое либо пріятное событіе вызоветъ у человѣка со счастливымъ темпераментомъ гораздо большую волну радостныхъ эмоцій, чѣмъ у человѣка съ несчастнымъ темпераментомъ. Наоборотъ, непріятныя

эмоціи найдутъ у человѣка съ несчастнымъ темпераментомъ гораздо болѣе благодатную почву для развитія, чѣмъ у человѣка со счастливымъ темпераментомъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію причинъ, обусловливающихъ различіе темпераментовъ. Не вдаваясь въ болѣе подробное изслѣдованіе этого вопроса, мы только замѣтимъ, что въ основѣ различія темпераментовъ лежатъ причины двухъ родовъ: физіологическія и психическія. Есть значительная вѣроятность, что человѣкъ здоровый, крѣпкій будетъ обладать счастливымъ темпераментомъ, а человѣкъ со слабою, болѣзненною конституціей—несчастнымъ. Чрезмѣрная пугливость, раздражительность, склонность къ гипохондріи—все это чисто патологическія явленія, имѣющія въ основѣ ту или иную болѣзнь нервной системы. Но даже между людьми вполнѣ здоровыми существуетъ значительное несходство темпераментовъ, вслѣдствіе несходства въ физической организаціи; такъ, напримѣръ, уже одно различіе въ быстротѣ кровообращенія должно имѣть значительное вліяніе на темпераментъ. Психическій моментъ въ образованіи темперамента составляютъ всѣ пережитыя страданія и удовольствія. Пережитыя нами ощущенія не исчезаютъ безвозвратно: они оставляютъ болѣе или менѣе глубокій слѣдъ въ нашей психической организаціи; можно со значительною вѣроятностью утверждать, что человѣкъ, претерпѣвшій великія страданія, не будетъ отличаться веселымъ и беззаботнымъ характеромъ. Иногда страданія наносятъ такой неизгладимый ударъ человѣческому сердцу, что счастіе для него болѣе невозможно, ничто его не занимаетъ, ничто не веселитъ; единственное утѣшеніе, которое для него доступно, это—забвеніе, но и оно достигается только со смертію. Конечно, подобные крайніе случаи весьма рѣдки, но другія менѣе интенсивныя проявленія встрѣчаются гораздо чаще.

Это безнадежное состояніе людей, пережившихъ великія бѣдствія, съ необычайной силой изображено Аккерманомъ въ ея «Les Malheureux». Здѣсь «несчастные», жизнь которыхъ была сплошнымъ страданіемъ, отказываются возстать изъ гробовъ и отвергаютъ всѣ ожидающія ихъ радости. Они говорятъ Создателю:

Tu peux, parmi les chœurs qui chantent tes louanges,
A tes pieds, sous tes yeux, nous mettre au premier rang,
Nous faire couronner par la main de tes anges,
Nous revêtir de gloire en nous transfigurant.
Tu peux nous pénétrer d'une vigueur nouvelle,
Nous rendre le désir que nous avions perdu...
Oui, mais le Souvenir, cette ronce immortelle
Attachée à nos cœurs, l'en arracheras-tu?
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Tes dons mêmes, après tant d'horribles misères,
Ne sont plus un bienfait.

Вліяніе несчастнаго темперамента на благоденствіе человѣка очевидно; остается только разсмотрѣть, насколько можно ослабить этотъ неблагопріятный моментъ. Поскольку темпераментъ зависитъ отъ чисто психическихъ причинъ, отъ тѣхъ страданій и удовольствій, которыя человѣкъ испыталъ, вліяніе его не идетъ въ разрѣзъ съ общимъ теченіемъ жизни: онъ только усиливаетъ общій тонъ жизни, не измѣняя его; мало этого, онъ самъ вырабатывается подъ вліяніемъ предшествовавшей жизни. Слѣдовательно, улучшить темпераментъ можно только улучшеніемъ самой жизни, уменьшеніемъ страданій, испытываемыхъ людьми. О другомъ моментѣ, образующемъ темпераментъ, о причинахъ физіологическихъ, мы знаемъ крайне мало. Извѣстно только, что болѣзненное состояніе нервной системы, обусловливающее несчастный темпераментъ, или бываетъ врожденно (наслѣдственно), или развивается подъ вліяніемъ различныхъ вредныхъ условій жизни. Теперь мы безсильны передъ этими причинами, безсильны главнымъ образомъ потому, что не знаемъ ихъ, но едвали можно сомнѣваться, что медицина въ концѣ концовъ одолѣетъ и этого врага: она откроетъ болѣзненныя измѣненія нервной системы, лежащія въ основѣ несчастнаго темперамента, и научитъ насъ лѣчить ихъ.

Теперь мы можемъ приступить къ выработкѣ основныхъ положеній, необходимыхъ для сведенія баланса жизни. Прежде всего

мы постараемся опредѣлить, какое количество удовольствій и страданій сопряжено съ тою или иною цѣлью жизни.

Первая трудность заключается въ классификаціи цѣлей жизни; намъ нужно составить полный перечень этихъ цѣлей, въ которомъ не должно быть ни пропусковъ, ни повтореній, ни соединенія подъ одной рубрикой различныхъ элементовъ, ни раздѣленія сходныхъ элементовъ подъ разными рубриками. Затѣмъ слѣдуетъ разсмотрѣть каждую цѣль жизни отдѣльно, и опредѣлить, какія удовольствія и страданія свойственны данному источнику чувствованій, каковъ будетъ балансъ жизни человѣка, который поставитъ его цѣлью своей жизни. Этотъ анализъ снабдитъ насъ элементарными данными, на основаніи которыхъ мы должны построить дальнѣйшіе выводы; всякое дальнѣйшее построеніе будетъ состоять только въ такой или иной комбинаціи этихъ основныхъ положеній. Прежде всего мы, зная внутреннее достоинство каждаго источника чувствованій, постараемся скомбинировать ихъ въ раціональную іерархію цѣлей жизни, гдѣ каждый источникъ занималъ-бы мѣсто, соотвѣтствующее его внутренней цѣнности, не расширяясь на счетъ другихъ и не сокращаясь болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Построивши одну или нѣсколько подобныхъ совершенныхъ схемъ жизни, мы должны подвергнуть ихъ провѣркѣ на основаніи данныхъ, добытыхъ изученіемъ дѣйствительной жизни. Такъ, напримѣръ, положимъ, изученіе какого либо источника чувствованій показало, что его внутренняя цѣнность ничтожна, что соотвѣтствующая дѣятельность только втеченіе весьма незначительнаго времени можетъ доставлять намъ нѣкорое удовольствіе, что затѣмъ весьма быстро она превращается въ источникъ страданія; понятно, что такому источнику чувствованій мы отведемъ весьма скромное мѣсто въ нашей іерархіи или даже совсѣмъ исключимъ его изъ схемы. Но можетъ случиться, что изученіе фактовъ покажетъ, что избѣжать этого вида дѣятельности мы не можемъ, что она вынуждается у насъ условіями существованія и что отказъ отъ нея приведетъ къ еще болѣе горькимъ страданіямъ или даже грозитъ самому существованію. Въ такомъ случаѣ мы, конечно, не можемъ исключать его изъ нашей схемы жизни, не впадая въ противорѣчіе съ дѣйствительностью,

не дѣлая нашу схему безполезною абстраціей. Мы должны изучить, насколько эта дѣятельность дѣйствительно вынуждается условіями существованія и на какое сокращеніе ея мы вправѣ разсчитывать; затѣмъ, найдя необходимый minimum, включить его въ нашу іерархію. Такимъ образомъ мы построимъ самую совершенную и, притомъ, вполнѣ осуществимую схему жизни; мы сведемъ балансъ совершеннѣйшей жизни. Послѣ этого мы приступимъ къ анализу существующихъ схемъ счастія, къ сведенію баланса дѣйствительной жизни. Мы разсмотримъ главнѣйшія изъ нынѣ существующихъ цѣлей жизни; затѣмъ, зная цѣнность элементарныхъ частей, мы безъ труда составимъ себѣ понятіе о цѣнности жизни людей, преслѣдующихъ нѣсколько цѣлей заразъ. Такимъ образомъ мы опредѣлимъ цѣнность жизни на современной стадіи развитія человѣчества. Послѣ этого мы разсмотримъ насколько вѣроятно, что совершеннѣйшая схема жизни осуществится въ будущемъ.

Перейдемъ же теперь къ разсмотрѣнію различныхъ цѣлей жизни. Прежде всего въ чемъ онѣ могутъ состоять? Какія психическія явленія лежатъ въ основѣ ихъ? Мы видѣли, что наши удовольствія и страданія соотвѣтствуютъ извѣстнымъ состояніямъ и дѣятельностямъ нашихъ органовъ: удовольствіе соотвѣтствуетъ умѣренному покою или умѣренной работѣ, страданіе — чрезмѣрной работѣ и излишнему покою. Слѣдовательно, всѣ наши органы нуждаются въ извѣстной дѣятельности, которая доставляетъ намъ удовольствіе, и отсутствіе которой намъ тягостно. «Уже въ древности Аристотелемъ была высказана правильная мысль, что видовъ удовольствія и страданія столько-же, сколько видовъ отправленія организма» [1]). Элементарныя чувствованія, связанныя съ дѣятельностью различныхъ нашихъ органовъ, лежатъ въ основѣ всѣхъ нашихъ чувствъ и эмоцій. Объемъ нашей дѣятельности въ различныхъ направленіяхъ весьма не одинаковъ. Это зависитъ отъ того, что одинъ органъ можетъ функціонировать гораздо болѣе другаго, прежде чѣмъ почувствуется утомленіе; кромѣ того, удовлетвореніе одного нашего стремленія можетъ совершаться легко и

[1]) Гротъ, l. c. отр. 409.

безпрепятственно, тогда какъ для удовлетворенія другаго требуется значительная подготовительная работа. Разнообразныя условія внѣшней среды, неодинаковая сила и важность нашихъ стремленій, наконецъ, различная продолжительность дѣятельности, необходимой для удовлетворенія этихъ стремленій,—все это обусловливаетъ то, что наша дѣятельность бываетъ направлена въ одну сторону гораздо болѣе, чѣмъ въ другую. Если одна наша потребность весьма сильна и важна, если неудовлетвореніе приноситъ здѣсь огромное страданіе, и если удовлетвореніе не можетъ имѣть мѣста иначе, какъ послѣ значительной подготовительной работы, то, понятно, что на удовлетвореніе этой потребности мы израсходуемъ гораздо большее количество нервной энергіи, чѣмъ на удовлетвореніе какой либо другой болѣе слабой потребности. Эта могущественная потребность будетъ поставлена во главѣ всѣхъ, на ея удовлетвореніе будетъ направлена энергія прежде всего и главнѣе всего; всѣ остальныя потребности будутъ удовлетворяться лишь постолько, посколько останется у насъ времени и энергіи отъ главной нашей цѣли, иногда даже мимоходомъ, во время отдыха отъ главной нашей дѣятельности. Между этими второстепенными потребностями, конечно, будетъ установлено іерархическое соподчиненіе, вслѣдствіе ихъ неодинаковой силы и важности. Понятно, что подобное выдающееся положеніе одной какой либо потребности будетъ наблюдаться только въ томъ случаѣ, когда между ея конкуррентами не встрѣтится такой, которая по силѣ болѣе или менѣе близко подходила-бы къ ней; въ противномъ случаѣ дѣятельность не будетъ такъ исключительно поглощаться въ одномъ направленіи, но раздѣлится между двумя цѣлями. Такъ распредѣляется наша дѣятельность, такъ образуются наши цѣли жизни.

Это такъ сказать, естественный способъ ихъ образованія: наша дѣятельность распредѣляется пропорціонально силѣ потребности и трудности ея удовлетворенія. Упражненіе увеличиваетъ рабочую способность органа, дѣлаетъ его годнымъ къ болѣе интенсивной и болѣе экстенсивной работѣ; вмѣстѣ съ этимъ привычное удовлетвореніе потребности развиваетъ ее, дѣлаетъ насъ болѣе требовательными. Если потребность не можетъ быть удовлетворена непосредственно, но требуетъ подготовительной работы, то это про-

межуточное звено, которое вначалѣ было простымъ средствомъ, ведущимъ къ достиженію извѣстной цѣли, мало по малу получаетъ самостоятельность, изъ средства превращается въ цѣль, пріятную саму по себѣ. Такимъ образомъ, вначалѣ простая и несложная дѣятельность, имѣвшая цѣлью удовлетвореніе извѣстной потребности, мало по малу превращается въ цѣлую систему болѣе или менѣе сложныхъ операцій; простая потребность развивается чуть не до безконечности, дифференцируется на множество различныхъ отдѣловъ, которые въ свою очередь распадаются на подраздѣленія. Вырабатывается цѣлая система новыхъ стремленій, новыхъ потребностей, новыхъ источниковъ удовольствій и страданій; въ сферѣ этой системы вращаются помыслы и чувства извѣстной группы людей. Такимъ образомъ мы видимъ, что потребность можетъ возрастать до безконечности и, несмотря ни на какое улучшеніе въ способахъ ея удовлетворенія, можетъ по прежнему поглощать значительную часть нашей энергіи. Лучшимъ примѣромъ явленій подобнаго рода можетъ служить дѣятельность, направленная къ достиженію роскоши. Я думаю, никто не станетъ оспаривать, что роскоши нѣтъ предѣловъ. У людей, считающихъ роскошную жизнь идеаломъ счастія, обыкновенно только недостатокъ средствъ, физическая невозможность, кладетъ предѣлъ дальнѣйшему развитію потребности. Стоитъ только сравнить убогую роскошь какого-нибудь царя Феаковъ съ пышностью какого нибудь Людовика XIV, роскошь дикаря съ роскошью современнаго бомонда, чтобы увидѣть, какихъ исполинскихъ размѣровъ, какого развитія достигла роскошь. Явились цѣлыя профессіи, многочисленныя и разнообразныя спеціальности, своего рода новаторы въ разныхъ отрасляхъ: одинъ «доводитъ до несравненнаго совершенства» выдѣлку мебели, другой «неподражаемъ» въ производствѣ ковровъ и т. д. Всѣ эти «несравненные» и «неподражаемые» предметы, конечно, очень дороги, и какъ бы ни былъ богатъ и могущественъ человѣкъ — его финансы, всетаки, отстанутъ отъ его «вкуса». Сверхъ того, нужно помнить, что подобная крайняя роскошь доступна весьма и весьма не многимъ, что для всѣхъ остальныхъ людей недостатокъ средствъ ставитъ преграды къ достиженію даже умѣренной роскоши; слѣдовательно, если въ

обществѣ распространена страсть къ роскоши, то энергія огромнаго большинства членовъ этого общества будетъ тратиться на то, чтобы гарантировать себѣ даже сравнительно небольшую роскошь. На такое-же развитіе способны весьма многія потребности. Хотя, какъ правильно замѣтилъ еще Адамъ Смитъ, потребность желудка ограничена и, повидимому, не способна къ чрезмѣрному развитію, но стоитъ только сравнить идеалъ сытнаго обѣда, представляющійся уму крестьянина, съ лукулловскими обѣдами богачей, чтобы увидѣть, что даже здѣсь потребность можетъ развиться, по крайней мѣрѣ практически, до безконечности.

Итакъ, потребности способны къ неопредѣленному возрастанію; человѣкъ, поставившій удовлетвореніе которой нибудь изъ нихъ цѣлью своей жизни, можетъ потратить на этомъ поприщѣ всю свою энергію, найдти здѣсь приложеніе для всей своей дѣятельности. Но мы знаемъ, что потребности людей довольно разнообразны, слѣдовательно, и дѣятельность ихъ должна быть многоразлична; какъ-же устанавливается раздѣленіе энергіи между различными родами дѣятельности? Мы уже видѣли, что сила и важность потребности, а также трудность ея удовлетворенія играютъ при этомъ раздѣленіи выдающуюся роль; сюда-же нужно прибавить еще вліяніе внѣшней среды и чисто случайныя обстоятельства жизни. Эти факторы устанавливаютъ, такъ сказать, автоматически іерархическое соподчиненіе дѣятельностей, которое, однако, можетъ значительно измѣниться подъ вліяніемъ сознательнаго рѣшенія самого индивида. Человѣкъ, который знаетъ, какія удовольствія и страданія ожидаютъ его въ каждомъ родѣ дѣятельности, который можетъ судить объ ихъ относительномъ достоинствѣ, который способенъ выработать себѣ идеальную схему дѣятельностей,—такой человѣкъ можетъ сознательнымъ усиліемъ своей воли сократить однѣ свои потребности и расширить другія, онъ можетъ вполнѣ преобразовать схему дѣятельностей, установленную естественными факторами.

Итакъ, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ: на основѣ элементарныхъ чувствованій, получаемыхъ нами отъ дѣятельности различныхъ нашихъ органовъ, развиваются всѣ наши дальнѣйшія чувства и эмоціи, слѣдовательно, всѣ наши потребности и цѣли

жизни. Потребности могутъ развиваться до неопредѣленныхъ размѣровъ, практически до безконечности; но онѣ ограничиваются развитіемъ другихъ потребностей и результатомъ столкновенія является равновѣсіе, правда, неустойчивое, между различными потребностями, такъ сказать, modus vivendi. Этотъ распорядокъ, образующійся подъ вліяніемъ извѣстныхъ безсознательныхъ факторовъ, можетъ быть преобразованъ вмѣшательствомъ сознательной воли.

Теперь, зная условія происхожденія и развитія различныхъ цѣлей жизни, мы должны приступить къ анализу ихъ цѣнности. Здѣсь мы сейчасъ же сталкиваемся съ довольно значительнымъ затрудненіемъ. Какъ расклассифицировать цѣли жизни такимъ образомъ, чтобы быть увѣреннымъ, что ни одна изъ нихъ не будетъ опущена? Очевидно, что для этой цѣли было бы лучше всего воспользоваться установившеюся въ наукѣ классификаціей чувствованій; но вся бѣда въ томъ, что подобной «установившейся» классификаціи нѣтъ. Чуть не каждый ученый держится въ данномъ случаѣ особаго мнѣнія, и ни одно изъ нимъ не стоитъ внѣ спора. Впрочемъ, это затрудненіе не такъ ужъ велико, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда; правда, оно воспрепятствуетъ намъ сдѣлать подробную классификацію, разсмотрѣть всѣ детали, но мы безъ этого весьма легко можемъ обойтись. Намъ достаточно будетъ соединить различныя цѣли жизни въ обширныя группы и оцѣнить значеніе ихъ. Затѣмъ мы можемъ пойти нѣсколько дальше и подраздѣлить группы на болѣе мелкія составныя части.

Основою для нашего анализа, конечно, должно послужить тѣ данныя о происхожденіи чувствованій, которыя намъ удалось добыть. Такъ мы знаемъ, что удовольствіе соотвѣтствуетъ умѣренной дѣятельности; слѣдовательно, чѣмъ шире тѣ предѣлы, въ которыхъ дѣятельность продолжаетъ оставаться умѣренною, тѣмъ болѣе эта дѣятельность способна стать цѣлью жизни. Поэтому, такъ называемыя, острыя наслажденія, которыя быстро выходятъ за предѣлы умѣренной дѣятельности, быстро истощаютъ функціонирующій органъ,—всѣ подобныя наслажденія не способны сдѣлаться раціональною цѣлью жизни. Шопенгауэръ-Гартмановское описаніе человѣческой жизни, гдѣ удовольствія «скоротечны какъ

мгновеніе» и раздѣлены между собою длинными промежутками безсилія и скуки, вполнѣ примѣнимо къ тѣмъ людямъ, которые ставятъ цѣлью своей жизни эти острыя наслажденія. Вообще можно утверждать какъ неоспоримую истину, что, caeteris paribus, чѣмъ устойчивѣе какое либо удовольствіе, тѣмъ болѣе оно способно сдѣлаться раціональною цѣлью жизни. Поэтому мы должны сдѣлать еще шагъ впередъ и разсмотрѣть, какія удовольствія способны пріобрѣтать все большую экстенсивность, и какія лишены этой способности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что различные органы весьма значительно отличаются другъ отъ друга въ этомъ отношеніи. Едва ли не наиболѣе рѣзко выяснится это различіе, если мы сопоставимъ дѣятельность головнаго мозга съ дѣятельностью пищеварительныхъ органовъ; въ самомъ дѣлѣ, если сравнить дѣятельность, которую способенъ вынести современный мозгъ съ дѣятельностью, возможною для первобытнаго мозга, то нельзя не замѣтить громаднаго прогресса, громаднаго увеличенія рабочей способности человѣческаго мозга. Путешественники, изслѣдующіе современныя некультурныя расы, обыкновенно упоминаютъ о неспособности дикарей къ болѣе или менѣе продолжительной умственной работѣ: она быстро имъ надоѣдаетъ. «Чтобы видѣть, говоритъ Спенсеръ, до какой степени отсутствіе склонности къ размышленію обще для низшихъ разновидностей человѣка, стоитъ вспомнить слова доктора Пикеринга, который утверждаетъ, на основаніи своей долговременной и разнообразной опытности, что фиджійцы—единственный дикій народъ, изъ числа тѣхъ, съ которыми онъ встрѣчался, который могъ приводить доводы и съ которымъ было возможно вести связный разговоръ [1]). Далѣе мы находимъ слѣдующее: Спротъ говоритъ: «Умъ туземца (Атса, въ Сѣверной Америкѣ) кажется вообще образованному человѣку находящимся въ сонномъ состояніи... Когда его вниманіе бываетъ пробуждено въ полной мѣрѣ, онъ обнаруживаетъ нерѣдко много живости въ отвѣтахъ и не мало находчивости въ своихъ доводахъ. Но уже краткій разговоръ утомляетъ его, въ особенности, если предлагаемые ему вопросы требуютъ съ его

[1]) Г. Спенснеръ. Основанія соціологіи. Часть I, стр. 92.

стороны извѣстныхъ усилій мысли или памяти. Тогда умъ дикаря начинаетъ какъ будто блуждать изъ стороны въ сторону просто отъ усталости».

Тоже самое видимъ мы и въ Южной Америкѣ: Спиксъ и Марціусъ разсказываютъ о бразильскомъ индѣйцѣ, что «едва лишь кто нибудь начнетъ задавать ему вопросы объ его языкѣ, какъ онъ становится раздражителенъ, жалуется на головную боль и вообще обнаруживаетъ всѣ признаки того, что не способенъ переносить долѣе это раздраженіе»; а Бетсъ говоритъ о тѣхъ же самыхъ племенахъ, что «отъ нихъ очень трудно добиться ихъ понятій насчетъ предметовъ, требующихъ хотя немного отвлеченной мысли». Точно также и Добрицгоферъ замѣчаетъ объ абипонахъ, что «когда имъ не удается понять чего нибудь съ перваго взгляда, они быстро утомляются изслѣдованіемъ и догадками и восклицаютъ: что же это такое наконецъ?» Подобные же факты сообщаютъ о такихъ болѣе прогрессивныхъ расахъ, какъ негры. Бертонъ говоритъ объ обитателяхъ восточной Африки: «десяти минутъ достаточно, чтобы утомить самаго способнаго и сообразительнаго изъ нихъ, если вы начнете разспрашивать его объ ихъ системѣ счисленія». Даже о такой сравнительно высокой расѣ, какъ малагазцы, замѣчено, что они повидимому не обладаютъ тѣми качествами ума, которыя требуются для внимательнаго и продолжительнаго мышленія» [2]).

Этихъ фактовъ вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, насколько способенъ первобытный человѣкъ получать удовольствіе отъ дѣятельности головнаго мозга и на сколько она можетъ быть продолжительна. Намъ становится очевиднымъ, что первобытный мозгъ приспособленъ только къ самой незначительной дѣятельности, что тотъ предѣлъ, за которымъ эта дѣятельность становится чрезмѣрною, а слѣдовательно, и непріятною, удаленъ весьма недалеко отъ нуля. Потребность въ умственной дѣятельности бываетъ здѣсь весьма незначительна, а слѣдовательно, и удовольствіе, получаемое отъ нея не велико; наоборотъ, утомленіе начинается быстро, и отдыхъ долженъ быть продолжп-

[2]) l. c. стр. 94—5.

теленъ; нужно еще замѣтить, что такъ какъ предварительная работа была незначительна, то и отдыхъ не можетъ доставить значительнаго удовольствія.

Совсѣмъ иная картина представится намъ, если мы взглянемъ на современнаго человѣка. Здѣсь, не говоря уже о сравнительно незначительной группѣ людей, посвящающихъ всю свою жизнь умственной работѣ самаго высокаго разряда, даже способность массы къ умственной дѣятельности весьма значительна. Въ то время, какъ «десяти минутъ достаточно, чтобы утомить самаго способнаго и сообразительнаго» дикаря, заставивши его работать головою, мы видимъ, что у насъ даже дѣти 10 — 12 лѣтъ, надѣленныя обыденными способностями, въ состояніи выносить 4—5 часовъ почти безпрерывнаго занятія въ школѣ, не говоря уже о томъ, что вечеромъ ихъ ожидаетъ еще нѣсколько часовъ умственной работы дома.

Итакъ, въ этой области мы видимъ ясно выраженный прогрессъ. Способность человѣка къ умственной дѣятельности возрастаетъ весьма сильно съ развитіемъ цивилизаціи; вмѣстѣ съ этимъ возрастаетъ, конечно, и его способность къ наслажденію умственною дѣятельностью, ибо такимъ образомъ предѣлы пріятной, умѣренной дѣятельности все болѣе и болѣе расширяются. Совсѣмъ иное замѣчаемъ мы въ другомъ взятомъ нами примѣрѣ: мы рѣшительно не можемъ констатировать такого же постепеннаго увеличенія рабочей способности пищеварительныхъ органовъ. Правда, точныхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи не было сдѣлано, но и тѣхъ неполныхъ свѣдѣній, которыми мы обладаемъ, вполнѣ достаточно, чтобы отвѣчать на предложенный вопросъ съ большею или меньшею опредѣленностью. Очевидно, что въ данномъ случаѣ не можетъ быть никакой рѣчи о приращеніи, хотя бы отдаленно напоминающемъ громадный приростъ интеллектуальной силы. Аналогичное явленіе замѣтимъ мы, если постараемся опредѣлить развитіе мускульной силы; правда, мышцы цивилизованнаго человѣка вслѣдствіе болѣе правильнаго, равномѣрнаго (если не всегда болѣе обильнаго) питанія и лучшей иннерваціи, быть можетъ, способны къ болѣе продолжительной и болѣе интенсивной дѣятельности, но такое возрастаніе рабочей

силы не слѣдуетъ преувеличивать; стоитъ только вспомнить, какую дѣятельность долженъ обнаружить дикарь, чтобы добыть себѣ пищу и защититься отъ многочисленныхъ враговъ.

Вообще, если мы, слѣдуя Спенсеру, раздѣлимъ чувствованія на центральныя, эпипериферическія и энтопериферическія, то будемъ въ состояніи высказать слѣдующія общія положенія: энтопериферическія чувствованія, т. е. такія, которыя связаны съ дѣятельностью нашихъ внутреннихъ органовъ, рѣдко выходятъ за предѣлы смутныхъ и неопредѣленныхъ ощущеній и, повидимому, не измѣняются въ общей своей суммѣ; трудно констатировать увеличеніе или уменьшеніе рабочей способности органовъ, отъ дѣятельности которыхъ зависитъ ихъ возникновеніе. Что касается эпипериферическихъ чувствованій, т. е. ощущеній, связанныхъ съ дѣятельностью нашихъ наружныхъ органовъ, органовъ чувствъ, то здѣсь, пожалуй, во многихъ случаяхъ можно замѣтить даже регрессъ.

Совсѣмъ иное замѣчаемъ мы, обращаясь къ чувствованіямъ центральнымъ, собственно чувствамъ и эмоціямъ. Здѣсь прогрессъ очевиденъ и несомнѣненъ: способность человѣка къ удовольствіямъ и страданіямъ безмѣрно возрастаетъ; первоначальныя смутныя, малочисленныя и слабыя эмоціи получаютъ громадное развитіе, значительно увеличиваются какъ по объему, такъ и по сложности.

Уже одно это обстоятельство ясно указываетъ намъ, гдѣ мы должны искать раціональной цѣли жизни. Если-бы въ данное время эпипериферическія и энтопериферическія чувствованія даже и играли въ общей суммѣ человѣческихъ наслажденій болѣе значительную роль, чѣмъ центральныя, то, всетаки, такое отношеніе было-бы только временнымъ: если человѣкъ станетъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, то центральныя чувствованія вслѣдствіе большей ихъ способности къ развитію получатъ въ концѣ концевъ преобладающее значеніе. Но мы знаемъ, что первые два вида чувствованій не способны служить источникомъ болѣе или менѣе продолжительныхъ и интенсивныхъ удовольствій. Сверхъ того, и это самое важное, блѣдность этихъ удовольствій обусловливается ихъ ничтожною способностью ожи-

влять былыя чувствованія того-же рода и вызывать смежныя чувствованія.

Нашъ бѣглый и по необходимости поверхностный обзоръ, всетаки, дозволилъ намъ прійдти къ весьма важнымъ заключеніямъ: мы увидѣли, что цѣль жизни не можетъ быть раціонально создана изъ стремленія къ какому бы то ни было эпипериферическому или энтопериферическому чувствованію. Этимъ устраняется возможность создать себѣ раціональную цѣль жизни изъ чувствованій вкусовыхъ, мышечныхъ, чувствованій, сопровождающихъ пищеварительный процессъ, и т. п.

Итакъ, раціональную цѣль жизни нужно искать въ сложныхъ чувствахъ и эмоціяхъ.

Но прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію различныхъ цѣлей жизни, мы сдѣлаемъ ограниченіе нашей задачи, которое значительно сократитъ нашъ трудъ, не уменьшая достовѣрности конечныхъ выводовъ. Это ограниченіе логически вытекаетъ изъ самой задачи нашего изслѣдованія: мы намѣрены построить раціональную схему человѣческой жизни вообще, а не схему жизни какого-нибудь отдѣльнаго человѣка; поэтому, при анализѣ постоянныхъ источниковъ чувствованій, мы имѣемъ полное право игнорировать тѣ цѣли жизни, тѣ стремленія, въ основѣ которыхъ лежитъ антисоціальный элемэнтъ. Быть можетъ, человѣкъ, поставившій себѣ цѣлью жизни какую-нибудь антисоціальную дѣятельность, будетъ весьма счастливъ, цѣнность его личной жизни будетъ весьма значительна, но что намъ за дѣло до этого! Мы знаемъ, что это счастіе покупается цѣною страданія другихъ людей, что оно далеко перевѣшивается этими страданіями. Вспомнимъ суровыя слова Шопенгауэра: «кто захочетъ быстро провѣрить справедливость утвержденія, что въ мірѣ наслажденіе беретъ перевѣсъ надъ страданіемъ или что они, по крайней мѣрѣ, уравновѣшиваютъ другъ друга, пусть тотъ сравнитъ ощущенія животнаго, пожирающаго другое, съ ощущеніями этого пожираемаго». Такое уподобленіе вполнѣ примѣнимо ко всякому случаю, гдѣ наслажденіе одного человѣка покупается цѣною страданія другаго. Быть можетъ, жизнь Наполеона I была весьма счастлива, несмотря на трагическое окончаніе. Въ самомъ дѣлѣ, она была

длиннымъ рядомъ успѣховъ, была наполнена борьбою, въ которой Наполеонъ зналъ почти исключительно одну только пріятную сторону: энергическій подъемъ духа, сокрушеніе всѣхъ препятствій, радостное сознаніе собственной силы и величія и другія подобныя пріятныя эмоціи. Но чего стоило человѣчеству это счастіе Наполеона! Два милліона людей пали жертвою его честолюбія, вся Европа, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, была терроризирована. Счастіе Наполеона было оплачено слезами и кровію милліоновъ. Исторія Наполена есть только крупный примѣръ того, какъ великъ бываетъ въ конечномъ счетѣ перевѣсъ страданія надъ удовольствіемъ, когда человѣкъ покупаетъ свое счастіе насчетъ благоденствія другихъ; вполнѣ аналогичные, хотя болѣе мелкіе, результаты получаются вслѣдствіе всякихъ антисоціальныхъ стремленій. Поэтому, при разсмотрѣніи вопроса о цѣнности жизни, мы должны обращать вниманіе на всѣ эти стремленія лишь постолько, посколько они являются неизбѣжнымъ элементомъ жизни и уменьшаютъ счастіе другихъ людей. Поэтому къ нимъ нужно относиться также, какъ къ болѣзнямъ, пагубнымъ метеорологическимъ явленіямъ и т. п. бѣдствіямъ. Изслѣдовать же вопросъ о томъ, дадутъ-ли они избытокъ счастія человѣку, поставившему ихъ цѣлью своей жизни,—вполнѣ безполезно.

Сдѣлаемъ еще одно ограниченіе, которое поможетъ намъ скорѣе найти эмоціи, способныя сдѣлаться раціональною цѣлью жизни.

Есть виды удовольствія, которые не могутъ быть названы ни вредными, ни острыми, и которыхъ, однако, нельзя поставить раціональною цѣлью жизни. Это потому, что такія удовольствія слишкомъ ничтожны и слабы. Человѣкъ, поставившій ихъ цѣлью жизни, долженъ отказаться отъ всякихъ болѣе сильныхъ или возвышенныхъ удовольствій; онъ спустится до простаго прозябанія, почти до нуля. Жизнь, устроенная такимъ образомъ, всегда будетъ несчастна; ибо, въ то время, какъ удовольствія, испытываемыя субъектомъ, будутъ слабы, едва будутъ возвышаться надъ точкою безразличія, неизбѣжныя страданія будутъ чувствоваться въ полной мѣрѣ. Ибо, какъ бы ни былъ бѣдно одаренъ и ничтоженъ человѣкъ, никогда у него не могутъ быть убиты вполнѣ

веѣ болѣе сильныя и возвышенныя потребности. Неудовлетвореніе этихъ потребностей и бездѣйствіе соотвѣтствующихъ органовъ будетъ ощущаться весьма непріятно; онъ будетъ скучать, томиться, будетъ смутно сознавать, что жизнь его крайне бѣдна, ничтожна и лишена всякой привлекательности. Сверхъ того, даже въ своей спеціальной сферѣ онъ можетъ испытывать разныя непріятности и неудачи, которыя рѣшительно не могутъ быть ничѣмъ вознаграждены. Затѣмъ онъ испытаетъ не мало горя отъ людей, которые, понятно, не будутъ имѣть никакого основанія любить или уважать его; наконецъ, онъ, конечно, подобно всѣмъ людямъ, испытаетъ бѣдствія и случайности судьбы, болѣзни, лишенія и т. п. Всѣ подобныя страданія, какъ бы они ни были рѣдки и слабы, приведутъ къ рѣшительному дефициту, въ виду того, что положительныя удовольствія, вытекающія изъ преслѣдованія цѣли жизни, будутъ у него весьма малы.

Итакъ, раціональная цѣль жизни должна заключаться въ тѣхъ видахъ дѣятельности, которые могутъ обезпечить человѣку непрерывный притокъ довольно сильныхъ пріятныхъ ощущеній, не уменьшая при этомъ счастія другихъ людей. Очевидно, что эта дѣятельность должна состоять въ упражненіи тѣхъ нашихъ способностей, которыя наиболѣе развиваются съ ходомъ исторіи, которыя наилучше приводятъ человѣка къ мирному, благожелательному отношенію къ ближнимъ, которыя не могутъ быть подавлены безъ того, чтобы жизнь не спустилась до простаго прозябанія.

Нужно обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Хотя мы отыскиваемъ тѣ виды дѣятельности, которые наилучше обезпечиваютъ намъ постоянный притокъ удовольствія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что человѣкъ цѣлью своихъ сознательныхъ стремленій долженъ поставить только притокъ пріятныхъ ощущеній. Такое обстоятельство привело бы его къ исканію непосредственныхъ, острыхъ наслажденій. Нѣтъ, человѣкъ можетъ и долженъ сознательно стремиться къ какой-либо цѣли, вовсе не имѣющей отношенія къ его личному благосостоянію; постоянный притокъ удовольствія долженъ быть только слѣдствіемъ этого стремленія, онъ долженъ получаться, какъ результатъ дѣя-

тельности, направленной къ достиженію этой внѣ насъ стоящей цѣли. Такое преобразованіе цѣли жизни приноситъ множество безспорныхъ выгодъ. Вопервыхъ, если мы сознательно стремимся только къ удовольствію, то всякая отсрочка въ достиженіи нашей цѣли возбуждаетъ въ насъ муки желанія; вовторыхъ, если для достиженія этой цѣли мы должны предварительно принести нѣкоторую жертву, то такое обстоятельство возбуждаетъ въ насъ самыя горькія чувства: жертва является невознаградимою потерею, прямымъ вычетомъ изъ нашего счастія; наконецъ, достигнувши желанной цѣли, мы испытываемъ разочарованіе: разъ, что наша потребность удовлетворена, мы начинаемъ склоняться къ мнѣнію, что, собственно говоря, желанное удовольствіе вовсе не было такъ велико, какъ это намъ казалось, мы припоминаемъ всѣ жертвы, которыя намъ пришлось принести ради достиженія нашей цѣли, и у насъ зарождается недовольство.

Совсѣмъ другое испытываемъ мы, если сознательной нашей цѣлью является не стремленіе къ личному благоденствію: тогда жертвы не кажутся такою вопіющею нелѣпостью, а удовольствіе является какъ-бы совершенно неожиданнымъ выигрышемъ.

Но этого мало. Съ развитіемъ интеллекта человѣкъ пытается осмыслить свою жизнь, найти, такъ сказать, цѣль и оправданіе своего существованія. Если онъ втеченіе всей своей жизни стремился только къ личному своему благоденствію, если всѣ его мысли и желанія были сконцентрированы вокругъ его узкой индивидуальности, то у него зарождается сознаніе безцѣльности и безплодности его существованія; если-же прибавить къ этому, что онъ отлично знаетъ, что его жизнь есть только мгновеніе, что его «я» скоро перестанетъ существовать, то будетъ вполнѣ понятно то чувство безпомощности, тоски и отчаянія, которое должно овладѣть имъ. Онъ ясно сознаетъ, что его существованіе пройдетъ безслѣдно, что всѣ его цѣли и желанія—пустой призракъ. Совершенно иное случится съ человѣкомъ, который стремится къ великой, внѣ его стоящей цѣли. Его существованіе имѣетъ смыслъ и оправданіе. Оно не можетъ пройти безслѣдно: оно столь-же вѣчно, какъ и его цѣль; такой человѣкъ никогда не скажетъ, что его жизнь «есть суета»; напротивъ, созерцаніе великой цѣли,

отожествленіе себя съ нею наполнитъ его душу самыми возвышенными чувствами, послужитъ ему вѣчнымъ источникомъ радости и прочнѣйшею защитою противъ бѣдствій существованія.

Какая же это великая, внѣ насъ лежащая цѣль, способная воодушевить всѣхъ людей и увѣковѣчить результаты ихъ дѣятельности? Есть ли, даже, такая цѣль? Отвѣчать на эти вопросы не трудно. Такая цѣль, конечно, можетъ состоять только въ споспѣшествованіи благоденствію людей. Только тѣ результаты нашей дѣятельности могутъ считаться вѣчными и неуничтожимыми, которые такъ или иначе вліяютъ на другихъ людей; а такъ какъ вредная дѣятельность, какъ мы знаемъ, не можетъ быть раціональною цѣлью, результаты же дѣятельности индифферентной сводятся къ нулю, то, слѣдовательно, только въ благожелательной дѣятельности можетъ человѣкъ искать спасенія отъ ужаснаго сознанія отчужденности отъ всего остальнаго міра и мимолетности собственнаго существованія. Только симпатическія сношенія съ другими людьми связываютъ насъ съ міромъ, только они даютъ смыслъ нашему существованію. Мы смѣло можемъ утверждать, что какъ только человѣкъ хоть немного подымается выше скота, какъ только онъ хоть немного пытается осмыслить собственное существованіе, онъ неизбѣжно направляетъ часть своей дѣятельности на симпатическія, благожелательныя цѣли. То былъ великій моментъ въ исторіи міра, когда въ человѣческой груди впервые зародилось смутное чувство любви къ другому человѣку: народилась новая сила, которой предстоитъ управлять міромъ.

Мы такъ глубоко погружены въ соціальную среду, что почти всѣ наши чувства, мысли и желанія, такъ или иначе, коренятся въ ней. Пропагандируетъ ли человѣкъ свои религіозныя убѣжденія, или излагаетъ научную теорію, создаетъ ли поэтическіе образы, или стремится къ какому нибудь практическому усовершенствованію, вездѣ онъ имѣетъ въ виду соціальную среду, на которую онъ желаетъ такъ или иначе воздѣйствовать.

Однимъ словомъ, дѣятельность человѣка только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ не имѣетъ своимъ объектомъ другихъ людей, не стремится прямо или косвенно вліять на нихъ. Но мы уже знаемъ, что изъ всѣхъ видовъ дѣятельности только благоже-

лательная можетъ стать раціональною цѣлью жизни. Разсмотримъ же подробнѣе этотъ видъ дѣятельности. Онъ можетъ состоять или въ непосредственной, практической дѣятельности, или же въ дѣятельности научной и артистической. Эти три дѣятельности могутъ разсматриваться какъ вполнѣ самостоятельные виды упражненія нашихъ способностей. Въ самомъ дѣлѣ, хотя, какъ справедливо замѣтилъ О. Контъ, всѣ науки развились изъ соотвѣтствующихъ искусствъ (напр. біологія изъ врачебнаго искусства), слѣдовательно, въ началѣ всѣ они имѣли въ виду непосредственную пользу, но, вѣдь, это обычное явленіе, что съ теченіемъ времени средство превращается въ цѣль, особенно если оно получило такое страшное развитіе, что для изученія его мало всей жизни, какъ это мы и видимъ на примѣрѣ науки. Сверхъ того съ процессомъ исторіи у насъ мало по малу развивается потребность знанія, стремленіе познать окружающій насъ міръ безъ всякой мысли о практической пользѣ подобнаго познанія.

Поэтому, мы разсмотримъ научную, артистическую и практическую дѣятельности, какъ вполнѣ самостоятельные виды упражненія нашихъ способностей. Относительно первыхъ двухъ я не буду особенно распространяться; всѣмъ извѣстно, что наука и искусство служатъ цѣлью жизни довольно значительной группы людей; всѣмъ извѣстно, что эти люди находятъ въ нихъ не малую усладу. Гартмановскіе доводы противъ науки и искусства, какъ мы видѣли, до нельзя слабы; да и этимъ доводамъ ему удалось придать хоть нѣкоторую силу только благодаря тому, что онъ разсматривалъ состояніе экстаза, т. е., исключительное, острое и скоропреходящее чувство; конечно, если бы въ наукѣ и искусствѣ былъ пріятенъ только моментъ экстаза, то онѣ не могли бы быть цѣлью жизни, ибо основной признакъ чувства, годнаго сдѣлаться цѣлью жизни, это его способность продолжаться долго. Указаніе Гартмана, что «мастера не падаютъ съ неба», что нужно много трудиться, также не имѣетъ значенія; мы уже видѣли, что этотъ доводъ есть обычная его ошибка, состоящая въ томъ, что онъ отождествляетъ препятствіе со страданіемъ, тогда какъ въ борьбѣ съ затрудненіемъ наши способности часто находятъ пріятное упражненіе.

Способности, функціонирующія при научныхъ и артистическихъ занятіяхъ, безспорно принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя наиболѣе прогрессируютъ съ ходомъ человѣческаго развитія; да и теперь уже они достигли такихъ размѣровъ, что ихъ дѣятельность можетъ наполнить всю жизнь человѣка, не выходя за предѣлы умѣренной работы. Мало этого, здѣсь болѣе чѣмъ при какой бы то ни было другой дѣятельности доступны радости антиципаціи, здѣсь человѣкъ постоянно видитъ конечную цѣль своихъ усилій, видитъ, какъ каждый день все болѣе и болѣе приближаетъ его къ пріятному окончанію; это въ значительной степени уменьшаетъ монотонность его работы и придаетъ ему бодрости.

Обратимся теперь къ альтруистической дѣятельности. Собственно говоря, не слѣдуетъ особенно строго разграничивать этотъ родъ дѣятельности отъ предъидущихъ. Напротивъ, научная и эстетическая дѣятельности получаютъ свое конечное оправданіе и огромную часть своего наслажденія отъ сознанія ихъ полезности. Конечно, истинный художникъ получаетъ высокое наслажденіе въ самомъ процессѣ творчества, но не малое наслажденіе и полное спокойствіе совѣсти онъ можетъ получить также и отъ сознанія, что его произведеніе будетъ полезно и пріятно людямъ. Объ ученой дѣятельности и говорить нечего: ученый классъ съ полнымъ основаніемъ можетъ заявить, что онъ есть «свѣтъ міра». Если въ чисто-научной, теоретической дѣятельности полезность каждаго шага не всегда вполнѣ очевидна, по крайней мѣрѣ, для профановъ, то, зато, прикладная научная дѣятельность стоитъ внѣ сомнѣнія, не смотря на то, что она приноситъ гораздо менѣе результатовъ, чѣмъ чисто-теоретическая. Способность прикладной научной дѣятельности увеличивать человѣческое счастіе очевидна; собственно говоря, эта дѣятельность есть нѣчто среднее между чисто научною и чисто альтруистическою. Напримѣръ, Лессепсъ, прорывая Суэцкій перешеекъ, конечно, долженъ былъ рѣшить на практикѣ огромное количество весьма сложныхъ задачъ; самый процессъ разрѣшенія этихъ задачъ, побѣда надъ трудностями доставила ему не мало часовъ пріятной дѣятельности; но, вѣдь, все это удовольствіе стояло бы не выше удовольствія отъ рѣшенія сложной шахматной задачи, если бы тутъ не

было сознанія полезности работы для другихъ; въ этомъ сознаніи лежитъ второй великій источникъ удовольствія. Дѣятельность практическаго врача представляетъ подобный же примѣръ; только здѣсь чисто альтруистическій элементъ гораздо болѣе преобладаетъ, ибо, хотя каждый больной есть объектъ для упражненія медицинскихъ способностей, но удовольствіе этого упражненія вполнѣ стушевывается передъ удовольствіемъ спасти жизнь и здоровье человѣка. Собственно говоря, такъ называемые «интересные» больные бываютъ сравнительно рѣдко, и, напротивъ, благодаря слабому развитію медицинскаго искусства, врачъ весьма часто вмѣсто пріятнаго упражненія своихъ способностей испытываетъ только тягостное сознаніе собственнаго безсилія. Если у практическаго врача чисто научный интересъ отходитъ на второй планъ сравнительно съ интересомъ альтруистическимъ, то у его ближайшихъ помощниковъ, напр., у сестеръ-милосердія этотъ научный интересъ вполнѣ исчезаетъ и остается одинъ только альтруистическій. На примѣрѣ людей подобнаго рода, посвящающихъ всю свою жизнь уходу за больными, лучше всего можно иллюстрировать разницу между Гартмановскимъ способомъ изслѣдованія вопроса о цѣнности жизни и нашимъ. Внѣ всякаго спора, существуютъ (правда немногіе) люди, которые честно и безкорыстно посвящаютъ свою дѣятельность уходу за больными, которые не смотрятъ на это только какъ на трудный и непріятный способъ зарабатывать кусокъ хлѣба, но отдаются ему съ увлеченіемъ, со страстью. А между тѣмъ, какихъ только ужасовъ не могъ бы поразсказать намъ Гартманъ относительно жизни этихъ людей! Какая пріятность находиться вѣчно въ отвратительномъ воздухѣ, слышать стоны и крики людей, видѣть гноящіяся язвы, припадки бѣшенства, наконецъ; смерть; прикасаться къ этимъ потнымъ, горячимъ, грязнымъ тѣламъ, имѣть постоянно дѣло съ придирчивыми и раздражительными людьми, вѣчно рисковать своимъ здоровьемъ и даже жизнію? Повидимому, это должны быть самые несчастные люди, и Гартманъ, перечисливши всѣ подобные ужасы, счелъ бы свое дѣло вполнѣ оконченнымъ, свое доказательство неопровержимымъ. Но мы полагаемъ, что поступаемъ правильнѣе Гартмана, когда, не ставя на первый планъ

этихъ чисто внѣшнихъ явленій, пытаемся опредѣлить, какъ относится къ нимъ тотъ или иной субъектъ. Мы полагаемъ также, что здѣсь нѣтъ возможности дать раціональный отвѣтъ, иначе, какъ исходя изъ нашей точки зрѣнія: изслѣдуя вліяніе даннаго явленія на человѣка, поставившаго ту или иную цѣль жизни. Внѣ подобной постановки вопроса правильный отвѣтъ не мыслимъ. Вопросъ, какъ вліяетъ атмосфера и обстановка больницы на человѣка, нелѣпъ, если мы не знаемъ, кто этотъ человѣкъ, т. е., какова его цѣль жизни. Съ физической стороны вліяніе воздуха анатомическаго театра или госпиталя одинаково и для преданнаго своему дѣлу врача, и для случайнаго посѣтителя; но со стороны чувства далеко не одинаково: одинъ чувствуетъ только, что воздухъ отвратителенъ и думаетъ, какъ бы отсюда поскорѣе убраться; другой чувствуетъ, что онъ тутъ спасаетъ жизнь сотнямъ людей, и думаетъ, какъ бы побольше и поуспѣшнѣе поработать; дурнаго воздуха онъ не замѣчаетъ: все его вниманіе устремлено въ другую сторону. Надѣюсь, что во всемъ этомъ не найдутъ натяжки или преувеличенія. Чтобы судить объ измѣненіи чувства подъ вліяніемъ той или иной цѣли жизни, пусть подумаютъ, одинаковое ли чувство испытываетъ любящая мать, рѣшаясь просидѣть ночь надъ больнымъ ребенкомъ, и наемная сидѣлка, приготовляясь къ всеночному бдѣнію?

Но возвратимся къ нашему перечню цѣлей жизни. Мы сказали, что одною изъ цѣлей жизни можетъ служить альтруистическая дѣятельность; переходя незамѣтными градаціями отъ научной дѣятельности врача-теоретика къ дѣятельности врача-практика и, наконецъ, къ дѣятельности сестеръ милосердія, мы, такимъ образомъ, сразу наткнулись на одну изъ самыхъ тяжелыхъ альтруистическихъ дѣятельностей. Если существуютъ, а это внѣ сомнѣнія, люди, съ любовью посвящающіе свою жизнь подобной дѣятельности, то мы вправѣ заключить, что и другіе виды альтруистической дѣятельности найдутъ преданныхъ дѣятелей. И это предположеніе оправдывается фактами. Человѣчество одержимо столькими бѣдствіями, и поэтому полезная дѣятельность столь многообразна, что нѣтъ возможности перечислить и указать всѣ виды упражненія нашихъ альтруистическихъ способностей. Отъ

блестящей роли политическаго дѣятеля до скромной функціи сельской учительницы всѣ безчисленные роды альтруистической дѣятельности могутъ стать раціональною цѣлью жизни, могутъ доставить удовлетвореніе; мы дѣйствительно видимъ, что множество людей направляютъ всю свою энергію на выполненіе того, что они считаютъ своимъ долгомъ, своею миссіею, и неустанно, втеченіе всей своей жизни работаютъ въ этомъ направленіи и почерпаютъ отсюда спокойную, радостную увѣренность въ своей полезности. Но, могутъ возразить сторонники Гартмана, альтруистическая дѣятельность при всей ея полезности въ высшей степени тяжела: приходится вѣчно бороться съ неправдою и эгоизмомъ, имѣть безчисленныхъ враговъ, видѣть, какъ большинство вашихъ благихъ намѣреній гибнутъ подъ ударами себялюбивой рутины. На подобное возраженіе, которое кажется грознымъ только при такомъ методѣ изслѣдованія, какого держится Гартманъ, мы отвѣтимъ такъ, какъ отвѣчали уже не разъ на аналогичныя возраженія: усиліе и страданіе не синонимы; борьба съ препятствіями, встрѣчаемыми на нашемъ пути, можетъ сдѣлаться источникомъ удовольствія; дѣятельность, пока она не выходитъ за извѣстные предѣлы, пріятна. Конечно, бываютъ моменты въ исторіи, когда вслѣдствіе всеобщаго упадка нравственности, гражданскаго чувства и т. п., всякая полезная дѣятельность въ высшей степени затруднена, когда всѣмъ вреднымъ, человѣкоубійственнымъ инстинктамъ дается полный просторъ, когда въ умы людей вселяется только взаимная вражда и недовѣріе; тогда, конечно, человѣку, повятившему всю свою жизнь какой либо полезной дѣятельности, приходится бороться съ громадными затрудненіями, передъ которыми онъ совершенно безсиленъ, приходится отчаяваться въ томъ, что его работа принесетъ какую нибудь пользу. Не легко живется въ такихъ обществахъ честному человѣку; безспорно, много страданій придется ему испытать. Но и тогда у него останется извѣстное утѣшеніе: если онъ непоколебимо вѣритъ, что истина въ концѣ концовъ восторжествуетъ, что современный кризисъ минуетъ, то онъ можетъ найти великую отраду въ гордомъ сознаніи, что онъ выполнилъ свой долгъ, что и онъ есть одинъ изъ тѣхъ, кто споспѣшествуетъ конечному торжеству истины. Сверхъ

того, подобное состояніе общества есть исключительное явленіе и не можетъ долго продолжаться; кончится ли оно смертью или выздоровленіемъ, но оно всегда есть только преходящее явленіе.

Кромѣ того, не должно думать, что человѣкъ, избравшій извѣстную дѣятельность, какъ полезную, обязанъ постоянно, конкретно представлять себѣ пользу отъ каждаго своего шага, каждаго дѣйствія. Нѣтъ, полезность есть только конечное оправданіе всей его дѣятельности, это только рѣшающій аргументъ въ тѣ рѣдкіе, но торжественные моменты, когда человѣкъ пытается оцѣнить самого себя, старается найти внѣ себя цѣль и оправданіе собственнаго существованія. Тогда сознаніе, что его дѣятельность полезна, наполняетъ его душу радостнымъ чувствомъ, придаетъ ему увѣренность и бодрость. Но въ обыденной практикѣ ему нѣтъ надобности постоянно прибѣгать къ этому высокому аргументу. Разъ что онъ увѣренъ, что данная дѣятельность полезна, онъ отдается ей, работаетъ, борется, не пытаясь постоянно видѣть конкретные полезные результаты. Ни ученый, ни артистъ, ни даже практическій дѣятель не обязаны и не могутъ постоянно держать принципъ пользы передъ глазами. Кто убѣжденъ, что развитіе школьнаго дѣла полезно, тотъ, отдавшись этому дѣлу, не обязанъ во всѣхъ безконечныхъ, мелочныхъ перипетіяхъ своей дѣятельности непремѣнно доискиваться, какая польза произойдетъ отъ такого или иного шага. Человѣкъ, который убѣжденъ, что обществу весьма полезно имѣть свободную и честную прессу, можетъ работать на этомъ поприщѣ, не пытаясь допскиваться полезныхъ результатовъ каждой своей статьи; такая система убила бы энергію и смѣлость. Положимъ, въ странѣ, не пользующейся свободою печати, кто либо желаетъ написать болѣе или менѣе смѣлую статью. Такой шагъ представляетъ многія затрудненія и непріятности. Если бы авторъ непремѣнно пожелалъ видѣть полезные результаты, искупающіе всѣ непріятности, то едва ли бы онъ рѣшился написать подобную статью. Быть можетъ, многіе читатели журнала или газеты, въ которой будетъ помѣщена его статья, совсѣмъ не прочтутъ ее; другіе прочтутъ, но или мало поймутъ, или не согласятся, или просто останутся равнодушными; наконецъ, остальные прочтутъ, поболтаютъ нѣкоторое

время по поводу статьи и затѣмъ позабудутъ ее. Полезный результатъ неуловимъ, вслѣдствіе чего энергія и смѣлость автора сильно поколеблются. Совсѣмъ другой результатъ получится, если онъ измѣнитъ постановку вопроса и спроситъ себя: полезна ли пресса, честно выполняющая свои обязанности? Тогда колебанія немыслимы.

Какъ общій принципъ полезности даннаго дѣла въ обыденной практикѣ затемняется соображеніями умѣстности того или иного шага, такъ и удовольствіе, происходящее отъ сознанія полезности общаго направленія дѣятельности человѣка, при обыкновенномъ ходѣ вещей отступаетъ на второй планъ сравнительно съ удовольствіями, вытекающими изъ успѣшности того или другаго предпріятія, изъ пріятнаго напряженія силъ, сопровождающаго нашу дѣятельность.

Подведемъ общій итогъ нашему изысканію цѣлей жизни. Мы видѣли, что три великіе отдѣла человѣческой дѣятельности, а именно: дѣятельности научная, эстетическая и альтруистическая, вполнѣ удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ, необходимымъ для того, чтобы служить раціональными цѣлями человѣческой жизни. Но, кромѣ того, мы нашли, что какъ научная дѣятельность, такъ и эстетическая послѣднее свое оправданіе и значительную долю пріятности получаютъ вслѣдствіе сознанія ихъ полезности; затѣмъ оказалось, что хотя въ различныхъ родахъ альтруистической дѣятельности полезность составляетъ ихъ единственный raison d'être, но въ обыденной практикѣ значительнѣйшая доля удовольствія получается просто вслѣдствіе дѣятельности, пріятнаго упражненія нашихъ способностей. Такимъ образомъ всѣ три рода дѣятельности имѣютъ между собою много общаго. Нравственное свое оправданіе и часть пріятности они получаютъ вслѣдствіе ихъ полезности для людей; но эта пріятность испытывается нами въ сравнительно рѣдкіе моменты общаго обозрѣнія нашей дѣятельности (исключеніе составляютъ тѣ сравнительно малочисленные случаи, гдѣ польза непосредственно видна, таковы, напр.: помощь бѣднымъ, нѣкоторые случаи изъ врачебной практики и т. п.); обыкновенно же главное удовольствіе получается вслѣдствіе пріятнаго упражненія нашихъ органовъ. Поэтому нѣтъ никакой надоб-

ности рѣзко раздѣлять эти три цѣли жизни, и не только потому, что нѣкоторые люди соединяютъ въ своей жизни преслѣдованіе двухъ или даже всѣхъ трехъ этихъ цѣлей, но также и потому, что они всѣ подходятъ подъ одну общую схему. Можно утверждать, что важнѣйшею цѣлью жизни должно служить споспѣшествованіе счастію людей, и что достигать этой цѣли мы можемъ посредствомъ научной, эстетической или практической дѣятельности.

Такимъ образомъ мы нашли три обширные вида дѣятельности, могущіе служить цѣлями жизни, три вида, составляющіе подраздѣленіе одной великой цѣли жизни. Всѣ остальные виды удовольствія не способны служить раціональными цѣлями жизни; это потому, что они будутъ или острыя удовольствія, въ которыхъ за короткимъ періодомъ удовлетворенія слѣдуетъ длинный промежутокъ безсилія и скуки; или они будутъ вредные, т. е., хотя сдѣлаютъ жизнь даннаго индивида счастливою, но, зато, уменьшатъ въ значительно большемъ количествѣ счастіе другихъ людей; или наконецъ, это будутъ хотя и не вредныя, и не острыя удовольствія, но, зато, безцвѣтныя и ничтожныя, которыя или доведутъ жизнь человѣка до состоянія полускотскаго прозябанія, или, если человѣкъ опомнится и сознательно оглянется на свою жизнь, доставятъ ему горьчайшія минуты сожалѣнія и раскаянія.

Но если всѣ эти виды дѣятельности не могутъ служить раціональными цѣлями жизни, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онѣ не могутъ при существованіи главныхъ цѣлей занять второстепенное мѣсто и въ такой роли доставить человѣку значительный избытокъ удовольствія. Такъ, напр., всѣ острыя удовольствія мы отвергли на томъ основаніи, что они не могутъ быть продолжительными; но разъ что существуетъ главная цѣль жизни, то этотъ ихъ недостатокъ дѣлается совершенно безвреднымъ: вмѣсто того, чтобы быть рѣдкими, живительными оазисами въ обширной пустынѣ безсилія и скуки, какъ это случилось бы, если бы они были главными цѣлями жизни, они, занявши второстепенныя положенія, превращаются въ блестящія вспышки, прерывающія болѣе продолжительное, но менѣе интенсивное удовольствіе. Они не оставляютъ послѣ себя безсилія и скуки, ибо мы бываемъ заняты

другимъ, основнымъ нашимъ дѣломъ. Мало этого, они освѣжаютъ наши силы, подымая нашу энергію до высшаго ея развитія, создавая минуты крайне интенсивнаго наслажденія.

Читатель, конечно, помнитъ, что во второй главѣ мы опровергали мнѣніе Дюринга, что жизнь, наполненная стремленіемъ къ чести и къ любви, можетъ быть счастливою. Мы сдѣлали это потому, что Дюрингъ поставилъ честь и любовь двумя основными цѣлями жизни, для такой роли онѣ, по нашему мнѣнію, непригодны. Но получится совсѣмъ другая картина, если мы придадимъ этимъ двумъ великимъ стремленіямъ второстепенное значеніе. Если мы предоставимъ имъ только пертурбировать общее теченіе жизни, быть блестящими эпизодами, вмѣсто того, чтобы быть постояннымъ явленіемъ, тогда всѣ недостатки, свойственные этимъ видамъ наслажденія, исчезнутъ, или, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшатся. Начать съ того, что какъ въ любви, такъ и въ стремленіи къ чести всегда есть значительная доля риска; неудача здѣсь весьма не рѣдка. Какъ же она отразится на человѣкѣ, поставившемъ любовь и честь главными цѣлями жизни, и какъ отразится на томъ, кто смотритъ на нихъ, какъ на второстепенныя цѣли? Одинъ при неудачѣ теряетъ все; нужна значительная сила духа, громадная живучесть, чтобы вновь начать игру, особенно если пораженіе было серьезно. Вѣдь, кажется, одни только Американцы способны, нажившіи милліонное состояніе и потерявши его въ одинъ день, вновь, какъ ни въ чемъ не бывало, приняться за сбиваніе деньги, у всѣхъ другихъ народовъ въ такихъ случаяхъ, или стрѣляются, или сходятъ съ ума, или запиваютъ, и вообще влачатъ послѣ катастрофы жалкое существованіе. Аналогическое явленіе должно происходить (и дѣйствительно происходитъ), если человѣкъ, поставившій любовь или честь главною цѣлью своей жизни, терпитъ на этомъ поприщѣ серьезное пораженіе. Сверхъ того, даже при счастливомъ окончаніи, неизвѣстность, въ виду громадности ставки, весьма мучительна, что̀ значительно уменьшаетъ удовольствіе выигрыша. Такъ что, если всѣ перипетіи длятся долго, переходъ отъ страха къ надеждѣ частъ, то самый процессъ искапія можетъ стоить такихъ страданій, которыя не искупятся радостью удачи. Совсѣмъ иное мы ви-

димъ, когда испытываетъ пораженіе человѣкъ, смотрящій на нихъ какъ на второстепенныя цѣли. «Самое благопріятное дѣйствіе неизвѣстности, говоритъ Бэнъ, обнаруживается въ томъ случаѣ, когда передъ нами носится въ перспективѣ какое либо благо, достиженіе котораго представляется выигрышемъ, между тѣмъ неуспѣхъ оставляетъ насъ тѣмъ же, чѣмъ мы и были» [1]). Здѣсь будетъ именно подобный случай. Во время войны армія можетъ дѣлать смѣлыя движенія, если знаетъ, что въ случаѣ неудачи она можетъ укрыться подъ защиту грозной крѣпости. Такъ будетъ и въ нашемъ случаѣ: сидя въ непреоборимой твердынѣ нашихъ основныхъ цѣлей жизни, мы можемъ время отъ времени дѣлать смѣлые набѣги въ ту или иную область, и безбоязненно ожидать исхода нашей экспедиціи, зная, что все, что мы успѣемъ захватить, будетъ наше, а потерять мы ничего не можемъ. Я отнюдь не думаю дѣлать неразумнаго утвержденія, будто бы при такомъ веденіи дѣла горечь неудачи вполнѣ уничтожается. Нѣтъ, страданіе будетъ и можетъ даже достигать иногда весьма значительныхъ размѣровъ, но я только утверждаю, что такимъ образомъ страданіе значительно уменьшится и, за исключеніемъ чрезвычайныхъ случаевъ, не достигнетъ такихъ размѣровъ, чтобы разбить вполнѣ жизнь. Но пойдемъ дальше; обыкновенные доводы противъ любви, какъ извѣстно, основываются на ея эфемерности. Указываютъ на то, что она скоро исчезаетъ, и этимъ обусловливаетъ страданіе. Читатель помнитъ, конечно, возраженія противъ этого, представленныя Дюрингомъ, и, вѣроятно, помнитъ наши доводы, доказывающіе слабость этихъ возраженій. Но дѣло значительно измѣняется при нашей постановкѣ вопроса. Если любовь есть только эпизодъ, то указаніе на ея недолговѣчность не имѣетъ никакого значенія.

Что касается стремленія къ чести, то оно, будучи главною цѣлью жизни, является весьма опаснымъ феноменомъ. Оно легко превращается въ то ненасытное честолюбіе, которое и другимъ приноситъ громадный вредъ, и значительно отравляетъ жизнь самого честолюбца. Но если честолюбіе будетъ находиться подъ

---

[1]) Бэнъ. Психологія, стр. 263.

двойнымъ контролемъ стремленія къ пользѣ и любви къ своему дѣлу, то отъ него можно ожидать только однихъ хорошихъ результатовъ. Для другихъ людей оно обнаружится увеличеніемъ полезности даннаго субъекта, для самого честолюбца оно уготовитъ много радостныхъ моментовъ, наполняющихъ душу гордымъ сознаніемъ собственной силы, собственнаго величія.

Кромѣ двухъ только что разобранныхъ источниковъ человѣческаго счастія, мы можемъ установить на второстепенныхъ и третьестепенныхъ мѣстахъ множество источниковъ чувствованій, которые хотя и не могутъ сдѣлаться главною цѣлью жизни, но способны, будучи поставлены на свое мѣсто, доставить человѣку не мало радостей. Возьмемъ, напримѣръ, удовлетвореніе столь сильному стремленію, какъ любовь къ обществу, къ сношенію съ прочими людьми. Какой обширный источникъ радостныхъ эмоцій заключается въ дружескихъ или просто пріятельскихъ сношеніяхъ! Наконецъ, какое удовольствіе получается отъ сношеній даже съ совсѣмъ почти незнакомыми людьми. Очевидно, что подобныя эмоціи могутъ сдѣлаться цѣлью жизни развѣ для однихъ только Маниловыхъ (да и то болѣе въ мечтахъ, чѣмъ на дѣлѣ); но не менѣе очевидно, что даже самые суровые люди могутъ находить въ дружбѣ не малую отраду.

Вообще мы знаемъ, что всякое умѣренное упражненіе нашихъ органовъ пріятно. Исходя изъ этого принципа, легко понять, какое безконечное число маленькихъ пріятныхъ дѣятельностей можетъ разнообразить нашу жизнь, отвлекая насъ на время отъ нашихъ основныхъ занятій и давая пріятный отдыхъ нашимъ болѣе работающимъ органамъ.

Итакъ, намъ удалось построить схему счастія. Мы нашли постоянные источники удовольствія, способные наполнить всю жизнь индивида, гарантирующіе ему постоянное, хотя и умѣренное удовлетвореніе; затѣмъ мы указали на нѣкоторые второстепенные факторы, которые то являются великими, блестящими эпизодами жизни, то играютъ болѣе скромную роль, разнообразя нашу жизнь въ качествѣ временныхъ развлеченій.

Теперь намъ нужно обратить вниманіе на тѣневую сторону существованія, на страданія, отъ которыхъ, при нынѣшнемъ

состояніи знанія, не гарантированъ даже человѣкъ, устроившій свою жизнь по самой раціональной схемѣ. Болѣзнь и смерть какъ самаго индивида, такъ и его близкихъ, фигурируютъ, конечно, въ числѣ тягчайшихъ бѣдствій человѣческаго рода. Относительно смерти мы можемъ отослать читателя къ прекраснымъ доводамъ Дюринга. Конечно, смерть непріятна и неизбѣжна; она никогда не можетъ быть уничтожена. Но, какъ замѣчаетъ Дюрингъ, только преждевременная смерть сопровождается страданіемъ; тамъ, гдѣ жизнь угасаетъ мало по малу, гдѣ ранѣе физическаго прекращенія существованія умолкаютъ почти всѣ желанія, притупляются чувства, тамъ переходъ отъ бытія къ небытію почти нечувствителенъ. Что касается простаго сознанія необходимости смерти для каждаго человѣка, то, какъ насъ учитъ опытъ, въ нормальныхъ случаяхъ это не можетъ служить источникомъ маломальски значительныхъ страданій. Къ счастію, люди настолько легкомысленны, что при всей ихъ любви къ жизни, они очень мало думаютъ о необходимости умереть рано или поздно. Человѣкъ, который, будучи физически здоровъ, сталъ бы особенно тревожиться сознаніемъ, что онъ когда нибудь умретъ, былъ бы, конечно, отправленъ въ пріютъ для душевно-больныхъ.

Что касается болѣзней, то невозможно отрицать значительной доли страданія, вносимаго ими въ жизнь человѣка. Въ этомъ случаѣ намъ остается только надѣяться на прогрессъ медицинскихъ наукъ. Мы не желаемъ слѣдовать легкомысленному примѣру Гартмана и судить сплеча о будущемъ прогрессѣ науки, которая такъ еще юна, такъ недавно стала достойной своего имени. Можно только въ общихъ чертахъ предвидѣть всю громадность этого прогресса, судя по тѣмъ пріобрѣтеніямъ, которыя сдѣлалъ человѣческій умъ въ другихъ областяхъ вѣдѣнія, а также судя по бодрымъ, многообѣщающимъ первымъ шагамъ молодой медицинской науки. Поэтому мы можемъ, кажется, высказать вполнѣ раціональную надежду, что соединенныя усилія гигіеническихъ, профилактическихъ и чисто терапевтическихъ мѣръ не останутся безъ громадныхъ результатовъ.

Другой еще болѣе обширный источникъ страданія, неустранимый при современномъ состояніи знанія, это — необходи-

мость чрезмѣрнаго, а слѣдовательно, и непріятнаго труда. До сихъ поръ, изслѣдуя источники удовольствія, опредѣляя какъ цѣли жизни, такъ и болѣе мелкіе виды дѣятельности, мы обращали вниманіе главнымъ образомъ на то, какъ долго данный видъ дѣятельности можетъ сохранять свою пріятность; соотвѣтственно съ этимъ мы давали ему то болѣе, то менѣе высокое мѣсто въ іерархіи пріятныхъ дѣятельностей. При этомъ мы дѣлали молчаливое предположеніе, что всякая дѣятельность, какъ только она изъ умѣренной перейдетъ въ чрезмѣрную, т. е., изъ пріятной въ непріятную, будетъ немедленно покинута. Слѣдовательно, мы старались только найти схему дѣятельностей, которыя, не будучи вредными для другихъ, могли бы наполнить всю нашу жизнь пріятнымъ упражненіемъ нашихъ органовъ и избавить насъ отъ скуки и бездѣйствія. Очевидно, что подобный способъ изслѣдованія односторонень и поэтому требуетъ поправки. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что страданія сопутствуютъ какъ недостаточной, такъ и чрезмѣрной дѣятельности нашихъ органовъ; между тѣмъ, наша схема гарантируетъ насъ только отъ страданій, сопутствующихъ недостаточной дѣятельности, и не даетъ прочной защиты противъ страданій противуположнаго рода. Конечно, при построеніи нашей схемы мы обращали вниманіе на эти страданія; мы объявили острыя удовольствія неспособными сдѣлаться раціональною цѣлью жизни именно потому только, что они въ подобной роли быстро приводятъ насъ къ необходимости или испытывать страданія отъ чрезмѣрной дѣятельности или скучать. Наша схема построена такимъ образомъ, что человѣкъ *можетъ* избѣжать теченіе всей своей жизни страданій, сопряженныхъ съ чрезмѣрною дѣятельностью. Но это только *голая возможность*, и мы не имѣемъ никакого права утверждать, что она на практикѣ осуществится. Въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ отвергнуть какой-нибудь видъ дѣятельности на томъ основаніи, что онъ быстро приводитъ къ пстощенію, мы можемъ объявить, что онъ не способенъ стать раціональною цѣлью жизни, и, однако, какія-нибудь обстоятельства могутъ насъ принудить, во избѣжаніе еще болѣе горькихъ страданій, отдаться этому виду дѣятельности гораздо болѣе, чѣмъ бы мы этого желали. Мало этого, даже въ тѣхъ сферахъ дѣятель-

ности, которыя способны стать раціональною цѣлью жизни, тѣже самыя обстоятельства могутъ привести насъ къ необходимости напрягаться гораздо болѣе, чѣмъ это намъ желательно. Подобныя причины, принуждающія насъ къ чрезмѣрной дѣятельности, существуютъ; важнѣйшая и неустранимѣйшая изъ нихъ это — необходимость поддерживать свое существованіе, потребность въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ и т. п. До сихъ поръ, при обзорѣ различныхъ видовъ дѣятельности, мы не разсматривали случая чрезмѣрной дѣятельности, ибо подобное явленіе было-бы вполнѣ необъяснимо. Альтруистическая дѣятельность во всѣхъ ея трехъ проявленіяхъ разсматривалась нами какъ результатъ потребности доставлять умѣренное упражненіе различнымъ нашимъ органамъ. Мы не видѣли никакой силы, которая заставляла-бы насъ работать болѣе, чѣмъ это намъ желательно. Потребность дѣятельности обусловливалась «предварительнымъ накопленіемъ» энергіи въ органѣ, и лишь только вся энергія израсходовалась и потребность исчезала, дѣятельность немедленно прекращалась. Наступалъ отдыхъ, втеченіе котораго органъ получалъ свою долю изъ готоваго фонда энергіи, накопленнаго въ нашемъ организмѣ. Въ этомъ заключается вся процедура накопленія энергіи въ какомъ-нибудь органѣ, она соразмѣряется съ предыдущей тратой, вознаграждая ее, въ большинствѣ случаевъ, съ нѣкоторымъ излишкомъ. Снова пробудившаяся потребность указываетъ только на то, что органъ усвоилъ уже достаточное количество энергіи и готовъ къ дѣятельности. Такимъ образомъ, здѣсь «накопленіе» есть первичное явленіе, а необходимость «траты» есть только логическое слѣдствіе предварительнаго накопленія. Совсѣмъ другое мы видимъ при разсмотрѣніи тѣхъ видовъ дѣятельности, которые направлены къ поддержанію нашего существованія. Тутъ первичное явленіе есть «трата» энергіи, а необходимость ея пополненія есть прямое слѣдствіе траты. Но это пополненіе должно произойти не такъ, какъ въ предыдущихъ случаяхъ, не чрезъ простое распредѣленіе готоваго фонда, а чрезъ полученіе извнѣ, чрезъ добываніе. Наша дѣятельность сопровождалась потребленіемъ потенціальной энергіи; теперь оказывается необходимость пополнить растрату. Какъ это сдѣлать? Это совершается чрезъ введе-

ніе запаса потенціальной энергіи въ формѣ пищи. Слѣдовательно, функція пополненія фонда должна быть выполнена органами, занятыми добываніемъ пищи. Теперь возникаетъ вопросъ: есть ли необходимая гармонія между рабочею способностью этихъ органовъ и количествомъ дѣятельности, которую они должны выполнить? Очевидно, что подобная гармонія отнюдь не обязательна. Рабочая способность этихъ органовъ опредѣляется количествомъ заложенной въ нихъ энергіи, а обязательная для нихъ дѣятельность опредѣляется количествомъ запаса, необходимаго для всего организма, и большею или меньшею производительностью труда; очевидно, что нѣтъ никакого основанія предполагать, что эти двѣ величины будутъ всегда равны другъ другу. И мы дѣйствительно знаемъ, что при современномъ состояніи общества трудъ добыванія превосходитъ рабочую способность добывающихъ органовъ, т. е., что онъ выходитъ за предѣлы пріятной, умѣренной дѣятельности. Въ предыдущихъ строкахъ я говорилъ объ одной пищѣ, но вполнѣ понятно, что прибавленіе необходимости одежды, жилища и т. п. только усиливаетъ это неравенство между необходимымъ трудомъ и рабочею способностью, не измѣняя его по качеству.

Какъ велики эти страданія чрезмѣрнаго труда и насколько они устранимы при современномъ состояніи техники? Мы должны замѣтить, что здѣсь мы будемъ говорить не о тѣхъ страданіяхъ чрезмѣрнаго труда, которыя дѣйствительно существуютъ въ нашемъ обществѣ, а только о тѣхъ, которыя неустранимы при современномъ состояніи техники. Такъ, напримѣръ, современный капиталистическій способъ производства приводитъ къ тому, что въ то время, какъ одна часть рабочихъ истощается чрезмѣрнымъ, непосильнымъ трудомъ, другая часть сидитъ безъ дѣла, не будучи въ состояніи найти себѣ занятій. За исключеніемъ краткихъ моментовъ чрезмѣрнаго напряженія производительности, всегда во всѣхъ промышленныхъ странахъ существуетъ контингентъ рабочихъ, ищущихъ и не находящихъ себѣ работы. Подобныя явленія осложняютъ вопросъ; они, конечно, должны быть приняты во вниманіе при вычисленіи количества страданія, существующаго нынѣ вслѣдствіе чрезмѣрной дѣятельности; но при нашемъ построеніи идеальной схемы жизни, мы

имѣемъ полное право раздѣлить вопросъ на двѣ части: мы можемъ сначала обратить вниманіе на страданіе, существующее вслѣдствіе невозможности при современномъ уровнѣ техники удовлетворить всѣмъ нашимъ потребностямъ безъ чрезмѣрнаго труда, а послѣ того мы можемъ указать, насколько эти страданія увеличиваются, вслѣдствіе современныхъ соціальныхъ условій. Выгода и, даже, необходимость подобнаго раздвоенія вопроса сдѣлается очевидною, лишь только мы перейдемъ къ изслѣдованію о томъ, насколько эти страданія необходимы, а слѣдовательно, и въ какой мѣрѣ они должны быть включены въ нашу схему. Очевидно, что прогрессъ техники и прогрессъ соціальный представляютъ два, хотя и зависящія другъ отъ друга, но вполнѣ раздѣльныя явленія. Можно быть отчаяннымъ оптимистомъ въ вопросѣ о будущемъ совершенствѣ техники и, въ то же время, считать, что современное, буржуазное общественное устройство есть nec plus ultra общественнаго развитія; съ другой стороны, можно вѣрить въ самое радикальное улучшеніе современнаго общественнаго устройства, и, въ то же время, не надѣяться на особенное усовершенствованіе технической стороны производства.

Вопросъ о будущемъ развитіи общественныхъ отношеній есть одинъ изъ тѣхъ сложныхъ, запутанныхъ вопросовъ, на которые я еще въ первой главѣ указывалъ, какъ на важныя затрудненія, возникающія при опредѣленіи цѣнности жизни. Читатель, быть можетъ, помнитъ, что мы тогда же заявили, что считаемъ крайне неудобнымъ касаться въ этомъ изслѣдованіи подобныхъ вопросовъ болѣе или менѣе подробно. Поэтому мы пройдемъ здѣсь этотъ вопросъ почти полнымъ молчаніемъ и скажемъ только нѣсколько словъ о другомъ: о вѣроятномъ прогрессѣ техники и вообще производительности труда въ будущемъ. Читатель видитъ, что и этотъ вопросъ почти столь же сложенъ, какъ и предыдущій; онъ видитъ, что вдаваться здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса было бы столь же неразсудительно, какъ и распространяться о предыдущемъ вопросѣ; поэтому онъ, конечно, не сочтетъ недозволительнымъ съ моей стороны, если я ограничусь всего нѣсколькими словами.

Но здѣсь понадобится маленькое отступленіе. Во всѣхъ сфе-

рахъ дѣятельности бываютъ случаи чрезмѣрнаго напряженія силъ. Усиленныя занятія бываютъ слѣдствіемъ двухъ различныхъ причинъ: или напряженіе силъ необходимо и желательно самому работающему субъекту для лучшаго и совершеннѣйшаго окончанія дѣла; или оно вынуждается постороннимп обстоятельствами, изъ которыхъ мы упомянемъ только одно, самое частое и самое трудно устранимое, это—необходимость обезпечить свои средства существованія. Причины перваго рода могутъ быть оставлены нами безъ вниманія. Конечно, всякая бодрая, энергическая личность нерѣдко злоупотребляетъ своими силами. Ученые, литераторы, политическіе дѣятели и артисты сплошь и рядомъ разстраиваютъ свое здоровье вслѣдствіе непомѣрной дѣятельности, вызванной желаніемъ выполнить свое дѣло какъ можно лучше; особенно это часто случается тамъ, гдѣ завязывается ожесточенная борьба и гдѣ, слѣдовательно, не напрягать своихъ силъ значитъ рисковать успѣхомъ всего дѣла. Нельзя отрицать тягостности подобнаго явленія, но, съ другой стороны, нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что напряженіе силъ, подъемъ духа дѣлаютъ насъ способными легко выносить дѣятельность гораздо большую, чѣмъ та, на которую мы способны въ другое время. Сверхъ того, нужно принять во вниманіе всѣ радости предвкушенія результатовъ нашей дѣятельности, пріятное состояніе возбужденія, подъема силъ; все это съ избыткомъ выкупаетъ непріятности чрезмѣрнаго труда. Совсѣмъ другое мы видимъ при чрезмѣрной дѣятельности, вынужденной посторонними соображеніями; здѣсь не можетъ быть ни одушевленія, ни радостнаго подъема духа. Здѣсь нужда даетъ себя знать въ наиболѣе тяжкой формѣ. Почти всѣ сферы дѣятельности могутъ быть обращены въ такъ называемыя хлѣбныя занятія, т. е., человѣкъ, отдающійся даже самымъ возвышеннымъ занятіямъ, получаетъ отъ нихъ доходъ, обезпечивающій ему средства существованія. Поэтому и въ такихъ сферахъ дѣятельности, помимо чрезмѣрнаго напряженія, вызваннаго любовью къ своему дѣлу, часто имѣетъ мѣсто чрезмѣрная дѣятельность, обусловленная необходимостью добыть достаточное количество денегъ. Слѣдовательно, разсматривая вопросъ о томъ, какое количество труда необходимо теперь для человѣка,

чтобы обезпечить себѣ средства существованія, и какъ это количество труда будетъ измѣняться въ будущемъ, мы должны были бы обратить вниманіе не на однихъ только работниковъ, занимающихся производствомъ матеріальныхъ цѣнностей, но и на всѣ вообще виды дѣятельности, посредствомъ которыхъ человѣкъ утверждаетъ свое матеріальное благосостояніе. Но мы считаемъ себя вправѣ съузить вопросъ и обратить исключительное вниманіе на производство матеріальныхъ цѣнностей. Это потому, что вознагражденіе во всѣхъ остальныхъ сферахъ труда почти всегда регулируется большею или меньшею производительностью физическаго труда. Конечно, эта связь иногда нарушается монополіей, насиліемъ, цеховою замкнутостью и т. п. явленіями, но все это исключительные и временные факторы. Для нашей цѣли совершенно безполезно было бы изслѣдовать, напримѣръ, болѣе или менѣе производительными сдѣлаются современемъ дѣятельности врача или литератора; отъ большей производительности ихъ дѣятельности, конечно, можетъ много выиграть общество, но ихъ матеріальное вознагражденіе отъ этого ни мало не увеличится. Напротивъ, съ общимъ подъемомъ богатства страны, при прочихъ равныхъ условіяхъ, какъ литературный гонораръ, такъ и вознагражденіе врача могутъ увеличиться.

Поэтому мы обратимъ исключительное вниманіе на производительность труда, направленнаго къ добыванію матеріальныхъ благъ. Какъ мы уже говорили выше, мы не намѣрены пускаться здѣсь въ какія либо статистическія изслѣдованія. Мы ограничимся здѣсь нѣкоторыми общими соображеніями, и не будемъ пытаться подтверждать наше мнѣніе какими бы то ни было цифрами. Ибо загромождать эти страницы цифрами и вычисленіями было бы весьма неудобно, а нѣсколько на удачу выхваченныхъ цифръ не будутъ имѣть никакой доказательности. Представимъ себѣ рабочую артель, трудящуюся исключительно на себя и примѣняющую лучшіе, современные техническіе пріемы. Можно ли утверждать, что они удовлетворятъ всѣмъ своимъ потребностямъ при такомъ незначительномъ трудѣ, который не выходилъ бы за предѣлы пріятной умѣренной дѣятельности? Я думаю, что безъ всякаго колебанія можно дать отрицательный отвѣтъ. Нужно еще принять

во вниманіе, что есть нѣкоторыя причины, противодѣйствующія сокращенію труда. Такъ, рабочіе, конечно, пожелали бы улучшить свое матеріальное положеніе, а не остаться при нынѣшнемъ, что случилось бы, еслибы они сократили свою дѣятельность какъ разъ настолько, сколько теперь длится прибавочный трудъ; затѣмъ, чтобы получить то умственное и нравственное развитіе, котораго желаетъ лучшая часть рабочихъ, и которое, конечно, необходимо, чтобы человѣкъ поставилъ себѣ тѣ раціональныя цѣли жизни, о которыхъ мы говорили выше, необходимо, чтобы не только дѣти, но и юноши-подростки были избавлены отъ промышленнаго труда; да и женскій промышленный трудъ долженъ быть сильно сокращенъ, если не совсѣмъ уничтоженъ.

Такимъ образомъ оказывается, что даже при наилучшей техникѣ, какая только теперь возможна, и при совершеннѣйшемъ общественномъ устройствѣ, необходимый физическій трудъ былъ бы все-таки большій, чѣмъ это необходимо для «умѣреннаго упражненія» нашей мускулатуры. Я думаю, можно смѣло утверждать, что извѣстное количество страданія здѣсь неизбѣжно, хотя, съ другой стороны, было бы крайнею натяжкою полагать, что это страданіе перевѣситъ или хотя бы значительно уменьшитъ удовольствіе, испытываемое человѣкомъ, устроившимъ свою жизнь по раціональной схемѣ. Намъ остается только задать вопросъ: насколько неустранимъ этотъ видъ страданія? Постараемся по возможности отвѣтить на этотъ вопросъ. Разсчитывать на значительное увеличеніе рабочей способности нашихъ мускуловъ мы едва ли имѣемъ право. Втеченіе многихъ вѣковъ человѣкъ достаточно работалъ, чтобы довести свои мускулы до высокаго развитія, такого развитія, которое, вѣроятно, не далеко отъ предѣльной величины. Гораздо большее основаніе мы имѣемъ вѣрить въ будущій прогрессъ техники, въ улучшеніе способовъ производства, въ повышеніе производительности труда. Въ самомъ дѣлѣ, факты неопровержимо доказываютъ, что втеченіе всего историческаго періода замѣчалось постепенное повышеніе производительности труда. Всѣ способы производства, смѣнявшіе другъ друга, побѣждали своихъ предшественниковъ именно тѣмъ, что дѣлали трудъ болѣе производительнымъ. И послѣд-

ній промышленный переворотъ: пораженіе, нанесенное современнымъ фабричнымъ способомъ производства мануфактурамъ, обусловливается ничѣмъ инымъ, какъ все тѣмъ же повышеніемъ производительности труда. Современный капитализмъ употребляетъ такіе техническіе пріемы, какіе немыслимы для мануфактуры. Поэтому было бы неразумно считать утопіей, чрезмѣрнымъ оптимизмомъ надежду на дальнѣйшее повышеніе производительности труда. До какого предѣла дойдетъ это повышеніе, сказать невозможно. Но, если даже человѣчество навсегда осуждено нести бремя чрезмѣрнаго физическаго труда, всетаки, это темное пятно не можетъ омрачить всей жизни тѣхъ, кто устроилъ ее на раціональныхъ основаніяхъ.

§ 6. Мы окончили построеніе идеальной схемы жизни. Мы видѣли, какія цѣли долженъ поставить себѣ человѣкъ, чтобы гарантировать для себя постоянно пріятную дѣятельность, мы видѣли, какіе пертурбаціонные элементы могутъ входить въ его раціонально построенную схему жизни; мы отмѣтили, наконецъ, тѣ страданія, относительно которыхъ невозможно сказать, есть-ли надежда, что человѣчество когда-бы то нибыло отъ нихъ избавится, даже если всѣ люди достигнутъ той высокой степени умственной и нравственной культуры, которая необходима для созданія раціональной схемы жизни. Теперь обратимся къ дѣйствительности. Попытаемся опредѣлить, какова цѣнность жизни въ настоящемъ, каково достоинство тѣхъ цѣлей, каторыя теперь преслѣдуются людьми.

Уже одинъ тотъ фактъ, что огромное большинство людей всю свою жизнь проводятъ въ неустанной и чаще всего безуспѣшной борьбѣ съ нуждою, уже одно это обстоятельство придаетъ тяжелый, мрачный колоритъ современной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, физическія потребности столь настоятельно даютъ о себѣ знать, что ихъ удовлетвореніе ранѣе всѣхъ другихъ потребностей есть законъ, почти не имѣющій исключеній. Почти безошибочно можно утверждать, что человѣкъ, пока онъ испытываетъ нужду въ пищѣ, одеждѣ и т. п. предметахъ первой необходимости, поставитъ цѣлью своего существованія удовлетвореніе этимъ потребностямъ. Сверхъ того, такъ какъ бѣдность, конечно, помѣшаетъ ему получить ма-

ломальски порядочное развитіе, то, за исключеніемъ случая необычайной геніальности, у него не будетъ другой потребности, которая по силѣ могла бы конкуррировать съ первыми. Поэтому можно безошибочно утверждать, что огромнѣйшее большинство человѣчества цѣлью своего существованія ставитъ добываніе средствъ жизни. Итакъ, на первыхъ-же шагахъ мы пришли къ весьма печальнымъ результатамъ: оказывается, что огромное большинство человѣчества подвержено тяжелымъ страданіямъ, сопряженнымъ съ матеріальными лишеніями, а цѣлью своей жизни, источникомъ счастія ставитъ такую дѣятельность, которая не можетъ дать ему замѣтнаго удовольствія. Ибо, какія пріятныя чувствованія испытываетъ человѣкъ, поставившій себѣ подобную цѣль жизни? Важнѣйшій элементъ удовлетворенія это—сознаніе, что нашею дѣятельностью мы отстраняемъ лишенія отъ себя и отъ близкихъ намъ людей; но подобное сознаніе можетъ имѣть только человѣкъ, дѣйствительно успѣшно борющійся съ затрудненіями, побѣждающій ихъ и достигающій своей цѣли, а мы знаемъ, что огромное большинство людей вѣчно пребываетъ въ нуждѣ, слѣдовательно, борьба ихъ всегда неуспѣшна, и они испытываютъ не радостное сознаніе отвращенія опасности, а вѣчный страхъ окончательной гибели. Сверхъ того, почти у всѣхъ людей послѣ продолжительной и малоуспѣшной дѣятельности въ этомъ направленіи наступаетъ значительное разочарованіе; они уже не радуются своимъ успѣхамъ, они смотрятъ на нихъ только какъ на чисто отрицательную выгоду, — избѣжаніе страданія, тогда какъ неудачи по прежнему чувствуются горько. При разборѣ ученія Гартмана мы доказывали, что дѣятельность, направленная къ достиженію богатства, можетъ наполнить жизнь пріятными эмоціями, что удовольствіе, доставляемое богатствомъ, отнюдь не есть чисто отрицательная величина, какъ это утверждаетъ Гартманъ. Все это говорилось въ предположеніи, что человѣкъ добровольно стремится къ достиженію богатства, что онъ считаетъ богатство счастіемъ; дѣлать такое предположеніе мы, конечно, имѣли полное право, ибо погоня за богатствомъ не можетъ быть вынуждена ничѣмъ инымъ, какъ только вѣрою въ то, что съ богатствомъ такъ или иначе соединено счастіе (я, конечно, не беру въ разсчетъ разныхъ

необычайныхъ комбинацій, которыя могутъ быть созданы пылкимъ воображеніемъ романиста). Совсѣмъ въ другія условія поставленъ человѣкъ, который только борется за свое существованіе. Онъ можетъ давно потерять вѣру въ то, что съ матеріальнымъ обезпечиваніемъ соединено счастіе, у него могутъ зародиться какія нибудь другія потребности, у него даже можетъ родиться мысль, что счастіе заключается въ ничего-недѣланіи, въ абсолютномъ покоѣ, и, однако, онъ долженъ вѣчно бороться, вѣчно работать, хлопотать для того только, чтобы уйти отъ многоразличныхъ тягчайшихъ страданій. Къ этому мы должны прибавить всѣ тѣ страданія чрезмѣрнаго труда, о которыхъ мы недавно говорили; ужасный, истощающій трудъ есть почти всеобщій удѣлъ бѣдняковъ. Затѣмъ представляется такая грозная дилемма: или эти люди не имѣютъ никакихъ другихъ потребностей, кромѣ потребности быть сытымъ и отдохнуть, тогда, конечно, они не имѣютъ никакихъ другихъ источниковъ удовольствія, и жизнь ихъ сводится къ простому прозябанію, прерываемому только муками голода и усталости; или же они имѣютъ различныя человѣческія потребности (это, конечно, всеобщій законъ), тогда они испытываютъ все томленіе неудовлетвореннаго стремленія, всѣ муки желанія, ибо удовлетвореніе тутъ невозможно; даже при весьма ограниченныхъ потребностяхъ необходимо гораздо большее количество времени и денегъ, чѣмъ то, которымъ располагаетъ рабочій людъ. Кромѣ того, мы знаемъ, что всякая потребность имѣетъ тенденцію возрастать вслѣдствіе ея постояннаго удовлетворенія; поэтому, если бы даже и была найдена возможность удовлетворить рабочій классъ во всѣхъ его нематеріальныхъ потребностяхъ, принимая за норму современное слабое развитіе этихъ потребностей, то такое удовлетвореніе не могло бы продолжаться долго: скоро потребности возросли бы и чувство неудовлетворенія снова бы возникло. Если мы вспомнимъ еще о всѣхъ страданіяхъ, сопряженныхъ съ частыми болѣзнями, которыя необходимо поражаютъ людей, много работающихъ и плохо питающихся; затѣмъ прибавимъ муки преждевременной смерти, обиды и оскорбленія, которымъ они подвергаются, какъ слабѣйшіе члены общества,— то намъ не трудно будетъ свести балансъ жизни для людей, бо-

рящихся за свое существованіе, вынужденныхъ поставить цѣлью своей жизни добываніе насущнаго хлѣба. А изъ такихъ людей состоитъ огромное большинство человѣчества.

Обратимся теперь къ другимъ классамъ общества,—къ тѣмъ, которые не вынуждены ставить цѣлью своей жизни добываніе необходимѣйшихъ средствъ существованія. Здѣсь прежде всего мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что стремленіе къ матеріальнымъ благамъ, какъ къ главной цѣли жизни, заходитъ далеко за предѣлы необходимой борьбы за существованіе. Это происходитъ частію вслѣдствіе того, что привычное удовлетвореніе потребностей развиваетъ въ человѣкѣ бо̀льшую утонченность, вкусъ къ комфорту, который въ свою очередь можетъ развиться въ страсть къ роскоши, страсть, какъ мы знаемъ, ненасытную; частію потому, что съ обладаніемъ извѣстными матеріальными цѣнностями соединенъ почетъ и уваженіе въ обществѣ; частію, наконецъ, потому, что въ большинствѣ достаточные классы мало развиты и привыкли устраивать свою жизнь на основаніи рутины. Другія потребности у нихъ слишкомъ слабы, чтобы войти въ дѣятельную конкурренцію съ этою основною потребностью. Какъ же мы должны оцѣнить существованіе этихъ людей? Здѣсь борьба за матеріальныя блага не представляетъ тѣхъ ужасныхъ условій, какъ въ предыдущемъ случаѣ: нѣтъ внѣшней непобѣдимой силы, которая принуждала бы человѣка къ дѣятельности вопреки его желанію. Если онъ потерялъ вѣру въ счастіе, сопряженное съ обладаніемъ богатствомъ, если у него зародились другія потребности, то онъ спокойно можетъ отдаться своему влеченію и покинуть нелюбимую дѣятельность. Слѣдовательно, если здѣсь неудачи чувствуются горько, то, за то, и удачи приносятъ полное удовлетвореніе. При удачномъ ходѣ своей дѣятельности, человѣкъ испытываетъ все удовольствіе, соединенное съ сознаніемъ успѣха, съ антиципаціей тѣхъ радостей, которыя, по его мнѣнію, ожидаютъ его впереди; онъ выростаетъ въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ общества, онъ знаетъ, что его въ будущемъ ожидаетъ довольство, почетъ и уваженіе. Это придаетъ ему бодрости и заставляетъ радостно смотрѣть на жизнь. Но все это случается только при удачномъ ходѣ дѣла... А много ли такихъ удачниковъ? Спросите всѣхъ этихъ людей, и едва ли

тысячный скажетъ, что онъ доволенъ, что дѣла его идутъ хорошо. Въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ будутъ жаловаться, раздражаться на свою судьбу. Сверхъ того, у многихъ изъ нихъ проснулись другія потребности, которыя хотя и не настолько могущественны, чтобы занять первое мѣсто и вполнѣ преобразовать схему жизни, но, все таки, достаточно сильны, чтобы внести въ душу человѣка смущеніе и недовольство. Болѣе или менѣе ясно чувствуется, что жизнь должна быть иною, что есть другія, болѣе возвышенныя и болѣе занимательныя функціи жизни. Человѣкъ, устроившій свою жизнь по раціональной схемѣ, конечно, не избавленъ отъ безконечной, мелочной сутолоки жизни, особенно если онъ избралъ себѣ практическую сферу дѣятельности; но онъ всегда можетъ указать на великую, возвышенную цѣль, къ которой направлены всѣ мелочные эпизоды его дѣятельности, онъ знаетъ, что все это только средства, ведущія къ желанной цѣли; эта цѣль лежитъ внѣ и выше его личнаго существованія, такъ что къ ней можно стремиться, хотя бы онъ самъ не надѣялся дожить до осуществленія. Такая увѣренность увеличиваетъ удовольствіе побѣды и нейтрализуетъ горечь пораженія; сверхъ того, такая возвышенная точка зрѣнія наполняетъ душу человѣка радостнымъ сознаніемъ его сопричастности со всѣмъ живущимъ, со всѣмъ существующимъ; его индивидуальность теряется въ океанѣ бытія, его существованіе получаетъ смыслъ и значеніе, его страданія—надежду на искупленіе... Совсѣмъ другое положеніе человѣка, погрязшаго въ мелочные личные разсчеты. Когда собственный опытъ и примѣры другихъ убѣждаютъ его, что успѣхъ рѣдокъ и не вѣренъ, тогда онъ начинаетъ болѣе или менѣе сознавать, что вся жизнь его исчерпывается мелочной сутолокой, что выходъ изъ такого положенія почти невозможенъ; тогда имъ овладѣваетъ скука и апатія, онъ убѣждается, что все есть суета, и направляетъ главныя свои усилія только на то, чтобы гарантировать себя отъ всевозможныхъ страданій. Между тѣмъ, количество мелочныхъ обидъ и страданій у него гораздо большее, и онъ чувствуетъ ихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ тотъ, кто устроилъ свою жизнь раціонально. Конечно, не должно смотрѣть слишкомъ мрачно на жизнь этого класса общества; нужно помнить, что

первая половина ихъ жизни проходитъ довольно счастливо: это періодъ беззаботнаго, незнающаго нужды и лишеній дѣтства и полный здоровья, надежды и вѣры въ себя и въ жизнь періодъ юности. Да и важнѣйшее горе болѣе зрѣлаго возраста, это — сознаніе безцѣльности и безцвѣтности существованія. Такъ что если о жизни перваго класса общества мы принуждены сказать, что она наполнена положительными страданіями и лишеніями, то о жизни второго можно утверждать, что ея бичъ — сознаніе ничтожества и безплодности существованія.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о третьемъ классѣ людей, ставящихъ цѣлью своего существованія погоню за матеріальными благами. Мы не будемъ о немъ особенно распространяться, ибо классъ этотъ ничтоженъ по числу его членовъ. Это — классъ крупныхъ финансовыхъ и торговыхъ воротилъ. Ихъ дѣятельность не есть борьба за насущный хлѣбъ, не есть даже борьба за комфортъ, довольство и положеніе въ обществѣ; это—азартная, волнующая кровь игра, направленная къ достиженію финансовой власти и могущества. Поскольку она такова—она можетъ наполнить жизнь человѣка пріятными и сильными ощущеніями, можетъ оглушить его настолько, что онъ и не подумаетъ подвергнуть ее высшей критикѣ, взглянуть на ея конечную цѣль. Она можетъ поработить человѣка. Бэнъ говоритъ: «Возбуждающія занятія суть тѣ, которыя внушаютъ высокія и полныя сомнѣнія ожиданія, какъ война, биржа и болѣе азартные виды торговли» [1]). Эти возбужденія могутъ составить счастіе жизни. Хотя нужно замѣтить, что всѣ эти операціи могутъ совершиться и не съ тѣми цѣлями, о которыхъ мы только что говорили, весьма часто онѣ ведутся только по рутинѣ, потому что дѣло заведено и нѣтъ никакой другой цѣли существованія, никакой другой дѣятельности, кромѣ этой привычной и рутинной. Въ такихъ случаяхъ человѣкъ испытываетъ всѣ тѣ невзгоды, о которыхъ мы говорили, описывая жизнь предъидущаго класса общества.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ людямъ, которые ставятъ цѣлью своей жизни удовлетвореніе своихъ честолюбивыхъ и властолю-

---

[1]) Бэнъ. l. c. стр. 265.

бивыхъ стремленій. Ихъ можно раздѣлить на два класса. Мелкіе карьеристы, конечно, имѣютъ почти всегда главнѣйшею цѣлью достиженіе извѣстныхъ матеріальныхъ благъ, но и честолюбивыя стремленія играютъ у нихъ не послѣднюю роль. Объ этомъ классѣ общества можно повторить все то, что говорилось выше о второмъ классѣ людей, стремящихся къ матеріальнымъ благамъ. Тѣ же радужныя надежды въ молодости, тѣ же ликованія при удачѣ, та же рѣдкость удовлетворительнаго успѣха, тѣ же жалобы при неудачахъ и, наконецъ, то же сознаніе пустоты и ничтожества, какъ почти неизбѣжное резюме жизни. О честолюбцахъ и властолюбцахъ болѣе крупнаго калибра слѣдуетъ сказать то же, что говорилось о крупныхъ финансовыхъ тузахъ. Жизнь ихъ можетъ быть наполнена пріятнымъ рискомъ, пріятною борьбою; напряженіе силъ, подъемъ духа, необходимо сопутствующій ихъ дѣятельность, дѣлаетъ ихъ жизнь содержательною и счастливою. Имъ доступны пріятныя, радостныя эмоціи—сознанье своей силы, своего величія и могущества; головы ихъ заняты обширными комбинаціями, пріятною дѣятельностью. Хотя нужно замѣтить, что нерѣдки примѣры, когда люди, достигшіе одной изъ наивысшихъ степеней могущества и славы, впадали въ минорный тонъ, начинали говорить о суетѣ и ничтожествѣ всяческихъ стремленій. Таковъ подводный камень, который грозитъ всякой жизни, не знающей цѣли внѣ своей узкой индивидуальности.

Упомянемъ еще о довольно многочисленномъ классѣ общества, не имѣющемъ, повидимому, никакихъ опредѣленныхъ цѣлей. Сюда нужно отнести виверовъ всѣхъ родовъ, сюда же, вслѣдствіе господства предразсудка, закрывающаго для женщины почти всѣ виды дѣятельности, принадлежатъ почти всѣ женщины, не заботящіяся о матеріальныхъ средствахъ и не посвящающія себя семьѣ. Цѣлей жизни въ узкомъ смыслѣ слова, пожалуй, у нихъ и нѣтъ, но въ томъ значеніи, какое мы придаемъ этому выраженію, у нихъ, конечно есть извѣстныя цѣли. Цѣли эти состоятъ, главнымъ образомъ, въ острыхъ чувственныхъ наслажденіяхъ и въ стремленіи играть извѣстную роль въ своемъ кружкѣ. Мы знаемъ, что случается, если ставятъ цѣлью жизни острыя наслажденія; мы знаемъ, какъ быстро наступаетъ въ подобныхъ случаяхъ истощеніе и скука, какъ велики

бываютъ при этомъ муки желанія. Что касается стремленія играть въ своемъ кружкѣ извѣстную роль, то это одинъ изъ самыхъ неблагодарныхъ видовъ мелочнаго честолюбія, ибо борьба здѣсь такъ условна, подвержна такой рутинной регламентаціи, побѣда покупается такимъ обезличиваніемъ и обезцвѣчиваніемъ собственной индивидуальности, что, собственно говоря, состязаніе заключается въ томъ, кто лучше съумѣетъ поддѣлаться подъ условный вкусъ кружка, кто наиболѣе подавитъ всякую оригинальность, всякое свободное выраженіе чувства. И за все это дается весьма сомнительное удовольствіе успѣха, для сохраненія котораго вдобавокъ требуются новыя жертвы. Поэтому, едва ли можно оспаривать, что девизомъ подобной жизни можно выбрать слова: пресыщеніе и скука.

Скажемъ, наконецъ, два слова о людяхъ, посвящающихъ свою жизнь семьѣ. Уже à priori, исходя изъ всеобщаго закона антагонизма индивидуальности и воспроизведенія, можно предсказать, что жизнь этихъ людей не можетъ быть счастливою. Мы не будемъ подробно разбирать этого вопроса, но замѣтимъ только, что невозможно оспаривать, что выкормить и воспитать дѣтей есть большой и тяжелый трудъ. Нужно припомнить еще, какъ сильно подвержены дѣти болѣзнямъ, какой значительный процентъ ихъ умираетъ, какъ часты и почти непзбѣжны столкновенія между родителями и дѣтьми. И за все это, какъ справедливо замѣчаетъ Гартманъ, одни надежды на будущее... Кто желаетъ подробнѣе и лучше разсмотрѣть семейныя отношенія, узнать ихъ роль въ будущемъ, тому мы можемъ посовѣтовать прочесть XII главу III части «Основъ Соціологіи» Г. Спенсера, главу, носящую заглавіе: «Взглядъ на прошедшее и будущее домашнихъ отношеній».

О той группѣ людей, которая теперь устроила свою жизнь на болѣе или менѣе раціональныхъ основаніяхъ, мы говорить не станемъ, ибо къ нимъ примѣнимо все то, что мы говорили при построеніи нашей схемы жизни.

Таковы страданія и удовольствія, испытываемыя современными людьми въ ихъ спеціальныхъ цѣляхъ. Мы не будемъ распространяться о страданіяхъ и удовольствіяхъ, вытекающихъ изъ преслѣдованія какой либо комбинаціи выше разобранныхъ цѣ-

лей. Читатель самъ легко составитъ себѣ правильное понятіе о достоинствѣ этихъ многоразличныхъ комбинацій.

Выводъ, къ которому мы пришли, весьма неутѣшителенъ: за исключеніемъ нѣсколькихъ малочисленныхъ группъ, все человѣчество испытываетъ всѣ ужасы желанія, скуки, нужды и томленія. Радости малочисленны и слабы, страданіе же продолжительно и сильно. Ко всему этому нужно прибавить тѣ великія бѣдствія, которымъ подвержены всѣ живущіе нынѣ люди, каковы бы ни были ихъ цѣли жизни, ихъ стремленія. Вспомнимъ о войнахъ и болѣзняхъ, о деспотизмѣ, насиліи и безнравственности, о жестокой враждѣ междугосударственной и междусословной; наконецъ, даже члены одного и того же сословія, мало того, одной и той же семьи также одушевлены по большей части далеко не дружественными чувствами другъ къ другу. Сколько страданій приходится испытывать человѣку отъ человѣка! Сколько оскорбленій наносится, сколько несправедливостей совершается ежедневно, ежечасно. Наконецъ, вспомнимъ еще о тѣхъ страданіяхъ, которыя испытываютъ люди вслѣдствіе ихъ симпатіи къ другимъ; эти страданія, конечно, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ лучше и гуманнѣе самъ человѣкъ.

Имѣемъ ли мы право надѣяться, что подобному печальному состоянію общества настанетъ конецъ, и при какихъ условіяхъ это осуществимо? Этими вопросами мы займемся въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IV.

Заключеніе.

Въ предыдущей главѣ мы разсмотрѣли какъ тѣ схемы, которыя могутъ обезпечить человѣку притокъ пріятныхъ чувствованій, втеченіе всей жизни, такъ и тѣ, которыя и нынѣ преслѣдуются людьми. Мы видѣли, какой огромный разладъ существуетъ между идеальными требованіями и дѣйствительностью, и какое громадное количество страданія этимъ порождается. Вслѣдствіе этого самъ собою возникаетъ вопросъ: всегда ли такъ останется? Какія измѣненія должны произойти какъ въ общественномъ устройствѣ, такъ и въ развитіи личности, для того чтобы люди стали способными преслѣдовать раціональныя цѣли жизни? Читатель видитъ, что мы подходимъ къ вопросу о томъ, какъ вліяетъ прогрессъ общества на счастіе людей и какова его формула. На такой сложный и трудный вопросъ невозможно дать здѣсь сколько нибудь обстоятельнаго отвѣта; поэтому читатель, надѣюсь, ни мало не будетъ въ претензіи, если я ограничусь нѣкоторыми общими соображеніями. Крайне интересно и поучительно взглянуть, какъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ величайшій мыслитель нашего времени—Гербертъ Спенсеръ. Вопросомъ о человѣческомъ счастіи онъ занялся въ одномъ изъ первыхъ своихъ сочиненій, въ «Соціальной Статикѣ». Приведу нѣкоторыя его положенія, резюмирующія его взглядъ на этотъ вопросъ. Онъ говоритъ [1]): «Всякое совершенство есть неприспособленность (unfitness) къ условіямъ существованія».

Эта неприспособленность должна состоять или въ томъ, что имѣется въ излишкѣ способность или способности; или въ недостаточности таковыхъ; или въ обоихъ этихъ случаяхъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Способность въ излишкѣ есть та, которой условія существованія не доставляютъ достаточнаго упражненія; а недостаточная

---

[1]) Herbert Spenser. Social Statics, p. 79. London. 1868.

способность есть та, отъ которой условія существованія требуютъ большаго, чѣмъ она можетъ выполнить.

Но это есть основный законъ жизни, что способность, которой обстоятельства не доставляютъ достаточнаго упражненія, уменьшается; а та способность, отъ которой обстоятельства требуютъ чрезмѣрной дѣятельности, возрастаетъ.

И пока этотъ недостатокъ и этотъ излишекъ имѣютъ мѣсто, продолжается также и упадокъ съ одной стороны, и возрастанія съ другой.

Въ концѣ концовъ всякій недостатокъ и всякій излишекъ должны исчезнуть; т. е., должна исчезнуть всякая неприспособленность т. е. должно исчезнуть всякое несовершенство».

Слѣдовательно, должно исчезнуть и всякое страданіе, ибо страданіе есть только недостаточная или чрезмѣрная дѣятельность. Остается только разобрать вопросъ, при какихъ условіяхъ можетъ установиться эта полная приспособленность. Самъ Спенсеръ указываетъ, что приспособленность должна совершиться подъ условіемъ свободы и равенства всѣхъ людей.

Обратимся къ нашей раціональной схемѣ жизни. Чему мы научаемся изъ нея? Каковы должны быть свойства людей и общественныхъ учрежденій, чтобы эта схема могла найти всеобщее примѣненіе? Разсматривая ее, мы замѣчаемъ, что для ея осуществленія необходимо, чтобы человѣкъ не былъ подавленъ внѣшними обстоятельствами; т. е., чтобы онъ имѣлъ свободу выбора. Это значитъ, что онъ не долженъ быть угнетаемъ ни матерьяльною нуждою, ни деспотическимъ стѣсненіемъ его личности другими людьми, ни тяжкими болѣзнями. Это—conditio sine qua non счастія; правда, ихъ нельзя разсматривать, какъ чисто отрицательныя условія, ибо, какъ это мы уже доказывали, ихъ присутствіе приноситъ нѣкоторое положительное удовлетвореніе, но главная ихъ роль, безспорно, отрицательная. Затѣмъ, человѣкъ, обладающій этими необходимыми условіями счастливой жизни, долженъ еще съумѣть построить себѣ раціональную схему жизни. Что для этого требуется? Во первыхъ то, чтобы однѣ способности были въ достаточной степени развиты, а другія не переходили извѣстныхъ предѣловъ. Затѣмъ то, чтобы человѣкъ обладалъ до-

статочной силой воли для приведенія своихъ намѣреній въ исполненіе, для преодолѣнія препятствій и затрудненій, почти неизбѣжно встрѣчающихся, особенно на первыхъ шагахъ дѣятельности; и для того, чтобы сдерживать себя отъ случайныхъ увлеченій въ сторону, или, еще чаще, чтобы умѣть во время положить конецъ этимъ увлеченіямъ.

Такимъ образомъ, для созданія и выполненія раціональной цѣли жизни человѣкъ долженъ обладать высокимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ и сильной волей. При современномъ состояніи общества, при современномъ развитіи личности цѣли жизни устанавливаются случайно, рутинно. Разумъ не занимаетъ подобающаго ему господствующаго положенія, необходимыя способности слабы, и человѣкъ не думаетъ объ ихъ развитіи. Но имѣемъ ли мы основаніе предполагать, что въ будущемъ эти обстоятельства измѣнятся въ благопріятномъ смыслѣ? Отвѣчать на этотъ вопросъ съ безусловною достовѣрностью, какъ читатель знаетъ, мы не можемъ; но можно указать на значительную вѣроятность подобнаго событія. Еще въ первой главѣ мы говорили, что почти всѣ выдающіеся мыслители нашего времени признаютъ фактъ развитія разума съ процессомъ исторіи, что спорнымъ остается только вопросъ, на чью долю выпадаетъ это развитіе, кто будетъ носителемъ высшаго интеллекта; будетъ ли это одинъ индивидуумъ, немногіе, или всѣ. Тогда же мы заявили, что считаемъ послѣднее предположеніе единственно вѣроятнымъ, единственнымъ, не носящимъ въ самомъ себѣ противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ предполагаютъ люди, дѣлящіе будущее общество на два класса: на носителей высшаго интеллекта и на тѣхъ, кто лишены подобной привиллегіи? Они, конечно, не думаютъ, что общество вѣчно будетъ находиться въ хаотическомъ состояніи, что вѣчно строптивое сопротивленіе управляемыхъ будетъ подавляться огнемъ и мечемъ управляющихъ. Нѣтъ, обыкновенно предполагается, что всякій займетъ вполнѣ подходящее мѣсто, всякій будетъ выполнять свою миссію безъ принужденія и насилія. Но чѣмъ же будетъ обусловливаться это добровольное подчиненіе, добровольное отреченіе отъ своихъ правъ? Мнѣ кажется, что возможенъ только одинъ отвѣтъ: управляемые будутъ

сознавать, что они не могутъ обойтись безъ управляющихъ; люди, лишенные высшаго интеллектуальнаго развитія, будутъ видѣть свою негодность на болѣе высокую роль, свою неспособность устроиться собственнымъ умомъ. Но въ этомъ именно предположеніи и кроется вопіющіе противорѣчіе. Когда и гдѣ люди сознавали свою неспособность судить объ общественныхъ формахъ и вообще обо всемъ, что касается ихъ благосостоянія? Обратитесь теперь къ любому невѣждѣ и задайте ему вопросъ о самыхъ сложныхъ явленіяхъ общественной жизни; спросите его: должна или не должна существовать собственность; должны или не должны существовать постоянныя арміи; должны или не должны существовать правящіе классы и т. п. Каковъ-бы ни былъ его отвѣтъ, достовѣрно одно: онъ никогда не отвѣтитъ вамъ, что эти вопросы выше его пониманія, что онъ не подготовленъ къ ихъ рѣшенію. Но этого мало, общественная жизнь такъ охватываетъ насъ со всѣхъ сторонъ, тѣ или другія понятія и убѣжденія такъ необходимо зарождаются въ нашемъ умѣ съ самаго дѣтства, что нужно значительное усиліе мысли, чтобы понять, что управленіе обществомъ есть особенное трудное искусство, что наши соціальныя убѣжденія могутъ быть ошибочны. Медицина представляетъ искусство, гораздо менѣе захватыхающее жизнь человѣка, чѣмъ общественное управленіе; болѣзнь по самому существу своему есть нѣчто исключительное, ясно показывающее человѣку его безсиліе и невѣжество; медицинскія убѣжденія не проникаютъ въ мозгъ такъ безсознательно, какъ соціальныя, о которыхъ, собственно говоря, неразвитой человѣкъ и не подозрѣваетъ, что это только его «убѣжденія», а не сама реальность. Поэтому, очевидно, что для человѣка сознать, что онъ ничего не смыслитъ въ медицинѣ, что онъ не можетъ подавать здѣсь своего голоса, безконечно легче, чѣмъ усвоить подобное-же отношеніе къ соціальнымъ вопросамъ. И однако, что-же мы видимъ? Много-ли людей, даже среди развитыхъ и образованныхъ, которые послѣдовательно провели-бы этотъ принципъ до конца, которые признали-бы, что они не могутъ судить ни о какомъ медицинскомъ вопросѣ, не могутъ судить, какой. докторъ свѣдущъ и искусенъ и какой нѣтъ, которые безъ всякихъ возраженій исполнили-бы всѣ приказанія врача?

Разсмотримъ, что можетъ привести человѣка къ убѣжденію, что онъ не компетентъ въ рѣшеніи какого нибудь сложнаго или отвлеченнаго вопроса, вообще всюду, гдѣ провѣрка и немедленное приложеніе знанія къ дѣлу не возможно. Очевидно, что въ этихъ областяхъ знанія для того, чтобы увидѣть свою некомпетентность, человѣкъ долженъ понимать всѣ трудности, связанныя съ рѣшеніемъ вопроса, знать, какая масса свѣдѣній для этого требуется, усвоить себѣ раціональный методъ изслѣдованія, имѣть ясное представленіе о томъ, что значитъ «строго научное доказательство», знать, какъ самыя, повидимому, очевидныя истины при ближайшемъ изслѣдованіи оказываются заблужденіями. Развѣ все это не предполагаетъ сильнаго и развитаго ума? Развѣ знать что такое дѣйствительно научное доказательство, не значитъ быть весьма развитымъ и свѣдущимъ человѣкомъ? И развѣ безъ подобнаго сознанія своей некомпетентности возможно добровольное подчиненіе рѣшенію другихъ? Нѣтъ, всегда только ученые и развитые люди будутъ сознавать ясно свою некомпетентность; всегда невѣжество будетъ самонадѣянно. Мнѣ помнится, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ такой высокій авторитетъ въ области біологіи, какъ Гексли, заявилъ, что онъ считаетъ себя не довольно компетентнымъ, чтобы судить объ одномъ отдѣлѣ въ области біологіи. Вотъ типическій примѣръ. Человѣкъ, знающій всѣ трудности рѣшенія вопросовъ въ одномъ отдѣлѣ біологіи, отказывается судить о другомъ отдѣлѣ. Не такъ поступаетъ невѣжда; онъ рѣшаетъ все, потому что ничего не знаетъ, потому что не имѣетъ понятія о томъ, что значитъ «рѣшить», «доказать». Божество признало Сократа мудрѣйшимъ изъ людей, и онъ объяснялъ это тѣмъ, что онъ одинъ созналъ свое невѣжество. Его объясненіе справедливо: сознавать свое невѣжество есть величайшая мудрость.

Такимъ образомъ предположеніе, что невѣжественныя, неразвитыя массы сознаютъ свое невѣжество и добровольно подчинятся людямъ свѣдущимъ и развитымъ,—есть чистейшая утонія. Если мы имѣемъ право разсчитывать на то, что когда-бы то ни было установятся общественныя отношенія, не заключающія въ себѣ насилія, то должны предположить, что члены этого общества

будутъ съ высокоразвитыми умственными и нравственными способностями.

Какъ современный человѣкъ не вырабатываетъ строго обдуманной схемы жизни, а живетъ подъ вліяніемъ рутины, случайныхъ обстоятельствъ рожденія и т. п., такъ и современное общество отнюдь не думаетъ о своемъ переустройствѣ на основаніи требованій разума и справедливости; формы общежитія, унаслѣдованныя отъ предковъ, измѣняются только въ случаѣ крайней и настоятельной нужды, причемъ лѣченіе общественныхъ недуговъ почти всегда бываетъ, выражаясь языкомъ медиковъ, симптоматическое, а не направленное противъ причины болѣзни. Между тѣмъ, мы видѣли, какое значительное измѣненіе въ развитіи личности и въ общественномъ устройствѣ должно произойти, чтобы счастіе сдѣлалось всеобщимъ достояніемъ. Только общество, устроенное Разумомъ на Нравственныхъ Началахъ, можетъ быть счастливо. Но столь трудный и огромный шагъ не слѣдуетъ считать невозможнымъ.

Раціональный взглядъ на цѣнность жизни, на условія счастливаго существованія можетъ и долженъ служить руководствомъ для нашей практической дѣятельности. Съ точки зрѣнія вопроса о цѣнности жизни мы должны оцѣнивать всѣ политическія партіи, всѣ общественныя комбинаціи. Мы видѣли, что прошедшее и настоящее человѣчества полно неимовѣрныхъ страданій, что если возможно разсчитывать на счастіе человѣчества, то только въ будущемъ. Какой-же смыслъ послѣ этого имѣетъ консерватизмъ? Что значитъ указаніе на то, что такое или иное учрежденіе «освящено вѣками»? Если-бы господа охранители руководились строго научными соображеніями, а не дѣйствовали подъ вліяніемъ предразсудковъ и личнаго чувства, и если-бы они не надѣялись на такое-же недомысліе публики, то они никогда не выставляли-бы подобныхъ доводъ, они поняли-бы, что указаніе на древность какого либо учрежденія есть скорѣе серьезный доводъ противъ него, и отнюдь не доводъ за него. Имъ всегда можно отвѣчать: дѣйствительно, это учрежденіе древне, дѣйствительно, оно существуетъ много вѣковъ; но какихъ вѣковъ? Вѣковъ ужаса, страданія, бѣдствія и нищеты! Въ чемъ-же тутъ достоинство? Въ чемъ заслуга?

Нѣтъ, не древностью учрежденія нужно доказывать его пригодность, а наоборотѣ, нужно доказать, что хотя данное учрежденіе и древне, тѣмъ не менѣе, оно достойно нашихъ симпатій, ибо не оно было причиною бѣдствій и страданій человѣчества. Поэтому консерватизмъ не имѣетъ смысла. Можно разглагольствовать сколько угодно на тему о «священныхъ учрежденіяхъ» древности, объ ихъ «чистотѣ», «возвышенности», «трогательности», но только одного нельзя утверждать, это — ихъ желательности. Исходя изъ раціональнаго пониманія цѣнности жизни, можно держаться только двухъ взглядовъ: кто вѣритъ въ конечное торжество Разума и Справедливости, тотъ долженъ быть рѣшительнымъ и безповоротнымъ прогрессистомъ; кто-же полагаетъ, что человѣчество никогда не достигнетъ требуемой умственной и нравственной высоты, тотъ долженъ. проповѣдывать, что смерть и истребленіе есть единственное спасеніе человѣческаго рода. Но рекомендовать возвратъ къ старому или упроченіе современныхъ основъ жизни—значитъ совѣтывать увѣковѣчить весь ужасъ современнаго положенія, всѣ безчисленныя страданія современнаго человѣчества.

